

ДИЛЯРА УСМАНОВА
ДЕПУТАТЫ ОТ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
в Государственной думе
России.
1906–1917
КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2006

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2)52
У74

Усманова Д.М.

Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906 — 1917 / Диляра Усманова
— Казань: Татарское книжное издательство, 2006. — 495 с.

ISBN 5-298-03986-3

В монографии представлен обобщающий портрет депутатов, избранных в дореволюционную Государственную думу всех четырех созывов (1906 — 1917) населением Казани и Казанской губернии. Деятельность депутатов, представлявших в парламенте интересы многонационального населения края, исследована на основе широкого круга архивных документов, материалов периодической печати и общественно-политической публицистики начала века. Характер избирательных кампаний в Думу, социальный и политический, этнический и конфессиональный облик думских представителей Поволжского края, важнейшие проблемы, волновавшие казанских депутатов — именно эти разнообразные аспекты региональной истории высшего законодательного органа поздней имперской России сохраняют свою актуальность и представляют немалый интерес для современного читателя. Значительную часть работы составляют биографические очерки 39 депутатов, избранных в Думу населением Казанской губернии. Издание проиллюстрировано многочисленными индивидуальными и коллективными фотографиями депутатов, значительная часть которых извлечена из ЦГАКФФД Санкт-Петербурга. Исследование предназначено всем, кто интересуется историей Российского государства и родного края.

ISBN 5-298-03986-3

© Татарское книжное издательство, 2006

© Усманова Д.М., 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Раздел I

Глава I. Избирательные кампании в Государственную думу 1906 — 1912 гг.: общероссийские тенденции и специфика Казанской губернии

1. Выборы в Думу 1-го созыва — пора надежд, пора мечтаний ..
2. Избирательная кампания в Думу 2-го созыва — радикализация выбора
3. Третья избирательная кампания в Казанской губернии — время реванша?
4. Выборы в последнюю дореволюционную Думу — «пиррова победа» бюрократии

Глава II. Социальный, политический и профессиональный портрет казанских депутатов, избранных населением Казанской губернии

1. Общественно-политический, образовательный и профессиональный облик казанских депутатов
2. Дума и казанские депутаты в восприятии современников ...
3. Деятельность казанских депутатов в оценке местной прессы

Глава III. Казанские депутаты в думских комиссиях и на парламентской трибуне

1. Участие в работе думских комиссий
2. Казанские депутаты — ораторы
3. Вклад казанских депутатов в думское законодательство
4. Право интерpellации в деятельности депутатов

Раздел II

Глава I. Государственно-правовые вопросы в деятельности казанских депутатов

1. Думские дискуссии о природе и форме государственного строя России
2. Вопросы избирательного права. Отношение к избирательному закону от 3 июня 1907 г.
3. Вопросы реформирования системы судопроизводства. Военно-полевые суды в оценке М.Я. Капустина. Реформа местного суда

4. Вопросы реформирования органов местного самоуправления

5. Внешнеполитические аспекты в деятельности казанских депутатов

Глава II. Позиция казанских депутатов по социально-экономическим проблемам

1. Бюджетно-финансовая система страны. Государственная роспись и обсуждение смет отдельных ведомств
2. Лоббирование интересов торгово-промышленного развития края
3. Аграрный вопрос. Переселенческая политика властей в оценке депутатов-мусульман

4. Продовольственный кризис в оценке казанских депутатов
5. Социальная политика. Вопрос о праздничных днях служащих торгово-промышленных заведений
6. Борьба с пьянством и прочими общественными «язвами» в деятельности казанских депутатов

Глава III. Отношение к правительственной политике в духовно-религиозной области и сфере народного образования ..

1. Проекты введения всеобщего начального образования в контексте обсуждения проблем инородческого образования
2. Вопрос о реформировании средней школы и перспективах развития профессионального образования
3. Университетский устав и положение высшей школы в оценке казанских депутатов
4. Положение православной церкви и религиозно-духовные вопросы в деятельности казанских депутатов
5. Проблема свободы совести и вероисповедное законодательство
6. Мусульманские проекты реформы органов духовного управления
7. Действия мусульманских депутатов в вопросе о назначении муфтием ОМДС Сафы Баязитова

Заключение

Биографические очерки депутатов Государственной думы от Казанской губернии

Табл. 1–3

Использованные источники и литература

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX столетия в политической истории российского государства начался новый и чрезвычайно важный этап. Учреждение и начало функционирования представительных и законодательных органов, даже в усеченном и ограниченном виде, привели к значительному обновлению политической системы страны, к существенной трансформации всего государственного строя Российской империи. Если правые и консервативно-монархические круги из политических соображений отвергали значимость происшедших преобразований, не признавали за новыми представительными учреждениями властных полномочий и настаивали на незыблемости неограниченной монархии, самодержавного строя, либеральные политики считали идею народного представительства краеугольной в своей программе и идеологии. Представители либерального лагеря неизменно боролись за упрочение идей народного представительства, за расширение прав и компетенции парламента. Однако 27 апреля 1906 г. — с момента торжественного приема народных избранников в Зимнем дворце и первого заседания Государственной думы в Таврическом дворце в истории России началась новая страница — история становления и развития парламентаризма, возрождения идеи народного представительства.

Отправив своих депутатов в законодательную палату, население Казанской губернии оставило свой след в истории Государственной думы, вписало свою страницу в анналы российского народного представительства. Кто же и каким образом представлял в дореволюционной Государственной думе интересы Поволжского края, чаяния и нужды жителей Казанской губернии?

Всего в Думе всех четырех дореволюционных созывов было более сорока казанских депутатов. Среди них встречались и случайные люди. Возможно, кто-то из казанских депутатов не был достоин высокого звания «избранника земли русской». Но не эти депутаты определяли общий облик и значимость депутатского корпуса, избранного населением Казанской губернии. В общей сложности Казанская губерния смогла делегировать в Думу не менее десяти общественных и политических деятелей, сыгравших в парламенте видную роль. Депутатская деятельность университетских профессоров Г.Ф.Шершеневича, А.В.Васильева, М.Я.Капустина, А.В.Смирнова и приват-доцента И.В.Годнева, предпринимателей В.А.Карякина и З.М.Таланцева, общественных деятелей А.Н.Боратынского и В.В.Марковникова, мусульманских юристов и общественных деятелей С.-Г.Ш.Алкина, С.Н.Максуди и Г.Х.Еникеева заслуживает нашего внимания и уважения. Все они оставили свой, подчас очень яркий, след в истории Государственной думы, внесли свою посильную лепту в становление и развитие российского парламентаризма.

Характер избирательных кампаний в Думу, социальный и политический, этнический и конфессиональный облик думских представителей Поволжского края, важнейшие проблемы, волновавшие казанских депутатов, конкретная деятельность и судьбы депутатов, представлявших в высшем законодательном органе население Казанской губернии — все эти разнообразные аспекты региональной истории Государственной думы и будут в центре данного исследования.

Для раскрытия поставленной темы был привлечен широкий и разнообразный пласт доступных источников — архивные документы (из фондов Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Татарстан), материалы столичной и местной периодической печати, выходившей как на русском, так и на татарском языках, общественно-политическая литература и публицистика начала XX века, отражавшая взгляды и пристрастия наиболее значимых социальных групп и политических сил, определявших политический ландшафт губернии и страны в целом. Ценные сведения о жизни и деятельности отдельных казанских депутатов содержатся в исследованиях Л.М.Айнутидиновой, Р.У.Амиханова, В.А.Бажанова, Г.Н.Вульфсона, Ф.Ю.Гаффаровой, А.В.Изоркина, С.Ю.Малышевой, Р.А.Циунчука, Л.А.Ямаевой и др.

Разнообразный и в целом репрезентативный комплекс источников позволил воссоздать общую кар-

тину деятельности в Думе казанских депутатов, оценить результативность парламентской практики. Практически впервые в отечественной историографии были созданы максимально полные биографические очерки всех без исключения 39 депутатов, избранных в общероссийский парламент населением Казанской губернии. Групповые и индивидуальные фотоснимки казанских депутатов, использованные в работе, сохранились преимущественно в фондах Центрального архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Большая их часть публикуется впервые.

В приложение я посчитала необходимым также включить таблицы, в которых представлены сведения биографического плана, данные об участии казанских депутатов в работе комиссий и фракций (табл.1), сведения о законопроектах, инициированных казанскими депутатами (табл. 2), о запросах, поддержанных казанскими депутатами (табл. 3). Эти сведения позволяют обрисовать вклад отдельных депутатов в законотворчество российского парламента, оценить продуктивность парламентской деятельности казанских депутатов.

Раздел I

Глава I. Избирательные кампании в Государственную думу 1906—1912 гг.: общероссийские тенденции и специфика Казанской губернии

Казанская губерния принадлежала к тем многонациональным регионам Российской империи, которые были включены в состав государства еще во второй половине XVI столетия, т.е. на раннем этапе его расширения, в самой начальной стадии многовекового процесса «приращения новых земель». После завоевания Казанского ханства и ликвидации всех государственных институтов татарского ханства, в регионе первоначально было введено воеводское управление, а сам край оказался в ведении Приказа Казанского дворца, созданного специально для управления вновь завоеванными землями. Эта система просуществовала с небольшими модификациями до петровских административных преобразований начала XVIII столетия. В ходе этих преобразований воеводства были заменены губерниями, а местная власть передана губернаторам. Таким образом, на рубеже XIX — XX столетий в административно-территориальном плане Волго-Уральский регион практически не выделялся из всей совокупности регионов Европейской части России. Губернское правление было самой распространенной формой административно-территориального устройства страны. Губернаторы не только считались главами провинций, но и осуществляли надзор за полицейским и другими карательными органами в крае, а также имели законодательные функции, ограниченные подведомственной территорией. К началу XX столетия в административном плане губерния делилась на уезды (13) и волости. Облик местной власти определялся во многом теми личностями, которые возглавляли губернскую администрацию. Казанскими губернаторами в думский период были М.В. Стрижевский (1906 — 1913) и П.М. Боярский (1913 — 1917).

Будучи назначаемыми лицами, подчиняясь императору и центральному правительству, главы местных администраций стремились в первую очередь выполнять указания центра. В то же время длительное его пребывание в крае приводило к тому, что начальник губернии был вынужден считаться с местными условиями и особенностями. Не всегда этот баланс соблюдался в должной мере. Все это оказывало свое воздействие на ход избирательных кампаний. И если поначалу исполнительная власть в лице центральных органов и местной администрации лишь примеривалась и осваивала опыт ведения избирательных кампаний, то довольно быстро освоившись, она начала активно использовать т.н. «административный ресурс», пытаясь поставить процесс выборов под свой контроль, добиваясь прогнозируемых и желаемых результатов. В проведении избирательных кампаний в Казанской губернии наблюдались как общероссийские тенденции, так и особенности, обусловленные многонациональным составом населения, определенным раскладом политических сил в крае, действиями властей и реакцией на них местной общественности.

1. Выборы в Думу 1-го созыва — пора надежд, пора мечтаний

Избирательная кампания в Государственную думу 1-го созыва регламентировалась избирательным законом от 11 декабря 1905 г. и проходила в обстановке повышенного общественного подъема. Несмотря на то, что выборы в Думу 1-го и 2-го созывов осуществлялись по не вполне демократичному избирательному закону, имели место отдельные случаи фальсификации (как преднамеренной, так и вызванной объективными сложностями первой в истории страны избирательной кампании подобного масштаба), в целом местная администрация старалась соблюдать «букву закона» и внешние приличия. Власти не допускали открытого насилия над избирателями и избирательной кампанией, которые будут столь очевидны в 1907 и 1912 гг. Сказывалось и отсутствие опыта в проведении подобных мероприятий: технология избирательной кампании еще не была отработана.

Говоря о предвыборной кампании в Думу 1-го созыва, следует отметить некоторые определяющие факторы: она происходила весной 1906 г. в условиях обострения социальных конфликтов, завышенных ожиданий со стороны крестьянства, непосредственной угрозы голода в большинстве уездов губернии, формирования в провинциях региональных отделений легальных политических партий и небывалой

активизации национальных движений.

Дни, когда происходили выборы в первую российскую Думу, через несколько лет вспоминались как необычайные для жителей Казани:

«В эти дни выбора выборщиков Казань впервые жила политической жизнью на улицах. Всюду шла агитация, наиболее горячо развертываясь у избирательных участков. В течение двух-трех дней, предшествовавших подаче голосов, лица, близко стоявшие к избирательной кампании, были в осаде от желающих получить разъяснения и указания. В день подачи бюллетеней настроение повысилось настолько, что к урнам пришло от 42 до 90 процентов избирателей. Около избирательных участков шли горячие споры о достоинствах кандидатов. Такие дни больше не повторяются».

Такими словами вспоминал один из выборщиков, принадлежавший к либеральному крылу казанской общественности, весенние дни 1906 г. Характеризуя настроения, царившие на первых выборах, этот же публицист отмечал, что выборы в первую Думу отличались от последующих необычайной повышенностью требований к личности депутата: *«На хорошем никто не мирился — надо было дать лучшего из лучших».*

Напуганные размахом народных выступлений и реагируя на общественный подъем, власти были вынуждены мириться с вещами, казавшимися ранее просто немыслимыми. Вот лишь несколько примеров, характеризующих обстановку в период первой избирательной кампании. В начальный период избирательной кампании казанские татары фактически добились права вести предвыборные собрания на родном татарском языке. Также мусульманами было высказано пожелание, чтобы и бланки заполнялись по-татарски. Поскольку процент грамотных по-русски среди мусульман был незначителен, на одном из собраний казанские татары постановили заполнять бюллетени на родном языке. Они надеялись, что и в этом вопросе им удастся вынудить власти пойти на уступки так же, как в вопросе о языке собраний. Однако Городская дума заявила о своей неправомочности решать этот вопрос, переадресовав его в Министерство внутренних дел. Правительство же распорядилось об обязательном заполнении избирательных документов на русском языке, вызвав тем самым недовольство мусульманского населения Казанской губернии.

Основные политические группы, сталкивавшиеся в предвыборных собраниях в рамках губернского города, были представлены следующими силами. Крайне правые деятели объединялись в т.н. Царско-народный союз (его лидерами были В.Ф.Залеский, Образцов и др.); умеренные деятели отдавали предпочтение Союзу 17 октября и торгово-промышленному блоку. Наиболее видными деятелями этого блока в период первой предвыборной кампании, судя по частоте выступлений на участковых собраниях, были В.А.Карякин, М.Я.Капустин, Н.А.Мельников и протоиерей А.В.Смирнов. Ни один из них не набрал достаточного количества голосов, чтобы войти в качестве выборщика до заключительной стадии. Либеральный фланг составляли деятели, входившие в местное отделение партии конституционных демократов. Из числа наиболее активных деятелей в предвыборную кампанию весны 1906 г. отличались Г.Ф.Шершеневич, А.В.Васильев, М.Л.Мандельштам, И.И.Бабушкин и др. Если первые двое принадлежали к университетской профессуре, то последние являлись представителями не менее либеральной профессии — адвокатуры. Четвертую политическую силу, не до конца определившуюся с партийной платформой, но весьма влиятельную и решавшую исход выборов в двух городских участках, составляли мусульмане. Представители социалистических партий в первую избирательную кампанию в Казани себя практически никак не проявляли. По губернии же в целом тон задавали социал-революционеры.

В кадетский блок входили два наиболее крупных и влиятельных мусульманских деятеля того времени — С.-Г.Алкин и Ю.Акчура. Шансы последнего стать депутатом были настолько высоки, что властям понадобилось использовать силу для его устранения: в начале марта, незадолго до выборов, Ю.Акчура был арестован. Перед этим был произведен обыск в редакции — Ю.Акчура являлся фактическим секретарем газеты «Казан мухбире» — и на его квартире, оказавшийся безрезультатным. Тем не менее Ю.Акчура был помещен в тюрьму. Депутацию из членов мусульманской общины Казани и членов губернского отделения кадетской партии, отправившуюся к губернатору хлопотать об освобождении популярного деятеля, ждало разочарование. Губернатор заявил, что не владеет информацией и даже не знает о произведенном аресте. Прокурор же заявил, что арест Акчуры произведен в порядке охраны, а потому это дело ему не подчиняется. Поскольку по распоряжению министра внутренних дел лицам, находящимся под стражей, было запрещено участвовать в выборах, цель ареста была полностью достигнута. Кандидатура Ю.Акчуры была снята с предвыборного списка Партии народной свободы. Сам арестованный, просидев чуть более месяца в тюрьме, так и не получив никакого обвинения, на следующий день после окончания избирательной кампании был освобожден. Единственным положительным итогом этого тюремного заключения стало то, что после выхода на свободу Ю.Акчура предпринял меры по составлению при тюрьмах мусульманской библиотеки, организовал сбор пожертвований книгами и деньгами, и даже проектировал открытие при тюрьмах школы для неграмотных мусульман.

Предвыборные собрания в различных городских участках происходили в феврале-марте 1906 г.з. На

них происходил обмен мнениями о задачах избираемой Государственной думы, о том, какая политическая партия наиболее пригодна для законодательной работы, как с точки зрения программы, так профессиональных и нравственных качеств ее членов. На собраниях выборщиков по 3-му участку тон дебатам задавали университетские профессора, принадлежавшие к двум конкурирующим либеральным силам — А.В.Васильев и М.Я.Капустин, поддерживаемые соответственно М.Л.Мандельштамом и Н.А.Мельниковым⁴. В собраниях выборщиков 1-го участка наиболее значительные выступления также принадлежали университетским профессорам — кадету Г.Ф.Шершеневичу и октябристу А.В.Смирнову⁵. В избирательном собрании 4-го участка председательствовал октябрист В.А.Карякин. Именно он задавал тон всему мероприятию. По его мнению, кроме крайне левых мятежных партий, все остальные политические партии желают добра России. Но, полагал В.А.Карякин, для работы в Думе пригодны люди *«не книжные, а знакомые с жизнью в натуре»*. Поэтому, по его мнению, выбор стоит между партией правового порядка и Партией 17 октября. Поскольку же Манифест 17 октября имеет конституционный характер, наиболее приемлемой является одноименная партия¹. Октябристы также доминировали на собраниях выборщиков по 6-му избирательному участку.

Наконец, на двух участках — 2-м и 5-м — было значительное мусульманское население. Поэтому предвыборные собрания в этих участках фактически превращались в «смотрины» различных политических партий и блоков, стремившихся «склонить» на свою сторону мусульманских выборщиков различными посулами и льстивыми обращениями, как-то — «господа мусульмане» и пр. На собраниях 2-го участка, как правило, председательствовал С.-Г.Алкин, а самыми активными участниками, задававшими тон всем дискуссиям, были отец и сын Сайдашевы².

В целом выбор населения губернии оказался весьма радикальным и соответствовал общероссийским настроениям. Большинство депутатов, прибывших в первый российский парламент из Казанской губернии, представляли радикально настроенное крестьянство и либеральные круги творческой интеллигенции. В казанскую депутацию входили университетские профессора А.В.Васильев и Г.Ф.Шершеневич, юристы С.-Г.Алкин и К.В.Лаврский, крестьяне И.Е.Лаврентьев, А.Я.Абрамов и М.Герасимов, рабочий П.А.Ершов, мусульмане Г.С.Бадамшин и Ф.-К. Миндубаев. За исключением последнего — крестьянина Ф.-К. Миндубаева, все остальные девять депутатов были намечены в кадетском предвыборном списке³.

Следует отметить ряд обстоятельств, предопределивших в некоторой степени социальный и политический облик избранных депутатов. Для победы либеральных сил большое значение сыграл организованный в губернии блок мусульман с кадетами. Образованный на первом всероссийском мусульманском съезде в августе 1905 г. «Мусульманский союз» объявил о сотрудничестве с либеральными политическими кругами. Поэтому во время выборов мусульманские деятели придерживались кадетской программы и заявляли о своей солидарности с местным отделением кадетской партии. Определяя возможных кандидатов от мусульман, татарские выборщики исходили из того, что мусульманское население губернии состоит из трех основных групп — крестьянства, мусульманского духовенства и светской интеллигенции — которые в обязательном порядке должны быть представлены в будущем парламенте¹.

Таким образом, очевидно, что в Казанской губернии кадеты одержали убедительнейшую победу, проведя всех своих кандидатов. Победа кадетов была достигнута отчасти и благодаря поддержке мусульманских выборщиков, обладавших подавляющим преимуществом в двух городских участках. Чтобы заручиться поддержкой мусульманских выборщиков, казанские кадеты были вынуждены забаллотировать двух своих кандидатов — З.М.Таланцева и Д.А.Кушника, а освободившиеся места передать мусульманским кандидатам².

Основное внимание перводумцев, кроме решения сугубо технических вопросов (проверки правильности выборов и избрания комиссий), было сосредоточено на критике правительственной политики и составлении ответной речи царю. Много внимания перводумцы уделяли проблеме еврейских погромов. Однако, безусловно, центральным вопросом первого российского парламента был аграрный, что оказало влияние на работу всех думских фракций и депутатских объединений. Именно непримиримая позиция перводумцев в вопросе о будущем крупного помещичьего землевладения и еще более непримиримое отношение к смертной казни предопределили недолгий срок жизни первого в истории России парламента. Радикализм перводумцев сыграл недобрую шутку с первым российским законодательным собранием.

Получив весть о роспуске первого российского парламента, около трехсот депутатов собрались в Выборге, располагавшейся на финляндской территории и находившейся вне юрисдикции российских законов. Съехавшиеся в Выборг депутаты провели совещание и после долгих прений приняли обращение «Народу от народных представителей» (известное больше как «Выборгское воззвание»), явившееся протестом перводумцев против действий властей. Среди собравшихся на финляндской территории перводумцев были и пятеро представителей Казанской губернии: С.-Г.Алкин, П.А.Ершов, И.Е.Лаврентьев, К.В.Лаврский и Г.Ф.Шершеневич. Двое из казанских депутатов — профессор А.В.Васильев и чисто-

польский купец Г.С.Бадамшин — в момент разгона Думы отсутствовали в столице. Первый в составе думской делегации находился на межпарламентском конгрессе в Лондоне. Г.С.Бадамшин же покинул Таврический дворец по торговым делам всего за несколько дней до разгона Думы.

2. Избирательная кампания в Думу 2-го созыва — радикализация выбора

Предвыборная кампания во вторую Думу прошла в конце 1906 — начале 1907 г. Учитывая опыт предыдущей избирательной кампании, выборы в Думу 2-го созыва состоялись практически одновременно во всех регионах страны. И хотя пресса заговорила об абсентеизме избирателя, в выборах приняло участие в среднем больше половины жителей страны, имевших избирательное право (51 %), что было выше европейских показателей¹.

На результаты выборной кампании повлияло и то, что левые партии отказались от тактики бойкота и приняли в выборах активное участие. Организация же левого блока в ряде губерний расколола голоса оппозиции и порой способствовала победе правых элементов. В Казанской губернии вновь был создан блок мусульман с кадетами. Казанское отделение Мусульманского союза призывало мусульманских выборщиков отдавать свои голоса прежде всего за мусульман, а в случае их численного меньшинства за русских кандидатов тех политических партий, которые одним из своих лозунгов выдвигали принцип равенства всех граждан страны вне зависимости от религиозной или национальной принадлежности².

«Никогда и нигде, по всей вероятности, парламентские выборы не видели стольких ссыльных, заключенных, гонимых администрацией, как у нас. Крестьянские наши выборы — это какое-то сплошное, повальное стремление выбрать тех, кто, так или иначе, пострадал от начальства. Это яркое демонстративное подчеркивание своей оппозиционности правительству сразу бросается в глаза, когда читаешь провинциальные газеты о выборах в деревне»,

— писал один из очевидцев, следивший за думскими выборами¹. Видимо, принимая во внимание эту психологическую особенность российского народа, а также учитывая ошибки и промахи, допущенные в период первой избирательной кампании, власти несколько скорректировали свои действия. Во время проведения второй избирательной кампании они действовали гораздо более изощренно и настойчиво. Как в отношении русских выборщиков, так и инородцев.

Широко применялись превентивные меры заблаговременного устранения от выборов некоторых наиболее левых и радикальных представителей мусульманского населения. Но их не просто сажали в тюрьму, а обвиняли по 129-й статье (заведомо лишавшей популярного кандидата избирательных прав), или же лишались прав со ссылками на какой-либо формальный повод. Такая участь постигла, в частности, Г.Исхаки и Ф.Туктарова, выдвинутых татарскими социал-революционерами («тангистами») по Чистопольскому уезду Казанской губернии. Г.Исхаки был арестован и обвинен по 129-й статье, лишавшей его избирательных прав. Поэтому избрание Г.Исхаки уполномоченным на губернский съезд было отменено². Всю предвыборную кампанию он просидел в чистопольской тюрьме, а затем в административном порядке был выслан в Вологду. Ф.Туктаров также был отстранен накануне второго круга выборов по формальному признаку: как не проживавший длительное время в родной деревне, он не считался домохозяином и владельцем крестьянского надела и не мог, таким образом, быть причислен к крестьянской курии³. Одновременно повторно был арестован и лишен возможности баллотироваться «мусульманский кандидат номер один» Ю.Акчура. Выдвижение против депутатов Думы 1-го созыва, «подписантов» «Выборгского воззвания» (С.-Г.Алкина, К.В.Лаврского, И.Е.Лаврентьева, Г.Ф.Шершеневича), обвинений по 129-й статье преследовало ту же цель — устранить наиболее влиятельных оппозиционных кандидатов.

В то же время во время организации самой процедуры выборов местные власти не всегда учитывали интересы мусульманского населения края. В частности, выборы по губернии на волостном уровне были назначены на 12 января 1907 г. Естественно, это не устроило татар, поскольку приходившаяся на этот день еженедельная пятничная молитва совпадала с одним из наиболее почитаемых мусульманских праздников — Курбан-байрамом, который традиционно сопровождался более длительными празднествами и ритуальным жертвоприношением. Поэтому сельское население ряда уездов обратилось к губернатору с просьбой учесть интересы мусульманских выборщиков и перенести выборы на другой день¹. В качестве аргументов ходатаи отмечали такие обстоятельства, как длительность совмещенных пятничной и праздничной молитв, необходимость вовремя совершить ритуал жертвоприношения, значительную удаленность волостных центров от сел с мусульманским населением (как правило, волостные центры находились в русских селах, а татарские деревни располагались в радиусе 10 — 15 километров). В этих условиях бедные татарские крестьяне, часто вынужденные преодолевать эти расстояния пешком, могли не успеть засветло дойти до волостного центра без риска замерзнуть (современники отмечали, что зима 1906/07 г. в Поволжье была чрезвычайно суровой) или же встретить сумерки в пути. Поэтому ходатаи опасались, что многие выборщики из числа мусульман просто не пойдут на выборы. Таким образом, мусульманское население фактически лишалось возможности воспользоваться своим избирательным правом. Однако просьба сельского мусульманского населения была отклонена, а депутация крестьян Казанского уезда, прождав в приемной губернатора несколько бесплодных часов, полу-

чила в итоге отрицательный ответ². Конечно, в подобном решении местных властей, возможно, и не было преднамеренного умысла, хотя такие подозрения и возникали. Но отказ поменять первоначально принятое решение свидетельствовал о нежелании учитывать религиозные потребности населения края, а поведение чинов местной администрации, судя по газетным описаниям, было проникнуто откровенным пренебрежительным отношением к простому населению¹. Только после того, как 8 января собрание мусульманских выборщиков-мулл отправило телеграмму протеста на имя главы правительства, из столицы поступило указание учесть пожелания мусульман и местные власти пошли на некоторые уступки. В итоге, в уездах с преобладающим мусульманским населением выборы были перенесены на следующий день — 13 января².

Несмотря на суровую зиму 1907 г., выборы в Думу 2-го созыва проходили в довольно оживленной обстановке. Предвыборные собрания становились местом словесной пикировки и нешуточных сражений представителей различных партий, боровшихся за голоса избирателей. Поскольку мусульманское население составляло в Казанской губернии значительную долю (около трети населения), а Мусульманский союз все еще не был легализован, общероссийские партии боролись между собой и за голоса мусульманских выборщиков. Эти столкновения происходили на собраниях выборщиков. Мусульмане провели несколько подобных предвыборных собраний — 6 января во 2-ой и 5-ой частях города под руководством Ю.Акчуры и Г.Апанаева соответственно, 9 января — общегородское мусульманское собрание в здании «Нового клуба». Второе собрание было особенно многолюдным и оживленным. Председательствовал Ю.Акчура, подготовивший доклад о значении парламента и о положении депутатов-перводумцев. На собрание были приглашены те мусульманские выборщики, чьи имена были включены в списки лиц, обладающих избирательным правом, а также представители различных политических партий. Специально для гостей С.-Г.Алкин переводил речь Ю.Акчуры на русский язык. Среди присутствовавших на собрании гостей от имени кадетов выступали университетские профессора А.В.Васильев и М.М.Хвостов, юристы М.Л.Мандельштам, И.И. Бабушкин, А.Г.Бать. В защиту программы Союза 17 октября говорили профессор богословия А.В.Смирнов, Серебрянников, Ф.В.Бытенин и др.³ Пытаясь завоевать симпатии и голоса мусульманских выборщиков, представители двух либеральных партий не жалели сил, чтобы очернить друг друга. И октябристские, и кадетские ораторы пытались доказать, что именно их и только их партии отвечают интересам мусульман. Судя по тону татарских газет (в частности, заметки в «Юлдуз»), симпатии мусульман на тот момент все же склонялись к кадетам и отчасти мирнообновленцам. Татарские издания подмечали и фиксировали все факты «недружественного» отношения октябристов к нерусским национальностям, особенно к тем, которые были наиболее активны в освободительном движении¹. Правые партии были представлены на мусульманских собраниях очень слабо. Впрочем, учитывая негативное отношение к ним мусульман, это не удивительно. Сообщая о том, что черносотенцы выдвинули своих кандидатов во всех избирательных округах Казани, газета «Юлдуз» удивленно заметила: *«интересно, кто им положит шары во второй и пятой частях города, где преобладают мусульмане»?*²

Татарские газеты освещали не только те собрания, которые были организованы самими мусульманами, но практически все крупные предвыборные мероприятия, происходившие в Казани и других губернских городах. В частности, газета «Юлдуз» не обошла своим вниманием собрание выборщиков по 3-й части Казани, которое состоялось 24 января 1907 г. в здании «Нового клуба». Наибольшее внимание публики привлекли доклады университетских профессоров — кандидата от кадетской партии профессора А.В.Васильева и октябриста М.Я.Капустина³.

Интересные результаты дали промежуточные выборы по волостям и уездам. В частности, волостные выборы по Казанскому и Мамадышскому уездам дали абсолютное превосходство мусульманам — все выборщики были избраны из числа мусульман. Если для Мамадышского уезда, где мусульманское население преобладало значительно, это было воспринято спокойно, то результаты по Казанскому уезду вызвали иной резонанс. Безусловно, численный перевес татарские уполномоченные смогли получить из-за некоторой инертности русского крестьянства, проигнорировавшего выборы (на выборы, состоявшиеся 19 января, явилось 18 русских уполномоченных и 21 татарин). Поскольку очевидных нарушений при выборах не было (председательствовал на собрании уездный предводитель дворянства А.Н.Боратынский), то протесты русских выборщиков, как и предложение отменить результаты выборов и произвести перебаллотировку, были отвергнуты. Среди одиннадцати мусульманских выборщиков, избранных по Казанскому уезду, был и будущий депутат С.Максуди (С.Н.Максудов). Некоторое равновесие в пользу русского населения в этих уездах было восстановлено лишь благодаря выборам по землевладельческой курии.

Результаты промежуточных выборов выборщиков по Казани, состоявшихся 28 января 1907 г., отчасти отражают настроения городских избирателей. Выборы проходили по участкам, каждый участок соответствовал полицейско-административному делению города на части. Управа распределила количество выборщиков по участкам следующим образом: в 1-й части — 23 выборщика, во 2-й — 15, в 3-й — 8, в 4-й — 16, в 5-й и 6-й частях — по 9 выборщиков.

Итак, результаты голосования по отдельным частям г.Казани были следующие:

- в 1-й части было выбрано 22 октябриста и 1 социал-демократ;
- во 2-й части — 15 мусульман;
- в 3-й части — 2 октябриста и 6 кадетов;
- по 4-й части результаты были опротестованы, так как в ящике оказалось бюллетеней больше, чем имевших право голоса по списку. Татарская пресса обвинила в этом октябристов, поскольку ожидалось, что по этой части города пройдут именно октябристы;
- в 5-й части было избрано 9 мусульман;
- в 6-й части прошли русские выборщики — 3 кадета и 6 октябристов.

Даже без учета результатов по 4-му избирательному участку (16 выборщиков), явное преимущество было на стороне октябристов: они получили, как минимум, 30 голосов, тогда как у кадетов было около 10 голосов и у мусульман — 24 голоса.

В конечном счете, по городу Казани 43 голосами выборщиков был избран октябрист, почтенный университетский профессор М.Я.Капустин. Во время утверждения его депутатских полномочий в Думе комиссия признала некоторые нарушения, допущенные в производстве выборов по Казани. В частности, были жалобы на то, что чины полиции, вопреки инструкции Министерства внутренних дел, агитировали в пользу партии Союз 17 октября, на улицах города допускалась свободная раздача газет «Казанский телеграф» и «Газета правых», в которых были напечатаны списки выборщиков октябристской и царско-народнической партий. В то же время полиция запрещала распространять газету «Казанский вечер» со списками выборщиков от прогрессивных избирателей. Наконец, некоторые нарушения были отмечены и во время проведения выборов, когда в ряде участков несколько избирателей с законными правами не были допущены к подаче бюллетеней, а в то же время получили права голоса те лица, которые не обладали таким правом. Однако, несмотря на выявленные нарушения, члены комиссии посчитали, что при существовавшем раскладе политических сил эти нарушения не могли иметь решающего влияния на изменение итогов голосования. Поэтому думское большинство посчитало возможным утвердить итоги выборов по Казани и признало депутатские полномочия М.Я.Капустина¹.

В целом, выборы в Думу 2-го созыва по Казанской губернии завершились с результатом, характерным для большинства регионов европейской части страны — подавляющее большинство голосов было отдано трудовикам и отчасти кадетам, к которым были близки и мусульманские депутаты. Единственным октябристом, избранным в Думу 2-го созыва от Казанской губернии, стал профессор М.Я.Капустин, который принадлежал к левому крылу октябристской партии (и которого зачастую называли «правым кадетом»)¹. Все остальные депутаты занимали более левый спектр депутатского корпуса. Наконец, в ходе общих губернских выборов, состоявшихся 6 февраля, 44 мусульманских выборщика смогли провести четырех своих кандидатов, что было максимально возможно по условиям избирательного закона 1905 г.

Тем не менее многие оппозиционные издания восприняли итоги выборов по Казани как поражение. Некоторые из оппозиционных изданий (из татарских даже вполне умеренная газета «Юлдуз») обвиняли в фактическом поражении левых и победе правых (октябристов) сил крайне левые политические группы в лице социал-демократов. Последние, даже осознавая, что их креатура не проходима, тем не менее выдвинули свою кандидатуру и, таким образом, раскололи голоса демократических сил².

7 февраля 1907 г. в здании гостиницы «Булгар» казанское отделение Мусульманского союза организовало вечер в честь мусульманских депутатов и мусульманских выборщиков. На вечере, проходившем с пяти до восьми вечера, от ЦК Союза, от татарской общественности города выступали Ю.Акчура, Х.Максуди, первый думец С.-Г.Алкин, торговцы А.Сайдашев и Казаков, а также представитель прессы — журналист Б.Шараф. От имени вновь избранных депутатов выступили все мусульманские кандидаты — С.Максуди, мулла С.Максютов, Г.Бадамшин и Г.Мусин. Мусульманские депутаты дали обещание создать в Думе мусульманскую фракцию и содействовать принятию мусульманских законопроектов, отвечающих нормам шариата и интересам мусульманского населения страны³.

Проводы избранных депутатов в столицу прошли 14 и 16 февраля. 14 февраля московским поездом в столицу отправились С.Максуди, М.В. Батуров, Г.И.Петрухин, профессор М.Я.Капустин, 16 февраля — С.Максютов, Г.Мусин. Отъезжающих на вокзале провожало большое скопление народа из русских и татар. От имени татарской общественности выступали Б.Шараф, М.Сайдашев, муллы Я.Мамышев, М.-Г.Салихов. Среди наиболее часто встречавшихся в выступлениях слов были такие, как «земля», «свобода», «амнистия», «народ». Наибольшее воодушевление вызвала, в частности, речь хазрата М.-Г. Салихова о том, что депутаты едут в столицу для работы на пользу всего народа и Ислама¹.

20 февраля, в первый день работы Думы 2-го созыва, в Казани были предприняты беспрецедентные меры предосторожности. Были отменены занятия во всех учебных заведениях, город был наводнен городовыми и солдатами. Из слободы Бишбалта в центр города для охраны порядка был переведен целый драгунский полк². Однако ни в городе, ни в целом по стране никаких беспорядков не наблюдалось.

Вторая Дума начала свою работу довольно буднично. Если первая Дума представлялась современ-

никам «парламентом весенних самообманов» и Думой «народного гнева», то вторая Дума носила более будничный и деловой характер. Левые издания выражали надежду на плодотворность работы второй Думы:

«Сосредоточенно, угрюмо и хмуро, почти безрадостно, но трезво и рассудительно, народ и дума приступают к работе. Нет веры — есть настойчивая решимость. Нет влюбленности — есть прочная дружба. Нет иллюзий — есть осознание своего долга».

«Пятнадцатое мая. На дворе хлещет дождь пополам со снегом. В Г. Думе сумерки» — такими словами правые публицисты передавали свои настроения от думских заседаний². По описаниям и воспоминаниям современников, уже с первых дней Думы 2-го созыва было ощущение скорого конца, краткости бытия российского парламента второго созыва: *«20 февраля открылось заседание Государственной Думы и трагическая тень повисла над Россией»*³. В целом современникам казалось, что вторая Дума заранее обречена на скорую гибель. И эти опасения оправдались уже через сто три дня — Дума 2-го созыва оказалась столь же недолговечной, как и первая.

3. Третья избирательная кампания в Казанской губернии — время реванша?

В период третьей по счету избирательной кампании (осень 1907 г.) средства массовой информации вновь заговорили в пессимистических тонах. Об абсентеизме избирателей во время выборов писала практически вся российская печать, как прогрессивная, так и умеренно-монархическая. Не была исключением и татарская пресса, отмечавшая апатичность и равнодушие мусульманского населения к будущей Думе. Это отношение стало закономерным итогом массового разочарования, крушения тех немногих иллюзий и надежд, которые еще теплились в обществе после разгона первого парламента. На настроения избирателей оказывало удручающее воздействие и то, с какой настойчивостью и изобретательностью власти проводили нужных кандидатов и устраняли неудобных. Правая печать делала иные выводы из очевидного факта *«поразительного равнодушия населения к третьей попытке правительства созвать парламент»*. По мнению, например, «нововременцев» абсентеизм избирателей был проявлением отнюдь не бойкота, сколько свидетельством потери интереса к Думе. Вина же возлагалась на антиконституционные элементы — инородцев, «чернь» и революционеров, присутствие которых делало первые две Думы негосударственными, следовательно, обреченными на преждевременный роспуск¹. По новому избирательному закону от 3 июня 1907 г. Казань была включена в число тех неблагоприятных городов Поволжья, население которых лишилось собственного представительства в Думе.

Осенью 1907 г. все наблюдатели отмечали в целом крайне вялый характер предвыборной кампании². Октябристские и кадетские собрания были весьма редкими и малолюдными. Вероятно, такая инертность в деле организации предвыборных собраний была обусловлена постановлением губернатора о запрещении под страхом трехмесячного ареста или штрафа в 500 руб. всяких собраний, устраиваемых без соблюдения правил. Запрет касался даже собраний, происходящих на частных квартирах и помещениях³. Многочисленные запреты и препоны, чинимые администрацией, так же, как и ее неприкрытое вмешательство в ход выборов, усиливали абсентеизм избирателей, вызванный чувством разочарования от разгона первых двух Дум и изменения избирательного закона.

Кроме того, повышение имущественного ценза вычеркнуло из списков выборщиков большое количество татар. В период избирательной кампании осени 1907 г. среди казанских жителей правом голоса обладали 922 выборщика по I избирательному съезду и 6726 выборщика по II съезду. По отдельным национальностям соотношение выборщиков Казани было следующим⁴:

Кроме того, казанская администрация воспользовалась предоставленным ей законом правом и разделила предвыборные городские съезды на два отделения: русское и инородческое. Фактически была установлена квота для русских кандидатов и татар (которых причислили к инородцам): по первому разряду выборщиков было намечено пять русских и один инородец, по второму — двое русских и один инородец. Таким образом, максимальное число нерусских депутатов, которых население могло провезти в Думу, было двое.

Осенняя избирательная кампания в Казани проходила в условиях фактического раскола политических сил. Раскол произошел внутри местного отделения октябристской партии. Умеренная и правая часть казанских октябристов, возглавляемая профессором В.Ф.Залеским, выступила с резкой критикой «окадетившегося» М.Я.Капустина и достаточно левого А.Н.Боратынского¹. Практически перед самым голосованием (23 сентября) правые отказались поддерживать левых кандидатов и выдвинули в качестве альтернативных кандидатур ярых монархистов Р.Р. Ризположенского и бывшего профессора Казанского университета и бывшего депутата Думы 2-го созыва от Херсонской губернии А.Н.Хорвата². Однако эти кандидатуры не могли увеличить шансы правых. С другой стороны, правыми и центристами не был образован ни один предвыборный блок — ни союз октябристов с кадетами, ни октябристов с монархическими течениями не был возможен в тех условиях из-за сильнейших взаимных противоречий.

В итоге ни один из кандидатов по первому разряду не получил абсолютного большинства, а потому выборы были признаны недействительными³. Повторное голосование 30 сентября показало, что городские обыватели предпочли октябристов. Причем среди избранных выборщиков оказались и А.Н.Бо-

ратынский, и М.Я.Капустин. В целом первый тур городских выборов по русской курии провел в губернские выборщики исключительно октябристов⁴.

Иная ситуация складывалась по губернии в целом: окончательную судьбу выборов в Думу 3-го созыва решало большинство прогрессивных выборщиков в составе преимущественно крестьян, горожан и священников. Результаты выборов оказались достаточно успешными для оппозиционных сил. В период предвыборной кампании в Казанском крае был образован смешанный прогрессивный блок из кадетов и левых октябристов, к которому примкнули также мусульманские кандидаты. Этот левоцентристский блок провел больше половины от общего числа депутатов: троих кадетов А.Л.Лунина, С.В.Дунаева и Н.П.Ефремова, двух левых октябристов М.Я.Капустина и В.А.Карякина, двоих представителей мусульманской партии Г.Х.Еникеева и С.Н.Максуди, а также беспартийного прогрессиста сельского священника И.Соколова. К правому флангу октябристов принадлежали избранные депутатами И.В.Годнев и Н.А.Мельников, которые, по мнению ряда кадетских наблюдателей, прошли в Думу, воспользовавшись личным соперничеством среди крестьянских выборщиков¹. В целом третья избирательная кампания закончилась относительной победой умеренных сил, что должно было внушить правительству надежду на успешное сотрудничество с парламентом нового состава.

Однако составленная из тщательно отобранных и «подобранных членов», третья Дума *«перестала быть выразительницей народных желаний, а явилась выразительницей только желаний сильных и богатых, желаний, делаемых притом в такой форме, чтобы не навлечь на себя строгого взгляда сверху»*². Деятельность ряда депутатов третьедумцев является исключением, лишь подтверждающим общее правило.

4. Выборы в последнюю дореволюционную Думу — «пиррова победа» бюрократии

Выборы в последнюю дореволюционную Думу — Думу 4-го созыва — проходили осенью 1912 г. на основе избирательного закона 1907 г. Подобно другим национальным окраинам, в Казанской губернии местная администрация активно использовала такой рычаг формирования желаемого облика депутатского корпуса, как национальный фактор. В 1912 г. среди казанских жителей правом голоса обладали 9169 выборщиков — 1743 человека по I избирательному съезду и 7426 выборщиков по II съезду. Во время проведения избирательных съездов в русскую курию были включены лишь русские православные выборщики, а во вторую — инородческую, все остальные. Соотношение выборщиков Казани по национальностям было следующим¹:

Если на Кавказе деление избирателей на национальные курии было продиктовано опасениями возобновления национальных распрей (в частности, между армянами и азербайджанцами), то в Поволжье появление межнациональных конфликтов не было вовсе. А потому деление избирателей на инородческую и русскую курии носило искусственный характер и преследовало иную цель — не допустить излишнего преобладания среди избранных депутатов нежелательных «инородцев». В отношении нерусских народностей эта мера играла скорее отрицательную, нежели положительную роль. Преимущество, в конечном счете, оставалось все же за русскими избирателями.

Столичная и губернская власти попытались учесть все свои «ошибки» и просчеты предыдущих избирательных кампаний. В стремлении получить удобное для себя правонационалистическое большинство в Думе власти не останавливались ни перед чем. Помимо искаженного избирательного закона, правительство и местная администрация использовали практически весь имевшийся у них арсенал «административных ресурсов». Губернские канцелярии загодя стали «заготавливать» кандидатуры будущих депутатов и готовить почву для устранения неугодных претендентов на депутатское звание. Вновь практиковались массовые «разъяснения» неугодных кандидатов и избирателей, привлечение к судебной ответственности по надуманным поводам с целью устранить потенциально-опасных и заведомо успешных кандидатов, разделение выборщиков по отделениям и подотделам, использование послушного воле Святейшего синода православного духовенства.

Одним из самых распространенных методов устранения неугодных власти кандидатов был метод «разъяснения». Таким способом был устранен, в частности, депутат Думы 2-го и 3-го созывов С.Максуди, шансы которого в случае избрания выборщиком оценивались как очень высокие¹. На том основании, что у него имеется старший брат, который, по мнению администрации, и должен считаться домохозяином, С.Максуди был лишен избирательного ценза, а мусульманская фракция потеряла одного из самых ярких ораторов и наиболее авторитетных своих членов². Другими весьма влиятельными среди населения края были ядринские купцы братья Таланцевы. Значительный капитал, сосредоточенный в семейной собственности, широкая благотворительная деятельность, при этом радикализм политической позиции — все эти обстоятельства делали кандидатуру братьев Таланцевых, выдвигавшихся по 1-му участку Ядрина, с точки зрения местной администрации крайне опасной и нежелательной. При мобилизации правых сил местные власти сумели забаллотировать, имевших по собственному ее признанию, *«громадный вес и значение в местном крае [...] сочувствующих левым организациям»* братьев Николая и Зиновия Таланцевых³. Властями была предпринята попытка снять с предвыборной дистанции и другого влиятельного кандидата — И.В.Годнева. С целью сбора «компрометирующих сведений» и

получения основания для привлечения его к уголовной ответственности было инициировано расследование действий бывшего депутата на посту председателя сиротского суда. Но поскольку никаких компрометирующих материалов найдено не было, расследование вскоре было приостановлено.

Даже вполне невинные выступления могли стать поводом к репрессиям. Показательна история с увольнением выборщика Владимира Хренникова с должности свияжского земского врача за «непатриотичные» высказывания во время выборов. Вот как сам Хренников описал свое выступление, послужившее основанием для увольнения:

«На замечание не голосовать за инородцев, так как они не русские люди — я сказал, что, по моему мнению, например, татары, чуваш и другие народности являются такими же русскими людьми, что и для наших татар Казанская губерния так же дорога и является такой же родной страной, как и для каждого чисто русского человека его уезд и губерния. Что русско-японская война показала нам, как кавказцы умирают за Россию, что среди поляков и евреев найдутся лица, для которых, так же как и для нас, дороги честь и слава России»¹.

Однако ходатайство В. Хренникова о сохранении за ним должности земского врача было отклонено губернатором. 25 января 1913 г. он был вынужден оставить врачебную службу.

Еще в 1911 г. представители казанских кадетов отмечали, что предвыборная политическая ситуация в крае складывается для либеральных сил весьма неблагоприятно. Инородческая часть населения, по словам кадетских деятелей, представляет собой крайне отсталую, темную, неблагодарную и консервативную массу. Монархические силы же обладают значительными материальными средствами. Часть уездов губернии (например, Ядринский) полностью контролируются трудовиками. В целом казанские кадеты ориентировались не столько на блоки с национальными или политическими группами, сколько на поддержку отдельных, более-менее приемлемых кандидатов (например, И.В.Годнева). Определяя свою предвыборную тактику, казанское отделение партии кадетов было вынуждено исходить из того обстоятельства, что *«в провинции люди делятся на две основные группы: прогрессивную и реакционную, не совпадающую с партийными рамками»².*

Для правых же избирателей основная задача в предвыборной кампании 1912 г. заключалась в том, чтобы не допустить в Думу «неустойчивых» депутатов прежнего созыва (М.Я.Капустина, И.В.Годнева), а также инородцев. *«Государственная Дума должна быть Государева и народная»*, а потому четвертая Дума не должна быть похожа на первые три — вот основной лейтмотив выступлений правых деятелей и консервативной прессы. Кандидатуры М.Я.Капустина и И.В.Годнева не устраивали правых по следующим основаниям: почтенный профессор казался слишком неустойчивым в политическом плане и допускал сближение с левыми элементами. И.В.Годнев не соответствовал требованиям к кандидатам в депутаты уже потому, что выступал за уничтожение черты еврейской оседлости и вообще *«мало знаком с действительной русской жизнью, ее нуждами и запросами»¹.* Усилиями правых одна цель была достигнута — почтенный профессор был забаллотирован и не попал в последнюю дореволюционную Думу. И.В.Годнев же, несмотря на все совместные усилия местной администрации и правых, все же был избран депутатом Думы 4-го созыва, в конечном счете пополнив наиболее деятельную часть депутатского корпуса.

По наблюдениям полицейских чинов, оценивавших общую ситуацию на предвыборном поле, даже непосредственно накануне выборов было весьма трудно делать прогнозы о шансах того или иного кандидата. Кроме университетских профессоров М.Я.Капустина и А.В.Смирнова, а также И.В.Годнева, никто из кандидатов не имел большой популярности и едва ли мог претендовать на депутатское звание. Протоиерея А.В.Смирнова, в частности, активно поддерживало духовенство Свияжского уезда. Впрочем, гораздо более весомой оказалась поддержка местного архиерея, которой пригрозил другому кандидату от православного духовенства, «прогрессивному» конкуренту Смирнова, и ему пришлось уступить свое место бывшему университетскому профессору². Фамилия Годнева была в двух списках — как прогрессистов, так и более умеренных сил. Двое из более умеренных кандидатов, экс-депутатов, имевших шансы быть избранными и в новую Думу, В.А.Карякин и А.Н.Боратынский — категорически отказались выставить свои кандидатуры на выборах в Думу 4-го созыва. Из мусульманских кандидатов, по всем прогнозам, наибольшие шансы имели С.Максуди и М.Сайдашев³. На стороне умеренных и консервативных сил было непропорциональное избирательное право, предоставлявшее преимущества высшим сословиям, действия местных властей, «отсекавших» неугодных кандидатов, и апатия населения, игнорировавшего как предвыборную кампанию, так и сами выборы.

Об абсентеизме избирателей Казанской губернии свидетельствуют многочисленные факты. Например, для участия в русском отделе уездного съезда землевладельцев для избрания пяти выборщиков в губернское избирательное собрание явилось всего восемь человек из имеющих право голоса. А на съезд землевладельцев по инородческому отделу, назначенный также на 1 октября 1912 г., и вовсе никто не явился¹. Не большую активность демонстрировали и мусульманские избиратели. В частности, в предвыборных собраниях 1-й и 2-й инородческих курий, состоявшихся 12 и 13 сентября, участвовали лишь некоторая часть казанских мусульман, обладавших избирательными правами, — около 70 из 300

выборщиков по 1-й курии и около 150 выборщиков из 800 по 2-й курии². В целом выборы по губернии, судя по сообщениям уездных исправников и отчетам председателей избирательных съездов, проходили очень вяло и при небывалой апатичности местного населения. Донесение царевкокшайского исправника было весьма типичным сообщением уездных властей о ходе выборов: *«Все выборы в Государственную Думу в городе прошли весьма тихо, даже не было заметно особого, как бы должно быть заметно между участвующими в выборах, оживления»*³.

Для характеристики настроений, царивших среди мусульманского населения края, будет недостаточно лишь слов об абсентеизме и апатии. Среди мусульман Казанской губернии, не сторонившихся политики и активно участвовавших в избирательной кампании, шли споры о стратегии и тактике предвыборной кампании, об интересах и нуждах мусульманского населения. Определенный интерес представляют наблюдения жандармских чинов, сделанные в начале избирательной кампании 1912 г. Представитель полиции отмечал, что мусульмане практически не принимают в расчет общегосударственное значение Думы, а интересуются ею главным образом постольку, поскольку она затрагивает близкие к мусульманам проблемы (вопросы народного образования, реорганизации духовного управления и т.д.). От взгляда на эти вопросы и зависит настроение избирателя татарина. В целом, по мнению полиции, большинство казанских мусульман было ориентировано пронационалистически. В то же время среди татар-избирателей выделялись две крупные группировки. К первой полицейские эксперты относили т.н. «мулл-новометодистов», круг читателей татарских газет и мало-мальски образованную часть мелкой и крупной буржуазии. Среди людей, причисляемых к этой группировке, не было ни одного, кто по общеполитическим взглядам стоял бы правее кадетов. В целом им были присущи имманентно-оппозиционные взгляды. Их бесспорным кандидатом считался С.Максуди и отчасти издатель-редактор газеты «Баянелхак» М.Сайдашев, поддерживаемый Г.Баруди.

На позиции последнего следует остановиться чуть подробнее. Весьма влиятельный среди казанских татар мулла Г.Баруди присутствовал на обоих собраниях мусульманских выборщиков, состоявшихся 12 и 13 сентября. В своих выступлениях перед выборщиками он отстаивал точку зрения о том, что делом мусульман является не борьба, превратившаяся в сложившихся условиях в безнадежное дело. Мусульмане, по словам Г.Баруди, должны оставаться верноподданными сынами России, не требовать, а лишь просить о своих нуждах и быть умеренными в своих притязаниях⁴. Слова Г.Баруди не просто отражают очевидную эволюцию взглядов отдельного мусульманского деятеля вправо, произошедшую, вероятно, под воздействием революционных событий, репрессий и двухлетней ссылки. Они весьма красноречиво характеризуют настроения, широко распространенные в значительной части мусульманского населения края во время выборов в последнюю дореволюционную Думу. В этом смысле позиция Г.Баруди не была исключительной и отражала стремление мусульманских деятелей найти наиболее оптимальный тон во взаимоотношениях с властью в крайне неблагоприятных для себя условиях.

Вторая группа татарских избирателей, меньшая по численности и менее влиятельная, по словам полицейского чина, была представлена муллами-старометодистами и религиозно настроенными лицами. Они лишь опасаются миссионеров и христианизаторской политики властей, а другими проблемами практически не интересуются. А потому и своего общего кандидата у них нет. Отчасти они склонны поддерживать М.Сайдашева. Сравнивая в целом предвыборные настроения в двух крупных мусульманских центрах — Казани и Уфе — автор аналитической записки отдавал явное предпочтение второму центру, в котором сосредоточена большая часть мусульманской интеллигенции, более сознательной и организованной.

Впрочем, избранная мусульманами тактика не принесла желаемого результата. Ни один из татарских кандидатов не был избран в Думу: С.Максуди был снят с предвыборной дистанции, М.Сайдашев забаллотирован во втором туре голосами землевладельцев, а Г.Еникеев предпочел избираться по Оренбургу и губернии. Таким образом, мусульманское население Казани — одного из самых важных и значимых мусульманских центров страны — оказалось вовсе без своего представителя в российском парламенте.

Предвыборные приемы властей и результаты избирательной кампании 1912 г. вызывали единодушное осуждение в обществе, даже в тех партиях, ради которых осуществлялись эти беззакония. Правые и левые, октябристы и националисты — все сошлись в отрицательном отношении к действиям правительства во время избирательной кампании⁵. Нарушения закона, допущенные во время выборов, стали предметом думского запроса. В первые же дни работы Думы 4-го созыва (3 декабря) различными депутатскими объединениями было внесено четыре запроса под аналогичным названием *«По поводу неправильностей, допущенных при производстве выборов в Государственную Думу четвертого созыва»*. Один был инициирован прогрессистами, второй кадетами, третий и четвертый соответственно социалистами — трудовиками и социал-демократами⁶. Но среди поставивших свои подписи под данными запросами казанских депутатов не оказалось. Администрация Казанской губернии могла быть вполне довольна результатами своей деятельности.

Оценивая то, как проходили все четыре дореволюционные предвыборные кампании в Думу по Ка-

занской губернии, можно сделать несколько общих наблюдений. В целом думские избирательные кампании имели тот же характер, что и в остальных губерниях и регионах «внутренней России». Во время выборов в Думы 1-го и 2-го созывов в парламент были избраны преимущественно левые депутаты не только вследствие относительно демократичного избирательного закона, но прежде всего благодаря небывалой активности сельского населения, верившего в то, что народная Дума решит «земляной вопрос» и наделит безземельных крестьян землей вдоволь. В последующем усилиями властей произошла значительная корректировка политического облика депутатского корпуса. Власти Казанской губернии от одной Думы к другой все чаще и смелее вмешивались в ход избирательной кампании, использовали различные административные рычаги, усиливали репрессивные меры и меры воздействия на неугодных общественных деятелей. В этом смысле действия местных властей вполне соответствовали общероссийской практике. Подобно иным регионам с многонациональным населением, в Казанской губернии активно использовалась практика разделения выборщиков на русскую и инородческую курии. Не упускались возможности снять неугодных для властей кандидатов методом «разъяснений» или же возбуждений уголовных преследований по надуманным основаниям. Действия властей, выхолащивавшие саму идею народного выбора, наряду с бесполезной в глазах широких масс деятельностью «господской» Государственной думы приносили свои плоды. В Думу все чаще избирались люди «правильные» и управляемые, угодные властям. Но это не прибавляло авторитета российскому парламенту, еще более углубляя пропасть между традиционной властью и общественностью.

Глава II. Социальный, политический и профессиональный портрет казанских депутатов, избранных населением Казанской губернии .

1. Общественно-политический, образовательный и профессиональный облик казанских депутатов

Можно много говорить о многочисленных изъянах существовавшего избирательного права, разнообразных нарушениях или явном насилии над избирателем, чинимом властями в своих корыстных интересах или же исходя из соображений высшей государственной пользы. Все это будет вполне справедливо. Тем не менее в Думу избирались люди, отражавшие интересы определенных слоев населения. Казанские депутаты были избраны населением края и представляли в общеимперском органе интересы этого населения (или же его определенной части), отражали региональную специфику. Поэтому персональный состав Думы, его облик представляли региональное и этническое многообразие страны, а деятельность парламента в целом несла на себе, казалось бы, неизбежную печать «имперской природы» Российского государства.

Многие современники в своих заметках или позднейших воспоминаниях неизменно подчеркивали «разноплеменной» состав молодого российского парламента. Перводумец В.П.Обнинский отмечал, что приехавшие в Петербург депутаты, движимые инстинктивными побуждениями, на первых порах стремились разместиться на скамьях Таврического дворца «группами сообразно сродству языка, племени или веры». Естественное для любого парламента разделение по партийным интересам и группам произойдет чуть позднее. А на первых порах бросалось в глаза, что окраинные депутаты держались и размещались на думских скамьях вместе. Этническая многообразность российского государства, сложная сословная стратиграфия общества, поликонфессиональный состав населения, региональная и территориальная специфика огромной империи — все это находило отражение в облике Думы, более или менее успешно претендовавшей на роль народного представительства.

В начале XX столетия Казанский край был поликонфессиональным и достаточно пестрым по этническому составу населения регионом. По данным переписи 1897 г., православные имели значительное численное преимущество: из общего числа 2176424 жителей губернии православные с единоверцами составляли 69,43%¹. К православному населению губернии кроме собственно русских причислялись и ряд местных нерусских народностей — чуваша, удмурты, марийцы и пр. В Поволжском регионе только в Казанской и Астраханской губерниях численность русского населения уступала нерусскому (в Казанской доля последнего была около 60 %, в Астраханской соответственно около 50 %) ². Мусульмане составляли лишь 28,75 % от общей численности населения края. Это было гораздо меньше даже в сравнении, например, с соседними Уфимской, Астраханской и Оренбургской губерниями. Большая часть мусульман в этническом плане являлись татарами.

Незначительная в целом доля неправославного населения была обусловлена тем, что с момента завоевания земель Казанского ханства русским государством для скорейшей адаптации вновь присоединенных территорий новая власть стремилась максимально увеличить долю русского населения края. Военный характер покорения региона, ожесточенное сопротивление, оказанное местным населением захватчикам, последующее нежелание мусульман и язычников обращаться в «истинную» веру — все эти обстоятельства, безусловно, способствовали тому, что русская власть стремилась максимально ук-

репить свои позиции в крае. Активный процесс колонизации края русскими переселенцами, обращения язычников в христианство (православие) и насильственное крещение части татарского населения в сочетании с массовыми миграциями мусульманского населения на восток и юго-восток страны привели к тому, что к началу XX столетия автохтонные народности составляли меньшую часть населения края. Длительность же пребывания Казанского края в составе российского государства отличала этот регион от иных национальных окраин империи и приближала его к остальным губерниям европейской части России. Все это отразилось на национальном составе депутатов, представлявших в Думе население губернии.

Казанская губерния была представлена в Думе каждого из 4-х дореволюционных созывов десятью депутатами. Кроме того, по избирательному закону 1906 г. один депутат избирался непосредственно населением Казани. В Думу 1-го и 2-го созывов голосами казанцев были избраны, соответственно, профессора Казанского императорского университета Г.Ф.Шершеневич и М.Я.Капустин. По новому избирательному закону 3 июня 1907 г. Казань лишилась собственного представительства. В целом общее количество депутатских мандатов, отведенных избирательным законом представителям Казанской губернии, соответствовало сорока двум мандатам. Однако двое из депутатов Казанской губернии — третьедумцы Н.П.Ефремов и Н.А.Мельников — досрочно отказались от депутатского звания. Вместо них были доизбраны Н.Д.Сазонов и А.Н.Боратынский. В то же время ряд депутатов избирались дважды: Г.С.Бадамшин (Дума 1-го и 2-го созывов), М.Я.Капустин и С.Максудин (оба являлись депутатами Думы 2-го и 3-го созывов), И.В.Годнев (Дума 3-го и 4-го созывов). Таким образом, с учетом всех названных факторов в качестве народных избранников в Таврическом дворце побывало тридцать девять жителей губернии.

Среди депутатов Казанской губернии в этническом плане преобладали представители господствующей в империи нации: из 39 человек русские численно имели подавляющее большинство в 29 человек, татары же были представлены семерыми депутатами. Также в Думу были избраны двое чувашей и один поляк. При этом трое депутатов-татар представляли губернию в Думе 1-го созыва, четверо — во второй Думе и двое — в третьей Думе. В силу ряда обстоятельств татарское население губернии оказалось лишенным своего представителя в последней дореволюционной Думе. Остальные трое нерусских депутатов — двое чувашей и поляк — были избраны в первые две Думы. С изменением избирательного закона изменился и национальный состав законодательного органа. Думы 3-го и 4-го созывов были укомплектованы в соответствии с планами властей: сформировать «чисто русскую Думу для решения сугубо русских вопросов». Вероисповедный состав депутатов соответствовал национальному составу: тридцать один депутат были православного, семеро мусульманского и один римско-католического исповедания.

Социальный состав также вполне соответствовал осуществляемой властями политике и отражал существенные различия между первыми и последними российскими Думами:

Из потомственных и личных дворян	— 16 человек;
Из крестьян	— 15 человек;
Из православного духовенства	— 4 человека;
Из купечества	— 2 человека;
Из мещанства (потомственных почетных граждан)	— 2 человека.

Следует сделать одну небольшую ремарку — поскольку мусульманское духовенство не являлось отдельным сословием, муллы были приписаны к тем сословиям, из которых они происходили. Все казанские муллы-депутаты являлись крестьянами, в числе которых и отмечены в приведенных данных. Да и двое «поповичей», выходцев из духовного сословия, позднее избрали иную профессиональную стезю: после окончания Казанского университета К.В.Лавровский стал адвокатом, а Д.А.Кушников — врачом.

Таким образом, среди казанских депутатов численно преобладали выходцы двух сословий — крестьянства и дворянства. Учитывая, что Казанская губерния на рубеже XIX — XX вв. оставалась преимущественно аграрным краем с низкой долей городского населения, то вполне логично значительное количество крестьянских депутатов. Высокий удельный вес дворян явился результатом дискриминационного избирательного права, что вполне красноречиво подтверждают данные (табл. 1), отражающие эволюцию сословной принадлежности депутатского корпуса в зависимости от характера избирательных законов 1905 — 1907 гг.

В то же время законотворчество требовало наличия образования и специальных навыков. А среди людей с высшим и специальным образованием также преобладали выходцы из состоятельных сословий. Поэтому образовательный уровень депутатов менялся параллельно с изменениями социального состава депутатского корпуса. В данных табл.2 обращает на себя внимание то обстоятельство, что в первых двух Думах практически не было людей со средним образованием, а доминировали депутаты с высшим или низшим образованием.

Табл. 1. Социальный состав депутатов Государственной думы 4-х созывов от Казанской губернии

Табл. 2. Образовательный уровень казанских депутатов

Сходные тенденции можно наблюдать и в отношении партийной принадлежности депутатов от губернии (табл. 3): тотальное отсутствие в двух последних Думах людей с леворадикальными взглядами, что явилось прямым следствием изменения социального состава депутатского корпуса.

Табл. 3. Партийно-фракционная принадлежность казанских

Из десяти депутатов-перводумцев «Выборгское воззвание» подписали пятеро — С.-Г.Алкин, К.В.Лаврский, И.Е.Лаврентьев, П.А.Ершов и Г.Ф.Шершеневич. Все они отбыли трехмесячный тюремный срок и понесли иные наказания — П.А.Ершов потерял рабочее место на Пороховом заводе, присяжные поверенные С.-Г.Алкин и К.В.Лаврский на некоторое время были отстранены от адвокатской практики. Думается, что не будь эти депутаты лишены избирательных прав, в Думе 2-го созыва обязательно присутствовали бы все трое юристов-перводумцев: С.-Г.Алкин, К.В.Лаврский и Г.Ф.Шершеневич. Об этом свидетельствует и их неофициальное сотрудничество с депутатами последующих Дум и помощь, оказанная ими в разработке различных законопроектов. Профессиональный облик казанских депутатов отражен в табл. 4.

Табл. 4. Профессиональный облик депутатов Государственной думы 4-х созывов от Казанской губернии

Данные таблицы свидетельствуют, что в Думе 1-го созыва преобладали люди творческих профессий (тех, кого принято называть «представители свободных профессий») — научная интеллигенция, преподаватели (3), юристы (2-3), а также те, кто зарабатывал повседневным физическим трудом — земледельцы (2), рабочие (2). В Думе 2-го созыва крестьян стало еще больше (не менее 5, в том числе и один мулла). Неизменным оставалось то, что во всех Думах присутствовали профессора Казанского университета (иногда бывшие) как свидетельство того значительного влияния, который университет оказывал на общественную жизнь города и региона.

Немного увеличилась и доля тех, кто зарабатывал на жизнь торговлей, предпринимательской деятельностью (Г.С.Бадамшин, З.М.Таланцев), хотя размеры их капитала были явно неравнозначными. Так, чистопольский торговец Г.С.Бадамшин владел бакалейной лавкой и осуществлял торговлю мануфактурными товарами. Торговая деятельность и размеры оборотного капитала, по-видимому, не позволили причислить Бадамшина ни к одной из существовавших купеческих гильдий. В то же время казанский купец первой гильдии В.А.Карякин являлся обладателем миллионного капитала и принадлежал к крупнейшим в крае оптовым торговцам зерном. В целом представительство в Думе купечества было явно неадекватным той роли, которую торговый капитал играл в экономической и общественной жизни края. Казань, Чистополь, Чебоксары принадлежали к крупным торговым центрам. Но в высшем законодательном органе страны интересы торгово-промышленного капитала края представляли лишь двое купцов (Г.С.Бадамшин, В.А.Карякин) и двое предпринимателей (З.М.Таланцев и Н.П.Ефремов). Впрочем, последний вскоре сложил с себя депутатские полномочия и вернулся в родной город Чебоксары, где возглавил городское самоуправление. Из всех людей, представлявших в Думе торгово-промышленное сословие, лишь один отличился лоббистскими устремлениями (В.А.Карякин). Все остальные в первую очередь были общественными деятелями и шли в Думу не для продвижения своих торговых или иных интересов. Да и лоббистские усилия В.А.Карякина оказались в целом безуспешными — ни одно из его предложений не было реализовано. Возможно, именно по этой причине он категорически отказался выставлять свою кандидатуру на выборах в Думу 4-го созыва.

2. Дума и казанские депутаты в восприятии современников

Как и в других европейских странах, в России была принята доктрина национального представительства: член парламента представляет не только избирателей своего округа, а нацию в целом. Поэтому избиратели не могли давать членам Думы наказы и отзывать своих представителей, также как депутаты не должны были отчитываться перед своими избирателями. На практике, однако, депутаты, особенно крестьянские, рассматривали себя в качестве народных избранников, получали многочисленные наказы и старались их выполнять. Наказы и прошения с мест чаще всего воплощались в форму запросов о тех или иных противоправных действиях властей, которые депутаты стремились провести через парламент.

В свою очередь власти пытались противодействовать этой тенденции и бдительно следили за тем, чтобы деятельность Думы не стала тем мобилизующим элементом, которая будет способствовать развитию в России начал гражданского общества. Движимые подчас паническим страхом перед народными волнениями и беспорядками местные власти стремились максимально ограничить контакты депутатов с их избранниками. Ограничивали и по возможности не допускали поездки ходоков в столицу, запрещали массовые собрания и сельские сходы, на которых обсуждалась деятельность Думы, подвергали репрессиям организаторов и участников подобных собраний, ограничивали встречи депутатов с избирателями и т.п. Казанская администрация принадлежала к числу тех, которые использовали весь имею-

щийся арсенал средств в максимальной степени.

В прессе (как правило, центральной) нередко помещались сведения о том, что администрация на местах зорко следит за сношениями депутатов с «нежелательными элементами», а депутаты получают не все адресованные им корреспонденции. Перехватывались не только частные корреспонденции, но и посылаемые от официальных учреждений по официальному запросу думских комиссий. Например, в газете «Речь» была помещена телеграмма от собственного корреспондента из Казани с описанием подобной истории. На запрос думской продовольственной комиссии Казанская земская управа ответила подробной телеграммой, в которой описывалось состояние продовольственного дела в губернии. Уже через два часа управа получила от губернатора циркуляр, в котором предписывалось сноситься с Государственной думой только через ее (губернаторскую) канцелярию¹.

В ряде случаев местная администрация была вынуждена выполнять распоряжения центральных властей. Например, судя по телеграмме, помещенной в центральных газетах, в период работы Думы 2-го созыва местная тюремная администрация получила из Петербурга официальное разъяснение, в котором ей предписывалось принять меры, чтобы политические заключенные казанских тюрем не составляли и не отсылали наказов и ходатайств депутатам Государственной думы².

Весьма показательный случай произошел в 1907 г. на одной из летних ярмарок в Казанской губернии: некий крестьянин-торговец продавал на базаре изделия кустарного промысла (самодельные солонки и пр.) с фотографиями депутатов, вырезанными из газет и наклеенными на них кустарным способом. Торговля шла бойко, поскольку на вопрос автора заметки о том, покупает ли народ изображения своих «народных избранников» (от Казанской губернии) последовал утвердительный ответ: *«нынешних всех продал, остался один Герасимов»*. Свою затею торговец пояснил другой лаконичной фразой: *«посмотрят за чаем, помянут депутата добрым словом»*³.

То обстоятельство, что практически все народные избранники оказались «распроданными», свидетельствует о распространении в народе доброго отношения к депутатам и Думе. Несмотря на все усилия столичных и местных властей, Государственная дума еще воспринималась современниками как учреждение, способное воплотить вековые чаяния населения: трудового народа — на землю и освобождение от мелочной опеки, нерусского населения — на ликвидацию ограничений и многочисленных стеснений по национальному или религиозному принципу, интеллигенции — на изменение российской действительности в лучшую сторону.

Об открытии первой Государственной думы, о первом дне жизни первого в истории России парламента написано очень много. Современники описывали этот день в газетных репортажах, заносили в дневники и записные книжки свои непосредственные впечатления, вспоминали в своих более поздних мемуарах. И в последующем очевидцы рождения первого парламента при открытии Думы каждого нового созыва мысленно возвращались к апрельским дням 1906 г., вольно или невольно сравнивая с ними свои впечатления от текущих событий.

Вот как описывала в своих воспоминаниях Ариадна Тыркова-Вильямс, будущий думский хроникер и талантливая публицистка, общую атмосферу, в которой зарождался российский парламента:

*«В Петербурге 27 апреля, день открытия Первой Государственной Думы, был общенародным праздником. Школы и присутствия были закрыты. Магазины тоже. Большинство заводов не работало. Улицы были залиты народом. Всюду флаги, радостные лица. Утром вереницы экипажей и извозчиков направились в зимний дворец, оттуда, после короткого царского приема, они отправились в другой, свой дворец. Ясный весенний день, ясные надежды в сердцах. Твердое, искреннее желание первых избранников не обмануть народных надежд. Общее чувство могучей волны, по которой легко, дерзко скользит наш корабль. И эта детская, неповторимая вера в себя, в будущее, в Россию»*⁴.

Такие же праздничные настроения царили и на казанских улицах — здание, в котором размещалась редакция газеты «Казан мухбире», было иллюминировано; вечером с лодок на озере Кабан пускались ракеты⁵.

Не случайным было и то, что открытие первого в истории Российской империи парламента вызвало воодушевление населения и различных общественных организаций. Приветственные письма и телеграммы поступали в большом количестве из разных мест. Из Казани поздравительные телеграммы в адрес первого парламента послали ректор и ряд профессоров Казанского императорского университета, Казанское юридическое общество, Казанское ветеринарное общество, Казанский совет присяжных поверенных, Казанское вспомогательное общество приказчиков и пр. Свои поздравления прислали Мамдышская и Буинская городские думы, Чебоксарское общественное управление. Пришедшие в Думу приветственные телеграммы были зачитаны на заседаниях 29 апреля и 8 мая 1906 г. На заседании 24 мая были оглашены приветствия мусульманских обществ различных местностей: соединенного схода мусульман Асяновской и Ельдякской волостей Казанской губернии, группы мусульман Челнов и др.⁶ Приветствовало население Казанской губернии (так же как и других местностей) и вторую Государственную думу. В частности, на заседании № 11 от 16 марта 1907 г. были оглашены приветствия от казанской фракции мусульманской партии и редакции газеты «Казан мухбире»⁷.

Настроения, разделяемые большей частью российского просвещенного общества, были выражены в приветственной телеграмме ректора Казанского университета Н.П.Загоскина:

«Исполненный сознания великого исторического значения переживаемого момента Совет Казанского университета просит вас передать первому собранию изблюбленных представителей Русской земли его сердечный привет и горячее пожелание успеха в предстоящей ответственной и трудной работе. Да будет суждено первому составу народных избранников увенчать русское освободительное движение, без страха и упрека осуществив великую идею свободной жизни в свободном государстве, идею, которую одушевлены все лучшие сыны нашей исстрадавшейся родины. За вами доверие, надежды и поддержка всего великого русского народа».

Приветственные телеграммы, посылаемые населением различных губерний в адрес своих депутатов, свидетельствовали об интересе, проявляемом народом к деятельности Думы. Инициатива могла быть спровоцирована разными обстоятельствами — желанием поприветствовать народных избранников, слухами о предстоящем разгоне Думы, потребностью донести до народных избранников те проблемы, которые волновали людей на местах. Но что было очень важно — так это наличие в том или ином регионе активной личности, которая могла бы выступить инициатором проведения собрания или составления коллективного обращения. Практически за каждым обращением стояли те или иные политически и социально активные персоны.

В свою очередь и депутаты откликались на те или иные события, происходившие на родине. В доступных источниках нет сведений о том, что депутаты, избранные от Казанской губернии, составляли в Думе отдельную группу. Да и вряд ли это было возможно и необходимо. Казанские депутаты входили в различные думские объединения, порой они принадлежали к различным, подчас находившимся в непримиримом антагонизме, политическим партиям и фракциям. Но если политические пристрастия, национальная принадлежность или социальное неравенство играли разъединяющую роль, то были факторы, скреплявшие единство казанских депутатов, пусть и временное.

Например, многие депутаты-казанцы, даже и не учившиеся в Казанском университете, чувствовали свою сопричастность к нему, а университетские воспитанники хранили в своем сердце благодарную память о родной альма-матер. Проявлялась эта благодарная память, в том числе, и в ежегодных поздравлениях ко дню рождения Казанского университета, посылаемых депутатами в адрес университетского Совета ежегодно в течение 1907 — 1916 гг.

В ноябре 1907 г. в общеуниверситетский Совет поступило более 20 поздравительных телеграмм, в том числе одна общая от всех казанских членов Государственной думы и одна индивидуальная от члена Государственного совета профессора А.В.Васильева. На следующую годовщину — в 1908 г. в адрес Казанского университета пришла поздравительная телеграмма, подписанная большой группой депутатов: *«Приветствуем дорогой нам Казанский университет в день его годовщины, желаем ему мирного процветания на пользу науки и просвещения. Члены Государственной Думы Капустин, Годнев, Баратынский, Карякин, гр. Уваров, Гримм, Сазонов, Бакин, Савельев, Еремин, Дунаев, Розанов, Покровский, Масленников, Алексеенко, Максудов, Соколов, Исполатов, Лунин»*.²

Следует сказать, что в числе подписавших данную телеграмму депутатов только часть являлись выпускниками Казанского университета или же служили в нем, как профессор М.Я.Капустин, приват-доцент И.В.Годнев. Другие казанские депутаты не имели непосредственного отношения к университету: И.И.Соколов закончил курс в духовной семинарии, С.Максуд — парижский университет Сорбонну и позднее экстерном сдал экзамены в Московском университете. Тот факт, что телеграмму подписали не только питомцы Казанского университета, но и депутаты-казанцы, не связанные с ним столь тесными узами, свидетельствует о восприятии многими университета как неотделимой части городского культурного ландшафта. Отдельная телеграмма была послана от члена Госсовета А.В.Васильева: *«4.11.1908. Прошу передать Совету Университета, учащим и учащимся почтительные поздравления годовщиной нашего Университета, дорогого мыслящей России славными традициями единодушного служения науке родины. Заслуженный профессор Васильев»*.¹

В 1911 г. поздравительную телеграмму по обычаю прислали члены Государственной думы: *«Шлем горячий привет родному нам университету, университетским профессорам, студентам. Члены Государственной думы Капустин, Алексеенко, Годнев, Баратынский, Карякин, Еникеев, Дунаев, Бакин, Мотовилов, Розанов, Еремин, Жданов»*.²

Не забывали ставший родным Казанский университет и проживавшие в столице профессора А.В.Васильев и М.Я.Капустин. В годовщину основания университета они неизменно присылали приветственные телеграммы своим коллегам. Сенатор, профессор А.В.Васильев писал: *«5.11.1912. Приветствую родной Университет, совет профессоров, всех трудящихся пользу и славу университета, дорогую учащуюся молодежь»*.¹ На следующий год: *«5.11.1913. Приветствую дорогой Казанский университет, шлю наилучшие пожелания Совету, всем преподающим, учащейся молодежи. Заслуженный профессор Васильев»*.²

Профессор М.Я.Капустин, не прошедший в Думу 4-го созыва, в 1912 — 1913 гг. по-прежнему при-

сылал поздравительные телеграммы, но только за своей подписью³. Вряд ли случайностью является тот факт, что с 1912 г. депутаты Государственной думы — выпускники Казанского университета больше не присылали коллективных поздравлений. С избранием профессора М.Я.Капустина в члены Государственной думы казанские воспитанники в Думе лишились инициатора, чья подпись неизменно открывала все думские поздравительные телеграммы.

Кроме обмена приветственными телеграммами, были и иные способы поддержания контактов между депутатами и избравшим их населением. Например, уже в период работы Думы 1-го и 2-го созывов в Санкт-Петербург часто приезжали специальные делегаты, посылаемые мусульманами Казани или же других городов и регионов Российской империи. Как писал Ф.Туктаров, в кулуарах мусульманской фракции можно было встретить различных людей: «*купцов, мулл, богачей, представителей духовенства, крестьян; персов, узбеков, татар, башикур и пр.*», которые обращались к членам фракции за помощью, привозили петиции с мест и т.д.⁴ Некоторые бывшие депутаты или близкие к Думе политические деятели ездили в столицу по долгу службы. Другие оказывались в столице, занимаясь сугубо общественной деятельностью. Во время своих поездок они непременно навещали депутатов, оказывали им помощь в сборе необходимых сведений и подготовке законопроектов, информировали о нуждах депутатских групп в местной прессе. Из числа казанских депутатов следует отметить подобную деятельность С.Г.Алкина, лишенного за подписание «Выборгского воззвания» избирательных прав, но не потерявшего интереса и вкуса к общественным делам.

В период работы Думы 3-го созыва и особенно последней дореволюционной Думы в мусульманской группе активно обсуждалась идея создания специального бюро при фракции. Члены бюро должны были помогать депутатам в подготовке законопроектов и осуществлять связь между депутатами и общественностью. По сведениям чинов жандармского управления, следивших за настроениями мусульманской общественности Казани, в качестве наиболее вероятных делегатов от казанцев рассматривались кандидатуры Ф.Туктарова, не попавшего в Думу 4-го созыва С.Максуди, его старшего брата Х.Максуди и перводумца С.-Алкина. С.Максуди действительно принял участие в работе одного из последних неофициальных совещаний мусульманских деятелей, созванном в Петрограде. На совещании членов мусульманской фракции с представителями региональной общественности, состоявшемся с 3 по 20 февраля 1916 г., обсуждался вопрос о будущей тактике членов мусульманской фракции. Совещание приняло решение о создании при фракции специального бюро, которое начало функционировать в марте 1916 г. и в состав которого входил один представитель от мусульманского населения Казанской губернии и Казани.

В Государственную думу обращались не только представители т.н. «прогрессивных» или интеллектуальных слоев общественности, интересующихся национальными, политическими, общественными вопросами, но и иных, более маргинальных групп населения. В частности, в РГИА и НАРТ сохранилось большое количество архивных документов, среди которых отдельную группу составляют обращения адептов т.н. «Вайсовского движения» (известного под именем «Вайсовский божий полк староверов мусульман»⁵), на рубеже XIX—XX вв. игравшего весьма заметную роль в общественной жизни мусульман Казанской губернии. Практически все из выявленных на сегодняшний день обращений вайсовцев в адрес Государственной думы хронологически датируются мартом-апрелем 1906 г., ноябрем 1907 г. и мартом 1917 г.¹

Первые обращения на имя Государственной думы были посланы одним из руководителей вайсовской общины, находившимся в это время в ссылке на Сахалине, Шигабутдином Сайфутдиновым (весна 1906)². Причиной, побудившей ссыльного вайсовца обратиться к членам Государственной думы, явились обычные притеснения со стороны местной (сахалинской) администрации. Кроме традиционных жалоб и сетований на притеснения местных властей, а также набора вполне традиционных просьб, к прошению была приложена «Книга святой веры ислама» с изложением основ мусульманской веры в понимании вайсовцев. Но более примечательно другое. Обращение к членам Государственной думы было продиктовано надеждой (или даже уверенностью), что депутаты, как «*выбранные лица благочестивого общества*», затребуют все бумаги и заявления, написанные вайсовцами и посланные ими в разное время императору, а также в государственные учреждения, рассмотрят их в соответствии с новыми законами и провозглашенной свободой совести и решат, наконец-то, «вайсовский вопрос по совести». Можно сказать, что созыв Государственной думы как собрания народных представителей был встречен Ш.Сайфутдиновым (а в его лице одним из наиболее деятельных руководителей вайсовской общины после гибели основателя дервиша Багаутдина Вайсова), по крайней мере, положительно и с некоторой надеждой. Более того, Ш.Сайфутдинов и заслугу провозглашения в апрельском указе 1905 г. веротерпимости, а также появления в Октябрьском манифесте пункта о свободе совести фактически приписывал вайсовцам, их настойчивым и долголетним ходатайствам и разъяснениям.

Примечателен и факт участия Ш.Сайфутдинова в общегородском собрании мусульманских выборщиков Казани, состоявшемся 9 января 1907 г.³ На предвыборном собрании, где представители различных партий пытались завоевать симпатии и голоса мусульманских избирателей, вайсовцы выступали

против присоединения к какой-либо из политических партий. Для мусульман, сказал Ш.Сайфутдинов, достаточно Корана. Только ему должны следовать мусульмане в своих действиях и своей жизни. Впрочем, такая радикальная позиция неприятия политической жизни и светских институтов (политических партий) разделялась незначительным числом казанских мусульман. Да и сами ваисовцы в действиях были менее радикальны и непримиримы, нежели на словах.

В ноябре 1907 г., с началом работы Думы 3-го созыва, Ш.Сайфутдинов пишет руководителю общины Г.Вайсову письмо, полное упреков, с обвинениями в том, что он не заботится о том, чтобы донести до Государственной думы правдивую информацию о ваисовцах¹. Поскольку Г.Вайсов в это время находился в Средней Азии, Ш.Сайфутдинов решает, не дожидаясь возвращения *сардара*, обратиться в Государственную думу с очередным «святым заявлением» (21 ноября 1907 г.). В нем автор жалуется на враждебные действия гражданских властей по отношению к «божьим воинам» и просит разрешить «ваисовский вопрос по справедливости»². Уже во время работы Думы 3-го созыва Ш.Сайфутдинов еще несколько раз обращался в Государственную думу. Как минимум, один раз он писал члену мусульманской фракции и депутату от Казанской губернии С.Максуди (дата и непосредственный повод к обращению в документе не указаны), а также депутатам Н.П.Шубинскому, А.А.Селиванову и Д.П.Гулькину (к последним «на счет староверов»). Наконец, во время судебного процесса в июле 1910 г. он послал заявление на имя председателя Думы³.

Ряд косвенных свидетельств говорят о попытках ваисовцев установить контакты с некоторыми членами фракции. Среди изъятых в период обысков 1908—1909 гг. и приобщенных к обвинительному протоколу вещей упоминаются визитные карточки члена Государственной думы 3-го созыва Г.Сыртланова, а также визитка корреспондента газеты «Русское слово», подписные квитанции на газеты «Речь» и «Терджиман»⁴. По всей вероятности, личные контакты с депутатами устанавливались Г.Вайсовым во время его поездки в столицу в марте 1908 г. Кроме упоминаемых в протоколах обыска и экспертизы визиток Г.Сыртланова, которые могли попасть к Г.Вайсову во время его пребывания весной 1908 г. в столице, у нас нет иных свидетельств об их контактах с мусульманской фракцией.

Остается открытым вопрос, была ли какая-либо реакция со стороны депутатов на эти обращения. Вероятнее всего, что нет. И многочисленные «святые заявления» ваисовцев ожидало забвение. Также не до конца прояснен вопрос, обращались ли ваисовцы в Государственную думу как к представительной власти или же искали поддержки у отдельных депутатов, в том числе у членов мусульманской фракции. Дело осложняется тем, что архив мусульманской фракции, если он и существовал, не сохранился. Вполне вероятно, что мусульманская фракция могла рассматриваться ваисовцами как часть враждебного им татарского мира, среди которых невозможно найти справедливость в отношениях к истинным, правочерным мусульманам. Косвенным подтверждением этого тезиса может служить и тот факт, что позднее, во время процесса 1910 г., С.-Г.Алкин, бывший член Государственной думы 1-го созыва, отказался взять на себя миссию защитника обвиняемых ваисовцев. Он мотивировал свой отказ достаточно уклончивой формулировкой: по соображениям религиозного и нравственно-этического характера. Поэтому ваисовцы (в лице Ш.Сайфутдинова, в частности) чаще посылали свои «святые заявления» и ходатайства не столько членам мусульманской парламентской группы, сколько Государственной думе в целом как одной из ветвей верховной власти.

После Февральской революции Г.Вайсов, находившийся в ссылке, послал приветственную телеграмму на имя председателя Думы М.Родзянко. Хронологически последнее обращение ваисовцев в Государственную думу датируется 20 мартом 1917 г. и представляет собой «*Святое заявление, прошение и Божью телеграмму*». Это заявление было адресовано исполнительному комитету Государственной думы и подписано 40 последователями мусульманской секты «Вайсовского Божьего полка» во главе с «начальником и главнокомандующим муллоу Ш.Сайфутдин оглы Эльбулгари Вайсовым». Нет никаких сомнений, что именно Ш.Сайфутдинов стал инициатором составления данного «святого заявления» и автором его текста. Поэтому можно сказать, что это была как коллективная позиция, так и персональная точка зрения самого Ш. Сайфутдинова. Хронологически последнее обращение ваисовцев в законодательное учреждение как фактически единственной легитимной власти, оставшейся от старого строя после свержения царя, интересно с точки зрения эволюции некоторых взглядов ваисовцев на судьбу самодержавной власти. Особенно ценно это послание тем, что отражает отношение ваисовцев к происшедшим в стране переменам, выраженное непосредственно в момент происходящих перемен.

Содержание документа свидетельствует, что при всей искренней верноподданности и приверженности ваисовцев к самодержавию, они сумели примириться с произошедшими в стране переменами, в том числе и свержением монарха, защиту которого «божьи воины» считали своею прямой обязанностью. Более того, автор послания (Ш.Сайфутдинов) выражал благодарность Государственной думе и ее исполнительному комитету за уничтожение с помощью великого Бога «поганой власти» с ее законами и «миссионерской хитростью», предлагал избрать на место царя народный совет. Автор обращения писал также, что ваисовцы вполне довольны Временным правительством и будут ему повиноваться, если оно не будет притеснять ваисовцев и даст им полную свободу исполнять свою веру по шариату. Также

ваисовцы просили не притеснять царя Николая Александровича, который, на их взгляд, ни в чем не виноват: *«Ему не давало волю правительство, и от имени Царя управляли сами они хищные звери, и государь боялся их»*. В этой фразе сказалась устойчивость довольно широко распространенных в народном сознании иллюзий и представлений о добром царе в окружении коварных слуг.

Приведенные факты обращения ваисовцев к депутатам Государственной думы свидетельствуют о том, что в целом представители мусульманского традиционализма воспринимали парламент де-факто в качестве легитимного учреждения, а ее членов — как народных избранных. Следовательно, Дума в целом рассматривалась ваисовцами как учреждение, в котором возможен поиск истины, справедливости и защиты, которое может наконец-то разрешить больной «ваисовский вопрос».

Восприятие Думы и депутатов современниками, проявлявшееся на страницах периодических изданий, нельзя оценивать как нечто универсальное и всеобщее. Отношение тех или иных изданий во многом зависело от субъективных взглядов и пристрастий публицистов и аналитиков, от партийной позиции того или иного издания, от тех конкретных задач, которые преследовали газеты в тот или иной момент времени, в той или иной конкретной ситуации. В то же время нельзя не обратить внимания на бесспорный факт — недовольных деятельностью Думы из года в год становилось все больше и больше. И даже правая пресса, первоначально приветствовавшая все действия властей по умиротворению общества и приспособлению избирательного закона под нужды и интересы русской государственности, позднее не могла скрыть своего разочарования. Еще более сильным это разочарование было в оппозиционных слоях общества.

«Когда я вспоминаю о первой думе, о нашей первой, весенней, окруженной майскими иллюзиями думе, мне представляется, что вера в нее была первой, чистой любовью пробудившейся народной души, любовью умиленной и умиленной, сотканной из светлых самообманов и поэтому полной трагизма и неизбежно увлекающей к трагедии» — вспоминал о первых шагах народного представительства один из кадетских публицистов. «Думой народного гнева» и «парламентом весенних самообманов» был назван первый в новейшей истории России высший законодательный орган страны. Говоря об апрельских днях 1906 г., публицисты и политики чаще всего повторяли слова о *«весенних годах парламентской жизни»*. Как же эти слова разнились с оценками, данными ими Думе 2-го созыва.

Еще более критические отзывы были обращены к третьей Думе. Уже в первые ноябрьские дни либеральная пресса с большой тревогой сообщала о *«торжественном открытии Думы посреди равнодушного молчания «замерзшей России»*». Последующая действительность оправдала пессимистичные прогнозы журналистов. Буквально через пару месяцев думский хроникер А.Тыркова-Вильямс такими словами характеризовала третью Думу: *«Она [Дума] скучная, ею никто не интересуется, о ней еле говорят, да и то с пренебрежительной или злой усмешкой. Не видно оживления ни среди немногочисленной публики, ни в ложах журналистов, ни даже на депутатских скамьях»*з.

К началу работы последней дореволюционной Думы ситуация продолжала усугубляться, а оценки публицистов становились все более и более резкими: *«Нет темы более неприятной и тяжелой, чем разговор о Государственной думе. Не трудно обрушиваться на Думу градом насмешек, издевательств и обличений. Дума бессильная. Дума серая, без центра, без идей. Дума трусливая, не пользующаяся никаким авторитетом ни наверху, ни внизу. Поистине, она уже гниет на корню. Ее третируют министры и Государственный Совет, ее поносят с церковных амвонов, кафедр черносотенных союзов, со страниц официальной печати. Это — правда. А слева ее не бранит и над нею не смеется лишь ленивый»* — писал известный кадетский публицист А.С.Изгоев.

Ему вторил другой видный общественник В.Кузьмин-Караваев: *«Главная парламентская тема дня — о скуке, царящей в Таврическом дворце. По единодушному признанию подавляющего большинства членов Думы всех партий и журналистов всех оттенков, имеющих вход в думские кулуары, скука как-то вдруг наложила на Государственную Думу свою давящую и удручающую печать. Скучно в общих собраниях, скучно в заседаниях комиссии и в совещаниях фракции. Как сонные, бродят депутаты по кулуарам»*2. Наконец, к 1914 году этот же публицист вынес Думе окончательный приговор: *«пульс общественно-политической жизни давно уже бьется не в Государственной Думе»*з.

В чем же причина подобной эволюции общественных настроений? Почему все чаще стали звучать слова разочарования, скорбные слова о поминках *«по мечтам и надеждам, зажженным вестью о великой реформе»*. Возможно, главная причина коренилась в том чрезмерном усердии местной администрации, поддерживаемом столичной бюрократией, при формировании удобного и лояльного властям депутатского корпуса, в тотальной бюрократизации и формализации деятельности Думы, в бесплодности многих усилий депутатов, отвергаемых правительством или Госсоветом. Все это убивало веру людей в эффективность и народность Думы, усиливало абсентеизм и равнодушие общества к тому, что творилось в стенах Таврического дворца, дискредитировало идею народного представительства. И власти, следует признать, немало поспособствовали такому развитию событий. Правда и с общества нельзя снять его долю ответственности.

3. Деятельность казанских депутатов в оценке местной прессы

В целом, одним из важнейших ретрансляторов идей парламентаризма в российском обществе, популяризаторов или же наоборот беспощадных критиков действий депутатов и Думы была центральная и местная пресса. Периодические издания помещали регулярные обзоры деятельности Думы, давали полностью или в выдержках стенографические отчеты, печатали обращения или аналитические статьи депутатов, публиковали их фотографии или же довольно острые эпиграммы на них.

Из казанских русскоязычных периодических изданий¹ можно назвать две газеты, которые занимали ведущие позиции в среде казанской повременной прессы, являлись рупорами двух противоборствующих политических сил и чаще всего выступали в качестве трибуны для самих депутатов. Это либеральная, прокадетская «Камско-Волжская речь» и весьма умеренная (а в оценке некоторых даже черносотенная с ярко выраженной антисемитской направленностью) газета «Казанский телеграф». Что объединяет оба названных издания при всем их политическом антагонизме, так это то обстоятельство, что они не имели собственных думских корреспондентов. Поэтому оба издания освещали думские события по сообщениям Санкт-Петербургского телеграфного агентства, основываясь на публикации столичных изданий или же изредка по отзывам казанских депутатов, разделявших позицию данного издания.

Либеральная казанская пресса думского периода была представлена двумя основными изданиями — газетами «Казанский вечер» (1906 — 1907) и ее фактическим продолжением газетой «Камско-Волжская речь» (1908 — 1917). Существенное влияние на позицию указанных газет оказывал политический облик депутата и политическая направленность самого издания. Кадеты обычно непримиримо относились к депутатам-октябристам, поскольку именно с октябристами шла основная борьба за голоса потенциальных выборщиков. Другой причиной, вызывавшей гнев кадетских изданий в отношении октябристов, было то, что последние защищали существующее положение, некий политический статус-кво, тогда как, по мнению кадетских публицистов, необходимо было бороться за углубление в российском обществе конституционных идей и фактическую реализацию идеи народного представительства. Поэтому либеральные издания весьма критично относились к деятельности и персональному составу казанских депутатов-октябристов. Особенно эта критика усилилась в период функционирования Думы 3-го и 4-го созывов. «Камско-Волжская речь» неоднократно подвергала резкой критике и высмеивала таких умеренных депутатов, как октябристы И.В.Годнев, В.А.Карякин, А.Н.Боратынский и М.Я.Капустин. Более всего доставалось первым двум. Именно они становились «героями» различных фельетонов и сатирических стихотворений.

Почтенный профессор М.Я.Капустин подвергался резкой критике за отсутствие четкой и ясно изложенной программы, за не высказывание определенного мнения, беспринципность в Думе: «*«Никак»... Вот самая короткая в мире политическая программа, с которою вступил в Государственную думу казанский октябрист Михаил Яковлевич Капустин»*.

Поводом к таким резким суждениям стал случай, который произошел в декабре 1906 г. на одном из собраний казанских октябристов. На вопрос, как относится профессор к деятельности правительства, он быстро и с готовностью ответил — «никак». Это «никакое» отношение, по словам автора заметки, профессор положил в основу своей думской деятельности. Такое поведение депутата порождало слухи и вызывало подозрение, что за «никакой» позицией скрывается лишь карьерный интерес. Еще более резкая критика в адрес итогов депутатской деятельности почтенного профессора стала звучать со страниц газеты «Камско-Волжская речь» осенью 1912 г., в период выборов в Думу 4-го созыва. Автор статьи (под инициалом Н.Г., вероятнее всего, скрывался редактор и постоянный сотрудник газеты Н.Гусев) критиковал двойственную и неустойчивую натуру профессора, его молчание по важнейшим для населения края вопросам, неумение вести думские заседания, которые неизменно заканчивались скандалами и бегством Капустина с председательского места и пр.²

Весной 1910 г. достоянием гласности и соответственно поводом для серии критических выпадов «Камско-Волжской речи» стали следующие действия В.А.Карякина. Казанский купец 1-й гильдии, один из крупнейших в крае торговцев хлебом, подал через свое доверенное лицо ходатайство в столичное по городским делам присутствие об освобождении «ввиду крайней бедности» от квартирного налога за снимаемую им в Петербурге квартиру¹. В фельетоне, посвященном этому событию, скрывшийся под псевдонимом М-ский, автор высмеивал «крайнюю бедность» казанского купца, снимавшего в столице квартиру за «скромную» сумму в 1400 руб. в год и предлагал организовать «кружечный сбор» для нуждающегося депутата². Данный поступок вызвал особенное недоумение в либеральной прессе, поскольку всем было очевидно, что В.А.Карякин принадлежал к крупнейшим в крае меценатам и жертвователям. В частности, только на нужды биржи Рыбинска он пожертвовал более 100 тысяч руб.. В свете подобных крупных пожертвований подобная экономность казанского депутата вызывала многочисленные нарекания, а Карякин получил прозвище «казанский сирота»³.

В том же фельетоне высмеивались упомянутые депутаты, приезжавшие в Казань на пасхальные каникулы и всячески игнорировавшие прямую обязанность депутата — отчитаться перед избирателями о проделанной работе. По мнению автора фельетона, основная причина заключалась в том, что этим де-

путатам было нечего сказать о своей деятельности в качестве парламентариев. Однако интересно то, что в этой же газете, являвшейся органом казанских кадетов, достаточно много было сообщений о действиях октябристских депутатов и практически ни слова о тех депутатах, которые входили в кадетский блок — С.В.Дунаеве и А.Л.Лунине, а также более правых — И.Соколове, Н.Д.Сазонове.

В период работы Думы 4-го созыва со страниц газеты «Камско-Волжская речь» подвергались критике преимущественно те депутаты, чья деятельность была недостаточной, но в то же время заслуживала внимания. Речь идет прежде всего о И.В.Годневе и протоиерее А.В.Смирнове. Остальные же депутаты, избранные от Казанской губернии, воспринимались как безликая масса, которая пришла в Думу неизвестно откуда, и *«уйдут они, как дантовские тени, не свершившие ничего — в жалкое забвение»*. Большинство из казанских депутатов последней дореволюционной Думы — *Думы безвременья*, по мнению авторов либеральной газеты «Камско-Волжская речь», были слишком бесцветны, слишком ничтожны по своему индивидуальному значению, чтобы заслуживать какого-либо внимания. Другое дело люди, одаренные талантом и знаниями, подобно профессору А.В.Смирнову. Кому много дано, с того и много спросится — именно исходя из этого принципа наиболее деятельные депутаты оказывались под критическим прицелом казанской либеральной прессы.

Характерная в этом плане полемика развернулась между газетой «Камско-Волжская речь» и депутатом А.В.Смирновым. В частности, в мае 1914 г., под занавес работы 2-й сессии в адрес бывшего казанского профессора были высказаны достаточно серьезные критические замечания. Автор статьи, под псевдонимом «Выборщик», высказал сожаление, что профессор богословия отделался молчанием во время обсуждения сметы Святейшего синода. Такое поведение уважаемого профессора во время обсуждения церковных проблем тем более обидно и недопустимо, что он был избран в парламент именно как православный человек, которому близки и понятны беды и проблемы православной братии. И если молчание со стороны «бесхитростных деревенских пастырей» было бы понятно и объяснимо, то молчание авторитетного профессора и человека материально состоятельного, а потому вполне независимого, наводит на грустные размышления — не допустили ли ошибку казанские выборщики, доверив свои голоса почтенному профессору?! В ответном письме профессор А.В.Смирнов попытался парировать обвинения в свой адрес, не согласившись с тем, что роль священника в Думе можно свести лишь к выступлениям исключительно по религиозным вопросам. В Думе несколько шире смотрят на права и обязанности думских священников: как и другие члены, они призваны к законодательной работе по всем отраслям государственной жизни. Более того, А.В.Смирнов полагал, что было бы серьезной ошибкой оценивать дееспособность депутата исключительно из его публичных выступлений с общедумской трибуны.

В этой газетной полемике между депутатом и анонимным публицистом столкнулись два взгляда на суть парламентской деятельности: чему должен быть отдан приоритет — публичности или же т.н. «деловой работе». По мнению профессора-богослова, дееспособность и полезность депутата в первую очередь отражает его повседневную работу в комиссиях и комитетах над текстами законопроектов, которая подчас скрыта от широкой общественности. Автор же статьи, не отрицая необходимости рассмотрения мелких вопросов и частных законов, полагал более важным обращение депутатов к «болевым точкам» современной России, освещение наиболее принципиальных и болезненных вопросов. Наверное, в идеальном варианте гармонично сочетаются оба аспекта — «деловой» и «публичный» — парламентской деятельности. Общественность проявляла недовольство именно тогда, когда считала, что одно из направлений думской деятельности не отвечает представлениям об идеальном парламенте. Однако как бы ни судили современники своих депутатов многое можно оценить более справедливо лишь в исторической проекции.

В 1915 г. в «Камско-Волжской речи» была опубликована статья, обвинявшая депутата В.В.Марковникова в нарушении депутатского долга и этики. Поводом к появлению заметки стали два факта: выделение Министерством земледелия через В.В.Марковникова 35 тысяч руб. на строительство завода для сушки овощей и награждение тем же министерством депутата 1500 руб. в виде премии за *«отлично исполненное дело»*. Эти два факта сами по себе отнюдь не криминальные, тем не менее, по мнению автора заметки, были несовместимы с депутатским званием и долгом. Одно из двух — или депутат, или чиновник министерства; депутату же нельзя быть в роли «ласкового теляти» и служить двум богам. Поэтому, по мнению автора статьи, В.В.Марковников просто обязан сделать выбор — или же опровергнуть эти факты, или же сложить с себя полномочия депутата.

Газета «Казанский телеграф» освещала деятельность парламента вполне традиционно для провинциальных изданий: телеграммами Санкт-Петербургского телеграфного агентства, перепечатками из столичных изданий, близких по духу и партийной ориентации. Своих парламентских корреспондентов у газеты не было, поэтому думский материал имел вторичный характер, не отличался самостоятельностью и новизной суждений. Казанским депутатам на страницах «Казанского телеграфа» было отведено очень скромное место. Из наиболее часто упоминаемых изданием имен можно назвать В.А.Карякина, И.В.Годнева, М.Я.Капустина. Причем первые двое даже чаще упоминались в связи с их общест-

венной или хозяйственной, а не парламентской деятельностью. Не считая отдельных небольших сообщений, в течение 1908 г. на страницах газеты можно отметить лишь три более-менее значительных материала, касавшихся казанских депутатов. В одном из летних номеров был дан пространный пересказ доклада, сделанного М.Я.Капустиным на объединенном собрании партии октябристов, посвященном итогам первой сессии Думы 3-го созыва¹. Примечательно, что обещанного окончания материала читатели так и не дождались. Единственная из думских речей казанских депутатов, опубликованных в полном, а не в сокращенном, виде была произнесена Н.Д.Сазоновым². О партийных симпатиях газеты говорит тот факт, что издание приветствовало выбор казанских избирателей, доизбравших вместо ушедших в отставку Мельникова и Ефремова правых Н.Д.Сазонова и А.Н.Боратынского. Напротив, М.Я.Капустин вызывал у редакции газеты и ее сторонников стойкое отторжение своей приверженностью конституционному строю.

Казанская губерния была многонациональным регионом. В силу этого «инородческий» аспект деятельности депутатов и Думы в целом занимал весьма важное место в газетных публикациях. Естественно, позиция указанных двух изданий различалась и в плане освещения «мусульманской» проблематики. Газета «Казанский телеграф» выступала основным поставщиком сведений о положении в инородческой среде Поволжья для столичных газет — «Новое время» и «Россия». Политическая позиция и соответственно отношение к инородческому вопросу этих изданий были схожими. Газета «Новое время», со ссылкой на своих казанских корреспондентов, почти всегда анонимных, нередко помещала статьи о возрастающей угрозе государству со стороны поволжских инородцев, об их непомерных аппетитах. Самыми опасными для русской власти в крае считались мусульмане-татары, ведомые своим фанатичным духовенством³.

Газета «Камско-Волжская речь» ориентировалась на другой столичный орган — кадетскую «Речь», из которой перепечатывала значительное количество статей по общеполитическим вопросам. В соответствии со своим политическим *credo* орган казанских кадетов относился к национальному вопросу и инородцам более дружелюбно. В то же время казанские либералы допускали в адрес «консервативных» мусульман критические выпады. Одной из статей, появившихся в 1909 г. в газете «Камско-Волжская речь» и посвященных мусульманскому депутату, была статья с описанием собрания, на котором депутат С.Максуди выступал с отчетом о думской деятельности за осеннюю сессию 1908 г.¹ Приехавший на время рождественских каникул в Казань вечером 10 января С.Максуди выступил в здании Купеческого собрания перед своими избирателями с отчетом о деятельности Государственной думы и мусульманской фракции. Обозреватель газеты «Камско-Волжской речи» заметил, что публика состояла исключительно из татар, а выступление С.Максудова было проникнуто узконационалистическим взглядом на проблему. Оратор коснулся следующих вопросов: о комиссиях в Думе, о деятельности Думы и мусульманской фракции, о выступлениях мусульманских депутатов, о подготовленных мусульманами законопроектах, а также об отношении к таким вопросам, как всеобщее обучение, реформа духовных учреждений и вакуфы. Автора заметки более всего не удовлетворила оценка, данная С.Максуди фракции октябристов, высказанные мусульманским депутатом намерения сотрудничать в Думе именно с этой фракцией².

На протяжении всего 1909 г. в «Камско-Волжской речи» была специальная рубрика «Из мусульманского мира», в которой помещались заметки о событиях в мусульманском мире, публиковались обзоры мусульманских периодических изданий (в основном казанских «Юлдуз» и «Баянелхак», а из не казанских — «Вақыт» и «Терджиман»). Делались регулярные обзоры театральной жизни у казанских татар. Однако в целом материалы газеты «Камско-Волжской речи» по «мусульманской» проблематике носят вторичный характер. И не только потому, что являются пересказом сведений, почерпнутых из татарских газет. Практически все публикации в газете «Камско-Волжская речь» за 1908 — 1910 гг., относящиеся к мусульманам, принадлежат перу Г.Сайфетдинова и появлялись под псевдонимом «Гассан»¹. По содержанию материалов этой газеты можно определить характер взглядов Г.Сайфетдинова, непримиримого борца с классом торговцев и мусульманским фанатизмом, но отнюдь не о том, какие идеи разделялись элитой татарского национального движения, какие события, происходившие в мусульманском мире России, были наиболее важными для мусульман и с точки зрения самих мусульман. Вряд ли по публикациям Г.Сайфетдинова можно было получить адекватную картину общественной жизни мусульман Поволжья. Ценность региональных русских изданий скорее в том, что по ним можно воспроизвести реакцию провинциальной русской общественности на деятельность депутатов-мусульман.

Безусловно, для освещения деятельности мусульманских депутатов следует привлекать в первую очередь собственно татарские издания. Казань выделялась из всех мусульманских городов своим особым статусом крупнейшего в стране центра печати на восточных языках. Например, еще в 1908 г. отмечалось, что в Казанский комитет по делам печати *«поступает материал на восточных языках из 11 казанских типографий, 3 типографий Оренбурга, 2 Уфимских, одной Астраханской и одной Крымской»*². Татарская пресса дореволюционного периода имела одну общую особенность — негосударст-

венный характер, т.е. издавалась по инициативе, на средства и при активном участии татарской общности. Роль как государства, так и русских общественных организаций и отдельных деятелей в издании татарских газет и журналов всегда была незначительной. Более того, любая, даже самая скромная попытка «помощи», расценивалась татарами как вмешательство государства в сугубо национальные дела, а потому воспринималась крайне негативно. Другой общей особенностью было то, что все мусульманские издания были пропитаны единым национальным духом. Решение многих национальных проблем виделось авторам публикаций в одном русле — в направлении прогресса и достижения общеевропейского уровня культуры. Примечательно, что даже издания, постоянно критикующие друг друга, говорили неизменно об одном — о благе нации и прогрессе. Именно с этой позиции они предлагали рецепты и способы решения насущных проблем. Возможно, поэтому практически вся татарская дореволюционная пресса характеризовалась царскими чиновниками как прогрессивно-националистическая, оппозиционная по отношению к властям, а потому требующая бдительного контроля и надзора.

Среди многочисленных казанских изданий, выходивших на татарском языке, и освещавших думскую деятельность, необходимо выделить следующие газеты — «Юлдуз» (1906 — 1918), «Казан мухбире» (1905 — 1911), «Баянелхак» (1906 — 1914) и «Кояш» (1912 — 1918). Все эти издания придавали большое значение деятельности Государственной думы. Из думской действительности наибольшее внимание было уделено мусульманским депутатам и мусульманской фракции в целом. Хотя ни одно из указанных татарских изданий не обладало финансовой возможностью иметь в столице своего собственного парламентского корреспондента, тем не менее они находили возможность держать читателей в курсе происходивших событий. Функции думских корреспондентов нередко выполняли сами члены мусульманской фракции, присылая в редакции ведущих татарских газет обращения к общественности, стараясь более-менее регулярно информировать общественность о своей деятельности.

Например, в газете «Казан мухбире» работу первой Государственной думы освещал Ю.Акчура. Ему принадлежат почти все серьезные аналитические статьи. Весной 1907 года бывший депутат-перводумец С.-Г. Алкин, достаточно часто ездивший по служебным делам в Санкт-Петербург и поддерживавший с мусульманскими депутатами постоянные контакты, дал свое согласие быть корреспондентом газет «Баянелхак» и «Казан мухбире»¹. Действительно, вскоре в ряде номеров газеты «Баянелхак» были опубликованы присланные им из столицы подробные обзоры деятельности Думы². Во время работы Думы 3-го созыва депутат от Казанской губернии Г.Еникеев, кандидатуру которого газета «Баянелхак» поддерживала весьма активно, регулярно отчитывался о своей деятельности и работе фракции³. С февраля-марта 1908 г., наряду со статьями С.-Г.Алкина и Г.Еникеева, в газетах «Баянелхак» и «Казан мухбире» все чаще стали печататься публикации за подписью Исхака Бикчурина, который фактически на несколько месяцев превратился в постоянного думского корреспондента ряда казанских изданий⁴. После Февральской революции, когда стали доступны жандармские архивы, выяснилось, что с 1908 г. он одновременно состоял и тайным агентом полиции под именем «Борис», оповещавшим власти о настроениях татарских эсеров⁵.

Казанская газета «Юлдуз», редактором которой был брат С.Максуди — А.-Х.Максуди, также уделяла большое внимание деятельности фракции и отдельных ее членов⁶. Весной-летом 1907 г. газета «Юлдуз» регулярно информировала своих читателей о работе Думы и мусульманской фракции как по материалам российских изданий, так и посредством корреспонденций казанских депутатов С.Максуди и С.Максютова⁷. После роспуска второй Думы С.Максуди поместил подробный отчет о своей деятельности⁸. В восьми номерах газеты «Юлдуз» казанский депутат попытался очертить общие итоги парламентской деятельности. В самом начале статьи С.Максуди тактично оговорился, что не намерен давать оценку работе фракции или всех мусульманских депутатов. Помня лишь о наказе, который был дан казанскими выборщиками мусульманским депутатам накануне их отъезда в столицу, он хотел бы дать отчет о трехмесячном своем пребывании в качестве мусульманского представителя в общероссийском парламенте⁹. В то же время данная статья стала своеобразным отчетом трех казанских депутатов-мусульман С.Максуди, С.Максютова и Г.Мусина.

В период Думы 3-го созыва (1907 — 1912) газета «Юлдуз» по-прежнему оставалась ведущим рупором мусульманской фракции. Учитывая возросший авторитет С.Максуди, его роль одного из фактических лидеров мусульманской парламентской группы, внимание газеты к деятельности мусульманских депутатов, избранных от Казанской губернии, было вполне логичным. После того, как кандидатура С.Максуди была снята с предвыборной дистанции, а в Думу 4-го созыва не попал ни один из мусульманских кандидатов, внимание данной газеты к Думе несколько ослабло. Это обстоятельство дало некоторым русскоязычным изданиям и полицейским чинам сделать вывод, что мусульманская пресса интересуется деятельностью Думы в узконационалистическом плане, только в том случае, если общеимперский парламент затрагивает интересы мусульман.

В период функционирования Думы 4-го созыва из казанских изданий ведущую позицию стала занимать газета «Кояш», которая издавалась крупнейшим в Казани торговым домом и по свидетельству контролирующих органов обладала значительными финансовыми средствами для получения телег-

рамм Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Вторым немаловажным обстоятельством стало то, что газета объединяла татарскую молодежь (Ф.Амирхан и др.), акцентированную на национальные проблемы. Поэтому деятельность Думы в целом и мусульманской фракции в частности, оценивалась газетой «Кояш» через призму национальных интересов.

Левые татарские издания предоставляли свои страницы депутатам, занимавшим наиболее радикальные позиции, причем вне зависимости от национальной принадлежности. Так, в период работы Думы 1-го созыва на страницах татарской газеты «Тан юлдузы», которая разделяла взгляды татарских эсеров, помещались письма казанского депутата П. Ершова¹. Орган татарских эсеров, издаваемый друзьями и единомышленниками Ф.Туктаровым, Г.Исхаки и Ш.Мухамедьяровым, газета «Тан юлдузы» занимала позицию непримиримой классовой борьбы с буржуазией и борца за народные нужды. Эта позиция оказывала влияние на то, как газета освещала деятельность Думы в целом и отдельных казанских депутатов в частности. Но радикальная татарская пресса была еще менее долговечна, нежели радикальные первые две Думы². Поэтому для характеристики взаимоотношений татарской прессы и казанских депутатов как мусульман, так и не мусульман, более репрезентативны либеральные татарские издания, такие, как «Казан мухбире», «Баянелхак», «Юлдуз» и «Кояш».

Глава III

Казанские депутаты в думских комиссиях и на парламентской трибуне

1. Участие в работе думских комиссий

Для функционирования Думы как работоспособного учреждения чрезвычайно важной являлась работа думских комиссий. По мере того, как были пройдены первые процедурные вопросы (утверждение полномочий депутатов, принятие наказа и утверждение регламента работы, институционализация фракций и оглашение фракционных платформ), следующей важной ступенью в налаживании думской деятельности являлось утверждение состава думских комиссий. И только после того, как центр тяжести переносился в комиссии, работа Думы входила в свое нормальное русло. От работы думских комиссий зависела во многом продуктивность деятельности Думы, а в некоторой степени и судьба законопроектов. И хотя эта работа часто была скрыта от взора общественности и о ней мало сообщалось в прессе, она очень важна, так как в ней заключается вся суть Думы. Именно она превращала Думу из «трибуны демократии» в законодательный орган.

Членство депутатов в думских комиссиях зависело от расстановки политических сил в Думе, от соотношения численности отдельных фракций и, наконец, от интеллектуальных и профессиональных возможностей отдельных депутатов, членов той или иной фракции. Комиссии избирались на общем собрании Думы или же путем избрания думскими отделами определенного числа членов от каждого из отделов¹. Идея выборов по отделам преследовала цель обеспечить в комиссиях представительство меньшинства и присутствие компетентных членов. Однако на деле такая процедура была малоэффективной и использовалась редко. В основном выборы в комиссии осуществлялись общим собранием. В Думе 1-го созыва процедура избрания персонального состава комиссий только отрабатывалась. Поэтому избрание осуществлялось не столько с учетом пофракционных пожеланий, сколько общим голосованием по всем выдвинутым кандидатурам. Кроме того, наличие в Думе большого числа беспартийных депутатов было дополнительным аргументом против пропорциональной системы. В итоге те думские фракции, которые обладали подавляющим большинством голосов или же имели в своих рядах известных и популярных политиков, чьи имена были, как говорится, «на слуху», имели явные преимущества перед малочисленными фракциями и думскими группами. В этих условиях в Думе 1-го созыва кадеты и лидеры трудовиков доминировали над остальными депутатами. Начиная с 1907 г. выборы в комиссии осуществлялись на пропорциональной основе по предложениям фракций. Такой порядок в целом сохранялся вплоть до роспуска последней дореволюционной Думы. Так как принцип партийно-пропорционального представительства нигде не был закреплён, соблюдение его в значительной мере зависело от доброй воли думского большинства.

Государственная дума 1-го созыва создала 7 постоянных и 8 временных комиссий. Однако из-за кратковременности работы первого парламента, выборы были проведены не во все комиссии. В целом законодательная работа первой Думы была крайне непродуктивной. Тому было ряд причин: краткость работы Думы, неподготовленность думского большинства к выработке законопроектов, нежелание сотрудничать с правительством и игнорирование представителей ведомств и министерств. В Думе 2-го созыва были образованы 22 комиссии и 1 совещание президиума и ряда комиссий. В третьей Думе число комиссий возросло от 31 в 1-ю сессию до 45 в 5-ю сессию. Наконец, в Думе 4-го созыва были образованы соответственно 32 комиссии в 1-ю и 37 — во 2-ю сессии¹. Из них лишь 7 носили постоянный характер и избирались согласно § 33 Наказа. Среди постоянных следует назвать такие комиссии, как — распорядительная, бюджетная, финансовая, по исполнению государственной росписи доходов и расходов,

редакционная, библиотечная и по разбору корреспонденции. Остальные считались временными, т.е. избирались по особому постановлению Государственной думы для рассмотрения группы законопроектов или же отдельного вопроса. Большинство комиссий насчитывало, как правило, по 33 члена. Аграрная комиссия, как самая важная, была и самой многочисленной — в Думе 1-го созыва она насчитывала 99 членов (*комиссия 99-ти*), а в Думе 2-го созыва — 66 членов. В Думе 3-го созыва в т.н. «земельную комиссию» входили 65–66 человек. Смежными проблемами занималась комиссия по переселенческому делу, которая также была весьма многочисленна — в нее входили 65–69 депутатов. Многочисленной была и бюджетная комиссия. Начиная с 1907 г., она состояла из 66 членов, что и было закреплено в наказе 1909 г. Наконец, на 2-й сессии Думы 3-го созыва была образована комиссия по местному самоуправлению, состоявшая из 72 членов. Многочисленность той или иной комиссии отражала чрезвычайную важность обсуждаемых ею проблем, однако, комиссии с таким составом едва ли были работоспособными.

Поскольку депутаты от Казанской губернии были представлены в различных фракциях, то формально каждый из казанских депутатов мог состоять членом нескольких комиссий. Тем более что думский наказ не запрещал подобное совмещение. Однако интеллектуальные возможности, квалификация и, главное, желание работать присутствовало отнюдь не в равной степени. В силу этого наблюдался довольно сильный разброс: тогда как некоторые депутаты являлись членами одной максимум двух комиссий (а то и вовсе не входили ни в одну комиссию), другие были записаны одновременно в пяти-шести комиссиях. Особенно это было характерно для депутатов Думы 3-го и 4-го созывов — Г.Х.Еникеева, М.Я.Капустина, В.А.Карякина, В.В.Марковникова, И.А.Рындовского и А.В.Смирнова (табл. 1 в приложении). Если депутат посвящал себя полностью думской работе, то такая нагрузка была реальна, допустима и имела положительные итоги. В качестве примера можно привести деятельность И.В.Годнева и Г.Х.Еникеева. Но чаще всего депутаты, особенно предприниматели, земские деятели и профессора, совмещали работу в Думе со своей прежней профессиональной деятельностью, что приводило к вполне понятным последствиям — частым пропускам как заседаний комиссий, так и общих думских собраний. Согласно наказу, при срыве кворума более трех раз комиссию следовало переизбрать. В целом из 39 казанских депутатов почти третья часть (11 человек) не входила в состав ни одной из думских комиссий. Поскольку эти же депутаты, как правило, ни разу не выступали и с думской трибуны, их функции в качестве парламентариев ограничивались лишь голосованием.

Комиссии собирались на первое заседание и избирали должностных лиц — председателя и его заместителя (чаще всего двух), секретаря с товарищами. В некоторых комиссиях действовали совещания и подкомиссии. Председатель комиссии устанавливал очередность рассмотрения дел, приглашал представителей ведомств, вносил доклады в Думу и руководил аппаратом комиссии. Наказом запрещалось быть одновременно председателем двух и более комиссий. Среди руководителей думских комиссий было несколько человек из числа казанских депутатов. Профессор Казанского университета М.Я.Капустин возглавил комиссию по рассмотрению законопроекта об уставе и штатах императорских российских университетов, созданную в 3-ю сессию (1909 — 1910). В комиссии по народному образованию казанский профессор возглавил подкомиссию по инородческому образованию. Наконец, почтенный профессор также состоял председателем библиотечной комиссии в Думе 2-го и 3-го созывов. Еще один представитель Казанского университета И.В.Годнев исполнял обязанности председателя комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов (в Думе 3-го созыва с 3-й сессии и в Думе 4-го созыва весь срок), а также обязанности секретаря бюджетной комиссии. Другой казанский депутат А.Н.Боратынский исполнял обязанности председателя комиссии о гимназиях и подготовительных училищах, а также товарища секретаря комиссии по местному самоуправлению. Четвертым казанским депутатом, возглавившим думскую комиссию, стал В.А.Карякин. Под его началом была продовольственная комиссия, которая состояла из 44 членов. Наконец, в Думе 4-го созыва В.В.Марковников являлся секретарем комиссии по торговле и промышленности, профессор отец А.В.Смирнов — секретарем комиссии по делам православной церкви, Д.С.Теренин — секретарем финансовой комиссии (со 2-й сессии).

Помимо того, что представители Казанской губернии возглавляли думские комиссии, они также присутствовали и в составе общедумского президиума в качестве заместителей (товарищей) председателя или секретаря Думы. В Думе 1-го созыва заместителем секретаря был избран профессор Г.Ф.Шершеневич. В Думе 2-го созыва его сменил С.Максуд. В Думе 3-го созыва — Н.А.Мельников. Правда последний исполнял эти обязанности недолго — в течение одной сессии, поскольку уже весной 1908 г. подал в отставку с должности депутата. Другой казанский депутат — Г.Х.Еникеев — чуть раньше по тактическим соображениям отклонил предложение занять место одного из заместителей секретаря, предоставленное ему как представителю мусульманской фракции. В Думе 4-го созыва Г.Х.Еникеев все же принял на себя подобные обязанности, однако к этому времени он представлял население не Казанской, а Оренбургской губернии. Наконец, в Думе 3-го созыва профессор М.Я.Капустин был избран одним из заместителей председателя Думы. Но этот опыт оказался неудачным. По складу своего харак-

тера и мягкости нрава почтенный профессор едва ли годился на роль руководителя столь большого и конфликтного коллектива.

2. Казанские депутаты — ораторы

Другой важнейшей составляющей парламентской деятельности депутатов являлось выступление с думской трибуны. Многими людьми именно речи, произнесенные с думской трибуны, рассматривались как самая важная часть депутатских обязанностей, то, ради чего *«избранники земли русской»* пришли в Таврический дворец. О деятельности депутатов люди часто судили именно по думским речам. Сказанными с трибуны словами мерили степень работоспособности и «полезности» того или иного депутата. И хотя интерес в обществе по отношению к Думе в целом и думским речам в частности постепенно угасал, вместе с некоторой долей разочарования приходило понимание того, что одними словами многочисленные проблемы не решить. Тем не менее выступления по-прежнему рассматривались как важнейшая составляющая депутатских обязанностей. Депутаты, ни разу не поднимавшиеся на думскую трибуну, так же как и те, которые использовали ее для сведения счетов и мелких «разборок», вызывали осуждение и порицание со стороны широкой общественности.

В Думе 1-го созыва казанские депутаты выступали с трибуны всего 22 раза, из них семь раз — в качестве докладчика по законопроекту или по поручению отдела. Шесть раз в этом качестве выступал Г.Ф.Шершеневич и один раз С.-Г. Алкин. Из других казанских депутатов в общем собрании Думы выступали профессор А.В.Васильев (7 раз), К.В.Лаврский (2) и П.А.Ершов (3). В Думе 2-го созыва из числа казанских депутатов речи произносили лишь следующие депутаты — М.Я.Капустин (31), З.М.Таланцев (2) и С.Максуд (1). Профессор М.Я.Капустин выступал по вопросу о необходимом количестве помощников секретаря и порядке их избрания. По его мнению, помощниками секретаря должны быть признаны те, кто наберет абсолютное большинство голосов. Это предложение М.Я.Капустина вызвало протесты тех депутатов, которые считали, что в представительном органе должны учитываться и мнение меньшинства, а не только абсолютного большинства. На другом заседании М.Я.Капустин высказывал свое мнение о принципах избрания членов думских комиссий. По убеждению почтенного профессора, в думских комиссиях должны быть представлены все оттенки мнений, все политические фракции. С точки зрения плодотворности работы самой Думы, ей выгодно, чтобы в комиссиях было равное, по возможности пропорциональное представительство от различных течений и блоков. Именно такой принцип комплектования комиссий, отстаиваемый М.Я.Капустиным, был поддержан думским большинством. Кроме того, речи М.Я.Капустина по вопросу о военно-полевых судах, по аграрному вопросу, о создании продовольственной комиссии, о необходимости оказания помощи голодающим привлекали внимание общественности. В этих выступлениях перед депутатами и наблюдавшими прения журналистами предстал не столько политик, сколько человек, искренне болеющий душой и сердцем о нуждах и бедах народа, человек, верящий в гуманную сущность человечества. О необходимости оказания помощи голодающим высказывался и другой казанский депутат, эсер и миллионер З.М. Таланцев, настаивавший на пофракционном принципе избрания членов продовольственной комиссии². Наконец, депутат С.Максуд выступил в прениях по вопросу о народном образовании, защищая принцип автономности мусульманской конфессиональной школы³.

В Думе 3-го созыва с думской трибуны в качестве докладчика по различным законопроектам (как министерским, так и думским) выступали шестеро казанских депутатов: А.Н.Боратынский и Н.Д.Сазонов (1), С.Максуд (2), В.А.Карякин (26), М.Я.Капустин (68) и, наконец, И.В.Годнев (134)⁴. Последние четверо также чаще всего поднимались на думскую трибуну при обсуждении различных проблем. В частности, в 1-ю сессию чаще всего на думскую трибуну поднимался М.Я.Капустин (не менее 31 раза), И.В.Годнев (не менее 6 раз), В.А.Карякин (7), С.Максуд (4). При этом С.Максуд и Г.Х.Еникеев неизменно выступали от имени мусульманской фракции. М.Я.Капустину фракция октябристов также нередко поручала представить консолидированное фракционное мнение по тому или иному вопросу. Всего один раз за недолгий срок своего пребывания в Таврическом дворце выступил октябрист Н.А.Мельников. Во 2-ю сессию к названным депутатам присоединились также А.Л.Лунин (3), Н.Д.Сазонов (2), А.Н.Боратынский (1). Чаще всего на думскую трибуну во 2-ю сессию поднимались М.Я.Капустин (не менее 30) и И.В.Годнев (не менее 15). Чуть реже с думской трибуны выступал В.А.Карякин (6). Из числа мусульманских депутатов выступали, хотя и не так часто, оба татарина — Г.Х.Еникеев (1) и С.Максуд (4). Наконец, на думскую трибуну в течение первых трех сессий ни разу не поднимались Н.П.Ефремов, С.В.Дунаев и И.Соколов.

В Думе 4-го созыва в период работы первых двух сессий (довоенный период, 1912 — 1914 гг.) из числа казанских депутатов в качестве докладчиков выступали четверо — И.В.Годнев (62), от. А.В.Смирнов (7) и В.В.Марковников (7), Д.С.Теренин (1).

И.В.Годнев представлял законопроекты в качестве докладчика бюджетной комиссии, а также комиссий по исполнению государственной росписи и по народному образованию. В течение 2-й сессии более двадцати раз он выступал с защитой своей личной или фракционной позиции по различным вопросам, обсуждавшимся в Думе. По 4-ю сессию (19.07.1915 — 3.09.1915, 9.02.1916 — 20.06.1916) наибо-

лее частым и единственным из числа казанских депутатов «гостем» думской трибуны оставался также И.В.Годнев. Он представлял законопроекты в качестве докладчика различных комиссий около тридцати пяти раз, а также более двадцати раз выступал во время обсуждения различных вопросов или же предлагал поправки и дополнения к отдельным законопроектам. Профессор богословия А.В.Смирнов поднимался на думскую трибуну в 1-ю сессию четыре раза — один раз в качестве докладчика и трижды в прениях. Во 2-ю сессию он выступал шесть раз в качестве докладчика (от имени комиссий по делам православной церкви, народного образования и народного здравия) и два раза с речами по сути законопроектов.

Во 2-ю сессию к числу казанских докладчиков и ораторов, выступавших с общедумской трибуны, присоединились также Д.С.Теренин, В.В.Марковников и И.А.Рындовский. Именно эти депутаты — прежде всего И.В.Годнев, в меньшей степени А.В.Смирнов и Д.С.Теренин, и еще в меньшей степени В.В.Марковников — были теми депутатами от Казанской губернии, которые в последней дореволюционной Думе активно работали в комиссиях и выступали с трибуны. Функции остальных (И.А. Бажанова, П.Ф.Бычкова, Ф.Н.Казина, И.А.Рындовского, Д.Н.Сверчкова, А.С.Юхтанова) ограничивались, как правило, голосованием и присутствием в зале заседания для соблюдения кворума. Более того, Ф.Н.Казин и П.Ф.Бычков присутствовали в Таврическом дворце фактически лишь в довоенный период.

Статистика свидетельствует, что депутаты, которые не работали в думских комиссиях, как правило, оказывались среди думских «молчальников» и ни разу не поднимались на думскую трибуну. В то же время с общедумской трибуны чаще всего выступали те депутаты, которые были наиболее активны и в иных сферах парламентской деятельности. Одновременно для выступлений с думской трибуны важно было обладать ораторскими навыками. В этом смысле очень полезным был опыт преподавательской деятельности. Не случайно, что среди наиболее активных думских ораторов были, как правило, университетские профессора, адвокаты, земские и общественные деятели, т.е. люди публичных профессий. Не стали исключением и казанские депутаты. Практически все университетские профессора и преподаватели — Г.Ф.Шершеневич, М.Я.Капустин, А.В.Смирнов, И.В.Годнев — были среди наиболее частых и признанных думских ораторов. Из мусульманских депутатов, избранных от Казанской губернии, чаще всего на думскую трибуну поднимались Г.Х.Еникеев и С.Максуди. Причем оба мусульманских депутата избирались на два срока. В первое время пребывания в стенах Таврического дворца они робели, чувствовали себя на трибуне немного неуютно, особенно сравнивая свои ораторские возможности с признанными думскими «златоустами» — В.А.Маклаковым, Ф.И.Родичевым, А.Ледницким и др. Но постепенно эта робость проходила. Очевидно, что со временем сомнения и опасения отступали. Мусульманские депутаты стали выступать все чаще и чаще. Однако в сравнении с названными выше казанскими депутатами, мусульмане поднимались на думскую трибуну не в качестве докладчиков по поручению комиссии или отделов, а для защиты собственной позиции, при обсуждении тех или иных злободневных проблем.

Следует отметить и следующее обстоятельство. Акустически зал Таврического дворца не был приспособлен к парламентской деятельности. Этот факт подтверждался многими современниками. Его отмечали в своих заметках думские журналисты, признавали эксперты, призванные исследовать помещение на пригодность для работы многолюдного собрания. Поэтому любой оратор, чтобы быть услышанным даже на ближайших от трибуны скамьях, должен был обладать сильным и хорошо поставленным голосом. По свидетельству же современников, С.-Г.Алкин, например, имел от природы очень тихий голос. Поэтому, несмотря на хорошее владение русским языком и юридическую квалификацию, этот депутат не мог стать одним из ведущих мусульманских ораторов.

Журналисты, наблюдавшие работу парламентариев ежедневно, относились к ораторским способностям депутатов весьма критично. Во многих изданиях можно встретить колкие выпады в адрес того или иного депутата, обвинения в том, что его голос чересчур «скрипуч» или тихий, что оратор злоупотребляет теми или иными выражениями, говорит медленно (например, эстонский депутат Теннисен был прозван острословами «тяни») или наоборот чересчур быстро. Предметом насмешек могли стать неправильно произнесенные слова депутатами, для которых русский язык не был родным. Но даже если депутат не обладал явными ораторскими способностями, не принадлежал от рождения или по образованию к общепризнанным «златоустам», допускал те или иные огрехи, содержательная сторона выступления была гораздо важнее. Даже скучный оратор, каковым, например, признавался И.В.Годнев, говоря о злободневных проблемах, мог приковывать внимание аудитории длительное время. Известен случай, когда речь того же И.В.Годнева длилась, правда с перерывами, более шести часов.

По регламенту любой оратор, без различия степени образования или национальности, должен был произносить свою речь. Чтение речей, за исключением цитируемых документов, не разрешалось¹. Многие из депутатов-мусульман, избранных населением Казанской губернии, не владели русским языком в достаточной степени, чтобы свободно и аргументированно выступать на сложные проблемы перед столь влиятельной и большой аудиторией. Поэтому такие представители Казанской губернии, как С.Максютов, Г.Мусин, Г.Бадамшин, Ф.-К.Миндубаев так ни разу и не поднялись на думскую трибуну.

Впрочем, подобный упрек может быть отнесен и в адрес православных крестьян, для которых русский язык был родным — И.А.Бажанова, М.В.Батурова, М.Н.Герасимова, А.С.Юхтанова. Ни разу не поднимались на думскую трибуну некоторые из казанских депутатов, которые имели достаточно высокое образование — С.В.Дунаев, Н.П.Ефремов, Ф.Н.Казин, Д.А.Кушников.

Согласно «Учреждению Государственной Думы», депутатские речи обладали иммунитетом, т.е. депутат обладал свободой слова по обсуждаемым делам, за исключением тех случаев, когда допускалась брань, оскорбления или же призывы к преступным деяниям. Несмотря на то, что российское законодательство и правоприменительная практика допускали различные толкования (подчас взаимоисключающие) вопроса о правах депутата Государственной думы, в том числе и в отношении «свободы слова», депутаты стремились максимально использовать предоставленную им возможность. Многие ясно осознавали повышенный общественный интерес к работе Государственной думы, особенно в период революционного подъема, видели, как широко расходились растражированные печатными изданиями слова, сказанные депутатами с думской трибуны, как жадно читающая публика ожидала газеты с сообщениями думских корреспондентов. По свидетельству думского корреспондента А.Тырковой-Вильямс, в обществе наибольший спрос был на те издания, которые поддерживали Думу и идею народного представительства, помещали о ней обширные репортажи.

Естественно, газеты, ограниченные в печатных площадях, были вынуждены давать выступления депутатов в пересказе, в сильно сокращенном виде. Поэтому в распространении «истинной» и наиболее полной информации важная роль отводилась стенографическим отчетам. Сами депутаты хорошо осознавали важность широкого освещения своей деятельности. Подобно тому, как тома «Полного собрания законов», разосланные по губерниям и городам необъятной империи, способствовали распространению в обществе правосознания, стенографические отчеты могли вносить свою лепту в укрепление в народе идей народного представительства.

Возможно, руководствуясь подобными соображениями, 15 мая 1906 г. группа депутатов, в числе которых был и Г.Ф.Шершеневич, предложила организовать рассылку думских отчетов во все учреждения, в том числе сельские и волостные правления, земские и городские управы и другие общественные учреждения, а также организовать продажу думских отчетов по минимальной цене². Предложение депутатов было рассмотрено 17 мая специальной комиссией совещания президиума Думы и признано осуществимым без специальных дополнительных ассигнований. Одних волостных правлений в России было более 11 тысяч, а вместе с сельскими правлениями их общее число превышало бы 110 — 120 тысяч. Таким образом, для рассылки стенографических отчетов во все местные учреждения потребуется не менее миллиона руб. в год. Кроме того, стенографические отчеты печатались в количестве 3000 экземпляров с тем расчетом, чтобы ими обеспечивались все депутаты, члены Государственного совета, министры, часть рассылалась в виде обмена с периодическими изданиями, а также в губернские и городские управы наиболее значительных городов. В итоге было решено образовать специальную комиссию из 11 человек (по одному от отдела) для дальнейшей разработки вопроса. К концу работы Думы 1-го созыва комиссия представила разработанный проект рассылки стенографических отчетов. Было решено печатать отчеты в таком количестве, чтобы было достаточно для раздачи депутатам по одному бесплатному экземпляру, бесплатной рассылки по губернским земским и уездным управам, городским думами, в Академию наук, в музеи и архивные комиссии, а также во все высшие учебные заведения. Кроме того, по одной тысяче экземпляров отчетов планировалось рассылать в обмен на периодические издания и в общественные библиотеки из расчета 1 экземпляр на 150 тысяч жителей. При обсуждении предложенного проекта некоторые депутаты высказывали недовольство тем, что широкие массы населения, более всего нуждающиеся в правдивой информации, вновь оказывались за пределами охвата. Однако после некоторого обсуждения проект был принят в редакции комиссии, как максимально учитывающий полиграфические возможности государственной типографии и финансовые ресурсы самой Государственной думы.

3. Вклад казанских депутатов в думское законотворчество

Важнейшей составляющей деятельности парламентариев является законотворчество. Согласно «Учреждению Государственной Думы», законодательная деятельность российского парламента строилась следующим образом. Законопроекты должны были вноситься либо правительством (министрами), либо Государственным советом, либо комиссиями Государственной думы. Законопроекты, внесенные министерствами, могли быть взяты ими обратно до тех пор, пока они не были одобрены Думой (п. 47). Члены Государственной думы могли выступать с законодательным предположением, подписанным не менее чем тридцатью депутатами (п. 55). В этом случае предположение должно было в течение определенного времени либо быть отклонено, либо внесено в Думу в виде законопроекта соответствующими министерствами, а в случае отказа последних — специально образованной парламентской комиссией (п. 57). Впрочем, и при согласии министерства на составление соответствующего документа Дума могла параллельно разрабатывать инициированный законопроект. И такие прецеденты были.

Таким образом, хотя преимущественные права в законотворчестве были предоставлены прави-

тельством органам (министерствам и департаментам), а члены Думы в основном занимались рассмотрением представленных законопроектов, думская инициатива полностью не исключалась. Однако неясность некоторых норм создавала благоприятную почву для возможных столкновений, для двоякого решения спора о приоритетности законодательной инициативы. К тому же названные нормы создавали огромное поле возможностей для министерского «саботажа», к чему они, как показывает практика, прибегали неоднократно.

За первые шесть лет существования российского парламента, его членами было внесено 268 законопроектов в виде законодательной инициативы: 15 законопроектов в первую Думу, 44 в Думу 2-го созыва и 207 в третью Думу¹. Интересен характер данных законопроектов: в первой Думе большинство вопросов затрагивали основные права граждан (7 из 15) и главнейшие социальные проблемы общества (3) и пр. Характер внесенных во вторую Думу проектов был более разнообразным: первое место занимали социальные вопросы (12 из 44), хотя довольно много было и тех, которые определяли гражданские права (6), затрагивали государственный строй (4) и пр. Законодательные предположения третьей Думы были еще более обширны и разнородны. Наибольшее внимание депутатов привлекали вопросы местного самоуправления и народного образования (соответственно 30 и 26 проектов). В то же время не было ни одного проекта о политических свободах. Наряду с основополагающими вопросами было много мелких и второстепенных законопроектов. Показательно, что именно последние преобладали среди проектов, обретших силу закона. Из внесенных депутатами первых двух Дум законопроектов ни один не стал законом, а из 207 инициатив Думы 3-го созыва обрели силу закона только 34 (из которых только 6 самостоятельно разрабатывались думскими комиссиями, а остальные 28 были приняты в редакции министерств).

В плане успешности реализации той или иной думской законодательной инициативы большое значение имело то, от какой парламентской фракции или группы исходила эта инициатива, и каковы были взаимоотношения инициаторов законопроекта с думским большинством. По словам А.Шингарева *«успешность прохождения проектов обнаруживает явную и вполне естественную зависимость от политической физиономии группы, предлагавшей проект»*¹.

Если же обратиться к тем законопроектам, которые были разработаны или поддержаны собственно казанскими депутатами, следует сказать, что, к сожалению, опубликованные источники не позволяют проследить общую картину в одинаковой мере по всем дореволюционным Думам. Лучше всего дело обстоит с Думой 2-го созыва, поскольку был издан отдельный сборник с текстами всех думских законодательных инициатив с указанием фамилий всех «подписантов» и пр. В отношении Думы 1-го созыва подобная работа была предпринята членами кадетской фракции. Соответственно, они собрали лишь те законопроекты, которые были выдвинуты кадетами. В аналогичных опубликованных материалах Думы 3-го созыва указана лишь фракционная принадлежность тех депутатов, которые подписали тот или иной проект, и фамилии первых двух депутатов, которые и явились инициаторами. Наконец, в отношении последней дореволюционной Думы вследствие начала мировой войны и последовавшей революции подобные материалы не были опубликованы. А потому для сбора подобной информации необходимо просмотреть соответствующие архивные дела, что не всегда доступно.

Согласно собранным в таблице сведениям (не полным, в силу указанных причин), подписи депутатов от Казанской губернии стоят, как минимум, под 44 законодательными инициативами.

Табл. 5. Казанские депутаты, поддержавшие думские законодательные инициативы и бывшие в числе инициативных групп (в тех случаях, когда они оказывались в числе первых трех подписантов законопроекта)

Даже опираясь на эти неполные сведения, собранные в таблице, можно сделать некоторые выводы. В Думе 1-го созыва, когда дело законодательной инициативы, бесспорно, принадлежало кадетам (12 из 15), лишь Г.Ф.Шершеневич из числа казанских депутатов попал в число разработчиков двух думских законопроектов. Им же подписано большинство из думских законодательных инициатив. Под думскими законопроектами можно также часто встретить подписи другого казанского профессора и члена кадетской фракции — А.В.Васильева. По одному законопроекту подписали С.-Г.Алкин и И.Е.Лаврентьев. Таким образом, можно сказать, что среди перводумцев, избранных от Казанской губернии, к законодательной деятельности оказались готовы лишь представители научной интеллигенции.

В Думе 2-го созыва казанские депутаты оказались более активными в плане поддержки законопроектов (также в основном кадетских). Практически все представители Казанской губернии поставили свои подписи и в целом они поддержали каждый второй думский законопроект. Но инициаторами казанские депутаты выступали гораздо реже — лишь кадеты Д.Кушников и С.Максуды подписали соответственно один и два проекта в числе первых трех инициаторов. Это может свидетельствовать об ограниченности интеллектуальных и законодательских возможностей депутатского корпуса, избранного от Казанской губернии, большая часть населения которой представляла собой преимущественно сельскую и малообразованную часть общества.

В третьей Думе казанскими депутатами было выдвинуто, как минимум, четырнадцать законопроек-

тов и поддержано подписями более половины из всех думских законодательных инициатив (точнее, 119 из 207 законопроектов, инициированных депутатами). Безусловным лидером в плане выдвижения законодательных инициатив из числа казанских депутатов стал В.А.Карякин, которому принадлежит шесть проектов. Кроме него, наибольшую активность вновь продемонстрировали представители Казанского университета — профессор М.Я.Капустин и приват-доцент И.В.Годнев (каждый из них стал инициатором трех проектов). А.Л.Лунину и А.Н.Боратынскому принадлежит по одному проекту. Следует сказать, что октябристы И.В.Годнев, М.Я.Капустин и А.Н.Боратынский участвовали в инициировании законопроектов, касавшихся сферы народного образования и культуры. Их коллега по фракции В.А.Карякин в силу своих профессиональных интересов большее внимание уделял экономическим вопросам. Наконец, близкий к крестьянским нуждам кадет А.Л.Лунин участвовал в разработке «Проекта главных оснований о наделении безземельных и малоземельных крестьян землею». Проект был внесен на рассмотрение 14 марта 1908 г., да так и «застрял» в земельной комиссии.

Далеко не все из думских инициатив оказались успешными и приняли силу закона. Самым реализованным стал, пожалуй, проект профессора Казанского университета М.Я.Капустина «О получении библиотекой ГД книг, периодических изданий и прочее беспошлинно и без рассмотрения цензурой». Законопроект был внесен на рассмотрение 28 марта 1908 г., принят Думой и высочайше утвержден 13 февраля 1909 г. Имела все шансы, но в силу ряда причин не была доведена до конца другая законодательная инициатива казанского профессора — «О второй всенародной переписи» (внесена 11 июня 1908 г.).¹ Согласно проекту, всенародные переписи должны были проводиться в Российской империи один раз в десять лет, годом переписи должен был избран год, заканчивавшийся на ноль. Вторую перепись, соответственно, следовало провести в 1910 г., а подготовительную работу начать с 1908 г. В вводной части автор проекта обосновал необходимость проведения новой всеобщей переписи тем, что данные предыдущей устарели и требуют пересмотра. За прошедшие 11 лет страна пережила две войны на Дальнем Востоке, процессы ежегодной массовой миграции. Наконец, перемены в государственном строе России влекут за собой и ставят на очередь для разрешения ряд вопросов громадной важности. М.Я.Капустин отметил то значение, которое имели опубликованные материалы первой переписи для решения научных и практических вопросов жизнедеятельности многообразного русского общества. Законопроект был признан желательным. 1 июня 1909 г., через год после внесения думской законодательной инициативы, МВД взяло на себя выработку законопроекта. Однако до конца работы Думы 3-го созыва данный законопроект так и не был представлен на рассмотрение депутатов. Уже в период работы Думы 4-го созыва Министерство внутренних дел само внесло в Думу законопроект о проведении второй всеобщей переписи населения Российской империи (проект МВД по Центральному статистическому комитету за № 880 от 14 апреля 1914 г.).² В соответствии с министерским проектом перепись была запланирована на декабрь 1915 г., что позволило бы синхронизировать проведение российской переписи с ведущими европейскими странами. Декабрь был выбран по той причине, что в это время миграционные процессы имеют наименьший показатель активности, что позволило бы собрать максимально полные и достоверные сведения. В целом запланированные вопросы дублировали анкету переписи 1897 г. Таким образом, инициатива профессора Капустина, хоть и имела продолжение, но до конца имперского строя не получила положительного завершения из-за начавшейся мировой войны.

Другие законодательные инициативы казанских депутатов были менее успешными. В частности, очень важный проект «О реформе средней школы» (внесен 11 марта 1911 г.) был отвергнут Министерством народного просвещения. Несмотря на то, что правительство отказалось от выработки соответствующего законопроекта, он был признан Думой желательным. Тем не менее до конца срока полномочий третьедумцев этот проект так и остался лежать в бумагах комиссии по народному образованию. А проблема вновь была поднята в Думе 4-го созыва, когда 6 февраля 1913 г. группой членов октябристской фракции (в числе которых вновь оказался И.В.Годнев) аналогичный проект был вторично внесен в Думу. В очередной раз он был отвергнут министром народного просвещения.

Что касается Думы 4-го созыва в целом, то имеются более-менее полные сведения лишь относительно первых двух сессий (1912 — 1914). За эти два года думской деятельности казанские депутаты поддержали своими подписями 88 законопроектов и восемь раз были в числе соавторов законодательных инициатив. Самыми активными вновь стали представители Казанского университета — приват-доцент И.В.Годнев и профессор А.В.Смирнов (по 2 раза). Среди соавторов ряда законодательных инициатив также были депутаты И.А.Рындовский, Д.Н.Сверчков, В.В.Марковников и П.Ф. Бычков (по 1-му разу). Но из восьми случаев, строго говоря, только протоиерей А.В.Смирнов стал подлинным разработчиком законопроекта и первым же его подписал: «Об улучшении материального положения лиц, служащих в Императорских университетах по канцелярской и хозяйственной частям и об увеличении числа этих лиц» (от 21.04.1914). В остальных случаях подписи казанских депутатов стояли на второй-третьей позиции.

4. Право интерpellации в деятельности депутатов

Российская Государственная дума не имела главной парламентской функции — право определения

состава правительства. Своего рода относительной компенсацией этих контрольных функций Думы над правительством было право думского запроса (интерпелляции). Дума имела право предъявлять запросы министрам и главноуправляющим отдельными частями, подконтрольными Правительствующему сенату, о допущенных ими или их подчиненными незаконных действиях. Ни Совет министров (СМ), ни его председатель не были подконтрольны Сенату, а, следовательно, депутаты не имели право предъявлять запросы ему или в адрес СМ. Однако нередко запросы адресовались именно главе правительства. Инициативой запроса пользовалась группа, состоявшая не менее чем из 30 человек. Министр, которому адресовался запрос, должен был дать ответ в течение месяца, а если не желал давать пояснения — то отказаться. Иногда и сама власть могла неофициально инициировать тот или иной запрос через подконтрольную группу депутатов. Такой возможностью одно ведомство могло оказывать необходимое давление на другое ведомство или правительство в целом, а также привлечь общественное мнение к той или иной проблеме.

После полученных разъяснений депутаты принимали «формулу перехода», в которой выражали свое отношение к объяснениям министров. Зачастую во время обсуждения «формулы перехода» разгорались дискуссии не менее жаркие, чем во время принятия запроса. Конечно, депутаты не имели реальных рычагов воздействия на министров, назначения, снятия или привлечения их к ответственности. Поэтому право интерпелляции рассматривалось как единственный рычаг скорее морального воздействия на власть: публичные обвинения министров в незаконных действиях, оглашение этих обвинений в прессе — все это сказывалось на престиже центральной власти, вынуждало ее считаться с Думой, а иногда и действовать с оглядкой на возможные последствия публичных дебатов. Право интерпелляции делало власть подконтрольной общественному мнению или создавало такую иллюзию. Запросы были, правда, весьма малоэффективной, попыткой депутатов привлечь правительство и его отдельные ведомства к ответственности за те многочисленные факты беззакония, что творились в центре и на местах от имени традиционной власти. Надо сказать, что депутаты пользовались этим правом весьма активно, порой даже злоупотребляли им. Особенно это было характерно для левых фракций и групп. Иногда запросов становилось так много, что их обилие делало бессмысленным само право интерпелляции — у депутатов физически не хватало времени, чтобы выслушать и обсудить все объяснения властей.

Впечатляет, например, обилие запросов, рассмотренных и принятых думцами за недолгий период работы первого парламента — всего был внесен 391 запрос, из которых 123 были признаны срочными. Министры ответили на 67 запросов после их принятия и на один во время обсуждения. В Думе 2-го созыва депутаты прибегали к запросам сравнительно реже: в течение ста двух дней было внесено 36 заявлений о запросах и одно заявление о вопросе. Из них 11 запросов были предъявлены властям, а остальные не были рассмотрены комиссией по запросам или же общим собранием Думы¹. Такое поведение Думы 2-го созыва было продиктовано желанием, под угрозой скорого разгона, принять как можно больше важных законов, а потому запросам уделялось гораздо меньше внимания и времени. Наконец, в Думу 3-го созыва было внесено 199 заявлений о запросах и вопросах. Из них 71 было предъявлено министру внутренних дел, 51 — председателю Совета министров, 19 — министру юстиции, 12 — военному министру и т.п. Из 157 запросов 19 были взяты обратно и 80 были рассмотрены².

Казанские депутаты поддерживали своими подписями те или иные думские запросы преимущественно исходя из фракционной принадлежности. Поскольку сведения по Думах 2-го и 4-го созывов неполные, обратимся к данным по двум другим Думах.

В Думе 1-го созыва казанскими депутатами были поддержаны 79 из 391 запроса, причем самым активным «подписантом» был член социал-демократической фракции П.А.Ершов, оставивший свои подписи под 39 запросами. В пяти случаях он был в числе инициаторов. Достаточно активными в этом вопросе были депутаты К.В.Лаврский, И.Е.Лаврентьев и М.Н.Герасимов, также представлявшие левый сектор депутатского корпуса. В двух случаях с инициативой составления думского запроса выступил профессор А.В.Васильев.

Табл. 6. Казанские депутаты, поддержавшие думские запросы или же выступившие в числе инициативных групп (среди первых трех подписантов)

Некоторые из внесенных запросов касались положения дел в Казанской губернии. 27 мая 1906 г. группа из 77 депутатов, преимущественно кадетов, внесли запрос МВД о неправомерности действий местной администрации Казанской и ряда других губерний. Основанием запроса стало воззвание, обнародованное от имени казанского и саратовского губернаторов, а также московского градоначальника, с критикой действий Государственной думы, особенно в аграрном вопросе. Депутаты были возмущены тем обстоятельством, что губернаторы позволили себе крайне непочтительно отозваться о действиях законодательного органа, признав, что деятельность Думы направлена на нарушение общественного строя. Запрос подписали четверо депутатов Казанской губернии — Г.Ф.Шершеневич, А.В.Васильев, К.В.Лаврский и П.А.Ершов. 29 мая 1906 г. запрос был обсужден, принят и признан срочным³.

В Думе 3-го созыва общий расклад политических сил изменился. Эти перемены отразились и на ис-

пользовании депутатами права на внесение запросов — на тот момент к этому праву зачастую прибегали и представители думского центра, и депутаты правого крыла. В общей массе представителями правоцентристских фракций, прежде всего октябристами, было подано запросов и вопросов, пожалуй, не меньше, чем представителями оппозиции. Однако наиболее активными из числа казанских депутатов по-прежнему были члены оппозиционных блоков. В частности, пальма первенства по количеству подписанных запросов в Думе 3-го созыва принадлежала кадетам А.Л.Лунину и С.В.Дунаеву. Они поддерживали как кадетские заявления, так и обращения своих левых товарищей — трудовиков и социалистов. Из 199 запросов и вопросов правительству или отдельным министерствам, внесенных депутатами Думы 3-го созыва, представителями Казанской губернии было поддержано 112, т.е. две трети из общего числа (табл. 6).

Особенностью запросов, вносимых в третьей Думе, было то, что они касались отнюдь не только политических вопросов, не только реагировали на нарушения властью тех или иных законов или были призваны обратить внимание на те или иные проявления беззакония. Очень часто в основу запроса, особенно предъявленного правыми и умеренными депутатами, ложились экономические проблемы. Таковыми были, например, некоторые из запросов, внесенных при участии В.А.Карякина.

Отсутствие среди казанских депутатов Думы 4-го созыва представителей левого фланга и преобладание умеренно-консервативных сил, судя по данным табл. 6, сказалось и на степени их участия в разработке думских запросов. Лишь один запрос был инициирован казанским депутатом (И.В.Годневым). Речь в нем шла о неправомерности предоставления генерал-лейтенанту Курлову прав товарища министра внутренних дел. Запрос датируется 19 ноября 1916 г., а потому он остался без ответа. Содержание этого запроса весьма характерно для деятельности Годнева — «стража закона» — выявление и критика фактов незаконных действий властей, защита существующего правопорядка от беззаконий властных органов.

2 раздел

Глава I

Государственно-правовые вопросы в деятельности казанских депутатов

Среди обсуждавшихся в Думе проблем, пожалуй, не было ни одной, которая в той или иной степени не волновала бы казанских депутатов. Однако из общей массы разнообразных вопросов все же можно выделить несколько, которые были самыми важными. В блок социально-экономических проблем входят аграрный вопрос, переселенческая политика и продовольственная помощь голодающим слоям населения. Среди государственно-правовых проблем выделяются вопрос о государственном строе, гражданских свободах, в том числе и о свободе совести, расширении избирательных прав населения, судебной реформы и реформы органов местного самоуправления. Принимая во внимание многонациональный и поликонфессиональный состав населения Казанской губернии, не удивительно, что среди наиболее значимых проблем можно выделить религиозное законодательство, вопросы народного (в том числе и инородческого) образования. То обстоятельство, что среди казанских депутатов во всех Думах был представитель университетской профессуры, обусловило их повышенное внимание к университетской реформе. Наконец, весьма важными были и различные аспекты социальной политики, включающей в себя, прежде всего, вопрос о праздничных днях и о мерах по борьбе с пьянством.

Можно сказать, что именно по этим вопросам казанские депутаты занимали наиболее активную позицию, выступали в комиссиях и с думской трибуны во время обсуждения различных законопроектов, запросов и деклараций. Вышеперечисленные проблемы, во-первых, как правило, затрагивали интересы широких слоев (преимущественно малоимущих) населения и потому были наиболее болезненными. С другой стороны, целый блок вопросов касался национальной и религиозной политики правительства, затрагивал интересы «инородческого» — прежде всего татарского населения края, а потому представляют особый интерес для анализа взаимоотношений общества в нашем регионе.

1. Думские дискуссии о природе и форме государственного строя России

Еще до начала работы первого в новейшей истории России представительного органа, его предназначение, характер, желательный состав и круг полномочий обсуждались в различных кругах российского общества. Специфика российского общества, позднее вступление его на стезю партийных форм функционирования и сохранение такого рудимента прошлого, как сословия, предопределили то, что вопросы преобразования политической системы страны обсуждались преимущественно в кругах высшей бюрократии и некоторых сословных учреждениях. Среди последних наиболее структурированными и регулярно функционирующими оставались дворянские собрания. Поэтому именно дворянские объединения и стали теми институтами, в рамках которых и шло обсуждение происходивших в стране политических преобразований.

После обнародования булыгинского рескрипта о созыве законосовещательной Думы (18 февраля 1905 г.) в течение года в Казани было создано несколько чрезвычайных собраний дворян губернии для обсуждения вопроса о народном представительстве. В работе этих собраний принимали активное участие будущие казанские депутаты — А.Н.Боратынский, исполнявший в течение полгода обязанности губернского дворянского предводителя, профессор А.В.Васильев, В.В.Марковников, сложивший обязанности губернского предводителя, но сохранявший свое влияние Н.Д.Сазонов, а также члены Госсовета Ю.В.Трубников и Н.Н.Галкин-Враский.

В середине марта 1905 г. депутация казанского дворянства в составе А.Н.Боратынского, В.В.Марковникова и П.И.Геркена ездила в Москву для участия в съезде губернских предводителей дворянства, созванном для обсуждения текущего момента и происходящих в стране политических перемен. Казанская депутация, как это было сформулировано в ее программе, ставила перед собой цель объединить российское дворянство. Поездка оказалась не слишком удачной в силу того, что дворянство как сословие было чрезвычайно неоднородно и аморфно. Раздираемое внутренними противоречиями и различными интересами, оно не могло определиться в своем отношении к происходящим переменам, а часто просто не поспевало за этими переменами. Столкновение различных позиций, порой взаимоисключающих, наблюдалось и на собраниях, происходивших в среде казанского дворянства. Попытка отказать от обсуждения вопроса о характере народного представительства рассматривалась некоторыми как извечное стремление уйти от решения сложных проблем, как желание действовать согласно пословице «вот придет барин, барин и рассудит» (В.В.Марковников). В одном из выступлений будущий депутат Думы 3-го созыва А.Н.Боратынский подверг острой критике ненавистный «приказно-бюрократический строй», сложившийся в стране к началу XX столетия, породивший анархию и казнокрадство, приведший к национальным поражениям и трагедиям, подобно Цусиме и Мукдену. Выступление свое он завершил призывом к объединению, отказу от классовых или сословных интересов, объединению всего населения страны для свержения ненавистного бюрократического строя и обновления всей жизни, единению народа с царем.

Одним из остро дебатировавшихся вопросов стал вопрос об организации процедуры выборов, о механизме предвыборной кампании. Камнем преткновения был вопрос о том, какие интересы и принципы должны доминировать — сословные, классовые, государственные, народные или иные? Радикально настроенный профессор А.В.Васильев полагал, что избирательная система, основанная на классовом или сословном принципе, не принесет стране успокоения, а будет лишь способствовать разложению основ государственности. Общие государственные интересы, по его мнению, сохранят лишь представители от народа при всеобщем и равном избрании. Однако это мнение было чересчур радикальным для казанского дворянства (как и российского в целом). Против всеобщих выборов, которые неизбежно повлекут за собой предвыборную агитацию и общественное оживление, выступали такие члены собрания, как Н.Д.Сазонов, Н.А.Мельников, С.А.Бекетов и другие. В то же время дворяне В.В.Марковников и А.Н.Боратынский были против сословных выборов. По мнению первого, если осуществить в существующих условиях *«особое дворянское сословное представительство в Государственной Думе, то завтра будет революция»*¹. Тем не менее, когда на голосование был поставлен вопрос о принципах избирательной кампании, большинство членов собрания высказалось именно за сословные выборы: за сословные — 63, против — 26; за классовые — 14, против — 75. О всеобщих выборах речи не было вовсе. Подобное решение большинства не могло удовлетворить всех казанских дворян. Председательствовавший на собрании и.о. губернского предводителя А.Н.Боратынский высказался против принятого решения: *«сословное начало вносит рознь, а наше народное дело требует объединения, требует на призыв Минина отклика Пожарского»*.

Политическое кредо депутатов, избранных в российский парламент, наиболее рельефно выражалось во время составления ответного адреса членов Государственной думы, а также при обсуждении правительственных деклараций. В период деятельности Дум первых двух созывов в них преобладали левые оппозиционные элементы. Казанские депутаты занимали позицию в блоке оппозиционных фракций и групп.

По словам первого председателя Думы С.А.Муромцева, *«адрес — акт торжественный и ответственный, акт всего русского народа, должен быть представлен во всей своей полноте для того, чтобы он явился отражением настроения и мнения всей Государственной думы»*. Спикер полагал крайне важным, чтобы прения были максимально полными, свободными, чтобы во время всестороннего обсуждения были высказаны пожелания и нужды различных классов и групп. Многие либералы перводумцы осознавали, что характер обсуждения прений в первой Думе заложит основы традиции, прежде всего традиции свободы прений и уважения мнения меньшинства, что очень важно для упрочения в будущем в России конституционного режима. А сущность парламентаризма, сам его принцип, состоит в том, чтобы высказывать и выслушивать все интересы, все мнения. В ответной речи должно быть представлено общее мнение народных представителей перед конституционным монархом.

2 мая выступавший докладчиком комиссии по составлению ответной речи В.Д.Набоков зачитал

проект думского адреса. *«Государственная дума, имея в своем составе представителей всех классов и всех народностей, населяющих Россию, объединена общим горячим стремлением обновить Россию и создать в ней государственный порядок, основанный на мирном сожитии всех классов и народностей и на прочных устоях гражданской свободы»* — эти слова определяли главную идею думского адреса.

В проекте ответной речи, подготовленном комиссией, были сформулированы основные требования думского большинства: подчинение исполнительной власти законодательной как путь к ограничению самовластия чиновников; неотложное обеспечение страны всеми гражданскими свободами, в первую очередь в плане уравнивания всех граждан в правах с отменой всех ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью и религией; наделение трудового народа землей; политическая амнистия. Среди важнейших законодательных задач составители ответной речи выделяли и *«коренное преобразование местного управления и самоуправления, с привлечением к равному участию в последнем всего населения на началах всеобщего избирательного права»*².

Во время обсуждения проекта адреса из числа казанских депутатов выступили Г.Ф.Шершеневич, П.А.Ершов, К.В.Лаврский, А.В.Васильев. Выступавший 30 апреля бывший казанский профессор Г.Ф.Шершеневич затронул вопрос о целесообразности выделения из ответной речи вопроса об амнистии в отдельный вопрос. Признавая, что Дума и правительство составляют две прямо враждующих стороны, оратор, тем не менее, полагал нецелесообразным в данный момент вызывать правительство на открытый конфликт, когда Дума только приступала к своей работе. *«Ведь амнистия, выпуск тех, кто томится, еще не предreshает вопроса о земле и воле. Мы его не ставили и, если бы нас разогнали, если бы распустили Думу, или Дума сама разошлась, не заявив требования о земле и воле, то я опасаясь, что наши избиратели останутся неудовлетворенными»*¹. Входящий во фракцию трудовиков адвокат К.В.Лаврский полагал, что текст адреса, особенно в части, касающейся аграрного вопроса, должен быть составлен языком, понятным большинству крестьянского населения: *«как представитель Казанской губернии, могу сказать, что у нас есть немало таких углов, где взрослое население до сих пор почти поголовно безграмотно. Читать эту часть адреса будут подростки, читать будут ученики школ. Читают они, как вам известно, с большим затруднением и поэтому нужно постараться, чтобы эта часть адреса была изложена таким языком, который доступен каждому деревенскому школьнику»*¹.

Среди казанских депутатов не было ораторов, выступавших с развернутыми речами по вопросу о гражданских правах, о конституционном строе или о других подобных проблемах. Выступления четверых казанских депутатов имели в большей степени практический, прикладной характер: например, при обсуждении проекта думского адреса профессор А.В.Васильев в своей речи более подробно остановился на продовольственном вопросе, а П.А.Ершов — на праве рабочих на стачки и за скорейшую отмену смертной казни. Но в то же время все казанские депутаты остались в зале и голосовали единогласно за текст ответного адреса, принятого депутатами 5 мая 1906 г.²

В Думе 2-го созыва правительственная декларация была оглашена П.А.Столыпиным на пятом заседании 6 марта 1907 г. Однако ее обсуждение и, соответственно, определение позиции думского большинства было несколько отсрочено более неотложными делами — обсуждением аграрной проблемы, вопросов об оказании продовольственной помощи голодающим, о военно-полевых судах и избрании думских комиссий. В целом радикализм большинства втородумцев не позволял вести речь о конструктивном взаимном сотрудничестве депутатов с правительством. В ответ правительство использовало обвинение против большой группы депутатов в подготовке антигосударственного заговора в качестве основания для роспуска второй Думы.

После Третьеиюньского «государственного переворота», осуществленного самой традиционной властью, вопрос о государственном строе обрел новый импульс и новую остроту. Является ли Россия конституционной монархией, а Государственная дума — парламентом, или же в России установился иной государственный строй, которому не подходили известные для западноевропейских государств определения — эта дискуссия разгорелась во время составления «всеподданнейшего адреса» на имя государя императора. На заседании 8 ноября 1907 г. была образована специальная комиссия из 18 лиц для составления адреса. Из числа казанских депутатов в нее вошел профессор М.Я.Капустин. Председателем был избран А.И.Гучков, докладчиком — известный адвокат Ф.Н.Плевако. Комиссией былработан текст, в котором выражалась благодарность за дарованное России право народного представительства и давалось обещание *«приложить все силы, опыт и знания, чтобы укрепить обновленный Манифестом 17 октября государственный строй»*¹.

Во время обсуждения «всеподданнейшего адреса» члены Государственной думы 3-го созыва буквально раскололись на три крупных лагеря. Кадеты с оппозицией утверждали, что после известных манифестов в России установился конституционный строй. Правые же настаивали на незыблемости самодержавной формулы. Они отказывались признавать под словом «обновленный государственный строй» конституцию, утверждая, что конституция в западноевропейском смысле этого слова в России не существует. Наконец, промежуточную позицию занимали октябристы с примирительной, компромиссной формулой «обновленного строя», без употребления слова «конституционный». Одно из самых сме-

лых октябристских выступлений принадлежало лидеру фракции А.И.Гучкову. Защищая текст адреса в редакции комиссии, он заявил: *«Я принадлежу к той политической партии, для которой ясно, что Манифест 17 октября заключал в себе добровольный акт отречения Монарха от прав неограниченности. Для нас несомненно, что тот государственный переворот, который был совершен нашим Монархом, является установлением конституционного строя в нашем отечестве»*. Лидера октябристов поддержал другой видный член фракции М.Я.Капустин, утверждавший, что учреждение законодательной Государственной думы есть коренной признак того, что называется в государственном праве конституционным строем. Однако казанский депутат полагал возможным и даже необходимым пойти на определенный компромисс: *«но в адресе, направляемом Государю Императору, мы должны употреблять такие слова и выражения, которые свойственны нашим государственным актам»*. Поскольку ни в Манифесте 17 октября, ни в Основных законах нет выражения «обновленный конституционный строй», то не следует его использовать и в адресе. Но даже без использования слова «конституция», М.Я.Капустин подобно другим октябристам верил, что Россия не отступит и пойдет вперед, развиваясь эволюционным путем.

В итоге дискуссия не дала перевеса ни одной из сторон и была принята срединная формула октябристов об «обновленном государственном строе» без выражений «конституция» или «самодержец». Возможный конфликт с правительством и императором, возмущенными такой формулировкой своего титула и существующего строя, был несколько сглажен выступлением премьер-министра П.А.Столыпина. Глава правительства сделал упор на выражениях «представительское учреждение» (подразумевая под ним Государственную думу) и «самодержавная историческая власть» (власть императора)¹. При этом глава исполнительной власти полагал, что акт 3 июня является проявлением естественного права *«Государя спасти в минуты опасности, вверенную Ему Богом державу»*. Поддержавшая декларацию П.А.Столыпина часть депутатского корпуса составила правооктябристское большинство Думы, которое и стало основной опорой правительства в период функционирования Думы 3-го созыва.

Таким образом, умеренные силы предпочитали не использовать такие выражения, как «конституция» и «конституционная монархия», заменяя их более нейтральными по смыслу терминами в угоду Николаю II. Дискуссия о природе государственного строя периодически возобновлялась в виде обсуждения тех или иных «притязаний» Думы на расширение своих полномочий. Или же во время критических выступлений оппозиции против правительственной политики.

Иногда депутаты не говорили о государственном строе, однако конкретные их предложения были нацелены на то, чтобы фактически закрепить произошедшие в 1905 — 1906 гг. конституционные перемены. Например, И.В.Годнев — неизменный сторонник точного соблюдения законности и расширения прав народного представительства, раз за разом поднимал вопрос об усилении контроля над правительством через выделение Государственного контролера (аналога современной Счетной палаты) из состава Совета министров, превращения его в независимый и самостоятельный институт².

Оппозиционность думского большинства резко усилилась и стала очевидной в период 1-й мировой войны. По мере того, как традиционная власть в лице назначаемого царем правительства доказывала свою несостоятельность, не могла выйти из перманентного кризиса, представители общественности и общественные организации брали на себя часть государственных функций. Одновременно усиливался разрыв между реальной значимостью депутатов в решении тех или иных государственных задач и официальным статусом Государственной думы, нарастало противоречие между желанием депутатов участвовать в формировании исполнительной власти и противодействием этим намерениям со стороны верховной власти. В период работы Думы 4-го созыва даже те депутаты, которые традиционно выступали как оплот правительства и гарант законности, все чаще и чаще выступали с критикой действий правительства. В речи от 18 февраля 1916 г. И.В.Годнев резко критиковал правительство, не желавшее исполнять предначертания закона. *«Требуется, таким образом, очень мало: чтобы правительство искренне, честно и прямо выполняло то, что предназначено Верховной властью и предуказано к исполнению, и выполняло это не только в управлении страной, но и в законодательстве. Тогда, конечно, полное доверие к народу может оно ожидать. Правительство же, которое ныне состоит в большинстве из лиц, не только не стремящихся к осуществлению всего этого, но даже как будто враждебно относящееся к законному новому государственному строю и к законно действующей Государственной думе, такое правительство ни при каких, самых даже тяжелых условиях, как в настоящее время, не будет иметь доверия, как бы ласково на словах и не относилось. Поэтому я считаю, что это следует прямо, искренно и честно заявить правительству, что я и делаю»*³.

Выступая 29 ноября 1916 г. с думской трибуны, И.В.Годнев сравнивал ситуацию в стране с событиями смутного времени. Казанский депутат указывал на тот глубочайший разрыв, который был между существующими в настоящее время двумя государственными управлениями — одного на фронте и в районах военных действий, а другого в остальной части России. Между ними нет связи, координации, ни в вопросах снабжения армии или тыла, ни в вопросах общего управления. Основной вывод оратора заключался в том, что необходима коренная перемена всей системы управления, ликвидация всех влас-

тей, не пользующихся доверием народа и общества, не опирающихся на большинство его представителей. Фактически казанский октябрист выступил с кадетским лозунгом «ответственного правительства».

Оппозиция же не просто критиковала традиционную власть за косность и иные грехи. Устами одного из своих лидеров, правого кадета В.А.Маклакова, оппозиция вынесла приговор о полном несоответствии традиционной власти интересам страны в меняющемся мире:

«И вот мы видим, что психология страны переменилась, но, к несчастью, психология власти не изменилась. Власть не поняла, что реформа 1905 года может иногда приходиться слишком поздно, но приходит всегда бесповоротно. Они не хотят понять, что акт 17 октября 1905 года не малодушная уступка, а акт большой государственной мудрости, один из тех актов, с которым навсегда связалось величие и благо России. Они не хотели понять, что перед ними прежняя задача управлять Россией, но в рамках нового строя, бесконечно более трудного, но за то и совершенного»².

2. Вопросы избирательного права.

Отношение к избирательному закону от 3 июня 1907г.

Одним из важнейших элементов обширной дискуссии о природе государственной власти был вопрос об избирательных правах населения. Избирательное право 1906 г.³ критиковалось различными политическими силами — одними за излишний либерализм и широту, другими — за то, что значительные слои населения оказывались вне активной политической жизни. В Думе 1-го созыва требование введения всеобщего избирательного права было включено в текст ответного думского адреса, принятого единогласно. Даже если в первой Думе и встречались противники всеобщего избирательного права, общие настроения, царившие в Таврическом дворце и за его пределами, не были в пользу подобных мнений.

Втородумцы в полной мере разделяли подобный радикализм своих предшественников. В Думе 2-го созыва группой депутатов, членами кадетской фракции, был разработан и внесен «Проект основных положений о выборах в Государственную думу». Первыми под кадетским проектом стояли подписи видных членов фракции — В.Гессена, А.Кизеветтера, Н.Иорданского. Среди 36 депутатов, оставивших свои подписи под проектом, был и автограф кадета Д.Кушника. Проект был внесен в Думу 17 апреля 1907 г. По мнению ряда современников, принятие думским большинством нового избирательного закона на основе кадетского проекта дало бы правительству полное основание для роспуска Думы. Однако правительство не стало ждать осени, когда планировались основные чтения по данному законопроекту. Вследствие преждевременного роспуска Думы он не был рассмотрен ни в комиссиях, и тем более, не был обсужден на общем собрании.

Однако у проектов реформы избирательного права были и такие аспекты, которые обычно ускользают от внимания исследователей. Нерусское население зачастую оценивало проблему в иной плоскости. Рассуждая о существующем законе или же о предлагаемых проектах, оно мало внимания обращало на его демократичность или же не демократичность. Гораздо больше их волновал вопрос о том, насколько планируемое избирательное право соответствует традициям и религиозным представлениям того или иного народа. В этом плане характерные дискуссии развернулись в среде мусульманского населения страны.

Еще до официального представления кадетского проекта среди депутатов стали распространяться слухи о скором обсуждении закона о всеобщем избирательном праве. Мусульманское население Казанской губернии было взбудоражено этими сообщениями. 14 марта 1907 г. казанский мулла Гарифхазрат получил телеграмму от члена Государственной думы от Казанской губернии муталлы Сафиуллы Максютובה. В ней член мусульманской фракции извещал казанцев о том, что вскоре планируется обсуждать вопрос о наделении женщин политическими правами, в том числе и избирательным правом. Депутат от имени фракции спрашивал у казанских *улемов* совета в том, какую позицию, согласную с основами шариата и Корана, следует занять членам мусульманской фракции при обсуждении этого вопроса в Думе¹.

Судя по сообщениям казанской татароязычной прессы, телеграмма муталлы Максютובה вызвала в среде казанских мусульман, и не только духовенства, большое оживление. 16 марта центр общественной жизни казанских татар — Сенной базар — бурлил. Везде — на площади около мечети и на улицах, в лавках и в чайных — собирались группы татар, обсуждавшие вопрос о «женском равноправии». Доминировавшие настроения — опасения, боязнь того, что это решение войдет в противоречие с нормами шариата. Опубликованная в следующем номере газеты «Юлдуз» большая статья под названием «Политическое равноправие» отражала эти опасения и как бы отвечала настроениям мусульманского большинства.

Очень интересно и показательны то, какую рекомендацию дает мусульманским депутатам анонимный автор статьи. Она отражает не только страх перемен, естественные опасения людей традиционного воспитания и мировоззрения перед новшествами. Рекомендации автора публикации, на первый взгляд как бы вытекавшие из норм и требований шариата, на самом деле выражают желание мусульманских

политических деятелей вписаться в происходящие перемены. Автор статьи начинает с вопроса, который волновал мусульман Казани (как и других регионов страны) — не нарушает ли женское равноправие принципы шариата? Не приведет ли наделение женщин избирательными правами к «порче» мусульманской веры? По словам автора публикации, согласно шариату, женщины по сравнению с мужчинами ограничены лишь в пяти областях — в праве наследования, в праве свидетельствовать на суде, в вопросах бракосочетания, а также лишены права исполнять функции имама и предстоять во время молитвы, права занимать должность халифа. Во всех остальных делах женщины имеют равные права с мужчинами. Главная причина недовольства мусульманских мужчин заключается в опасении того, что получившие эти права женщины будут ходить на собрания, участвовать в митингах и выборах мероприятиях вместе с мужчинами. Более того, они опасаются, что с предоставлением политических (избирательных) прав, женщинам будет открыта дорога в гласные (или даже в председатели) городских дум, члены Государственной думы. Исходя из этого, большинство казанских мусульман и особенно совет духовных лиц, по словам автора заметки, выступают против политического равноправия. Но далее автор статьи делал очень интересный вывод — как бы ни голосовали мусульманские депутаты в Думе (а они будут голосовать за предоставление политических прав), как бы к этому ни относилось мусульманское духовенство и население в целом, ход истории не остановить. И если Дума примет подобное решение, а мусульмане будут против него, то они всего лишь лишатся половины из 20-миллионного числа мусульманских голосов. А это приведет лишь к поражению мусульман во всех выборах. Поэтому, делал итоговое заключение анонимный автор заметки, мусульмане должны получить такие же права, как и остальное население страны, а решение использовать его или не использовать в случае возникающих сомнений и противоречий принципам шариата должно оставаться на усмотрении самих мусульман.

Впрочем, все «опасения» мусульманских депутатов и консервативной части мусульманского населения вовлечения в политическую жизнь страны женщин не сбылись. Более того, роспуск Думы 2-го созыва сопровождался изданием нового избирательного закона, полностью лишившего избирательных прав население ряда мусульманских регионов страны (Туркестана и Степного края) или же ограничившего возможность мусульманского представительства от других регионов (Кавказа, Волго-Уральского региона). Соответственно, отныне мусульманам приходилось не столько опасаться «нарушений» шариата предоставлением избирательных прав женщинам, сколько бороться за возвращение избирательного права той части мусульманского населения страны, которая была и вовсе лишена их по закону 3 июня 1907 г. И в Думе 3-го созыва эта обязанность легла на плечи мусульманских депутатов, избранных от губерний «внутренней России» — Казанской, Уфимской и Оренбургской. Одним из таких депутатов, чаще всего выступавшим с думской трибуны в защиту избирательных прав населения мусульманских окраин (Туркестана, Степного края), являлся С.Максудиз. Требование вернуть мусульманам Туркестана и Степного края избирательные права стало одним из основных пунктов политической программы мусульманской фракции в Думе 3-го и 4-го созывов.

Именно в этих двух вопросах — о наделении избирательными (то есть политическими) правами женское население и о возврате избирательных прав мусульманам тех регионов, которые были их лишены по закону 1907 г. — проявлялась специфическая позиция мусульманских депутатов. И казанские татары играли в обсуждении этих проблем значительную роль.

В Думе 3-го созыва депутатами были подготовлены два проекта, касавшихся реформы избирательного права. В частности, группой кадетских депутатов в числе 42 человек 25 мая 1908 г. был внесен проект «Об изменении пункта 1 ст. 10 Положения о выборах в Государственную думу». Разработчиками его стали члены кадетской фракции В.А.Маклаков и М.С.Аджемов. Проект был передан на заключение о желательности в комиссию по судебным реформам. Там он и пролежал весь третьедумский период. Данный законопроект подписали два казанских депутата — А.Л.Лунин и М.Я.Капустин. Еще один законопроект, касавшийся реформы избирательного права, был подписан С.Максудиз. Речь идет о проекте прогрессистов «Об изменении ст. 10 Положения о выборах в Государственную думу». Данный законопроект, инициированный графом А.А.Уваровым, И.Н.Ефремовым и графом А.П.Толстым, был внесен под самый занавес работы Думы 3-го созыва — 16 апреля 1912 г., в тот же день передан в комиссию по направлению законодательных предположений. Естественно, там он и остался дожидаться конца третьей Думы. Что касается законодательных инициатив депутатов в отношении расширения избирательных прав населения, можно было бы сказать, что этим все и ограничилось. Однако проблема несовершенства избирательного права и критика существующего «третьеиюньского» закона довольно часто звучала в выступлениях депутатов.

В первую сессию последней дореволюционной Думы 4-го созыва по традиции с правительственной декларацией выступил председатель Совета министров В.Н.Коковцев. Перечисленные в декларации мероприятия, осуществляемые в продолжение курса предыдущей Думы 3-го созыва (в вопросах народного образования, переселенческой политики), внушали оппозиционным депутатам опасения, что реальных шагов по реальному осуществлению принципов Манифеста 17 октября 1905 г. при новом пра-

вительстве не последует. Среди мероприятий в области законодательных реформ, которые были необходимы стране с точки зрения оппозиционных депутатов, являлась реформа избирательного права. Без преобразований этой важнейшей сферы государственной политики в отношении своих граждан было невозможно укрепить конституционный строй, продекларированный в Октябрьском манифесте 1905 г.

Эту же мысль развивали депутаты, выступавшие в поддержку законодательного предположения 32-х членов парламента «Об изменении положения о выборах в Государственную думу». Проект был внесен за первой подписью П.Н.Милюкова в декабре 1912 г. Однако его обсуждение на предмет желательности затянулось и произошло лишь 13 марта 1913 г. Примечательно, что на этот раз ни один из казанских депутатов не поддержал своей подписью кадетский проект. По мнению ряда исследователей, этот законопроект имел явно демонстративный характер, так как не имел ни малейших шансов на прохождение через думское большинство². В защиту законодательного предположения кадетов выступил представитель мусульманской фракции К.-М.Тевкелев, разобравший действующий избирательный закон на предмет ущемления прав мусульманского населения страны. Однако голосование по вопросу о желательности законопроекта показало, что расклад сил в Думе был явно не в пользу сторонников проекта: большинством 206 против 126 голосов законодательное предположение было отклонено. Была лишь принята общая формула перехода о том, что Дума признает *«желательным пересмотр положений 3 июня в смысле расширения избирательного права и обеспечения свободы выборов от административного произвола»*³. Более вопрос о реформе избирательного права в Думе в дореволюционный период не поднимался.

Всеобщее избирательное право было введено в российском государстве лишь после падения монархического строя в феврале 1917 г. В своей первой правительственной декларации (3 марта) Временное правительство пообещало провести выборы в Учредительное собрание на основе всеобщих, прямых и тайных выборов. Из-за сложности в проведении подобной избирательной кампании выборы в Учредительное собрание оказались отсроченными более чем на полгода. Несмотря на объективные сложности с организацией процедуры выборов, на все реальные изъяны и негативные последствия, выборы, основанные на всеобщем избирательном праве, гораздо более адекватно отражали преобладавшие в обществе настроения и симпатии, нежели дореволюционная практика.

3. Вопросы реформирования системы судопроизводства. Военно-полевые суды в оценке М.Я.Капустина. Реформа местного суда

Безусловно, наиболее остро судебный вопрос и вопрос о реформе органов местного самоуправления стоял перед населением окраин, нежели перед жителями «внутренних губерний». На окраинах, в отличие от Европейской части России (в том числе и Волго-Уральского региона), судебные преобразования 60-х гг. не были осуществлены в полной мере. Поэтому основной своей задачей либеральные деятели считали распространение общеимперских судебных институтов на эти окраины. Для большей части европейского региона более актуальной была проблема либерализации системы судопроизводства, уничтожение сословного суда, включение в судебную систему широких слоев населения.

Вопрос об изменении законов о судостроительстве и судопроизводстве в Думе 1-го созыва был поднят по инициативе кадетской фракции, которая 23 мая 1906 г. внесла соответствующий законопроект за подписью 31 депутата. Проект предусматривал ликвидацию сословного суда и замену его окружными судами с участием присяжных заседателей, ограничение воздействия администрации и центральной власти (в лице Министерства юстиции) на суды, усиление гласности судопроизводства и образование корпоративных органов (советов присяжных поверенных) в тех регионах, где этот процесс не был доведен до конца. Разумеется, этот проект не был рассмотрен. Отчасти это было связано с тем, что более жгучим для депутатов-перводумцев был вопрос о смертной казни. Не случайно, что на заседании 19 июня 1906 года депутаты единогласно приняли закон об отмене смертной казни¹. Более того, вскоре после начала функционирования Думы 2-го созыва группа депутатов вновь внесла законопроект об отмене смертной казни.

Весной 1907 г. вопрос о смертной казни увязывался с самым острым вопросом российской действительности — вопросом о военно-полевых судах. За скорейшую отмену таких внесудебных учреждений, как военно-полевые суды, высказался М.Я.Капустин¹. Почтенный профессор выступал не только и не столько от имени фракции октябристов, сколько от лица тех российских гуманистов, которым было чуждо какое-либо насилие. Военно-полевые суды вызывали осуждение не только потому, что они нарушают принципы судебного производства — своей поспешностью, различностью наказаний за одинаковые преступления. На людей, подобных профессору Капустину, особенно сильное впечатление оказывало то обстоятельство, что речь шла по большей части о судьбах юных людей с незрелым умом и с неустановившейся волей, возможно, даже действующих под влиянием внушения, оказываемого извне. Для таких молодых людей, *«для таких-то преступников, которые можно сказать, не находятся в полном разуме, суд, который поканчивает всю дальнейшую жизнь, этот суд недопустимый, нежелательный, особенно в такой чрезмерно быстрой форме»*. По словам профессора-гуманиста, госу-

дарство, безусловно, должно бороться с террористическими актами. Но оно не может действовать по средневековому принципу «око за око». Государство может и должно стоять выше таких соображений. Поспешная смертная казнь *«отрезает молодежь от пути изменений, пути ясного осознания, уяснения себе истинных обязанностей гражданина»*. И этот тяжелый грех берет на себя государство, вводя скорую внесудебную расправу. Признавая всю преступность, всю негуманность террористических актов, которые так легкомысленно и в таком громадном количестве совершаются в России, власть должна твердо и неизменно стоять за то, чтобы в России был суд, где правда и милость стоят на первом плане. Наблюдавшие ход дебатов журналисты отмечали, что П.А.Столыпин *«с особым напряжением слушал его дельную речь, которая была тем сильнее, что исходила из тех провинциалов, в уважении к которым он неоднократно признавался»*².

Профессор М.Я.Капустин был также среди тех немногочисленных депутатов, которые, вопреки общему настроению, считали необходимым осудить политические убийства и насилие, захлестнувшие страну в революционный период. Когда в общем заседании Думы обсуждалось срочное заявление 38 депутатов о назначении дня *«для обсуждения заявлений о выражении порицания убийствам, террору и насилию»* (15 мая), почтенный профессор выступил в поддержку этого заявления. По словам М.Я.Капустина, отказ от обсуждения проблемы фактически означает молчаливое согласие и поддержку этого явления, является проявлением трусости. Неужели можно молчаливым согласием одобрить ужасы политических убийств, насилия и грабежа, даже во имя идей свободы?¹

Внимание депутатов было обращено и на проблему реформы местного суда. С этой целью в Думе 2-го созыва кадетами первоначально была образована комиссия по выработке законопроекта о местном суде, которая работала над министерским проектом о реформе местного суда, внесенном правительством с началом работы парламента. Председателем комиссии был избран кадет И.Гессен, в ее состав также вошел и представитель Казанской губернии — председатель волостного суда Г.Мусин.

Министерский проект был признан в целом соответствующим устремлениям общества и духу либеральных преобразований, особенно в части ликвидации волостного суда, введения принципа выборности местного суда, восстановления единства кассационной инстанции и пр. Заключение судебной комиссии было оглашено на общем заседании Думы 28 мая 1907 г. После доклада судебной комиссии началось обсуждение министерского законопроекта о реформе местного суда (28 — 29 мая). Однако вследствие преждевременного разгона Думы обсуждение вопроса было фактически прервано на полуслове. За этот короткий срок никто из казанских депутатов не участвовал в дебатах по данной проблеме.

Таким образом, вопрос о реформе судопроизводства был оставлен до начала работы Думы 3-го созыва. Третья Дума рассматривала несколько законопроектов (как правило, внесенных Министерством юстиции), затрагивавших деятельность судебных учреждений и направленных на либерализацию судопроизводства. Прежде всего, это министерские законопроекты об условно-досрочном освобождении, о реформе местного суда и о неприкосновенности личности. Были и другие, важные и нужные, но менее принципиальные законопроекты.

Министерский законопроект об условно-досрочном освобождении был внесен правительством еще в Думу 2-го созыва. В Думе 3-го созыва этот законопроект начал рассматриваться депутатами в первую весеннюю сессию 1908 г., однако пик дебатов пришелся на осень 1909 г. Мнения депутатов разделились кардинально. Если либералы и левые оценивали его как свидетельство либерализации судопроизводства и всячески приветствовали, то правые (например, устами В.М.Пуришкевича) считали, что проект отличается крайней левизной, усугубленной комиссией по судебным реформам, и не отвечает запросам русского духа и русской жизни. Казанские депутаты, выступавшие во время прений, были близки к позиции либералов.

Со значительной речью в поддержку проекта выступил казанский депутат С.Максуд. Приветствуя министерский законопроект, мусульманский депутат ссылаясь на опыт европейских держав (прежде всего Франции), которые ввели институт условного освобождения в свое судопроизводство и с его помощью добились блестящих результатов. По мнению оратора, внесение министерством подобного законопроекта свидетельствует о проникновении в уголовное законодательство принципов гуманности и целесообразности, является одной из мер, направленных на смягчение и облегчение участи заключенных¹. Казанский депутат предложил активнее привлекать общественность через создание института «общественного патроната». Существующие в Европе общества, используя разные средства — создание приютов, помощь осужденным и освобожденным работой, орудиями труда, помогают осужденным или бывшим заключенным адаптироваться к внетюремной действительности и, таким образом, препятствуют рецидивам преступлений. Второе предложение С.Максуда касалось пункта о том, кем может возбуждаться ходатайство об условном освобождении. По министерскому проекту такое право предоставлялось тюремному начальству. С.Максуд предлагал создать особую должность наблюдателя, который подчинялся бы непосредственно министерству, а не тюремному начальству, и таким образом, имел бы более объективное суждение о поведении заключенных. Однако это предложение С.Максуда, за отсутствием внесенного письменного текста поправки, не ставилось на голосование. Неудача

постигла и второе предложение мусульманского депутата: при постатейном обсуждении законопроекта в третью сессию (1909/1910 гг.) он предложил включить в число лиц, на которых распространяется возможность получения условно-досрочного освобождения, конокрадов. Правое большинство, поддерживаемое представителем министерства, полагало, что конокрадство является *«вопиющим злом русской деревни»*, подлежащих суровому наказанию. В конце концов предложение С.Максуди было отклонено.

В поддержку проекта как проявления принципов гуманизма, признака суда милостивого и гуманного, выступал другой казанский либерал — М.Я.Капустин. Почтенный профессор поднялся на думскую трибуну, чтобы обсудить и оценить представленный законопроект не как юрист, а как обыкновенный обыватель, судящий о характере российского правосудия сквозь призму опыта присяжного заседателя. Как свидетельствует жизненный опыт, тюрьма зачастую выступает школой преступности. Пребывание в тюрьме оказывается губительным для нравственности любого человека, случайно попавшегося на преступлении. Оценивая проект как человек, имевший по долгу службы тесные контакты с молодежью, почтенный профессор предостерегал против суровых наказаний в адрес студентов и вообще молодежи, склонной к увлечениям политическими идеями и движениями. Большая часть молодежи в определенное время увлекается политическими идеями, но вряд ли нужно сурово карать их за подобные увлечения, за разговоры, чтение книжек и брошюр. По мнению профессора, *«карать увлечение молодежи или желать этой кары непременно наиболее суровой, которая и делает человеку невозможным возврат к прежнему положению, желать этого — это значит не желать суда милостивого, суда, который дает возможность преступнику исправиться от своих заблуждений»*.

Вторым законопроектом, затрагивавшим систему судопроизводства и обеспечения гарантий прав граждан, стал проект о неприкосновенности личности. Вопрос этот поднимался в первых двух Думах, но, естественно, безрезультатно. В третью Думу правительство внесло свой законопроект «О неприкосновенности личности», расходившийся с базовыми принципами аналогичных проектов предыдущих двух Дум. Поэтому министерский проект был неоднозначно воспринят депутатами-третьедумцами. В течение первых двух сессий проект прорабатывался в комиссиях, а в третью был вынесен на общедумское обсуждение. И вновь во время обсуждения министерского проекта выступал С.Максуди, к тому же состоявший членом комиссии по судебным реформам. В своей длинной речи мусульманский оратор отталкивался от принципа, согласно которому государство, в котором права личности не определены, не может считаться конституционным. И снова в качестве примера оратором был приведен опыт европейских держав, прежде всего Франции и Англии, к которому и должны стремиться русские конституционалисты. По мнению С.Максуди, те партии и те русские граждане, которые объявляют себя конституционалистами, должны, прежде всего, добиваться установления пределов правительственной власти и прав каждого гражданина. Однако в условиях того времени, когда большая часть российского государства находится на положении чрезвычайной охраны, т.е. фактически вне закона, обсуждение данного законопроекта является преждевременным. С.Максуди выступал от имени мусульманской фракции и высказал ее пожелание — вернуть законопроект в комиссию и рассмотреть его в комиссии нового состава. Представленный на думское рассмотрение законопроект ни в коей мере не отвечал интересам и целям левых фракций, к которым причисляла себя и мусульманская фракция.

Выступление мусульманского оратора неоднократно прерывалось правыми депутатами. Но если реплики с мест были вполне привычными для думской практики, то слова В.М.Пуришкевича, говорившего чуть позднее, вызвали бурный протест со стороны мусульманского депутата. По словам правого депутата В.М.Пуришкевича, никто из присутствующих не сомневается в верноподданности и преданности татарского населения империи престолу и государству, однако подавляющая масса татарского населения совершенно не разделяет позиции казанского депутата. С.Максуди, по словам Пуришкевича, олицетворяет собой течение, не имеющее абсолютно никакой поддержки в мусульманской массе. Слова В.М.Пуришкевича и его попытка обвинить С.Максуди в том, что он не представляет интересов своих избирателей, вызвали ответные протесты мусульманского депутата. Отверг казанский депутат и обвинения в том, что среди мусульман будто бы существуют разнообразные партии: среди них есть лишь одно течение, течение вперед, к прогрессу и свободе, а все попытки основать среди мусульман отделение «Союза русского народа» провалились.

Наконец, третьим и, пожалуй, одним из наиболее существенных и дебатированных вопросов, обсуждавшихся в Думе 3-го созыва, стал внесенный Министерством юстиции законопроект о преобразовании местного суда. В целом, наиболее интенсивно реформа местного суда обсуждалась в последних двух Думах. Поднимался этот вопрос преимущественно при обсуждении министерских законопроектов, поскольку законодательные инициативы самих депутатов, как правило, редко доходили до стадии общедумских дискуссий.

Министерский законопроект имел, безусловно, прогрессивный характер: вместо волостных судов и земских начальников проектировался мировой суд в лице мировых судей, выбираемых земскими собраниями из лиц с достаточным имущественным цензом (имущество, стоимостью 3000 — 15000 руб.) и проживающих на территории действия местного суда. По министерскому проекту председатели миро-

вых судов назначались министром юстиции, а судопроизводство велось исключительно на русском языке. Несмотря на обозначенные изъятия и ограничения, также как и ограниченность сферы действия законопроекта (реформа касалась лишь 46 губерний Европейской части России), реформа местного суда означала бы значительный шаг вперед.

При обсуждении законопроекта из числа казанских депутатов с думской трибуны выступали А.Л.Лунин, С.Максуди и М.Я.Капустин. Следует сказать, что С.Максуди говорил не только и не столько как представитель Казанской губернии. Скорее он выражал мнение мусульманской фракции и защищал интересы мусульманского населения всей империи. В этом отношении речи всех мусульманских ораторов, участвовавших в дебатах по законопроекту — двух кавказцев И.Гайдарова и Х.Хасмамедова и казанца С.Максуди — в содержательном плане были близки друг к другу³. Именно территориальная ограниченность проводимой реформы, также как и ограничения по языку, вызывали многочисленные нарекания мусульманских ораторов. Основные дебаты развернулись вокруг вопроса о языке судопроизводства (11-й пункт законопроекта) и о выборности судей. Общую консолидированную позицию отстаивали не только мусульмане, но все нерусские депутаты, выступавшие с думской трибуны, а также часть русских депутатов, представлявшие регионы со смешанным населением.

Поскольку законопроект не распространялся на окраины страны, где не было местного самоуправления, то кавказские депутаты не только высказывали сожаления по этому поводу и свои пожелания о распространении его на представляемые ими регионы, но и выступали от имени мусульман Казанской и Уфимской губерний. Например, азербайджанский депутат, юрист по образованию Х.Хасмамедов выступал по проекту дважды: 6 ноября и 4 декабря 1909 г. В первой своей речи Х.Хасмамедов высказал сожаление, что по проекту действие закона не получит распространения на закавказский регион, где отсутствовало местное самоуправление. Однако правительство отнюдь не торопилось с введением в этих окраинах земств. Подобное поведение правительства расценивалось как свидетельство его нежелания проводить реформы на этих окраинах. В обоих выступлениях Х.Хасмамедов подробно останавливался на вопросе о языке судопроизводства. Запрет на использование в местном суде языка нерусских народностей, проживающих в тех или иных регионах, приведет лишь к тому, что суд лишится устности и непосредственности, т.е. самого важного своего жизненного нерва, без которого никакое правосудие нельзя назвать правильным. Введение в судебную практику переводчиков не устранил недостатков судебной системы, а лишь породит опасную почву для злоупотреблений и для частых судебных ошибок. Более того, судопроизводство на языке, непонятном для большинства населения края, не может способствовать привитию в народе уважения к закону. Практически сходные аргументы использовал в своей речи и казанский депутат С.Максуди. Подобно другим инородческим депутатам, С.Максуди защищал право и целесообразность использовать в судопроизводстве местные языки в тех регионах, где имеется значительное инородческое население, не владеющее государственным языком. Свою позицию мусульманский депутат, как и многие его союзники, обосновывал прежде всего с практической точки зрения: *«запрещение употребления местного языка является требованием совершенно нецелесообразным ни с точки зрения государственной, ни с точки зрения практической пользы, это совершенно неприемлемое положение»*¹. Именно исходя из практических соображений С.Максуди настаивал на введении местных языков в судах низшей инстанции. При втором обсуждении законопроекта весной 1910 г. С.Максуди вновь настаивал на голосовании поправки, разрешающей использование местных языков в судопроизводстве: *«[...] я хочу, чтобы мои избиратели, татары, имели возможность иметь правосудие на родном понятном им языке, чтобы они имели возможность обращаться к мировому судье, который их понял бы»*².

Позицию мусульманских депутатов поддержал и А.С.Лунин, говоривший по тому же 11-му пункту проекта. Приведя цифры о количестве инородческого населения в Казанской губернии в целом и по отдельным уездам, А.С.Лунин внес свою поправку к дебатруемому пункту: *«В мировых участках с преобладающим инородческим населением по делам инородцев судоговорение может происходить на языке этого преобладающего инородческого населения»*. Предлагаемую поправку казанский депутат аргументировал следующим образом — если в настоящее время в волостных судах судоговорение происходит на инородческих языках, если православным инородцам разрешается в церквях проводить службы на родном языке, то почему тем же инородцам должно быть запрещено говорить на своем родном языке перед мировым судьей?³

Наконец, третий из казанских депутатов, выступавший во время прений по данному законопроекту, М.Я.Капустин принадлежал к тем депутатам, которые считали, что также как и государственная школа и военная служба, *«такой государственный элемент, как суд, должен осуществляться на государственном языке»*. Поэтому, не отступая от этого принципа, следует стремиться всеми мерами — через школы, начальное внешкольное образование, библиотеки, лекции, музеи и чтения — способствовать распространению среди инородцев русского языка. Внося отдельные поправки, следует, по мнению М.Я.Капустина, соблюдать главный принцип — языком суда должен быть государственный язык⁴.

Думская комиссия по судебным реформам по настоянию оппозиции внесла в обсуждаемый зако-

нопроект две существенные поправки: выборность председателя мировых судов и знание судьями местных языков. С такими либеральными поправками законопроект в редакции комиссии был вынесен на общее обсуждение и принят Думой. Но Госсовет отверг обе поправки, настояв на министерском варианте. Чтобы довести проект до стадии закона, думское большинство согласилось с позицией сенаторов. В итоге против законопроекта голосовала вся оппозиция, включая прогрессистов и национальные группы, что не помешало законопроекту набрать необходимое число голосов. После санкционирования законопроекта государем 15 июня 1912 г. он принял силу действующего закона «О местном суде».

Тем не менее вскоре изъяны этого компромиссного закона стали вполне очевидны. Поэтому группа депутатов Думы 4-го созыва внесла новое законодательное предположение «Об упразднении волостных судов, учрежденных по закону 15 июня 1912 года «О преобразовании местного суда»». Среди большой группы депутатов, подписавших это заявление, были и казанские депутаты — А.С.Юхтанов и И.В.Годнев. Законодательное предположение 103 депутатов, представлявших преимущественно думский центр, было рассмотрено, одобрено и вынесено судебной комиссией на общее заседание в конце 2-й сессии Думы 4-го созыва. И вновь самые бурные дебаты возникли вокруг вопроса об использовании в суде местных языков. В конце концов, после долгих споров, поправка оппозиции с пожеланием, чтобы Министерство юстиции назначало на должность судей лиц, по преимуществу из числа местных жителей, владеющих местными языками, была отклонена большинством голосов (118 против 83). Таким образом, появление нового законопроекта всего через пару лет после издания закона, а также возобновление жарких дебатов по жгучей проблеме использования в суде местных кадров и нерусских языков свидетельствовали о том, что глубоко компромиссные и половинчатые законы не могли служить решением проблемы.

Подводя итог рассмотрению вопросов реформы судопроизводства в думский период, можно выделить некоторые тенденции, которые проявились во время обсуждения в Думе министерского законопроекта о реформе местного суда. В этом вопросе стремление нерусских депутатов к использованию в местном судопроизводстве языка тех народностей, которые преобладают в регионе, и к привлечению в суды национальных кадров столкнулось с явным противодействием правительства, опиравшегося на правое крыло депутатов. Последние настаивали на использовании в суде исключительно государственного языка, допуск в судебную систему исключительно православных (максимум, христиан), а также введение высокого образовательного и имущественного ценза, что позволило бы оградить суды от «черни». Только при этих условиях суды, по мнению правительства и солидарной с ним правонационалистической части депутатского корпуса, могли служить истинным интересам российского государства. Именно этот лейтмотив был доминирующим в выступлениях сторонников правительственного курса, тогда как нерусские представители выступали за сближение судебной системы с населением страны. Противостояние было разрешено в пользу той стороны, за которой была сила государственной власти, но проблема этим отнюдь не была решена.

4. Вопросы реформирования органов местного самоуправления

Внимание к деятельности органов местного самоуправления — городских и земских — также было обусловлено спецификой того региона, от которого избирались те или иные депутаты. Для населения «внутренней России» (Европейской части России и Волго-Уральского региона) вопросы местного самоуправления не имели такой остроты, насколько важны они были для жителей тех окраинных регионов, в которых земская и городская реформы 60 — 70-х гг. XIX столетия были осуществлены не в полном объеме (Кавказ, Польша, Сибирь, Туркестан). В то же время среди депутатов из «внутренних губерний» было довольно много деятелей, напрямую связанных с работой в местных органах самоуправления. В частности, в ходе перевыборов гласных на очередное трехлетие, прошедших в конце декабря 1908 г., гласными Казанской Городской думы были избраны члены Государственной думы А.Н.Боратынский, В.А.Карякин и И.В.Годнев. Это переизбрание было воспринято как закономерная оценка усилий этих деятелей, посвятивших себя общественной работе, по отстаиванию в Думе принципов широких реформ в области реформы местного самоуправления¹. В целом можно сказать, что вопросы местного самоуправления волновали казанских депутатов в плане привлечения к участию в работе земских учреждений более широких слоев народных масс, снижения высокого имущественного и образовательного ценза, отсекавшего от земств значительную часть крестьянства. Национальная специфика проявлялась в том, что татарских депутатов «внутренних губерний» беспокоили правительственные распоряжения и циркуляры, ограничивавшие мусульман в праве использования земских средств на культурные и образовательные нужды. Нерусские депутаты вполне справедливо указывали на тот факт, что татары и иные инородцы платят земские сборы и прочие налоги наравне с русскими, а потому вправе рассчитывать на то, чтобы часть казенных и общественных средств расходовались на их собственные нужды.

Исследователи отмечают, что в первых двух Думах вопрос о реформировании органов местного самоуправления оказался в тени более глобальных и принципиальных проблем — аграрного вопроса, амнистии, политических реформ². Тем не менее депутаты, преимущественно противники революционных потрясений, осознавали, что укрепление в стране конституционных преобразований возможно лишь по

пути поэтапной эволюции и демократизации общественных институтов и государственной власти на всех уровнях. Основное отличие в позиции депутатов с различными политическими пристрастиями заключалось в степени допустимости преобразований. Второе принципиальное расхождение — в вопросе о том, как должна осуществляться реформа — сверху, с согласия и по инициативе традиционной власти или же снизу, путем вовлечения народных масс в демократизированные общественные институты. Сторонники первой, более умеренной позиции, преобладали среди октябристов и находили поддержку в лице главы правительства П.А.Столыпина. Кадеты и более левые партии придерживались иной позиции — создание элементов гражданского общества путем давления на традиционную власть снизу.

Разработанная кадетами к началу работы первого парламента программа преобразования и расширения системы земского самоуправления отличалась радикальностью и широтой постановки проблемы. В круг действия основных земских единиц — губернских собраний — должны были входить следующие дела:

- продовольственное, пожарное, страховое, дорожное, врачебно-санитарное, ветеринарное, общественное призрение;
- заведение местной и кустарной промышленности, земледелием и торговлей;
- хозяйственной и образовательной частью учебных заведений и школ;
- издание всех обязательных постановлений;
- административная статистика, а также удовлетворение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управления¹.

В целом кадетский проект предлагал перестройку местных органов управления на бессловных, демократических началах. Суть реформы сводилась к привлечению широких масс населения к управлению на местах. Более того, кадетский проект предусматривал реформу всей системы управления в стране, начиная от местных органов и вплоть до центрального правительства, ответственного перед представительной властью. Таким образом, вопросы реформирования местного самоуправления увязывались с преобразованием и демократизацией всей политической системы страны. Лидеры второй главенствующей в Думе фракции — фракции трудовиков — ставили реформу местного самоуправления в зависимость от решения аграрного вопроса².

Во второй Думе фракция трудовиков являлась одной из самых многочисленных и определяющих думское настроение. Поскольку из социальных проблем наиболее остро стояла проблема голода и продовольственного обеспечения населения, вопрос о введении органов самоуправления увязывался в первую очередь с социальными язвами современной жизни. Во-вторых, весной 1907 г. правительство внесло в Думу целый пакет законопроектов, среди которых были и проекты реформирования органов местного самоуправления. А потому депутаты должны были не только (и не столько) выдвигать свои собственные альтернативные проекты, но и рассматривать министерские законопроекты. Правительственная декларация была оглашена П.А.Столыпиным 5 марта и содержала намерение ввести в стране бессловную самоуправляющуюся волость в качестве мелкой земской единицы. Данное положение было базовым в правительственной программе и отражало умеренность реформаторских намерений властей. В силу своей умеренности такая программа могла найти поддержку только во фракции октябристов, занимавшей во второй Думе крайне правый спектр и не имевшей значительного влияния. Думское же большинство, начиная с кадетов, отнеслись к правительственным проектам негативно.

Не соглашаясь с правительственной программой реформирования органов самоуправления, депутаты разработали и внесли ряд собственных альтернативных законопроектов. Однако, преобладая численно, определяя общие настроения в Думе, трудовики не обладали достаточным количеством интеллектуальных сил и квалифицированных специалистов по гражданским вопросам. Все это отражалось на качестве (и количестве) предлагаемых ими законопроектов. Поэтому, как и в первой Думе, в данном вопросе лидировали кадеты. В частности, 17 апреля группой депутатов, преимущественно членами кадетской фракции, был внесен «Проект закона об изменении порядка избрания уездных земских гласных». Данный проект был подписан также казанским депутатом Д.Кушниковым. Впрочем, ни этот думский законопроект, ни министерские проекты не были рассмотрены депутатами в силу кратковременности работы второй Думы.

Как уже было отмечено, правительство Столыпина придавало земским вопросам большое значение. Поскольку в третьей Думе фракция октябристов (самая главная проправительственная фракция) имела значительное численное преимущество над остальными партийными силами, была надежда достижения согласия в этих вопросах между думским большинством и правительством. Реальность же не оправдала этих ожиданий в полной мере².

Среди казанских депутатов Думы 3-го созыва было много земских деятелей — И.В.Годнев, А.Н.Боратынский, Н.А.Мельников и пр. Придерживаясь по общеполитическим вопросам умеренных взглядов, эти депутаты тем не менее выступали против произвола местной администрации и центрального правительства в отношении органов местного самоуправления. Во время обсуждения бюджета на 1909 г.

представитель октябристской фракции А.Н.Боратынский заявил, что Министерство внутренних дел относится к земскому самоуправлению с точки зрения полицейского сыска. Однако *«пора перестать смотреть правительству на страну в щель сыска, нужно взглянуть на нее в широкое окно, нужно взглянуть взглядом благожелания и умиротворения»*¹. Эти слова Боратынского были лейтмотивом высказываний большинства казанских депутатов по вопросам развития местного самоуправления и укрепления в стране основ гражданственности.

Кроме того, казанские депутаты поддержали своими подписями три законодательные инициативы, направленные на введение органов самоуправления в тех областях, где они отсутствовали: кадетский проект «Об изменении городского избирательного закона», а также два проекта прогрессистов «О введении в Оренбургской губернии земского самоуправления» и «О введении земского самоуправления в Ставропольской губернии». Последние два проекта удостоились высочайшего утверждения в июне 1912 г. При обсуждении их (прежде всего проекта, касавшегося Оренбургской губернии) выступавшие с думской трибуны мусульманские ораторы настаивали на внесении таких поправок, которые позволили бы пользоваться плодами деятельности земских учреждений и мусульманскому населению страны. В частности, С.Максуди предлагал поправку о выделении в земских учреждениях большей квоты для сельского населения, в то время как проект давал явные преимущества дворянскому сословию. Само собой разумеется, что поправка С.Максуди была отвергнута думским большинством².

В то же время позиция профессора Капустина в весеннюю сессию 1910 г. во время второго чтения законопроекта о введении земств в западных областях подверглась очень жесткой критике думского центра и левых фракций. Выступая за введение земств повсеместно в стране, казанский профессор в то же время выступал в поддержку искусственных ограничений в отношении поляков: *«Я сознаю совершенно отчетливо, что этот законопроект пропитан известными искусственными приемами для того, чтобы ограничить польское влияние: сознаю это и сознательно иду на это»*³. Свою позицию, базирующуюся на признании недемократичных норм, М.Я.Капустин объяснял опасностью, что более культурная и экономически сильная группа (в данном случае подразумевались поляки) сможет прибрать к своим рукам все земские дела в ущерб основной массе населения и русским экономическим интересам. При этом он не считал защиту в Западном крае русских национальных интересов ни противоречащими установкам программы своей партии, ни основанием для разжигания племенной ненависти. И хотя мотивация и аргументы почтенного профессора были иными, нежели у большинства правых депутатов, его выступление оказалось в русле высказываний Пуришкевича и К^о. Это сближение М.Я.Капустина с ярыми националистами вызвало у либералов искреннее удивление — как мог почтенный ученый, профессор-гуманист оказаться в *«странной компании национальных шовинистов»*⁴. Вероятно, подобные высказывания казанского профессора при обсуждении данного законопроекта, как и при обсуждении т.н. «финляндского вопроса» в ту же весеннюю сессию 1910 г., способствовали складыванию негативного образа депутата Капустина в глазах думских и, особенно казанских, либералов.

5. Внешнеполитические аспекты в деятельности казанских депутатов

В деятельности казанских депутатов внешнеполитические проблемы в целом не занимали доминирующих позиций. Вероятно, это было связано с обстоятельствами объективного свойства: внешняя политика оставалась прерогативой верховной власти, а полномочия парламента в этом вопросе были сильно ограничены. Кроме того, среди казанских депутатов было немного людей, так или иначе связанных с внешнеполитическими проблемами. Среди немногочисленных примеров подобной деятельности можно упомянуть депутата Государственной думы 1-го созыва профессора А.В.Васильева, принимавшего участие в работе межпарламентского конгресса в Лондоне (июль 1906 г.) в составе думской делегации. Это обстоятельство, кстати, спасло казанского профессора от судьбы «лишенца» политических прав, постигшей его единомышленников по Думе 1-го созыва.

Вопрос о необходимости сотрудничества российских парламентариев со своими европейскими коллегами был поставлен лишь с началом работы Думы 3-го созыва. Депутаты понимали, что молодая российская законодательная власть не может находиться в изоляции, не поддерживая контакты с ведущими европейскими парламентами. А потому вскоре в Думе была образована т.н. «межпарламентская группа», в которую вошли члены крупнейших фракций и думских объединений. От имени мусульманской фракции членом данной группы стал казанец С.Максуди. При выборе кандидатуры С.Максуди в состав межпарламентской делегации Государственной думы решающую роль сыграли следующие обстоятельства: во-первых, получивший образование в Сорбонне мусульманский депутат владел французским языком, во-вторых, включение члена мусульманской фракции в состав межпарламентской делегации должно было внести свою лепту в формирование благоприятного имиджа российского парламента.

В составе думской делегации С.Максуди в июне 1909 г. посетил Англию и Францию, оставив о своем пребывании в Европе заметки. Не все члены Думы оценивали деятельность межпарламентской группы одинаково положительно. Для В.М.Пуришкевича и его единомышленников не было сомнений, что с одной стороны думская оппозиция пытается, таким образом, внедрить в российскую политичес-

кую практику чуждые ей европейские традиции. А с другой стороны, усилия членов межпарламентской группы рассматривались как стремление законодателей вмешиваться в дела исполнительной власти, ответственного за внешнеполитический курс страны. Наконец, правые отказывали членам думской межпарламентской группы в легитимности, поскольку не все партийные фракции были представлены в ней в равной мере. Один из подобных конфликтов на почве международной деятельности русских парламентариев разгорелся в Думе весной 1911 г. С.Максуди был среди тех ораторов, которые пытались защитить думскую межпарламентскую группу от напрасных обвинений крайне правых и националистов¹.

В январе 1912 г. российские парламентарии принимали у себя английскую межпарламентскую группу, приехавшую в столицу с ответным дружеским визитом. На завтраке, данном в честь английских коллег, выступил и С.Максуди. Свою приветственную речь мусульманский депутат начал с воспоминаний о необычайно теплом приеме, который был оказан российским парламентариям в Лондоне всеми, начиная от английской королевы и заканчивая простыми горожанами. Мусульманский депутат особо подчеркнул тот факт, что гости прибыли из страны, ставшей колыбелью мирового парламентаризма: *«В качестве молодого представителя молодого парламента я осмеливаюсь вас приветствовать как представителей умудренного опытом, самого старого парламента в мире»*. Российские же мусульмане только вступают в гражданскую и политическую жизнь страны, а российский парламент является одним из самых молодых парламентов мира. Несмотря на столь «юный» возраст российского парламента, по мнению С.Максуди, этот первый политический *«опыт участия мусульманских подданных в политической парламентской жизни страны»* вполне успешен. Залог этого успеха в том, что в новейшую эпоху государственность и религия не совпадают, что, даже исповедуя свою религию и сохраняя свою самобытность, мусульманские подданные могут оставаться полноправными гражданами христианского государства. А задача политиков не в том, чтобы воздвигать новые стены и преграды, а в разрушении ненужных преград, мешающих народам узнавать друг друга и сближаться².

Многонациональный характер России в целом и Казанской губернии в частности, приверженность татарского населения к Исламу, естественные настроения общеисламской солидарности — все это определяло позицию казанских депутатов-мусульман в вопросе о взаимоотношениях России с ее крупнейшей мусульманской соседкой — Османской империей.

Объяснению отношения российских мусульман к российско-турецким взаимоотношениям, природы естественных и вполне закономерных симпатий российских мусульман к Турции в целом и особенно к происходившим в Турции после революции 1908 г. переменам посвятил свое выступление один из лидеров мусульманской фракции С.Максуди. Называя перемены в мусульманском мире пробуждением, С.Максуди сравнил их с европейским Возрождением. По словам мусульманского депутата, в основе этих перемен лежат *«та же беспредельная вера в науку, та же жажда перемены, то же порывистое стремление к лучшим условиям жизни с той только разницей, что Возрождение Европы происходило 4 — 5 столетий назад, а мусульманское Возрождение совершается в нашу эпоху»*. Но это движение в мусульманском мире не несет в себе никакой антизападной разрушительной силы, а потому не должно пугать европейцев. Но вследствие старого традиционного негативного отношения Запада к Востоку эти события происходят «без ведома Европы», остаются внутренним делом мусульманского мира. Даже сейчас Запад не может отойти от этого старого взгляда. Подобное незнание и главное нежелание узнать Восток характерно и для России. Мусульманский Восток преобразился; и согласно с этим россияне должны переменить свое отношение к Востоку и переоценить свои политические ценности. И эта перемена продиктована стратегическими интересами самой России. По словам мусульманского депутата, в интересах России наладить дружеские отношения с соседним мусульманским Востоком: *«Мы, мусульмане, всегда желали и желаем, чтобы наша родина была в дружественном отношении с соседним мусульманским государством — Турцией, и это не только потому, что мы питаем симпатию к Турции, а особенно потому, что мы глубоко убеждены, что настоящий интерес России заключается на мировом поприще политико-экономической борьбы в дружбе с мусульманским Востоком»*³. Практически такие же аргументы были приведены лидером мусульманской фракции в другом выступлении, имевшем место весной 1910 г. при обсуждении сметы Министерства иностранных дел. Выступая как горячий сторонник русско-турецкого сближения, С.Максуди говорил: *«я мусульманин и, как таковой, безусловно, сочувствую возрождению мусульманского государства, но я, как русский гражданин, глубоко убежден в том, что наши реальные интересы повелительно требуют добрососедских отношений с Турцией»*⁴.

С обострением Балканского кризиса и особенно с началом 1-й мировой войны членам мусульманской фракции становится гораздо сложнее высказывать свои симпатии к Турции, принадлежавшей к иному военному лагерю. Говоря о своем отношении к турецким проблемам, мусульманские депутаты, также как и мусульманская пресса в целом, нередко должны были учитывать внутрироссийскую ситуацию и сложные взаимоотношения двух конкурирующих держав.

Представители мусульманского населения в российском парламенте неизменно подчеркивали свою

верность гражданскому долгу и преданность России (см. выступление С.Максуди от 17 ноября 1908 г.). Тем не менее они не скрывали своего принципиального расхождения с ближневосточной политикой правительства. По мнению мусульманских депутатов, все попытки России расширить свою территорию до Босфора несколько не приблизили ее к заветной цели, а потому во имя стратегических интересов России необходимо перевести вопрос о проливах *«в плоскость мирного ее разрешения»*, для чего *«дружба России с Турцией является необходимым условием»* (М.Джафаров)².

Мусульманских депутатов, как и всю мусульманскую общественность, волновали антитурецкие настроения, усилившиеся накануне и в годы войны, и принимавшие порой крайние формы и антиисламский характер. Именно против такой тенденции — попыток рассматривать войну балканских народов с Турцией как крестовый поход славянства против Ислама, как начало борьбы с Исламом — выступала мусульманская пресса и представители мусульманской фракции в Думе (выступления депутата М.Джафарова от 22 марта 1913 г. и от 12 мая 1914 г.)³. Опасность заключалась в том, что противостояние могло распространиться и на взаимоотношения внутри многонациональной страны.

Правительственная политика по отношению к соседнему мусульманскому государству и преобладающие настроения российской общественности негативно сказывались и на самоощущении мусульман внутри страны. Весьма показательным является история с организацией благотворительной помощи. С началом мировой войны все население было охвачено ростом патриотических настроений. На первых порах такой же подъем патриотизма демонстрировали и представители мусульманской общественности. В декабре 1914 г. по инициативе членов мусульманской фракции был проведен съезд представителей мусульманских благотворительных организаций, на котором были обсуждены формы и методы оказания помощи раненым солдатам и их семьям. И первоначально созданный на съезде комитет приступил к сбору средств и комплектации материальных ресурсов для оказания этой благотворительности. Однако уже вскоре наблюдатели стали отмечать спад активности мусульман в благотворительной деятельности. Лазарет для раненых воинов-мусульман на 50 мест был организован только после публичного призыва перводумца С.-Г.Алкина к активизации благотворительной деятельности. Однако сборы на нужды комитета, производившиеся по традиции во время ежегодной летней нижегородской ярмарки, давали весьма скромные результаты, в то время как редакторы татарских журналов собирали на нужды своих изданий очень приличные суммы.

В качестве одной из причин охлаждения патриотического рвения мусульманских деятелей наблюдатели отмечали следующее обстоятельство. Руководители комитета обратились в Министерство внутренних дел с ходатайством об учреждении для членов комитета и волонтеров особого отличительного знака в виде красного полумесяца, наподобие красной звезды для христианских благотворительных организаций. Однако эта инициатива не встретила поддержки и сочувствия в правительстве. Чиновники Департамента духовных дел иностранных исповеданий оценили это ходатайство как неуместное, *«имеющее своей конечной целью поддержание среди инородцев мусульман, известной обособленности на религиозной почве»*⁴. Отказ в такой малости, как отличительный знак с мусульманской символикой, насильственное изъятие подобных изображений и фактическое принуждение мусульманских деятелей носить знак с чуждой им христианской символикой порождало в мусульманской среде глухое раздражение и едва скрываемое недовольство.

Практически сразу же после начала военных действий представители Департамента духовных дел и Департамента полиции начали собирать сведения о настроениях мусульманского населения империи. Уже в августе 1914 г. на имя казанского губернатора пришло распоряжение собрать подробные сведения о том, как встретило мусульманское население весть об объявлении войны, не наблюдалось ли при мобилизации нежелательных эксцессов, в какой форме мусульмане выражали патриотические чувства, принимались ли меры к оказанию помощи семьям единоверцев, члены которых были призваны на фронт.

Донесения уездных исправников на имя казанской губернской власти с отчетами при всей их внешне единодушной характеристикой мусульманского населения губернии как весьма спокойного, лояльного и верноподданного, в то же время содержат много интересных наблюдений, которые в силу тех или иных соображений не были включены губернатором в письмо, отправленное в центральное ведомство. Один из самых подробных отзывов был дан тетюшским уездным исправником. Отмечая немногочисленные факты участия татар в патриотических манифестациях и выражения населением патриотических чувств, уездный исправник давал им следующее объяснение: *«Немногочисленность их объясняется только тем, что татары в Тетюшах исключительно трудовое, занятое повседневными работами [...] население уездных городов и деревень, будучи вообще смирным и скромным, проявлять свои чувства бурно в публичных манифестациях стесняется»*. В отношении российско-турецких взаимоотношений исправник отмечал спокойное отношение татар, поскольку Турция пока еще не находилась в состоянии войны. Но в случае осложнения отношений с этим мусульманским государством татары, по мнению представителя уездной администрации, останутся верны своей стране, поскольку *«Турция в глазах наших татар много потеряла со времени Балканской войны 1913 года»*. Отмечая наличие

среди татар сочувственного отношения к своим турецким единоверцам, исправник писал, что это сочувствие не идет дальше платонического и не перейдет, на его взгляд, этой границы. Более того, *«татарское население трудовое, исключительно земледельческое, дорожит порядком, столь необходимым для такого образа жизни и в каких-либо выступлениях по политическим мотивам против порядка и управления участвовать не будет»*¹. К подобному содержанию был близок и отзыв гражданского уездного исправника: *«К поведению Турции в отношении России мусульманское население относится критически и выражает уверенность в гибели всей турецкой империи в случае объявления войны России. А так как мусульманское население представляет из себя оседлых крестьян, крепко обосновавшихся на местах, то нет оснований предполагать, чтобы с их стороны, в случае серьезных осложнений, допущены были какие-либо выступления»*². Спасский, свияжский, лаишевский и казанский уездные исправники также отмечали очень спокойное, подчас даже индифферентное отношение мусульманского населения к военным событиям. Случаи сочувственного отношения к Турции не давали никакого повода к опасениям, что татары могут выступить с проявлениями открытого недовольства. В целом местные исправники были единодушны в том, что татарское население подведомственных им уездов в силу образа жизни и общей малограмотности ведет себя спокойно, а возможные единичные волнения могут быть спровоцированы казанскими татарами, в среде которых сильны националистические настроения.

Отзыв начальника казанского губернского жандармского управления был исполнен куда менее благостными оценками, нежели донесения уездных исправников. Глава жандармского управления полагал, что татарское население не слишком активно в проявлении искреннего патриотического подъема. В среде татарской интеллигенции, которая хотя и старается держаться осторожно, высказываются различные мнения. Имеются и следующие суждения в отношении войны: *«Воззвание Верховного Главнокомандующего к полякам вызвано их революционным настроением. Нужно и татарам быть готовыми к общей революции, которая, по их мнению, должна вспыхнуть в недалеком будущем повсеместно. Если татары останутся сидеть сложа руки и не потребуют для себя автономии, а наоборот будут искусственно напрягать свой ложный и притворный патриотизм, то их положение несколько не изменится, тогда как Польша, Финляндия и Кавказ достигнут желаемой автономии»*³. Хотя подобные настроения среди татар и не являлись преобладающими, тем не менее они имели место и отчасти подогревались татарской прессой.

С началом военных действий редакторы татарских изданий были вызваны в местный военно-цензурный комитет, где им было дана рекомендация печатать поменьше статей с симпатией в адрес Турции и наоборот увеличить количество патриотических публикаций. Тем не менее татарская пресса сохранила свою общую оппозиционность, до последнего момента культивируя благожелательное отношение среди мусульман к единоверной Турции. В целом вывод начальника жандармского управления был однозначен: *«Я не думаю, чтобы в случае войны с Турцией татары выступили бы явно, но что многие из них в душе будут на ее стороне и что готовы будут при возможности оказать ей полезным — я полагаю, это едва ли подлежит большому сомнению»*.

В итоговом отчете казанского губернатора, направленном директору Департамента духовных дел Е.В.Менкину в ноябре 1914 г., была подчеркнута эта неоднородность настроений мусульманской общности: *«сочувствие мусульман к единоверцам находит отклик в сердцах здешних мусульман, но не больше; сочувствие это почти незаметно проскальзывает в обыденной жизни мусульман»*. В то же время ревнители мусульманского национализма боялись, что проявление патриотических чувств в условиях подобной войны может быть понято массой неправильно. Поэтому многие общественные деятели опасаются выражать излишний патриотизм.

Впрочем, издатели татарских газет оказались перед сложным выбором. Помещая патриотические статьи, они рисковали потерять часть своей читательской аудитории, а высказывая истинные настроения, могли быть обвинены в отсутствии должного патриотизма и верноподданничества. По наблюдениям той же цензуры в период Балканского конфликта тиражи некоторых татарских изданий выросли почти на 40–50 %, а осенью 1914 г. наблюдалось уменьшение тиражей этих же изданий.

Одним из наиболее радикально настроенных мусульманских деятелей являлся бывший депутат Думы 2-го созыва Калимулла Хасанов. После роспуска Думы 2-го созыва К.Хасанов переехал в Казань. В марте 1911 г. за публикацию в газете «Дума» (1907) он был приговорен Петербургской судебной палатой к годичному тюремному сроку, который отбывал в казанской тюрьме до 26 мая 1912 г. Впоследствии служил агентом страхового общества и маклером. К.Хасанов, один из немногих, кто открыто выступал с пораженческими настроениями. Только в таком случае, полагал бывший депутат, можно будет надеяться на изменение в стране политического режима и на перемены в положении нерусских народностей. За вредное влияние на мусульманское население края и «антирусскую пропаганду» осенью 1914 г. он был выслан в административном порядке из Казанской губернии. Вину за репрессии против бывшего депутата казанская пресса, выходившая на татарском языке, возложила не столько на местную администрацию (что было, в общем-то, невозможно по цензурным соображениям), сколько на С.-

Г.Алкина, который был заподозрен в излишнем и неуместном проявлении патриотизма. По некоторым данным, К.Хасанов отозвался на обращение Алкина следующими словами: *«только кадеты могут перейти от «Выборгского воззвания» к воззваниям подобного сорта»*. В данном конфликте двух бывших депутатов некоторые казанские газеты (например, «Кояш») встали на сторону К.Хасанова. Последовавшая вскоре высылка последнего из Казани в административном порядке еще более обострила симпатии и сочувствие к опальному Хасанову. Алкин же, наоборот, стараниями тех же изданий обрел репутацию «предателя»¹.

Высылка К.Хасанова из Казани оказала очень сильное и угнетающее впечатление на местных татар. По словам представителя полиции, многие татары *«спрятали подобные [о независимости в случае поражения России. — Д.У.] мысли подальше»*. Дело дошло до того, что татары боялись носить в публичных местах турецкие фески, которыми ранее очень любили украшать свою одежду. Ношение подобного головного убора могло быть воспринято как проявление опасного тюркофильства.

В целом же многочисленные донесения губернских начальников из областей и регионов с более-менее значительным мусульманским населением свидетельствовали о том, что мусульмане в основной своей массе проявляли полную лояльность к существующей власти, ничем открыто не проявляли своего недовольства. И хотя некоторые из губернаторов отмечали бесспорное наличие среди мусульман симпатий к единоверной Турции, тем не менее мусульмане публично не выражали никаких признаков недовольства. Отчасти это объяснялось образом жизни мусульманского населения и опасениями репрессий со стороны властей. Поведение двух бывших мусульманских депутатов — перводумца С.-Г.Алкина и втородумца К.Хасанова (депутата от Уфимской губернии, но жившего преимущественно в Казани) — в описанном выше конфликте являлось проявлением двух полярных позиций, имевших место в широком спектре настроений мусульманской общественности в период 1-й мировой войны. Накануне и особенно во время мировой войны представители мусульманской политической элиты должны были выработать такую линию поведения, которая позволила бы им с минимальными потерями пройти между «сциллой» преобладающих в мусульманском сообществе настроений и симпатий к единоверной Турции и «харибдой» — необходимостью сохранять лояльность к отечеству и правящему режиму.

Глава II

Позиция казанских депутатов по социально-экономическим проблемам

1. Бюджетно-финансовая система страны. Государственная роспись и обсуждение смет отдельных ведомств

На основании особых правил, изданных 6 марта 1906 г., рассмотрению Государственной думы подлежали бюджет империи (государственная роспись доходов и расходов) и кредиты сверх него¹. Из финансовой системы страны, подлежащей рассмотрению законодательными палатами, были изъяты бюджеты отдельных ведомств. В отношении доходов эти изъятия касались удельных и кабинетных доходов, т.е. имущества императора и императорской фамилии; железнодорожных и таможенных тарифов, цен на водку. В части расходов также были определенные полные или частичные изъятия: вне рассмотрения Думой находились расходы императорского двора и уделов; платежи государственного долга и расходы, основанные на действующих законах («легальных титулах»). Значительное изъятие расходов из-под ведения Думы произошло в военное время, что воспринималось многими депутатами как вполне оправданная мера.

Несмотря на существенные изъятия из бюджетных прав Думы, она имела реальные возможности для осуществления контроля над экономической деятельностью правительства. В частности, без согласия депутатов было практически невозможно ввести новые налоги, установить новые статьи расходов в бюджете или увеличить существующие. Также было весьма затруднительно получить без согласия Думы иностранный заем. В целом, обсуждение бюджета в Думе оказывало позитивное влияние на улучшение техники его составления. Думская оппозиция предпринимала неоднократные попытки пересмотреть сметные правила в смысле уменьшения числа или ликвидации неподконтрольных Думе расходов. Подобные законодательные предположения вносились в Думу 2-го, 3-го и 4-го созывов. Принятый Думой 3-го созыва один из подобного рода проектов был отклонен Государственным советом.

Бюджет вносился на рассмотрение Государственной думы 1 октября (бюджеты ведомств — 25 сентября), и должен был быть принят к 1 декабря. Такой короткий срок делал нереальным принятие бюджета в срок. При рассмотрении бюджета за 1908 г. Дума отошла от традиционного для парламентов мира рассмотрения бюджета в целом прежде рассмотрения по частям. Отступление от традиции было мотивировано тем, что Дума 3-го созыва была созвана слишком поздно и следует спешить. Поэтому бюджет рассматривался по отдельным ведомствам. Как правило, обсуждение и принятие государственной росписи завершались лишь к осени того года, бюджет которого рассматривался. Поэтому Совет

министров ежемесячно открывал ведомствам кредиты для покрытия необходимых расходов.

Поскольку, начиная с 1-й сессии Думы 3-го созыва, бюджет обсуждался по сметам отдельных ведомств, то их обсуждения фактически выливались в оценку эффективности или неэффективности деятельности отдельных министерств. Депутаты признавали, что в сметах, как в зеркале отражается вся политика отдельных ведомств и правительства в целом. *«Здесь с достаточной ясностью выступают все недочеты, все недостатки во всей своей наготе в цифрах, которые не замаскируешь никакими хитрыми фразами, никакими дипломатически ловкими приемами»*, — говорил в одном из выступлений представитель мусульманской фракции Г.Х.Еникеев.

В комиссиях, связанных с рассмотрением финансово-бюджетных вопросов, то есть в комиссии государственной росписи доходов и расходов, бюджетной и финансовой комиссиях казанские представители не были редкими «гостями». В Думе 2-го созыва из числа казанских депутатов можно назвать Г.С.Бадамшина (бюджетная), С.Максуди и З.М.Таланцева (оба члены финансовой комиссии). В Думе 3-го созыва — И.В.Годнева (бюджетная и росписи), Г.Х.Еникеева (росписи), М.Я.Капустина (бюджетная) и В.А.Карякин (финансовая). Наконец, в Думе 4-го созыва — И.В.Годнев и А.В.Смирнов (росписи), В.В.Марковников и Д.С.Теренин (оба члены финансовой комиссии). Самым работоспособным и наиболее деятельным депутатом из числа казанских избранников был, безусловно, И.В.Годнев, в последней Думе избранный председателем комиссии исполнения росписи доходов и расходов. Выступления И.В.Годнева не могли привлечь слушателей яркостью и образностью речи, политической направленностью или дешевыми эффектами. В них не было стремления к разоблачениям или провоцированию конфликтных ситуаций. Из-за отсутствия явного ораторского таланта речи казанского депутата казались некоторым слушателям чересчур «скучными». Но авторитет казанского депутата в бюджетных вопросах был высок, а его неизменное стремление защищать бюджетные права Думы и «букву закона» вызывали у современников и коллег по парламенту уважение и заставляли прислушиваться к его словам даже политических оппонентов. Поэтому не случайным было и то, что после Февральской революции И.В.Годнев оказался в новом правительстве, заняв там пост государственного контролера.

С парламентской трибуны из названных депутатов в Думе 2-го созыва чаще всего выступали М.Я.Капустин, в последующих Думах — И.В.Годнев, В.А.Карякин и Г.Х.Еникеев. Казанский профессор выступал по вопросу о порядке рассмотрения росписи доходов и расходов на заседании № 15 от 23 марта 1907 г. Принадлежа к думскому большинству, которое в силу отсутствия профессиональных навыков слабо разбиралось в технических аспектах бюджетного дела, М.Я.Капустин считал тем не менее очень важным привлечение к обсуждаемому вопросу широких слоев населения. Конституционные перемены и конституционный строй фактически привлекли широкие народные массы к вопросам хозяйственной жизни, передав в руки народных представителей народное хозяйство, финансовые вопросы. И народные представители, даже не будучи сведущи в финансовых вопросах, в сугубо технических тонкостях проблемы, являются представителями народа — источника платежей на местах, платежей, составляющих основу государственных доходов. *«Можно отлично знать техническую часть, иметь широкое образование по финансовым вопросам, но, оперируя в центре канцелярии, можно не знать того, что известно и ощущается на себе каждым представителем деревни»*, — утверждал Капустин. Поэтому правильный бюджет, по его мнению, может быть составлен только при наличии в составе Государственной думы наряду со сведущими специалистами и людей, вносящих в обсуждение бюджета т.н. «обывательскую точку зрения» и практический, хозяйственный взгляд на проблему. Соглашаясь с критикой ограниченных бюджетных прав Думы, М.Я.Капустин в то же время полагал, что основной задачей депутатов является взгляд на государственный бюджет не только с точки зрения охраны единства и целостности государства. Народные представители должны рассматривать бюджет как меру по предоставлению населению материальных и духовных услуг, содействующих повышению культурного уровня и прогресса во всех отраслях жизни.

Даже при обсуждении бюджетных вопросов, не имеющих политической подоплеки, проявлялись личные взгляды и пристрастия депутатов. Например, весной 1910 г. при обсуждении статей государственной росписи среди депутатов вызвала довольно оживленную дискуссию статья бюджета, предусматривавшая выделение 469 тысяч руб. на ремонт и содержание здания Таврического дворца. Из этой суммы около четверти миллиона было запланировано на переделку потолочных перекрытий. Как известно, еще в период работы Думы 2-го созыва весной 1907 г. в зале заседаний Думы произошло обрушение потолка. Только по счастливой случайности потолок обрушился ранним утром и поэтому никто не пострадал. Некоторое время депутаты были вынуждены заседать в других помещениях, а в зале был начат временный ремонт. Естественно, это событие повлекло за собой обличительные выступления с думской трибуны и аналогичные статьи в прессе. Сугубо техническая проблема использовалась левыми депутатами как удобный повод для предъявления ненавистной власти претензий в злоупотреблениях и неадекватности. Только ленивый, пожалуй, упустил шанс использовать этот случай для нелепых сравнений и аналогий.

В междудумский период, накануне созыва третьей Думы, потолок в зале заседаний был подремон-

тирован. Однако это был косметический ремонт, не решавший проблему кардинально. Потолок затянули досками, отчего он приобрел весьма непривлекательный вид. Кроме проблем эстетического характера, были и другие — по признанию современников в зале была очень плохая акустика и неважное освещение. Многие депутаты жаловались, что, придя в Таврический дворец с прекрасным зрением, они рискуют покинуть его в очках и со слабым слухом. Наконец, были и соображения противопожарного характера: сухие деревянные перекрытия были подвержены огню, отчего любая, даже случайная искра могла привести к потере здания целиком. В 1909 г. распорядительная комиссия внесла проект переустройства перекрытия в зале заседаний и замены его стеклянным потолком. В 1909 г. комиссия осмотрела помещение дворца и отклонила предложение о ремонте. В 1910 г. проект был внесен вторично. При этом на строительство стеклянного потолка требовалось 250 тысяч руб. И именно эта статья вызвала наиболее оживленную дискуссию и споры о целесообразности подобных расходов.

Среди выступавших по проблеме депутатов были В.А.Карякин и М.Я.Капустин. Их мнения оказались различными. В.А.Карякина отличала такая черта, как купеческая прижимистость и нежелание идти на расходы, которые могут оказаться чрезмерными, напрасными или не принесут ожидаемую прибыль или запланированные последствия. Видимо, исходя из этой своей черты, казанский купец предложил отклонить выделение кредита на ремонт потолка. Он полагал, что ни один из аргументов в пользу строительства стеклянного потолка не имеет веских оснований: украсить здание можно было бы и за меньшую сумму; перекрытия из лиственницы, как показало обследование, настолько прочны, что выдержат любые потолочные покрытия. Наконец, стеклянный потолок едва ли сможет обеспечить зал заседаний достаточным количеством света. Учитывая климатические особенности столицы и то обстоятельство, что работа Думы протекает большей частью в темное время суток, депутаты по-прежнему были бы вынуждены работать при электрическом освещении.

Профессор гигиены М.Я.Капустин отвечал оппонентам и как представитель бюджетной комиссии, и как человек, профессионально занимающийся вопросами гигиены и здоровья. По его мнению, в переустройстве освещения в зале заинтересованы не только члены Думы 3-го созыва, но и те народные избранники, которые придут им на смену. Ведь за третьей последуют четвертая, пятая и последующие Думы. Кроме того, ремонт позволит решить и акустическую проблему. Не секрет, что от фракций зачастую выступают люди не столько компетентные в обсуждаемом вопросе, сколько депутаты, обладающие громким голосом. В итоге, хотя перевес оказался на стороне тех депутатов, которые высказались за выделение испрашиваемого кредита, обстоятельства не позволили осуществить планируемый ремонт.

Нередко вопрос о росписи государственных доходов и расходов увязывался с сугубо политическими вопросами. Например, с вопросом о депутатской неприкосновенности и неподсудности депутатских речей. Эта проблема особенно обострилась накануне обсуждения государственного бюджета на 1914 г., когда правительством были сделаны реальные усилия по лишению депутатов иммунитета (в части ответственности за думские речи) и привлечения отдельных членов к судебной ответственности.

По регламенту 1906 г., в соответствии с принципами государственного права и европейской практикой, депутатам предоставлялась «полная свобода» слова по обсуждаемым делам. Однако позднее делались изъятия из этого правила как на уровне сенатских разъяснений, так и на уровне отдельных ведомств (Святейшего синода в отношении депутатов-священников и пр.). Сделано это было под лозунгом борьбы с безответственными выступлениями депутатов с думской трибуны. Весной 1914 г., в ответ на привлечение депутата Н.С.Чхеидзе к судебной ответственности по 129-й статье (по обвинению в призыве к ниспровержению существующей формы правления)² группа оппозиционных депутатов высказалась за то, чтобы отложить рассмотрение бюджета до принятия законопроекта о безответственности депутатов³. Законопроект 58 членов Думы предусматривал введение ответственности депутатов за суждения и мнения при исполнении обязанностей лишь перед Думой, да и то в дисциплинарном, а не в судебном порядке. Однако первоначально предложение об отсрочке бюджетных прений не собрало нужного количества голосов: за рассмотрение законодательного предположения высказались 99, против — 157 и воздержались при голосовании 4 депутата⁴. Среди тех, кто голосовал за отсрочку обсуждения бюджета до принятия решения о депутатском иммунитете, не было ни одного казанского депутата (если не считать депутата Г.Еникеева, избранного в Думу 4-го созыва от Оренбургской губернии). В то же время четверо казанцев — И.В.Годнев, Ф.Н.Казин, В.В.Марковников, Д.С.Теренин — оказались в числе 157 правых депутатов. В конце концов, было принято компромиссное решение — приступить к рассмотрению государственного бюджета с тем, чтобы одновременно соответствующие комиссии в кратчайший срок подготовили законопроект к обсуждению. Но в итоге и это законодательное предположение депутатов не обрело силу закона. Однако этот инцидент хорошо иллюстрирует думскую практику и стремление оппозиции превратить традиционное ежегодное обсуждение бюджета в политический приговор ненавистной власти.

С началом 1-й мировой войны ситуация в Думе изменилась. Все думские фракции, за исключением крайне левых, высказались за предоставление правительству чрезвычайных кредитов и займов, обус-

ловленных военным временем. Бюджет на 1915 г. был принят практически без обсуждения в течение короткой трехдневной третьей сессии (январь 1915 г.). Но уже с осени 1915 г. взаимоотношения представительного органа с исполнительной властью вновь обострились, что проявлялось и во время обсуждения бюджетных вопросов в 1916 г.

2. Лоббирование интересов торгово-промышленного развития края

На рубеже XIX — XX вв. население Казанской губернии в подавляющей массе состояло из сельских обывателей (по данным переписи 1897 г. доля городского населения в крае составляла чуть более 3 %), а губерния по-прежнему принадлежала к регионам с сельскохозяйственной, преимущественно зерновой, специализацией. Уже с середины XIX в. Поволжье в целом стало превращаться в район торгового зернового производства, вывозившей хлеб в различных направлениях. Железнодорожное строительство во второй половине XIX в. покрывало край сетью железных дорог и еще теснее связывало отдельные губернии Поволжья с разными частями империи и мировым рынком. Благодаря тому, что в крае в избытке производился хлеб, а также выгодному географическому расположению, Казанская губерния входила в число губерний-поставщиков товарного хлеба на внутренний и внешний рынки.

К тому же среди казанских депутатов Государственной думы встречались довольно крупные представители торгово-промышленного класса (В.А.Карякин, З.М.Таланцев и др.). Естественно, что их деятельность была направлена на защиту экономических интересов Казанской губернии в целом и своих собственных в частности. Самым красноречивым является пример В.А.Карякина, который принадлежал к крупнейшим в крае торговцам зерном, а потому эти вопросы самым непосредственным образом затрагивали его бизнес. Эти два обстоятельства предопределили значимость для торгово-промышленного сословия следующей проблемы — взаимосвязи развития хлебного рынка с железнодорожным строительством.

История развития железнодорожного транспорта в России обладает обширной литературой, которая позволяет в общих чертах проследить степень влияния железных дорог на развитие торговли в стране, воздействие железнодорожного строительства на организацию местных рынков, формирование экономических районов империи². В свою очередь, история того, какие усилия предпринимали казанцы по развитию железнодорожного строительства в крае, в каком направлении они стремились направить это строительство, весьма поучительна. Она показывает, насколько торгово-промышленное развитие края тесно зависело от железнодорожного строительства, какое влияние железные дороги оказывали на развитие торговли в крае — традиционную основу благосостояния значительной части населения — и, в конечном счете, на выстраивание иерархии территорий поволжских губерний.

Последнее же обстоятельство определяло конкурентоспособность торгово-промышленного класса губернии в масштабах региона и всей страны. Уже к концу XIX столетия стали появляться тревожные симптомы неблагоприятного развития транспортной сети для Казани: *«Теперь огромные партии хлеба проходят мимо Казани, прямо в Рыбинск. Нижний перехватил посредническую роль в торговле с Сибирью и Азией, овладел торговлей пермской солью и уральским железом. Самара и Саратов устроили у себя склад главных продуктов Заволжья (пшеницы, соли, шерсти, сала) и отправляют внутрь России. Оренбург сделался центром среднеазиатской торговли, вытеснив Казань. Так что район торгового влияния Казани значительно сузился и теперь благосостояние города зиждется только на сибирской торговле»* — писалось в одном из путеводителей в 1884 г.³ В начале XX столетия ситуация принципиально не изменилась, а негативные тенденции стали сказываться еще сильнее. Например, в отношении торговли хлебом исследователи приводят следующие данные: из Казанской губернии хлеб вывозился лишь в три губернии, тогда как из Самарской — в 35, Оренбургской — в 29, Саратовской — в 32, Симбирской — в 12⁴.

Поэтому в думский период среди наиболее актуальных проблем, связанных с торгово-промышленным развитием края, можно назвать следующие: вопрос о строительстве новой железной дороги, проходившей через территорию губернии, и железнодорожного моста через Волгу. Наибольшие усилия для успешного разрешения этих двух инициатив предпринимались казанскими депутатами Думы 3-го созыва В.А.Карякиным и И.В.Годневым, а также В.В.Марковниковым, избранным депутатом Думы 4-го созыва.

Идея строительства железной дороги в восточном направлении, которая должна была проходить через Казань, высказывалась еще в 1870 г.⁵ Именно тогда специальная правительственная комиссия внесла обоснование о строительстве железной дороги Москва — Казань — Екатеринбург с дальнейшим продвижением в Сибирь. Этот проект опирался на многочисленные ходатайства земств, городских обществ и купечества, за него подавали свои голоса научные общества и пресса. Однако финансовые затруднения и иные грандиозные проекты отодвинули эту идею на неопределенный срок. Еще раньше, в 1863 г., был утвержден устав частной Московско-Рязанской дороги. Первоначально основанная как частная железнодорожная компания, она планировалась отойти государству в 1945 году⁶. Таким образом, первоначально была построена линия Москва — Рязань. В 1891 г. Государственный совет после утверждения дополнений к принятому ранее уставу переименовал ее в Московско-Казанскую желез-

ную дорогу. Это означало, что общество МКЖД обязуется достроить железную дорогу вплоть до Казани, правда, без устройства моста через Волгу. В 90-х гг. линия, соединявшая Казань с Москвой (участок Рязань — Свияжск — Казань), была достроена. Но даже после введения ее в строй главной проблемой полтора десятилетия оставалось отсутствие железнодорожного моста через Волгу. Для пассажирского и грузового движения существовала лишь плохо оборудованная переправа, которая фактически переставала функционировать во время весеннего и осеннего ледохода. Иногда срок простоя затягивался более чем на две недели, принося купцам многомиллионные убытки. В 1903 г. было высочайше утверждено новое дополнение к уставу Общества Московско-Казанской железной дороги, включившее обязательство последнего построить недостающий мост к маю 1908 г. Однако незадолго до истечения объявленного срока, в мае 1907 г., Общество МКЖД обратилось в правительство с просьбой предоставить им отсрочку в выполнении данного обязательства. Отсрочка запрашивалась сроком, как минимум, еще на пять лет, с тем, чтобы строительство моста было завершено лишь к 1912 г.

После того, как известие о подобном ходатайстве руководства Общества МКЖД стало известно заинтересованным кругам, член губернского земского собрания И.В.Годнев выступил с предложением созвать для обсуждения назревшей проблемы внеочередное земское собрание. Казанское губернское земство и Городская дума обратились в местную администрацию и центральные органы с просьбой оказать давление на железнодорожную компанию и заставить ее гарантировать выполнение взятых на себя ранее обязательств. Кроме того, земцы обратились к членам Государственного совета и Государственной думы от Казанской губернии — сенаторам А.В.Васильеву и Ю.В. Трубникову, а также депутатам М.Я.Капустину и А.Н. Хорвату с просьбой поддержать данное ходатайство.

В течение 1907 — 1908 гг. между правлением Общества МКЖД, соответствующими министерствами (прежде всего, финансов и путей сообщения) и казанскими органами самоуправления (Городской думой и губернским земством) при поддержке казанского губернатора велась переписка по согласованию позиций сторон. С осени 1907 г. к защите интересов казанского общества подключились и вновь избранные депутаты Думы 3-го созыва — И.В.Годнев, Н.А.Мельников и В.А.Карякин. В течение 1908 г. казанские депутаты вели постоянные неофициальные переговоры с представителями ОМКЖД, посещали министров путей сообщения и финансов, наконец, были приняты главой правительства П.А.Столыпиным. Премьер-министр заявил о невозможности участия правительства в сооружении данного железнодорожного моста. Плачевное же состояние ОМКЖД, акции которого сильно упали, не давали никаких надежд на скорейшую постройку столь необходимого экономике края железнодорожного моста.

Это направление оставалось одним из важнейших объектов лоббистских усилий казанских депутатов. Возможно, именно благодаря этим усилиям дело сдвинулось с мертвой точки. В начале 1909 г. (16 февраля на приеме) депутат И.В.Годнев в качестве уполномоченного от Казанской губернии получил от министра финансов подтверждение о том, что средства на строительство моста через Волгу все же будут выделены и строительство моста будет начато в запланированный срок. В период работы весенней сессии, 2 марта 1909 г. И.В.Годнев, выступая с думской трибуны, вновь поднял вопрос о строительстве моста и получил обещание, что работы будут завершены к сроку — к 1913 г.²

Тем не менее еще в течение года в Казань приходили тревожные слухи о намерениях инвесторов и бюрократических структур перенести планируемый железнодорожный мост под Симбирск. Строительные работы были начаты весной 1910 г., а строительство моста должно было завершиться лишь к весне 1913 г. Незадолго до начала строительных работ в первоначальный план были внесены изменения — длина железнодорожного моста была сокращена с 750 до 450 верст, а остальную часть должна была составлять земляная дамба. Естественно, экономия на качестве привела к тому, что уже в процессе строительства моста произошло несколько аварий. Одна из катастроф имела место весной 1912 г. и послужила основанием для выступления В.А.Карякина с думской трибуны с резкой критикой действий управления водных путей и шоссейных дорог. К весне 1913 г. строительные работы были завершены. Мост, получивший имя Романовского, был торжественно открыт 11 июня 1913 г. Полное открытие движения состоялось в конце июня того же года.

Параллельно с сооружением железнодорожного моста через Волгу, весь 1908 г. обсуждался вопрос о строительстве новых веток железной дороги. Еще в 1899 г. правительство начало разрабатывать проект соединения Казани с северными городами Вятской и Архангельской губерний. С подобной же инициативой выступали также казанское и вятское губернские земства. При разработке проекта Казань — Вятка специальное внимание обращалось на могущее последовать вслед за новыми дорогами повышение цен на товары (в том числе и зерно), что могло бы улучшить ситуацию в крае. Проект оказался безуспешным. Отчасти это было связано с тем, что в данном проекте более всего были заинтересованы вятичи. Хотя казанцы и понимали, что в силу менее благоприятных транспортных условий Казань проигрывала своим более южным и западным соседям, строительство северной ветки еще более усилило бы тяготение губернии к северо-восточным территориям страны. Такой сценарий рассматривался как наименее выгодный для торгово-промышленного класса губернии. Поэтому для казанских депутатов данный проект носил немного «побочный» характер и не имел принципиального значения. Следова-

тельно, и усилий на него затрачивалось меньше.

В целом же для казанского купечества проблема улучшения транспортного сообщения в крае оставалась актуальной все предреволюционное десятилетие. Так, в конце 1908 — начале 1909 гг. в правительстве и промышленных кругах обсуждались разнообразные проекты проведения железной дороги из столицы — Санкт-Петербурга, на восток. Когда информация о проекте железной дороги и его маршруте (железная дорога Петербург—Кинель) дошла до Казани, местное общество было не на шутку встревожено возможностью такого поворота событий. Казанское общество и пресса опасались, что реализация этого проекта нанесет огромный ущерб экономике края, поскольку Казань окажется отрезанной от магистральной железнодорожной и коммуникационной сети. Поэтому для казанских «лоббистов» было весьма важно добиться такого маршрута планируемой железной дороги, чтобы он способствовал оживлению экономической жизни края. Для этого Казанская городская дума, губернское и чистопольское уездное земства выступили с контрпроектом, по которому дорога должна была проходить через Казань. Для составления альтернативного проекта заволжской железной дороги и его лоббирования в соответствующих структурах были собраны средства, а вся подготовительная работа была поручена члену губернского земства В.В.Марковникову¹.

10 февраля 1909 г. различные проекты строительства железнодорожной ветки обсуждались на заседании Городской думы. Во время обсуждения ряд гласных высказали опасения, что строительство новой ветки по одному из планируемых проектов, параллельно Волжскому пути, оттянет значительную часть торгового груза от Волги и тем самым будет иметь негативные последствия для экономики края (В.В.Марковников). Гласный А.Н.Хорват в качестве обоснования необходимости проведения железной дороги через Казань предлагал выдвинуть тезис о значимости для страны порохового завода, единственного в стране в своем роде, который мог остаться вне всякой связи с путями сообщений. В итоге Городская дума решила поддержать проект Казанского биржевого комитета (КБК) и делегировать в столицу В.В.Марковникова.

Кроме В.В.Марковникова, в защите казанских интересов активно участвовали третьедумцы И.В.Годнев и В.А.Карякин². В частности, в начале февраля 1909 г. они приняли участие в работе совещания, состоявшемся при Министерстве торговли и промышленности. Депутаты И.В.Годнев и В.А.Карякин присутствовали в качестве представителей Казанского биржевого комитета (последний также являлся уполномоченным Рыбинского биржевого комитета). В связи с этим казанские депутаты состояли в переписке как с Казанским биржевым комитетом (КБК), так и Городской думой. Одно из обширных писем В.А.Карякина в КБК с изложением сути проблемы и своеобразным отчетом о выполнении его поручения было помещено в газете «Камско-Волжская речь»³.

Безусловно, казанские делегаты осознавали, что вследствие крайне стесненного положения государственных средств и отрицательного отношения к вопросу министра финансов больших надежд на строительство в ближайшем будущем новой железной дороги почти нет. Министр финансов вполне определенно и категорично заявил, что в настоящее время не планируется строительство никаких железных дорог за счет казны. Поэтому оставался лишь один путь — привлечение средств частных предпринимателей, которых необходимо было заинтересовать, доказать всю выгодность проекта. По поручению местных органов самоуправления основная работа по составлению записки, сбору необходимых сведений и поиску заинтересованных предпринимателей-инвесторов была возложена на В.В.Марковникова. Согласно отчету, представленного им казанскому губернскому земству в начале 1910 г., на всю подготовительную работу (составление объяснительной записки, сбор сведений, работу инженера, поездки в столицу и пр.) в течение года было потрачено около 17 тысяч руб. Планировались и новые расходы. Деятельность В.В.Марковникова по вопросу о строительстве железной дороги, а также произведенные им значительные расходы без особых и быстрых результатов стали одной из основных мишеней для критики либеральной казанской прессы в 1909 — 1910 гг.

К концу 1909 г. проект заволжской железной дороги в общих чертах был составлен и представлен в Департамент железных дорог. Судьбу проекта должна была решать специальная комиссия по новым железным дорогам. Согласно тому же отчету В.В.Марковникова, инвесторы, согласившиеся участвовать в реализации данного проекта, поставили два условия. Во-первых, В.В.Марковников сам должен был защищать представляемый проект в министерской комиссии, а во-вторых, он должен был быть в числе предпринимателей, участвующих в строительстве данной железной дороги. Последнее условие, по словам Марковникова, инвесторы объясняли тем, что они вполне ему доверяют и не желают его замены новым уполномоченным. Подумав и посоветовавшись с депутатами от Казанской губернии (И.В.Годневым, А.Н.Боратынским, В.А.Карякиным), В.В.Марковников решил принять оба условия инвесторов¹.

Однако позднее вопрос о заволжской железнодорожной линии был отодвинут на задний план иным проектом — проектом дороги Москва—Екатеринбург, выдвинутым Обществом Московско-Казанской железной дороги (председатель правления общества Н.К. фон Мекк). Когда в начале 1910 г. стала активно обсуждаться идея строительства дороги в направлении Екатеринбурга, казанская обществен-

ность оставила предыдущие планы, посчитав неудобным одновременно ходатайствовать за два проекта. Сосредоточение лоббистских усилий на втором проекте было тем более важным, что в нем сталкивались экономические интересы трех промышленных центров — Казани, Нижнего Новгорода и Вятки.

На протяжении 1910 г. выкристаллизовались три основных варианта железной дороги Москва—Екатеринбург:

- Москва—Нижний Новгород — Малмыж—Екатеринбург
- Москва—Казань—Сарапул—Красноуфимск—Екатеринбург
- Москва—Казань—Малмыж—Екатеринбург.

За первый маршрут ходатайствовали нижегородцы и общество московских капиталистов, за второй — московско-казанское общество и Казань. Третий маршрут лоббировали т.н. «правительственная партия» и Вятское земство. В зависимости от того, какой из обсуждаемых вариантов будет признан наиболее предпочтительным, строительные работы предполагало взять в свои руки или московско-казанское общество, или общество московских капиталистов.

В течение 1910 г. вопрос о наиболее предпочтительном маршруте дебатировался в столице как среди чиновничества железнодорожного департамента, так и в среде московских предпринимателей, а также в таких заинтересованных городах, как Нижний Новгород, Казань и Малмыж (Вятская губерния). В Казани в обсуждение вопроса были вовлечены Городская дума, губернское земство и управа, местные торгово-промышленные круги. При обсуждении вопроса мнения разошлись. Ряд гласных во главе с городским головой С.А.Бекетовым полагали, что для Казани не столь важно, пойдет ли дорога через Малмыж или Сарапул. В целом они выступали за выжидательную тактику. Их оппоненты (председатель управы Н.А.Мельников, гласные М.А.Сайдашев, И.И.Степанов и др.) полагали, что это принципиальный вопрос. Если будет избрано направление Малмыжа, то всегда будет существовать угроза соединения его с Нижним Новгородом, следовательно, Казань останется в стороне от активно развивающейся торговой магистрали и будет обречена на неминуемую экономическую гибель. В то же время Малмыж за счет Казани разовьется в крупный торгово-промышленный центр². В конце концов большинство участников губернского земского собрания и гласных Городской думы постановили предпринять более активные меры по защите экономических интересов края и города, обратиться с ходатайствами как в правительственные круги, так за содействием и к казанским депутатам В.А.Карякину, И.В.Годневу и др.

На протяжении 1911—1912 гг. шло согласование мнений различных ведомств, борьба между конкурирующими проектами. В конце концов весной 1913 г. был одобрен проект железной дороги Казань—Екатеринбург, а концессия на строительство дороги была передана московско-казанской железной дороге¹. Одновременно в Думу был внесен законопроект о выкупе этой дороги в казну. Начало строительных работ было намечено на июль этого же года. Дорога состояла из трех участков: Казань—Сарапул, Сарапул—Красноуфимск, Красноуфимск—Екатеринбург. В течение 1913 г. работы в основном заключались в выработке инженерных проектов, обследовании местности и подготовки к началу строительных работ, а также в обсуждении вопроса о месте расположения вокзала.

Более-менее полномасштабные работы по строительству железной дороги Казань—Екатеринбург начались лишь в 1914 г. и почти сразу же осложнились рядом обстоятельств. Во-первых, свои коррективы в ход строительства внесла начавшаяся 1-я мировая война. Во-вторых, между городской общественностью и руководством правления Московско-казанской железной дороги (в лице директора Н.К. фон Мекка) возник конфликт по вопросу о том, где должна проходить строящаяся железная дорога вблизи Казани и каким образом она должна быть соединена с городским вокзалом. Исследователи отмечают, что в России железные дороги традиционно строились из стратегических общеимперских соображений и финансовых возможностей. Тактика строительства определялась прагматическим соображением: кратчайшим путем при наименьших затратах. В результате строящиеся железные пути проводились таким образом, что местные тракты должны были приспособливаться к новым дорогам, а не наоборот. Это приводило к тому, что новые железнодорожные пути не были обеспечены необходимым количеством подъездов, грунтовых и шоссейных дорог, а существующие пути зачастую были обречены на медленное умирание². Именно на таком столкновении интересов — стремление общества максимально сэкономить вкладываемые в строительство средства и реальные потребности края — базировался разгорающийся конфликт.

Местные власти и органы самоуправления (Городская дума и управа, губернское земство) настаивали на т.н. «южном варианте», тогда как правление МКЖД — на «северном маршруте» (через населенные пункты Дербышки — Красная горка). Реализация последнего варианта была для Казани опасна тем, что город (особенно его портовая часть) оказывался вне основной магистрали и мог быть в любой момент отрезан от основных железнодорожных путей. В свою очередь, это угрожало экономическому благосостоянию города и обрекало его в будущем на неминуемое разорение и медленное угасание. Опасаясь такого неблагоприятного для города развития событий, городская общественность попыталась нейтрализовать опасные усилия фон Мекка. В феврале 1915 г. в Петроград были отправлены две

депутации — от Городской думы (в ее состав были включены и находившиеся в столице И.В.Годнев и А.В.Васильев) и от губернского земства (ее возглавил председатель губернской управы Н.А.Мельников). Члены депутатии встретились с министром путей сообщения, а также присутствовали на заседании инженерного совета, обсуждавшего различные варианты подхода строящейся железной дороги к городу. Усилия казанской депутатии не увенчались полным успехом. Несмотря на все противодействия казанцев, правительство утвердило «северный маршрут» (правда, с оговоркой, что в качестве временного, на период войны); одновременно был оставлен в силе и южный, т.е. магистральный, вариант. Несмотря на то, что ни одна из противоборствующих сторон не одержала полной победы в этом противостоянии, принятие компромиссного варианта, безусловно, стало возможным и благодаря усилиям И.В.Годнева. В качестве депутата он имел возможность вести переговоры с министерскими чиновниками и оказывал своим землякам постоянное содействие в лоббировании казанских интересов.

После того, как работы по строительству линии железной дороги Казань—Екатеринбург были начаты, внимание казанской общественности вновь было обращено к проекту заволжской железной дороги (в направлении Оренбурга). Губернское земское собрание, состоявшееся 10 августа 1913 г., вновь подняло эту проблему, оказавшуюся на четыре года в тени второго проекта. В обсуждении вопроса наибольшую активность проявили депутаты И.В.Годнев, В.В.Марковников (автор проекта и экономической записки 1909 г.) и А.Н.Боратынский. В целом земство высказалось за поддержку проекта заволжской дороги и постановило образовать комиссию (в которую вошли и депутаты) для продвижения данной инициативы в правительственных кругах¹. Но с началом 1-й мировой войны реализация этих проектов была отложена на неопределенный срок.

Кроме вопроса о железнодорожном строительстве, казанские депутаты в своих выступлениях и практической деятельности обращали внимание общественности и на иные проблемы. Когда речь шла о развитии транспорта в целом (в частности, при обсуждении сметы Министерства путей сообщения в 1909 и 1910 гг.), депутат В.А.Карякин ратовал за защиту гармоничного развития всех видов транспорта. Россия является страной с уникальным водным речным пространством. Однако правительство все свое внимание уделяет лишь железной дороге, выделяя все займы исключительно под железнодорожное строительство и оказывая недостаточное финансирование речных путей. Казанский купец говорил о необходимости развития всех видов внутренних путей, о создании и развитии грунтовых и шоссейных дорог. Без гармоничного развития всех видов транспорта невозможно нормальное функционирование торговли и промышленных предприятий².

Тот факт, что казанские депутаты, прежде всего представители купечества и земские деятели, придавали такое большое значение вопросам развития транспорта, не случайно. Именно железнодорожное строительство, а также развитие водных путей во многом определяли темпы промышленного развития страны и степень развития капиталистических отношений. Поэтому депутаты, заинтересованные в активизации промышленной и экономической жизни края, отлично осознавали, какие колоссальные последствия — как положительные, так и отрицательные — повлечет за собой игнорирование интересов края при определении перспектив и тенденций развития железнодорожного транспорта. Именно поэтому вопрос о строительстве железной дороги в восточном направлении, железнодорожного моста через Волгу, а также сбалансированного развития всех видов транспорта были в центре внимания деятельности казанских депутатов.

3. Аграрный вопрос. Переселенческая политика властей в оценке депутатов-мусульман

Для России эпохи модернизации и обновления всего государственного строя (1906 — 1916) по-прежнему главным, поистине судьбоносным вопросом оставался аграрный вопрос. Преобладание среди населения страны крестьянства, сохранение за сельским хозяйством определяющего характер экономики страны значения (а за экспортом хлеба — основной статьи дохода, направляемой на техническую модернизацию), острота «земельного голода» в европейской части страны и «оскудение» традиционного дворянского центра, попытки решения проблем российского крестьянства за счет окраин, провоцировавшие население этих земель на конфликтное поведение — все эти взаимосвязанные между собой проблемы неминуемо должны были стать важнейшими вопросами в деятельности Государственной думы. То, что в Думе аграрный вопрос будет центральным, осознавалось всеми политическими силами в стране. Соответственно этому они и выстраивали свою предвыборную кампанию (в случае, если речь идет о партиях и политических блоках), и готовились к открытию первого в истории страны парламента¹.

Примечательно, что накануне открытия первого парламента правительство признало свою фактическую неспособность решения земельной проблемы без поддержки народных избранников: чтобы избежать больших потрясений в крестьянской среде, по предложению С.Ю. Витте «*изменение порядка землевладения*» было решено осуществить «*только через Государственную думу*»². Правда, у такой позиции в правительстве были и свои противники. Одними из наиболее влиятельных были сам Николай II и будущий преемник С.Ю.Витте на посту премьер-министра И.Л.Горемыкин. Они полагали не прос-

то возможным, а даже необходимым роспуск Думы в случае, если депутаты станут посягать на неприкосновенность частной собственности на землю. В своей тронной речи в Зимнем дворце Николай II выразил уверенность, что думцы приложат все свои силы *«для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства»*. Таким образом, глава государства оставлял за собой последнее слово в решении крестьянского вопроса, полагая возможным разрешить его, не решая по сути проблему. Решение проблемы виделось, главным образом, через оказание благотворного влияния на правосознание крестьянства путем внушения крестьянам *«более здравых взглядов на чужое право собственности»*. Такой взгляд на крестьянскую проблему входил в неразрешимое противоречие с представлением большей части населения о справедливости.

Противоположную позицию занимали леворадикальные силы. Революционные партии бойкотировали первую Думу, поскольку полагали, что не она, а лишь революция способна разрешить крестьянский вопрос. Умеренные политические силы смотрели на вопрос более трезво. Однако под влиянием политической ситуации в стране платформа умеренных демократов и либералов отличалась в то время достаточным радикализмом. В думских речах по земельному вопросу 1906—1907 гг. самыми распространенными стали слова о *«принудительном отчуждении»*. Именно это выражение определяло настроение думского большинства в Думах 1-го и 2-го созывов.

Уже 8 мая 1906 г. 42 представителя фракции конституционных демократов внесли на обсуждение свой проект земельной реформы — *«Основные положения предполагаемых изменений в законах касательно землевладения»*. В кадетском проекте предполагалось увеличить размер крестьянского землепользования за счет государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель, а также *«обязательного отчуждения»* для той же цели и *«частновладельческих земель за счет государства с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке»*¹. Кадетский проект был заблокирован правительством, заявившим в своей декларации устами премьер-министра И.Л.Горемыкина о неприемлемости разрешения земельного вопроса на предложенных Государственной думой основаниях, поскольку они ведут к разложению *«самого основания нашей государственности»*.

Как ни странно, но кадетская законодательная инициатива не нашла поддержки среди казанских депутатов — под проектом не видно подписи ни одного из депутатов, избранных населением Казанской губернии. В то же время трое казанцев — И.Е.Лаврентьев, Я.А.Абрамов и Г.С.Бадамшин — подписали эсеровский *«Проект основного земельного закона»* (т.н. *«проект 33-х»*, внесенный 6 июня 1906 г.). *«Проект 33-х»* отличался радикализмом и проводил эсеровскую идею *«социализации земли»* — первые два параграфа проекта провозглашали отмену в пределах российского государства частной собственности на землю и передачу земли в общую собственность всего населения империи. Столь явственный радикализм эсеровского проекта был отвергнут думским большинством — на общем собрании Дума высказалась против передачи проекта даже в качестве материалов в думскую аграрную комиссию.

В аграрную комиссию из числа казанских депутатов входили лишь С.-Г.Алкин и К.В.Лаврский. Следует сказать, что казанские депутаты очень долго не включались в обсуждение этого вопроса. С думской трибуны гораздо чаще выступали или же депутаты от западных окраин, или ведущие ораторы кадетской фракции. Среди немногих казанцев, говоривших с думской трибуны о нуждах крестьянства, были А.В.Васильев и К.В.Лаврский.

Профессор А.В.Васильев выступал относительно состава аграрной комиссии. По его мнению, аграрная комиссия должна состоять из 33 членов редакционной комиссии, а также от двух депутатов от каждой губернии. Причем один из них в обязательном порядке должен быть депутатом, избранным от крестьянской курии, а другой — от остальной части населения. Только в этом составе аграрная комиссия может достигнуть поставленной цели: такой способ комплектации будет гарантировать, что в комиссию войдут люди, знакомые с аграрной проблематикой, а во-вторых, обладающие доверием крестьянского населения страны. К.В.Лаврский выступил 1 июня (заседание № 19) во время обсуждения аграрного вопроса против прекращения прений. Он высказался против ограничения свободы прений по аграрному вопросу. По его мнению, крестьяне вовсе не устали слушать речи о земле. Более того, предложение о прекращении прений поступило не вовремя — в то время как правительство приступило к организации землеустроительных комиссий, депутаты, прекращая прения, таким образом как бы самоустраиваются от решения насущной проблемы. Передача же вопроса и внесенных депутатских проектов в комиссию лишь приведет к тому, что эти проекты будут потеряны, словно в колоде, как были *«потеряны»* многие запросы. В целом казанский адвокат и ходатай по крестьянским делам, как называли его современники, выступал за проект трудовой группы, который возводит вопрос о земле к *«вопросу о справедливости»*¹.

Возмущение депутатов вызвало сообщение, появившееся 20 июня в *«Правительственном вестнике»* (№ 137)². Согласно этому сообщению, после учреждения Государственной думы министерства не могут претендовать на исключительное единение с верховной властью и, следовательно, не могут отождествлять себя с правительством. Высказываясь в том духе, что министерства не имеют права критики предположений законодательной власти, тем не менее авторы заметки подвергли сомнению основы аг-

рарной реформы, разрабатываемые парламентом. По мнению депутатов, данная заметка в «Правительственном вестнике» имеет совершенно определенную цель — опорочить в глазах населения работу Думы по земельному вопросу. Заметка в «Правительственном вестнике» стала основанием для думского запроса (№ 282), подписанного большой группой депутатов. Запрос подписали и трое казанских депутатов — А.В.Васильев, С.-Г.Алкин и П.А.Ершовз.

Хотя первая Дума и не решила земельного вопроса, дебаты о ней продемонстрировали, что общественное мнение склоняется в пользу радикального реформирования аграрного строя империи. В то же время появление правительственного обращения к крестьянству непосредственно «через голову» депутатов свидетельствовало о намерении правительства распустить Думу, а также о вере властей в народное благоразумие. Позиция депутатов-втородумцев в вопросе о земле продемонстрировала всю иллюзорность единения царя и народа.

И хотя после роспуска Думы как будто бы внешне все было по-прежнему и спокойно, на деле это была уже другая страна. А молчаливое и, казалось бы, безучастное отношение народа к вести о разгоне первого парламента было обманчивым. Эта обманчивость подтвердилась итогами выборов в Думу 2-го созыва: она оказалась еще более радикальной и «прокрестьянской». Поэтому не случайно, что во второй Думе аграрный (или крестьянский) вопрос по-прежнему оставался центральным. Старт дебатам по аграрному вопросу был дан правительственной декларацией, зачитанной новым премьер-министром П.А.Столыпиным 6 марта 1907 г. Отказавшись дать оценку правительственной политике, приняв в ответ на декларацию нейтральную формулу перехода к очередным делам, народные избранники возобновили дебаты о земле, прерванные роспуском первой Думы.

Одновременно депутатскими группами стали вноситься соответствующие законопроекты. Одним из первых стал «Проект основных положений земельной реформы», внесенный 6 марта большой группой членов фракции трудовиков и крестьянского союза (проект 112 депутатов). Инициаторами внесения проекта стали трудовики А.Караваев, А.Пройда, Ф.Васютин. Данный проект получил самую значительную поддержку «казанцев» — его подписало четверо депутатов-трудовиков М.Ф.Батуров, А.Федоров, З.М.Таланцев и Г.С.Бадамшин. Проект был передан в аграрную комиссию 26 марта 1907 г.

30 апреля и 29 мая 1907 г. кадетами было внесено два законопроекта — «Проект главных оснований закона о земельном обеспечении земледельческого населения» и «О подготовительных учреждениях по земельным делам». Первый из них получил название «Проект 38», а второй был подписан 33 членами кадетской фракции. Под обоими проектами подпись главного кадетского эксперта по аграрному вопросу Н.Кутлера стояла первой. Единственным казанским депутатом, подписавшим оба кадетских проекта, стал Д.Кушников. Наконец, еще двое казанских депутатов — М.Ф.Батуров и Г.Петрухин — подписали другой проект фракции трудовиков — «Проект основных положений земельного закона» («Проект 104-х»).

Основным оратором из числа казанских депутатов в Думе 2-го созыва был М.Я.Капустин. В заседании от 26 марта М.Я.Капустин предложил ограничить прения по аграрному вопросу двумя днями в неделю с тем, чтобы передать аграрные законопроекты в соответствующую комиссию, а депутатам сосредоточиться на других вопросах². На одном из последующих заседаний (№ 18) обсуждался вопрос о количественном и персональном составе аграрной комиссии. Учитывая многочисленность предполагаемой комиссии (в ходе голосования большинство депутатов склонилось к цифре в 99 членов), М.Я.Капустин поддержал тех ораторов, которые предлагали производить выборы по фракциям¹. Кадеты настаивали на фракционных и пропорциональных выборах, трудовики — за пофракционные выборы, но с предпочтением крестьянским депутатам, особенно выражающим областные интересы. Беспартийные депутаты крестьянского происхождения настаивали, чтобы как минимум 60% мест в комиссии было отдано именно крестьянским депутатам. Последнее предложение было отклонено, а выборы в аграрную комиссию производились по фракциям.

Наконец, М.Я.Капустин выступил с большой речью во время прений по земельному вопросу, состоявшихся 9 апреля². По словам оратора, земельный вопрос обращает на себя столь пристальное внимание потому, что он не является в строгом смысле только вопросом о земле — это вопрос о крестьянской жизни, вопрос о крестьянской нужде, а потому он является фундаментальным вопросом российской действительности. Поскольку оратор был врачом и профессором гигиены, то в своей речи он подробно остановился именно на общем состоянии здоровья народа, на его санитарном положении, на смертности и условиях размножения. По наблюдениям земских врачей — *«истинных печальников нужд русского народа»* — народное здравие находится в очень печальном состоянии. В России не просто высок уровень смертности, но самое страшное то, что детская смертность имеет ужасающий характер: из числа всех умирающих половину, часто более половины, составляют дети, не достигшие пятилетнего возраста. И такой уровень детской смертности является не столько следствием санитарных условий, сколько экономическим, бытовым, культурным явлением. Одна из причин такого положения дел заключается в тяжелом положении матерей, экономическая нужда которых гонит на тяжелые работы в сельской местности и городах.

Тяжелое положение крестьянского хозяйства требует скорейшего, безотлагательного разрешения. Среди них — ряд мер по наделению крестьян дополнительной землей. Но встает вопрос о том, откуда взять эту землю? Один из путей был указан правительственными законами, изданными на основании ст.87 Основных законов: передача крестьянам части удельной и казенной земли. В вопросе об отчуждении частной земли Капустин полагал возможным использовать эту меру лишь в исключительных случаях, для наделения нуждающихся малоземельных и безземельных крестьян. Эта мера могла быть использована в исключительных случаях как разовая мера, а не как повсеместная практика, общеприменимая мера. Кроме того, изъятие частной земли должно было производиться с обязательной компенсацией, за справедливое и приличное вознаграждение. М.Я.Капустин, даже не будучи сам крупным землевладельцем, полагал крайне несправедливым нарушение принципа частной собственности.

Но наделение крестьян землей — лишь одна из мер по выводу крестьянского хозяйства из затяжного кризиса. Одного наделения землей мало. Нужны еще и другие условия, которые дали бы возможность крестьянину удовлетворить все свои материальные и духовные потребности. В заключительной части своей длинной речи казанский профессор остановился на положении сельской общины, на мерах по развитию агрономической помощи крестьянам, развитию кустарной промышленности и центров по ее сбыту, более широкому распространению местного земского и городского самоуправления. В целом, по словам лидера октябристской фракции, крестьянский вопрос необходимо решать не одной земельной реформой, а совокупностью всех мер. И задача Государственной думы как народного представительства не должна заключаться в раздувании классовой вражды, культивировании идей борьбы за существование. Необходимо опираться на нравственные принципы, на такие понятия, как долг, совесть, честь: *«будем сеять мир и правду, и «спасибо сердечное» скажет вам русский народ»*¹. Общая тональность выступления М.Я.Капустина не соответствовала настроению думского большинства, а потому его речь завершилась аплодисментами лишь правой части и центра думского зала.

В целом немногочисленные выступления представителя Казанской губернии по аграрному вопросу не отражали общего настроения казанской депутации, в которой преобладали радикально настроенные крестьянские депутаты. И хотя они публично не выражали своей позиции в речах с думской трибуны, но то, каким проектам было отдано их предпочтение, говорит само за себя.

В конце мая, после продолжительных дискуссий, все четыре думских законопроекта были переданы в аграрную комиссию (среди ее членов был лишь один «казанец» М.Ф.Батуров) для дальнейшей проработки. Стало очевидно, что думское большинство не намерено поддерживать правительственную (стольпинскую) политику и аграрную программу. Это обстоятельство в конечном счете и предопределило роспуск второй Думы с радикальным изменением избирательного закона.

В Думе 3-го созыва октябристское большинство считалось основной опорой правительственной политики в аграрном вопросе. Правительство П.А.Столыпина намеревалось провести через Думу указ, направленный на разрушение института крестьянской солидарности — общины. По данному законопроекту выступали следующие казанские депутаты: М.Я.Капустин, А.Л.Лунин и Н.Д.Сазонов. Эти ораторы представляли три основные политические силы: первый — октябристский центр, второй — либеральную оппозицию и, наконец, третий — правое крыло Думы. Являясь членом фракции октябристов и представляя в Думе проправительственную фракцию, а также будучи по натуре противником резких действий, М.Я.Капустин высказывался за представленный законопроект. Однако он полагал, что следует действовать осторожно: желательно было бы ограничиться теми мерами, которые рекомендует сам указ от 9 ноября 1906 г., но не идти дальше в том же направлении².

В числе оппозиционных к данному проекту депутатов были и казанские избранники, входившие в кадетскую фракцию. В частности, А.Л.Лунин примыкал к меньшинству аграрной комиссии, выступавшей с критикой общих начал законопроекта «Об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения. (Указ 9 ноября 1906 г.)». Доклад по законопроекту был внесен на рассмотрение общего собрания Думы 22 апреля 1908 г.³

В числе семи депутатов-кадетов А.Л.Лунин подписал особое мнение меньшинства членов земельной комиссии, в котором предлагал взамен указа от 9 ноября выработать новый законопроект. Правительственный проект представлялся им неприемлемым: он *«в корне противоречит малоземельным и малосостоятельным крестьянам, вводит крайне нежелательный элемент механического, насильственного разрушения общинного землевладения»*, при том лишь в силу политических соображений. Более того, проект *«игнорирует сложившиеся местные формы крестьянского землевладения и их громадное разнообразие на обширном пространстве России, нарушает самостоятельность крестьянского землевладения и противоречит правильно понятым задачам государства в сфере земельного вопроса, грозя серьезными осложнениями на местах и крупным ростом обезземеленных и безработных крестьян»*⁴. Во время общих прений и в период постатейного обсуждения проекта с критикой представленного правительством законопроекта выступил казанский депутат А.Л.Лунин. В своих речах он говорил от имени обездоленного крестьянства, едва сводящего концы с концами. Крестьянского депутата не устраивало в министерском проекте то, что он не содержал ни слова о наделении землей беззе-

мельных и малоземельных крестьян. А именно эта проблема является самой жгучей проблемой, самым наболевшим вопросом народной жизни. *«Если гг. помещики думают, что им будет лучше: пусть, дескать, крестьяне грызутся между собой, а им будет спокойнее, то они страшно ошибаются. Таким путем, гг., вы не раздобудете дешевых работников и защитников себе, а только прибавите злобы в сердцах крестьян»*, — утверждал казанский депутат. Рукоплескания левой части думских скамей вызвали следующие слова А.Л.Лунина, обращенные к защитникам помещичьего землевладения: *«Вы хотите создать мелкую собственность для того, чтобы вам легче было защищать свои земли от принудительного отчуждения. Нет, гг. помещики, вам от этого не отвертеться: рано или поздно вам придется расставаться со своими поместьями»*. Критику вызвала не только центральная идея правительственного проекта — попытка решения земельного вопроса без затрагивания основ помещичьего землевладения, но и сам механизм реализации проекта. Проект фактически лишил земли младших членов семьи в тех общинах, где не было переделов длительное время. В качестве примера А.Л.Лунин привел два конкретных случая. Один произошел в с.Подберезье Казанской губернии, когда сопротивление членов общины выделению нескольких крестьян из данной общины привело к кровавым столкновениям и закончилось судебным процессом над большой группой крестьян. Указ от 9 ноября 1906 г. обрекал на полное разорение и крестьян д.Козловки, где проживал сам оратор (так же, как и депутат Думы 1-го созыва К.В.Лавровский). В 1861 г., в момент освобождения крестьян от крепостной зависимости и наделения их землей, в селе проживало 196 душ. Поэтому на всю деревню было выделено 196 десятин земли. В начале XX в. в селе было 135 дворов. Реализация указа от 9 ноября привела бы лишь к созданию карликовых, а потому абсолютно нежизнеспособных крестьянских хозяйств. Или же надо было обезземеливать всех крестьян, а землю поделить между 10 хуторами. Любой исход привел бы к социальному конфликту. Поэтому А.Л.Лунин закончил свою речь следующими словами: *«Правительство взамен земли дает нам полицейских с нагайками и тем хочет успокоить крестьян. Нет, гг., крестьян вы до тех пор не успокоите, покуда не дадите земли и воли»*.

По законопроекту о выходе из общины также выступал и другой казанский депутат Н.Д.Сазонов. Но его позиция была кардинально иной, нежели позиция крестьянского депутата А.Л.Лунина. Принадлежавший к крупным землевладельцам и российской аристократии (в одном из выступлений Н.Д.Сазонов упомянул, что практически вырос в доме князя В.А.Черкасского), этот казанский оратор выступал за слом крестьянской общины. Принудительное отчуждение он трактовал как узаконенный грабеж. По мнению Н.Д.Сазонова, нельзя строить благополучие народа на безнравственных принципах, а проблема земельного голода может быть решена через покупку земли². Таким образом, два казанских депутата, выступавшие с оценкой правительственного законопроекта, представляли два полюса, два противоположных отношения к перспективе решения в стране аграрного вопроса. Думское большинство оказалось на стороне правого депутата, однако история в конце концов все же доказала правоту крестьянского оратора.

Кадет А.Л.Лунин стал одним из разработчиков законопроекта под названием «Проект главных оснований о наделении безземельных и малоземельных крестьян землею», внесенного 14 марта 1908 г. группой депутатов из оппозиционных фракций — кадетов, прогрессистов и трудовиков — в Думу в качестве альтернативного правительственным проектам. Из числа казанских депутатов, кроме А.Л.Лунина, этот проект подписал также С.В.Дунаев. 15 ноября 1908 г. данный проект был передан в земельную комиссию на заключение по вопросу о желательности, да так и пролежал под сукном. Еще один земельный проект — «Об улучшении и увеличении крестьянского землевладения и землепользования» — был разработан группой депутатов-священников, принадлежавших к правому крылу Думы. Среди этой группы священников был и отец И.И. Соколов (Соколов III), избранный от Казанской губернии. Проект был инициирован 10 мая 1908 г. Через год, в мае 1909 г., он был передан в земельную комиссию на заключение по вопросу о желательности. И также остался лишь проектом.

Некоторые из инициированных депутатами законопроектов, возможно, и не носили принципиального характера, но были направлены на облегчение положения крестьянства. Среди подобных документов можно назвать проект «О сложении недоимок выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных», внесенный группой кадетов 9 марта 1909 г. и поддержанный двумя казанскими депутатами — С.Д.Дунаевым и А.Л.Луниным. Но этот законопроект, как и многие инициативы думской оппозиции, длительное время пролежал в финансовой комиссии. Затем в феврале 1911 г. по нему был сделан доклад на общем заседании Думы. Но на этом дело и остановилось. К числу проектов с подобной же судьбой можно отнести и проект «О ликвидации хизанских отношений и поземельном устройстве хизан». Он был внесен социал-демократами (из числа казанцев поддержан А.Л.Луниным) в мае 1911 г., однако перешел с другими нерассмотренными бумагами в «портфель» Думы 4-го созыва.

Из общего числа 2432 законов, рассмотренных и одобренных третьей Думой, аграрно-поземельные отношения затрагивались в немногим более, чем 10 законопроектах. Из них самыми главными, безусловно, являются законы от 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г., составившие основу столыпинской аграр-

ной политики. В реализации правительственной программы в аграрном вопросе, не затрагивавшей интересов и прав класса крупных собственников-землевладельцев, важное значение имело переселение «избытка» крестьян на окраины страны, где имелись «свободные» земли (Сибирь, Степной край, Туркестан).

Правительство и адепты правительственной политики в Думе признавали, что переселенческая деятельность имеет большее значение. Ряд ораторов с правых думских скамей заявляли, что в основе переселенческой кампании лежат не столько экономические причины, сколько интересы укрепления русской государственности в пределах империи. А потому переселенческое дело фактически превратилось за несколько лет в колониционное мероприятие. Более того, занимаясь колонизацией восточных окраин, власти делали большее дело, нежели просто заселяли окраины русским населением — они создавали, таким образом, новую будущую Россию. Рассуждая о переселенческой кампании, нельзя оставаться только в границах экономических факторов, следует вести речь о принципах будущей России. Быть или не быть великой России — так оценивали переселенческую политику правительства на правых думских скамьях.

Для левых партий акцент в решении аграрного вопроса на переселенческой политике означал лишь попытку властей оградить крупное частное землевладение в центральных районах страны. Опасения левых подтверждались тем обстоятельством, что наибольшее содействие и поощрение к переселению оказывалось не безземельным крестьянам, а состоятельным хозяевам. Кроме того, русские депутаты с восточных окраин ратовали за интересы старожилов, которые противились притоку новых переселенцев.

Либеральные политики оценивали переселенческую деятельность государства двояко. С одной стороны они не выступали против нее принципиально, признавая ее возможность в качестве одной из мер решения аграрной проблемы. Но кадеты выражали сомнения, что этого будет достаточно для решения острого крестьянского вопроса на местах. Опасения вызывало также то обстоятельство, что приток русских крестьян в регионы, населенные обездоленными инородцами, может усилить социальное и национальное напряжение на восточных окраинах страны. Этими принципиально разными, взаимоисключающими позициями власти и общества, различных думских групп и фракций и определялась острота переселенческого вопроса в дореволюционной Думе.

Наконец, следует сказать, что переселенческая политика очень болезненно воспринималась окраинными мусульманами. А так как мусульмане, избранные от «внутренних губерний» России, рассматривали себя в качестве защитников интересов и прав мусульманского населения тех регионов, которые были лишены представительства в общеимперском органе, то мусульманские депутаты Волго-Уральского региона нередко выступали с думской трибуны с речами против переселенческой политики властей.

В период работы Думы 3-го созыва, ввиду особой важности проводимой переселенческой политики, по предложению октябристов была образована специальная комиссия по переселенческому делу в числе 66 депутатов. Позднее к этому числу было добавлено еще пять членов от различных областей Сибири. От имени мусульман с поддержкой создания подобной комиссии выступил С.Максуди, заявивший, что данная комиссия нужна для рассмотрения нужд «киргизов», лишенных в Думе своего представительства. Поэтому в будущем члены мусульманской фракции из чувства религиозной солидарности возьмут на себя обязанность защищать в переселенческой комиссии и Думе в целом земельные интересы «киргизского» населения.

Из выступлений мусульманских депутатов Волго-Уральского региона в Думе 3-го созыва против переселенческой политики правительства наибольший резонанс вызвали выступления таких членов фракции, как С.Максуди, произнесенные им весной 1909 г. 2-я сессия)з, а также кавказских депутатов Х.Хасмамедова и И.Гайдарова. Казанский депутат в своих речах более подробно останавливался на характере переселенческой кампании в степных районах страны, которая при своем продолжении в ближайшем будущем приведет к тому, что шестимиллионное казахское население останется без земли и без пристанища. Другим вероятным итогом будет то, что среди традиционно мирного и преданного России населения будет развиваться не только недоверие к русской власти, но вражда и ненависть.

Противодействие подобному курсу переселенческой политики властей оставалось одной из центральных тем в деятельности депутатов-мусульман. Земельной комиссией при мусульманской фракции был подготовлен и 13 июня 1908 г. внесен в Думу законопроект под названием «Об устройстве землеустроительных комиссий в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Уральской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях». Инициаторами законопроекта стали члены мусульманской фракции К.-М.Тевкелев, Х.Хасмамедов и Ш.Тукаев. Среди депутатов, поддержавших мусульманскую законодательную инициативу, также были и казанцы — Г.Х.Еникеев и А.Л.Лунин. Авторы проекта в принципе не оспаривали право распоряжения государством излишками киргизских земель. Тем не менее они полагали, что без предварительного издания особого закона, устанавливающего с одной стороны нормы обеспечения кочевников, а с другой условия изъятия излишков, предоставление

ГУЗиЗу фактически монопольного права в этом вопросе нецелесообразно. Авторы проекта, также как и выступавшие в его поддержку ораторы, считали недопустимым ущемление прав коренных туземных народов и указывали на многочисленные факты нарушения инструкций и положений. Мусульманские представители полагали незаконным сам факт признания земель кочевников государственной собственностью, поскольку в отношении этих земель имеет место только политическое господство России. А потому они рассматривали изъятие земель у кочевников как незаконную экспроприацию. В мае 1909 г. законодательное предположение было передано в земельную комиссию на заключение по вопросу о желательности, где и пролежало до конца работы Думы 3-го созыва.

Весной 1910 г. правительство внесло на рассмотрение депутатов законопроект об изменении и дополнении 270-й статьи Туркестанского положения. Данный законопроект был разработан в переселенческом ведомстве и был направлен на облегчение процесса изъятия т.н. «излишков» у местных народов и переселения на эти земли русских колонизаторов. Во время обсуждения законопроекта с его критикой, как и всей переселенческой политики, выступал казанский депутат С.Максудин. В заключение своей речи он высказал намерение членов мусульманской фракции голосовать против постатейного чтения законопроекта и предложил депутатам отклонить законопроект как несвоевременный, несправедливый и антигосударственный по сути.

Отношение мусульманских депутатов «внутренней России» (прежде всего татар) к переселенческой политике правительства определялось не только общей солидарностью с интересами окраинных мусульман. Переселенческая политика, проводимая столыпинским правительством, затрагивала интересы непосредственно мусульман «внутренних губерний» России. При осуществлении этой политики интересы и права казанских (шире — волго-уральских) татар игнорировались в самом незавуалированном и неприкрытом виде. Согласно 262 статье «Положения управления Туркестанским краем» и 136 статье «Положения Управления Степных Областей», лицам нехристианского вероисповедания (за исключением туземцев) воспрещалось приобретать и владеть землей и недвижимостью в Туркестанском и Степном крае. Таким образом, эти ограничительные нормы касались в первую очередь евреев и татар. При проведении переселенческой политики на восточных окраинах правительство продолжало сохранять эти ограничения, пытаясь не допустить в Туркестанский край и в Степь крайне «ненадежный» и «вредный» татарский элемент. Во всех переселенческих законопроектах это ограничение неизменно сохранялось, что вызывало протест татарских депутатов.

В адрес мусульманской фракции поступало большое количество писем и обращений от татар различных регионов с просьбой приложить усилия по отмене данного ограничения. И татары-члены мусульманской фракции — считали своим долгом добиваться этого несправедливого ущемления своих интересов. В период празднования 300-летнего юбилея дома Романовых на высочайшее имя было подано очередное прошение за подписью депутата Г.Х.Еникеева и отставного генерал-майора С.-Г.М. Еникеева, проживавшего в г.Ташкенте. Во «всеподданнейшем прошении», подписанном Еникеевыми, рассматривались как правовая сторона вопроса, так и нравственно-этический и практический аспекты. Авторы прошения указывали, что по букве закона, ограничения должны касаться лишь евреев, выходцев из Индии и иностранцев, за исключением бухарцев и хивинцев, но отнюдь не татар. Помимо соображений юридического свойства, указывалась и та роль, которую татары играли при завоевании Туркестанского края и то положение, которое татары занимают среди местного населения. *«Принадлежа к коренному населению внутренних губерний, составляя единое нераздельное с ним целое как по беспредельной преданности Престолу, так и по тяготам перед отечеством, татары, проживающие в Туркестанском крае, прибыли сюда частью в рядах войск, завоевавших край, частью предшествовали войскам, облегчая им путь и многие из них в настоящее время своими трудами способствуют развитию культуры и промышленности в крае»,* — писали авторы прошения. Просители указывали также на благоприятное отношение к просьбам татар прежних туркестанских управителей, а также на противодействие со стороны главы Святейшего синода К.П.Победоносцева и руководителей переселенческого ведомства. Однако многочисленные факты, когда татарам предоставлялись такие права в виде монаршей милости, по мнению авторов прошения, должны свидетельствовать в пользу татар. Поэтому авторы прошения выражали надежду, что в связи с трехсотлетним юбилеем эта милость будет распространена на всех татар и им будет даровано право свободного приобретения недвижимости в Туркестанском крае.

Несмотря на благоприятное отношение в правительстве к ходатайству мусульманского депутата, никаких реальных шагов по изменению существующей практики вплоть до Февральской революции сделано не было. А потому отношение мусульманских депутатов к переселенческой политике правительства в целом оставалось негативным.

В Думе 4-го созыва аграрная проблема, хотя и не проявлялась с такой остротой, как в прежних Думах, но все же изредка поднималась. Весной 1913 г. группа правых депутатов и националистов внесла документ под названием «Положения по земельным улучшениям, имеющим государственный характер». Проект был подписан В.В.Марковниковым. Авторы проекта, выступая за неизбежность частной

собственности, предлагали некоторые мероприятия, направленные на улучшение хозяйства, на благо всего русского народа. Главными среди этих реформ были следующие мероприятия: введение дополнительных сборов с владельцев крупной земельной собственности (более 500 десятин), что должно было привести к добровольной продаже излишков земли; установление дешевого кредита мелким покупателям помещичьей земли; прекращение распродажи русской земли в «инородческие руки». Последний пассаж был направлен, главным образом, против польских землевладельцев в западных губерниях страны.

Столыпинская аграрная политика, особенно после трагической гибели ее инициатора и главного «локомотива», давала очевидные сбои. Переселенческая политика не могла решить крестьянских проблем в центральных районах страны, но порождала проблемы и конфликтные ситуации на окраинах, а также обостряла отношения властей с нерусскими народностями империи. Все эти проблемы должны были, так или иначе, проявляться в работе Думы 4-го созыва. Но чем реже депутаты обращались к земельным проблемам, чем менее радикальными и более частными становились их предложения, тем меньше было шансов решить «крестьянский вопрос» легитимным способом, через законодательные органы власти. Крестьянство, хотя фактически и было лишено в последней дореволюционной Думе права голоса, тем не менее находило способы для выражения своих протестных настроений. Просто традиционная власть получила временную отсрочку...

4. Продовольственный кризис в оценке казанских депутатов

Кроме традиционного малоземелья и «земельного голода», в думский период российское общество оказалось перед лицом серьезной социальной проблемы: весной и летом 1906 г. 24 российские губернии и 2 области были охвачены голодом и сопутствующими ему болезнями (тифом, цингой и пр.). Казанская губерния была в числе тех регионов, которые сильнее всего пострадали от стихийного бедствия. По наблюдениям князя Г.Е.Львова, совершившего в ноябре того же года поездку по губерниям Среднего Поволжья, в особенно тяжелом положении находилось татарское и чувашское крестьянство Казанской губернии, а также Бугульминского и Мензелинского уездов Самарской и Уфимской губерний (т.е. современного юго-востока Татарстана)¹. Во всех уездах, по которым пролегал путь известного земца, неурожай был полным: практически не было никакого хлеба и корма. Скотина и лошади распродавались за бесценок. поголовье скота сократилось втрое, а в некоторых местах и впятеро. Зажиточных хозяйств в этом регионе оставалось не более 2–3 %, а средние хозяйства стояли на пороге перехода в разряд нищих безлошадных. Татары в Бугульминском и Мензелинском уездах практически все питались хлебом с примесью суррогатов, по преимуществу с желудевой мукой. Иногда вместо обычного хлеба люди ели один желудевый хлеб, прозванный в народе «голодным хлебом». Образцы этого ужасного хлеба, больше напоминавшего навоз с землей, были привезены князем Львовым в Москву и выставлены в Московской губернской земской управе. По словам земского деятеля, от этого хлеба *«люди имеют страшный вид: бледные, истощенные, с потухшими глазами, дрожащие, они все жалуются, что от него сильно «сердце горит»»*. На такой хлеб голодающие крестьяне переходили уже в сентябре, когда до нового урожая надо было продержаться, по меньшей мере, 8–9 месяцев. Картина страшного бедствия и бездны страданий, описанная князем Львовым по итогам поездки по 2–3 губерниям, охваченным голодом, оставляла чрезвычайно удручающее, гнетущее впечатление. Но одновременно она стала мощным фактором, подстегнувшим общественную инициативу.

Осенью 1906 г. в Казанской губернии работали Красный крест, Вольное экономическое общество, земские организации (уполномоченным общеземских организаций по оказанию помощи голодающим был гласный губернского земства Н.А.Мельников). Голодающим оказывалась также правительственная помощь. Однако ее размеры были несопоставимы с размахом голода и сопутствующих ей болезней (тифа, цинги и пр.). В частности, к осени 1906 г. в Казанской губернии была открыта 31 столовая, что являлось каплей в море голодающего населения. Продовольственная помощь, по наблюдениям очевидцев, повсюду оказывалась недостаточной. Еще хуже было то, что недостаточность ее размеров значительно усиливалась «дурной постановкой дела».

Стихийное бедствие вызвало очередную волну общественной критики власти, которая не только сама бездействовала, но и нередко препятствовала общественной инициативе. В прессе можно было встретить обвинения общественности в слабой благотворительности. Однако этому способствовала политика местных властей, со стороны которых любая попытка благотворительности вызывала лишь подозрения. Местные власти видели в актах благотворительности происки революционеров, преследовавших исключительно одну лишь цель — противоправительственную агитацию среди крестьян. Уже в Думе 1-го созыва во время обсуждения проекта адреса выступавший из числа казанских депутатов А.В.Васильев отнес продовольственную проблему к числу наиболее острых: *«на нашей стране лежит еще другой позор (...) — позор голодовок, позор массовых болезней, цинги, тифа и других болезней, поражающих наших сограждан, позор хронического недоедания, причем через каждые пять лет, население принуждено нищенски протягивать руку за помощью»*. Среди важнейших причин постоянных массовых голодовок и недоеданий были названы малоземелье крестьянского населения, отсутствие об-

разования, отсутствие кредитов и правильной организации помощи голодающим. По мнению профессора, следует положить конец тем затруднениям, которые наложил циркуляр Д.Сипягина на инициативу частной помощи голодающим. В частности, в одной лишь Казанской губернии, по словам А.В.Васильева, скопилось около 13000 руб. в помощь голодающим, но сама помощь была абсолютно запрещена. Правительство опасалось революционизирования населения, но его действия имели обратный эффект: население революционизировалось тем фактом, что закрывались столовые, ранее уже открытые.

13 мая 1906 г. группа в числе 65 депутатов внесла запрос «О действиях правительства в борьбе с голодом и о помощи голодающему населению». В депутатском заявлении, подписанном К.В.Лаврским, И.Е.Лаврентьевым и А.В.Васильевым, говорилось об огромных размерах бедствия — от голода, вызванного неурожаем 1905 г., страдает более чем 20-миллионное население 24-х губерний Европейской части России. Однако стихийные бедствия усугубляются действиями местных властей, которые запрещают выдачу пособий «революционному» крестьянскому элементу, ограничивают общественную инициативу. В качестве наиболее вопиющих примеров была указана именно Казанская губерния, в которой были закрыты Казанский комитет помощи голодающим, а также учрежденные им в различных местностях столовые. В то же время в Тетюшском и Спасском уездах люди буквально пухли от голода, лежали в цинге и тифе. Ограничена была в крае и деятельность уполномоченных от Московского комитета общественной помощи голодающим и от Императорского вольного экономического общества: учрежденные ими столовые вскоре закрывались, а часть наиболее энергичных и предприимчивых уполномоченных арестовывались и высылались из губернии. Запрос был направлен министру внутренних дел и касался планов правительства по оказанию помощи голодающим и устранению препятствий со стороны местной администрации.

12 июня министр внутренних дел П.А.Столыпин дал ответ на данный депутатский запрос. Будущий премьер-министр, обрисовав общую картину, перечислил основные действия правительственных органов по обеспечению населения зерном и продовольствием. Всего, по словам Столыпина, на продовольственные нужды населения и обсеменение было отпущено более 54 млн. руб. из общеимперской казны. Причем все действия велись через крестьянские и земские учреждения. Коснувшись фактов заболевания, премьер-министр отметил, что в Казанской губернии были случаи в Спасском и Тетюшском уездах, но практически все заболевшие цингой были безземельные татары, для которых эта болезнь — типичное явление. Министр отрицал также и факты препятствия благотворительным учреждениям: по его словам, в той же Казанской губернии закрывались лишь те столовые, организаторы которых были арестованы и привлечены к судебной ответственности. Но после их закрытия вскоре другими членами кружков открывались новые столовые. Также функционировали столовые, учрежденные губернской земской управой. В заключительной части своего выступления министр внутренних дел сказал следующее: *«Мне кажется, насколько нелепо было бы ставить препятствия частным лицам в области помощи голодающим, настолько преступно было бы бездействие власти по отношению к лицам, прикрывающимся благотворительностью в целях противозаконных»*¹.

Состоявший членом казанского комитета по общественной помощи голодающим депутат А.В.Васильев заявил, что сведения, полученные министром внутренних дел от казанской администрации, не соответствуют действительности. Активно работавший с конца 1905 г. комитет общественной помощи голодающим организовал столовые, которые были закрыты уже в конце февраля 1906 г. Всю весну столовые были закрыты, а комитету было предложено передать собранные средства губернскому земству. После того, как комитет отказался от этого предложения, общественные столовые были разрешены ему только в форме раздачи продуктов. А.В.Васильев подверг критике действия губернских властей, которые опасаются предавать огласке истинное положение дел в губернии, а также факты бездействия губернской администрации в случаях грубого произвола со стороны нижних чинов и местной администрации. *«Я думаю, что подобного рода грубые и резкие выходки и выселения из деревни лиц, которые пришли на помощь голодающему населению, гораздо более революционизируют население, чем какие бы то ни было даже неуместные разговоры»*, — сказал в заключение своей речи казанский депутат².

Как бы в продолжение темы необоснованного преследования народной инициативы, на заседании 15 июня А.В.Васильев выступил в поддержку думского запроса по поводу репрессий в отношении лидеров «Крестьянского союза». По словам депутата, правительство признает политические организации иных классов — дворянства, торгово-промышленной буржуазии, даже рабочие организации, но продолжает грубо преследовать крестьянские союзы. Но только когда народ организуется, и эта организованная воля народа выльется в истинное народное представительство, только тогда можно быть спокойным за участь России.

Вопрос об оказании помощи голодающим был заслушан на 32 заседании Государственной думы 23 июня 1906 г.⁴ По министерскому проекту об ассигновании чрезвычайным сверхсметным кредитом в 50 миллионов руб. на выдачу пособий населению, пострадавшему от неурожая в губерниях, докладывали

председатели продовольственной и бюджетной комиссий.

Председатель продовольственной комиссии князь Львов сделал небольшой исторический экскурс, который свидетельствовал, что вся история России представляет собой, по сути, ряд недородов и голодовок. В сущности, неурожай и голод в России вещи обычные. По результатам исследования историков, с XI в. по XVII в. включительно неурожаи и голод повторялись приблизительно по восемь раз за столетие. Позднее эти стихийные бедствия стали повторяться все чаще и чаще. В XVIII столетии насчитывалось уже 34 неурожая, а в XIX лишь за первую половину — около тридцати пяти. Во второй половине XIX в. самыми сильными и жестокими были 1873, 1880, 1883, 1891 и 1892 гг. В последний из названных неурожайных годов в Европейской части страны пострадало население 16 губерний. Среди губерний, которые чаще всего подвергались названным стихийным бедствиям, докладчиком была названа и Казанская губерния. В XX столетии, который только начался, за первые шесть лет страна пережила уже три неурожайных и голодных года. Причем неурожай 1905 г. был даже гораздо сильнее, чем в 1891 г. Неурожаем было охвачено 24 губернии, из которых наиболее сильно пострадали 9. А в 1906 г. речь шла уже о населении 27 губерний. В силу обширности территории страны, неурожай никогда не охватывал всю территорию империи. Поэтому при правильной постановке продовольственного дела, хорошо организованной хлебной торговле и достаточной покупательной способности населения можно было бы избежать негативных последствий неурожая в отдельных частях страны. Но ничтожная покупательная способность населения не позволяет крестьянам рассчитывать лишь на свои силы. Поэтому в такие моменты население страны находится в полной зависимости от правительственной помощи. В России правительство, несмотря на постоянство подобного рода явления, всегда оказывается неподготовленным к бедствию. Этому способствовали и т.н. «временные правила» организации продовольственной помощи, признаваемые как правительством, так и общественностью совершенно негодными и подлежащими пересмотру. Докладчик привел, например, такой факт: в 1884 г., когда крестьяне Казанской губернии были вынуждены питаться суррогатами хлеба в виде древесной коры, на волжско-камских пристанях гнили миллионы четвертей хлеба. По словам князя Львова, целые области продовольственной и благотворительной помощи были совершенно игнорированы, потому что не предусматривались «временными правилами». Оратор подверг критике и правительственную политику, направленную на устранение местных сил от участия в продовольственном деле, политику, направленную на уничтожение земств как наиболее *«вредной части в общей системе государственного управления»*. Согласно временным правилам от 12 июля 1900 г., продовольственное дело было разделено и передано частично земствам, а частично правительственным органам. Земствам были предоставлены права на продажу и закупку зерна по заготовительной цене, медицинская помощь, попечение о том, чтобы не нарушалось благосостояние крестьян, покупка лошадей и разные другие виды помощи. В целом, однако, это разделение было осуществлено произвольно, случайно и привело к тому, что ни правительство, ни земства не чувствовали себя хозяевами. Для того чтобы обеспечить правильную организацию продовольственного обеспечения населения, большинство продовольственной комиссии постановило обратиться в уездные и губернские управы за соответствующей информацией, а также наметило проведение общеземского съезда на 26 июня 1906 г. Продовольственная комиссия также считала недостаточной сумму в 100 млн.руб. необходимую, по мнению Министерства внутренних дел, на продовольственную кампанию до получения нового урожая. В итоговой части своего выступления председатель продовольственной комиссии, а также докладчик бюджетной комиссии высказались за немедленное выделение кредита в 15 млн.руб. на июль месяц для удовлетворения семенной и продовольственной помощи населению с тем, однако, чтобы выделенные средства находились под контролем Государственной думы. После некоторого обсуждения, законопроект был принят думским большинством в думской редакции.

В Думе 2-го созыва вопрос о помощи голодающему населению вновь возник буквально с первых же заседаний. Довольно жаркими оказались дебаты о принципах избрания членов продовольственной комиссии. В частности, депутат Ф.И.Родичев, ссылаясь на прецеденты первой Думы, предложил втородумцам избрать членов комиссии по оказанию помощи голодающим по отделам. Но это предложение встретило протесты левых групп, особенно трудовиков. Выступавший от имени трудовой фракции З.М.Таланцев настаивал на выборах членов комиссии по квотам политических фракций.

По продовольственной проблеме выступал и другой казанский депутат — профессор Казанского университета М.Я.Капустин. В частности, при обсуждении формулы перехода по правительственной декларации он заявил о необходимости плодотворной думской работы, чтобы помощь голодающему населению была оказана своевременно. В этой связи Дума должна посвятить все свои усилия повышению благосостояния народных масс, а потому не стоит тратить время на формулы и «играть» в парламент. Во время принятия законопроекта о выделении шестимиллионного кредита на оказание голодающему населению врачебно-питательной и благотворительной помощи (заседание № 29 от 17 апреля) М.Я.Капустин настаивал на скорейшем и безотлагательном принятии закона в думской редакции. Согласно медицинскому принципу, самое опасное в таком деле — промедление².

По словам М.Я.Капустина, Россия является практически единственной европейской страной, где встречается цинга — болезнь средних веков. Цинга является болезнью, коренящейся в однообразии пищи, ее недостаточности. Голод и проистекающие от них болезни, чрезвычайно редкие в Европе явления, в России происходят регулярно и становятся, к сожалению, явлением обыденным. В одном из кабинетов музея Казанского университета, которым руководил профессор М.Я.Капустин, была собрана большая коллекция «голодного хлеба». В ней имелось до 100 образцов суррогатов хлеба, приготовленных в различных областях страны в голодные годы. Продемонстрированный с думской трибуны мусульманским депутатом от Уфимской губернии К.Хасановым кусок подобного суррогатного хлеба, по свидетельству очевидцев и публицистов, наблюдавших ход думских прений, поверг публику буквально в шок⁴.

В Думе 3-го созыва в состав продовольственной комиссии входили А.Н.Боратынский и В.А.Карякин (последний в качестве председателя комиссии). Продовольственная проблема наиболее активно обсуждалась в плане оказания помощи населению в 1-ю сессию Думы 3-го созыва. В течение 1907—1908 гг. правительством было внесено несколько законопроектов о выделении средств на оказание помощи в виде субсидий и семян. В.А.Карякин в качестве председателя продовольственной комиссии был одним из главных докладчиков по вопросу об оказании продовольственной помощи пострадавшему от неурожая населению. В частности, 4 декабря 1907 г. он внес на рассмотрение общего собрания Думы доклад по законопроекту МВД «Об ассигновании 7 732 000 на продовольственную и семенную помощь пострадавшему от неурожая населению»¹. Среди 14 губерний и 1 области, нуждающихся в помощи, была и Казанская губерния. Однако подготовленный оратором доклад был признан неудовлетворительным и отправлен на доработку. 15 декабря В.А.Карякин выступал в качестве докладчика уже от имени соединенного совещания бюджетной и продовольственной комиссии по законопроекту об отпуске средств, потребных для оказания помощи населению, пострадавшему от неурожая 1907 г., в размере 15 182 000 руб.² Кроме того, глава продовольственной комиссии и одновременно член фракции октябристов от имени последней поддержал предложение 43-х членов Думы — поручить продовольственной комиссии обсудить и изучить опубликованный МВД отчет о продовольственной кампании 1906—1907 гг. с тем, чтобы учесть эту информацию при рассмотрении предстоящих ассигнований по продовольственному делу на 1908 г.³

Наконец, 19 февраля 1908 г. В.А.Карякин вновь выступал в качестве докладчика соединенного совещания бюджетной и продовольственной комиссии по внесенным МВД законопроектам об отпуске средств, необходимых для оказания помощи населению, пострадавшему от неурожая 1907 г., в размере 7 126 000 и 1 333 000 руб. (доклад внесен 15 февраля)⁴. Согласно данному законопроекту, Казанской губернии, первоначально признанной вполне благополучной, по итогам вторичного обследования было решено выделить кредит на сумму 750 000 руб. Наиболее пострадавшими оказалось население Казанского, Мамадышского и Царевококшайского уездов, а также частично Чистопольского и Спасского уездов. По законопроекту предполагалось выделить основную помощь на закупку семян для раздачи ее нуждавшимся крестьянам.

Позднее продовольственная проблема потеряла свою остроту и обсуждалась в Думе в несколько иной плоскости. Речь шла не столько об оказании помощи нуждающимся и голодающим крестьянам, сколько о регулировании продажи зерна. В 1909 г. В.А.Карякин разрабатывал законопроект, регулирующий порядок скупки казной хлеба и поставку его на рынок с целью упорядочить цены. Проект В.А.Карякина о закупке казной хлеба непосредственно у производителей произвел сильное впечатление на торгово-промышленные круги. Особенно выражали недовольство хлебопромышленники. Выказывалось мнение, что у проекта есть немало и сторонников, особенно среди дворянства. Члены думской торгово-промышленной фракции высказывали предположение, что принятие этого проекта приведет к колоссальным убыткам торговцев хлебом и вообще является нежелательным, поскольку будет способствовать расширению монополии казны в торгово-промышленной области. Основным оратором от торгово-промышленных кругов во время думских дебатов планировался В.В.Жуковский, назвавший проект В.А.Карякина «проектом Иосифа Прекрасного»¹. Либеральная пресса же считала, что, выдвигая данный законопроект, В.А.Карякин преследовал цель уменьшить риски крупных хлеботорговцев, к которым и сам относился. Таким образом, за данной законодательной инициативой, по мнению либеральных оппонентов, скрывались лишь коммерческие аппетиты хлеботорговца, которые ему не удалось реализовать: проект был настолько плох, что не был даже вынесен на общее обсуждение².

Согласно предположениям казанской либеральной прессы, неудача с собственным проектом об упорядочении цен хлебной торговли привела к тому, что В.А.Карякин «охладел» к деятельности продовольственной комиссии. Но поскольку он так и не сложил с себя председательских полномочий, то его поведение привело к вынужденному бездействию всей продовольственной комиссии. Правда, справедливости ради следует сказать, что «Камско-Волжская речь» отнюдь не являлась беспристрастным наблюдателем. Газета казанских либералов весьма критично оценивала итоги думской деятельности казанского купца и не упускала ни одного случая, чтобы не вывести его «на чистую воду». Казанские из-

биратели оценивали парламентскую деятельность В.А.Карякина намного выше. И если бы не категорический отказ самого Карякина выставлять свою кандидатуру на выборах в Думу 4-го созыва, ему был бы обеспечен успех со значительным количеством голосов. Так или иначе, но бесспорно то, что чем дольше работала третья Дума, тем более незаметной становилась руководимая казанским «хлебным магнатом» продовольственная комиссия.

В марте 1912 г., незадолго до окончания срока полномочий третьей Думы, группа правых депутатов и октябристов внесла законопроект «О мерах по упорядочению хлебной торговли». Из 82 депутатов, подписавших проект, трое представляли Казанскую губернию — И.И.Соколов, Г.Х.Еникеев и С.Максуди. Примечательно, что среди депутатов, поддержавших данный законопроект, не было В.А.Карякина. По-видимому, ему не пришелся по душе главный принцип законопроекта, устанавливавший *«признание вывозной Хлебной торговли государственной регалией с сохранением полной свободы внутренней торговли хлебом»*. Для осуществления монопольной экспортной торговли и упорядочения торговли внутри страны авторы проекта предусматривали учреждение при МТиП специального центра под названием «Хлебный Совет». Совет (Комитет) должен был способствовать организации дешевого кредита для производителей хлеба; содействовать устройству правильной сети зернохранилищ; заботиться о хлебных тарифах и о подвозе хлеба к пристаням и портам; осуществлять сбор и разработку статистических материалов; осведомлять население о положении мирового и внутреннего хлебных рынков. В апреле общее собрание Думы постановило образовать особую комиссию в составе 33 членов, в которую было передано данное законодательное предложение (в нее был включен и Г.Х.Еникеев). Комиссия была избрана 28 апреля 1912 г., рассмотрела проект и высказалась за признание его нежелательным прежде всего в отношении установления правительственной монополии на вывозную хлебную торговлю.

В Думе 4-го созыва в состав продовольственной комиссии входили следующие депутаты от Казанской губернии — И.А.Бажанов, И.В.Годнев (с 4-й сессии). Однако в период первых двух довоенных сессий ни данные депутаты, ни комиссия в целом не играла той роли, какова была за продовольственной комиссией в прежних Думах. Ситуация изменилась после вступления страны в мировую войну, приведшая вскоре к серьезным проблемам в деле обеспечения населения городов и армии на фронтах продовольствием. 29 ноября 1916 г. И.В.Годнев в своем выступлении, критикуя положение с продовольственным обеспечением населения, увязывал организацию продовольственного дела с коренным переустройством всей системы государственного управления. И.В.Годнев говорил о продовольственном положении столицы также на одном из последних думских заседаний — 23 февраля 1917 г.¹

5. Социальная политика. Вопрос о праздничных днях служащих торгово-промышленных заведений

К числу вопросов, касавшихся социальной сферы, относится пакет законопроектов о страховании рабочих и служащих от несчастных случаев и на случай болезней; проекты о нормальном отдыхе торговых служащих и ремесленников; проекты договора найма торговых служащих, а также меры по борьбе с пьянством. Разработка социального законодательства происходила преимущественно во время функционирования Дум 3-го и 4-го созывов, когда законодательные палаты должны были рассматривать подготовленные министерствами законопроекты, призванные заменить собой многочисленные временные правила и циркуляры, действовавшие в этой сфере с начала века. Из значительной части названных законопроектов силу закона получил лишь блок т.н. «страховых законов» (по болезни и от несчастных случаев), утвержденный высочайшей властью 23 июня 1912 г.²

Поскольку Казанская губерния представляла собой регион со смешанным населением и одновременно крупный торгово-промышленный центр, эти проблемы касались и думских представителей края. Мусульманских депутатов (С.-Г.Алкина, С.Максуди, Г.Еникеева) социальные законопроекты волновали преимущественно в связи с реализацией религиозных прав мусульманских торговцев и рабочих. Не оставили эти проблемы в стороне и русские депутаты — Г.Ф.Шершеневич, В.А.Карякин, И.В.Годнев. В частности, бывший профессор Казанского университета Г.Ф.Шершеневич, будучи признанным специалистом по торговому праву, стал одним из ведущих авторов законопроекта о торгово-промышленных служащих, который разрабатывался членами кадетской фракции. В.А.Карякин был заинтересован в этих законах в силу того, что сам являлся владельцем крупных торговых предприятий.

Следует сказать, что обозначенная проблема была поднята еще задолго до начала работы Государственной думы. Городовое положение 1870 г., также как и положение о земских учреждениях, фактически не регулировало вопрос о продолжительности дня и об отдыхе торговых служащих, оставляя его на усмотрение хозяев торговых заведений. Рассмотрение вопроса было начато по инициативе местных органов самоуправления, хотя согласно 108 статье городского положения, городские думы имели право ограничивать лишь время торговли в воскресные и праздничные дни. В частности, в 1882 г. в Городской думе Казани в ответ на многочисленные ходатайства приказчиков была избрана комиссия для выработки обязательного постановления. Однако через четыре года эта комиссия пришла к заключению о *«неизменности политико-экономического закона спроса и предложения»* и высказалась против

нормирования рабочего дня и узаконения праздничного отдыха приказчиков. В конце 80-х годов, когда вопрос стал обсуждаться в центральных ведомствах, городской голова П.Дьяченко заявил о несвоевременности издания обязательного постановления об отдыхе до разрешения этого вопроса в законодательном порядке. В 1902 г. заступающий на место городского главы Д.А.Алексеев попытался дать этому вопросу новый импульс. Однако в Городской думе его поддерживали немногие (среди них был, кстати, профессор А.В.Васильев), поскольку доминировавшие в городском органе самоуправления купцы не желали поступаться своими прибылями. Проведя несколько шумных заседаний, комиссия прекратила свое существование, не разработав ни одного постановления. Бесплодность в разработке постановления об обязательном отдыхе не могла остановить многочисленные конфликты между приказчиками и хозяевами торговых заведений, а потому сами хозяева вынуждены были идти на урегулирование проблемы в частном порядке. Но подобное разрешение проблемы отдавало судьбу приказчиков в руки предпринимателей, отнюдь не склонных лишаться возможности дополнительных прибылей.

Под настойчивым давлением приказчиков весной 1905 г. Городская дума издала ряд обязательных постановлений. В феврале месяце на основании 108 статьи городского положения городской орган самоуправления ограничил торговлю в воскресные дни 30 минутами, а в апреле издал новое постановление о распространении ограничения на всех торговцев без различия вероисповедания. Исключения были сделаны лишь для торговцев продуктами питания и кормом для скота, а также купцов ряда кварталов Ново-татарской слободы. Но поскольку торговых предприятий в этом районе практически не было, то данная оговорка не имела значительного последствия. В целом апрельское постановление Городской думы должно было защитить интересы православного купечества, недовольного реальной экспансией мусульманских торговцев в традиционно «русские» районы города. Появление на рубеже XIX — XX вв. мусульманских магазинов и лавок на таких центральных улицах, как Большая и Малая Проломные, Воскресенская, Рыбнорядская, где традиционно доминировали русские коммерсанты, явилось следствием мощного развития татарской торговой буржуазии, что не могло не беспокоить русских купцов. Свои интересы русские торговцы отстаивали не только на заседаниях Городской думы, но и подавали апелляции к административной власти². Следует сказать, что во время обсуждения проекта постановления 1905 г. высказывались предложения сделать исключения для мусульманских торговцев и разрешить им праздновать собственные религиозные праздники и пятничный день. Однако существующие законы не давали Городской думе подобного права, а потому было решено не делать никаких льгот и исключений по вероисповедному признаку.

Практически одновременно, приступив в 1904 — 1905 гг. к урегулированию вопроса в законодательном порядке в масштабе всей империи, Министерство торговли и промышленности обратилось к различным организациям (прежде всего биржевым комитетам) с предложением высказать свой взгляд на проблему. После сбора предварительной информации и с учетом разброса мнений весной 1905 г. Министерством финансов было создано «Совещание для обсуждения законопроекта по вопросу об обеспечении нормального отдыха служащих в торгово-промышленных заведениях, складах и конторах»³. Таким образом, принятию Думой закона о нормальном отдыхе торговых служащих предшествовало бурное обсуждение проекта временных правил в специально созданном совещании, общественных организациях и в прессе.

Материалы совещания, заседавшего с 31 мая по 3 июня 1905 г., не просто содержат богатый материал. Они являются яркой иллюстрацией к картине того, как происходило обсуждение проблемы. В совещании были представлены все заинтересованные ведомства: кроме членов Министерства финансов (заседания проходили под председательством товарища министра финансов В.И.Тимирязева), были представители Святейшего синода, министерств внутренних дел, юстиции, народного просвещения, торговли и промышленности, военного министерства и пр. На совещание были приглашены и представители торговцев и служащих в торгово-промышленных заведениях, а также депутаты от различных общественных организаций. От казанских торговцев-мусульман на совещании присутствовали юрист С.-Г.Алкин и два крупных торговца Садык Галикеев и Ахметзян Сайдашев. Казанских предпринимателей также представлял Ф.В.Бытенин (представитель вспомогательного общества приказчиков) и П.П.Шмелев (Казанский биржевой комитет). Трое казанских делегатов-мусульман фактически оказались на совещании единственными представителями инородческого населения огромной империи. Вероятно, участие трех названных мусульман в совещании стало возможным в силу случайного стечения обстоятельств — в начале 1905 г. С.-Г.Алкин и А.Я.Сайдашев подали в Совет министров записку об удовлетворении религиозных нужд мусульманских торговцев. В качестве ответа им было рекомендовано передать все документы в запланированное межведомственное совещание. Таким образом, они и могли оказаться в числе его участников, хотя, судя по всему, привлечение инородцев в работу совещания изначально вовсе не планировалось.

Выступавший от имени мусульман присяжный поверенный и будущий первый думец С.-Г.Алкин настаивал на необходимости увязать вопрос о праздничном отдыхе с провозглашенной религиозной свободой. Согласно принципу свободы совести, нельзя устанавливать для инославных вероисповеданий

чужие праздники и лишать их свободы веры. А потому мусульманским торговцам должно быть предоставлено право отдыха в свои религиозные праздники и пятницу. Вынуждая же мусульман прекращать работу в дни христианских праздников (в том числе и воскресенье), правительство обрекает мусульман лишь на дополнительные будние дни и большие убытки. Характерно, что в своем выступлении С.-Г. Алкин неоднократно и настойчиво проводил следующую мысль — мусульмане, как народ побежденный, покорились своей участи и просят правительство лишь учесть их религиозные потребности и нужды. А.Я.Сайдашев, выступавший от общества торговцев-мусульман Казани, в своей речи проводил аналогичную мысль об ущемлении религиозных интересов мусульман: *«Нас в России 15 — 20 миллионов, кажется, мы для России люди полезные, мы работаем для России, кровь проливаем, но дайте нам праздновать только наши праздники, так же как вы празднуете воскресенье, иначе наши торговцы будут не торговать целый день в воскресенье, целый день в пятницу; у нас 52 пятницы и более 10 дней других праздников. [...] Прошу покорнейше обратить внимание на мусульманское население, которое всегда служит Престолу, проливает свою кровь и ныне вместе с русскими! А нам признавать христианские праздники — это посягательство на нашу религию; наш черный народ говорит: теперь заставляют праздновать христианские праздники, потом заставят закрывать наши церкви. Это надо иметь в виду»*¹.

Участники совещания, выступавшие с иных позиций, напротив всячески игнорировали религиозную подоплеку вопроса и настаивали на конкурентной борьбе между православными и мусульманскими торговцами. По словам П.П.Шмелева, воскресные дни и дни христианских праздников по складу обывательской жизни являются днями самой оживленной торговли. Поэтому предоставление мусульманам такого права нанесет большой ущерб торговцам-христианам: *«Требование наших мусульман дать им для отдыха пятницу вместо воскресенья основано единственно на том, чтобы воспользоваться христианскими праздниками как более оживленными днями торговли, ввиду того, что весь рабочий, ремесленный и чиновный люд свободен от занятий»*. Более того, предоставление мусульманам подобной «льготы» будет способствовать приливу новых торговцев из числа мусульман настолько, что *«в конце концов русским торговцам даже в местах с преобладающим русским населением придется ликвидировать свои дела и отдать всю торговлю в руки мусульман»*¹. Представитель казанского биржевого комитета был поддержан рядом ораторов, в том числе и председательствующим В.И.Тимирязевым. Признавая реальные неудобства подобного двойственного положения для мусульман, тем не менее многие участники совещания опасались еще большего недовольства русского купечества, безусловно, заинтересованного в ослаблении позиций конкурентов.

В выступлении представителя Святейшего синода П.И.Остроумова был сформулирован тот главный принцип, который и был фактически положен в основу правительственной политики в этом вопросе: поскольку Россия является христианским государством, то праздничные и выходные дни должны быть установлены согласно господствующей вере. Но, защищая религиозные интересы мусульман и других иноверцев, государство может достичь компромисса, переведя решение этой проблемы в сферу изъятия из общеимперского законодательства. В итоге участники совещания пошли именно по этому пути. Касаясь прав и интересов иноверного населения, совещание высказалось за возможное предоставление местным органам самоуправления производить необходимые изъятия из закона и предоставлять при необходимости иноверцам в некоторых местностях право торговать в христианские праздники, но не более пяти часов в день².

Закон о нормальном отдыхе торговых служащих был издан 15 ноября 1906 г. в виде временных правил согласно 87-й статье Основных законов. Правила от 15 ноября 1906 г. допускали в местностях с преобладающим инородческим населением производство торговли в дни православных праздников и разрешали устанавливать обязательное прекращение торговли в иные дни, соответственно местным вероисповедным условиям¹. Более того, согласно этим временным правилам, впредь до принятия общеимперского закона, издание обязательных постановлений передавалось местным общественным учреждениям в лице городских дум. Следует сказать, что Правила от 15 ноября 1906 г. *de jure* закрепляли ту практику, которую фактически осуществляли местные власти в ряде регионов, желая сохранить социальное и национальное равновесие в крае. Так, в течение 1905 — 1906 гг. ряд местных органов самоуправления в губерниях со значительным мусульманским населением (Бакинская, Уфимская и др.) приняли постановления о разрешении торговцам-мусульманам вести ограниченную торговлю в воскресные дни и закрывать свои предприятия по пятницам.

В Казани с весны 1905 г. официально действовало обязательное постановление о запрете воскресной торговли. Однако на практике оно нарушалось татарскими торговцами, а местная администрация, не желая создавать дополнительные конфликты, фактически закрывала на эти нарушения глаза. Более того, с дальнейшим развитием событий и изданием либерального по духу Манифеста 17 октября 1905 г. в вопросе о праздничном отдыхе интересы мусульман стали учитываться в большей степени. В частности, 2 апреля 1906 г. между 192 мусульманскими, 33 русскими, 2 еврейскими торговцами и одной немецкой торговой фирмой Казани было заключено добровольное письменное соглашение о том, что для

казанских торговцев будут установлены именно те еженедельные дни отдыха, что соответствуют их религиозным потребностям². На это соглашение в последующем будут ссылаться думские комиссии, образованные для разработки проекта обязательного постановления Казанской городской думы.

Авторы Временных правил от 15 ноября 1906 г. не могли не учитывать и многочисленные прошения из местностей с мусульманским населением, в которых торговцы настаивали на соблюдении принципа свободы вероисповедания. Однако правила имели временный характер и для придания им законной силы их следовало провести через законодательные органы. Правительственный проект закона о нормальном отдыхе торговых служащих в редакции временных правил первоначально был внесен в Думу 2-го созыва (12 апреля 1907 г.), но не был рассмотрен ею вследствие преждевременного роспуска. Не был также рассмотрен и кадетский проект «Основных положений законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих» (внесен 17 апреля 1907 г.). Проект 35-ти думских депутатов явился некоторым отступлением от первоначального проекта, разработанного московской секцией ЦК партии осенью 1906 г. (в составе этой комиссии был также первый думец, бывший профессор Казанского университета и знаток торгового права Г.Ф.Шершеневич¹). Оба кадетских проекта, впрочем, имели довольно либеральный характер и предусматривали обеспечение отдыха торговых служащих с учетом их конфессиональной принадлежности и пожеланий². Кадетский проект подписал только один мусульманский депутат от Казанской губернии — С.Максуды.

Также не был рассмотрен подготовленный самими мусульманами (прежде всего, в лице депутата-перводумца С.-Г.Алкина, помогавшего членам мусульманской фракции на общественных началах) проект закона под названием «О нормальном отдыхе иноверных служащих торговых и промышленных заведений». Мусульманский проект был внесен 24 мая 1907 г. за подписью 32 депутатов. Первыми проект подписали уфимский татарин М.-А.Биглов, крымский татарин Р.Медиев и казанский татарин С.Максуды (табл. 2 в приложении). В заявительной части своего законопроекта члены мусульманской фракции приводили основные аргументы в поддержку религиозного принципа определения выходного и праздничного дня отдыха, настаивали на необходимости учета мнения и уважения потребностей меньшинства, каковым является мусульманское население страны.

Авторы проекта предлагали собственную редакцию 5-й статьи Положения от 15 ноября 1906 г. в следующем виде:

В поселениях, где православное население смешано с инославным и иноверным, торговля, а также занятия служащих, связанные с торгово-промышленной деятельностью, ограничиваются и прекращаются для последних, вместо воскресных дней и двенадесятых праздников, в дни, чтимые их религией;

В торгово-промышленных заведениях, конторах и складах, хотя и содержащихся иноверцами и инославными, если служебный персонал состоит из православных, то торговля и занятия в них ограничиваются и прекращаются в воскресные дни и двенадесятые праздники, чтимые православной церковью; в то же время в торгово-промышленных заведениях, конторах и складах, содержащихся православными, если служащие иноверцы и инославные, то торговля и занятия ограничиваются и прекращаются вместо воскресных дней и двенадесятых праздников в дни, чтимые религией иноверных и инославных служащих.

В торговых же заведениях, конторах и складах, служебный персонал коих состоит как из православных, так и инославных или иноверных, каждому служащему предоставляется праздновать дни, чтимые его религией¹.

Кроме собственно содержательной части данного проекта, вполне традиционного и умеренного с точки зрения требований мусульманского общества, обращает на себя внимание стилистика вводной части законопроекта, отражающая дух времени. В мусульманском проекте можно встретить такие отнюдь не учтивые выражения и обороты, как «рабство», «тирания хозяина», «тиранический закон», «чиновное правительство» и пр. Едва ли они воспринимались бы властью, к которой мусульмане апеллировали, благожелательно. Скорее проект мусульманской фракции мог быть оценен властными структурами как весьма дерзкий и вызывающий по тону. Тем не менее из-за кратковременности Думы 2-го созыва мусульманский проект не был рассмотрен.

В последующие месяцы правительство внесло ряд изменений и дополнений в действующий закон, опять-таки на основании 87-й статьи (законом от 12 сентября 1907 г. была отменена 5-я статья Временных правил). Только с началом работы Думы 3-го созыва законопроект «О нормальном отдыхе торговых служащих» был представлен на рассмотрение депутатов. Законопроект рассматривался в ряде думских комиссий, но особенно тщательно в комиссиях по рабочему вопросу и по городским делам. Предложения мусульманских депутатов были отвергнуты большинством обеих комиссий, что было зафиксировано в представленных ими заключениях: комиссия по рабочему вопросу представило свое заключение в июне, а комиссия по городским делам лишь в декабре 1909 г.

Выступавший докладчиком комиссии по городским делам К.Ф.Томашевич в обосновании позиции большинства комиссии также настаивал на сугубо экономическом характере этого вопроса. По его мнению, вопрос о воскресной торговле есть ни что иное, как вопрос о конкурентной борьбе. В качестве

примера приводилась Казань, где мусульманское население составляет значительную долю, а общее число мусульманских торговых предприятий доходит до 620. Предоставление им права торговать по воскресеньям нанесет огромный удар по торговле христиан. В целом, комиссия по городским делам нашла притязания мусульманских депутатов неприемлемыми и подрывающими устои христианского государства, наносящими серьезный ущерб торговцам-христианам. Правда, идя «навстречу» религиозным нуждам мусульман, члены комиссии допускали возможным издание закона о запрете торговли, кроме воскресных, и в дни, празднуемые иноверцами по их вероучению. Естественно, этот пассаж был ни чем иным, как издевательством, поскольку общее количество нерабочих дней доходило бы до трети от количества дней в году. Подобной продолжительности нерабочих дней не вынесла бы ни одна торговая компания.

В 1910 г., уже в период обсуждения министерского законопроекта в Думе 3-го созыва, желая оказать посильное содействие делу обеспечения отдыха работникам в области торговой промышленности, профессор Московского университета Г.Ф.Шершеневич издал тексты законов об отдыхе торговых служащих, принятые в ряде европейских стран. В предисловии к текстам законов Г.Ф.Шершеневич отмечал такие сложности в разработке данного законопроекта, как несовпадение еженедельного отдыха в многоконфессиональной стране: *«К этому трудному вопросу можно подойти с чистым намерением не задеть религиозные чувства кого бы то ни было, но можно проявить грубое желание подавить свободу совести одних ради мнимого торжества убеждений других»*. По мнению Г.Ф.Шершеневича, правила от 15 ноября 1906 г. не дали ожидаемых результатов, потому что осуществление их было предоставлено местным органам самоуправления, *«проникнутым при современной избирательной системе сочувствием к хозяевам, а не к приказчикам»*. Еще более пессимистические настроения вызывало большинство Думы 3-го созыва, вовсе не сочувствующее интересам трудовых классов. Эти слова бывшего казанского профессора полностью оправдались во время обсуждения вопроса на общем заседании Думы.

После длительного периода прохождения законопроекта через думские комиссии 10 апреля 1910 г. он, наконец, был вынесен на общее обсуждение Думы. Обсуждение проходило в обстановке бурных дебатов и растянулось до конца 1910 года. В весеннюю сессию — 26, 28, 30 апреля, 1, 3 и 5 мая (95, 96, 98, 99, 100 и 101 заседания) — состоялись первое и второе чтения законопроекта.

При его обсуждении наиболее бурно дебатировемым пунктом стал вопрос о воскресном и праздничном отдыхе, т.к. он осложнялся *«сталкивающимися в нем интересами экономическими и вероисповедными»*. Из числа казанских депутатов во время обсуждения законопроекта выступали С.Максуди, Г.Х.Еникеев, И.В.Годнев, В.А.Карякин и М.Я.Капустин.

Первые двое — С.Максуди и Г.Еникеев — защищали позицию мусульманской фракции, от имени которой также выступали кавказские депутаты И.Гайдаров и Х.Хасмамедов, и уфимский татарин — Г.Сыртланов². Мусульманские депутаты говорили главным образом по тем пунктам законопроекта, которые определяли ежегодные праздничные дни и еженедельные дни отдыха. Вопрос о нормировании продолжительности рабочего дня ими практически не затрагивался. Судя по стенографическим отчетам, члены мусульманской фракции поначалу планировали ограничиться лишь двумя ораторами — И.Гайдаровым и Х.Хасмамедовым, а С.Максуди должен был лишь огласить фракционную поправку к 10-й статье закона. Однако по мере того, как страсти нарастали, а дискуссия становилась все более и более острой, на трибуну поднялись и казанские депутаты С.Максуди и Г.Еникеев, выступавшие с длительными и аргументированными речами.

Все мусульманские ораторы, выступавшие с думской трибуны, указывали на то, что обсуждаемый законопроект имеет непосредственную связь с провозглашенным принципом свободы совести: закон, запрещающий мусульманским купцам торговать по воскресным дням, вынуждает их или же нарушать предписания собственной религии и торговать в дни мусульманских религиозных праздников, или в противном случае, обрекает их на экономическое разорение. Мусульманские депутаты, особенно С.Максуди и Г.Еникеев, ссылались на многочисленные телеграммы, поступившие в адрес фракции и отдельных ее членов от торговцев и приказчиков со всех уголков страны. С.Максуди также настаивал на нравственном аспекте проблемы. По его словам, религиозные праздники имеют громадное значение в жизни народа, они воспитывают религиозный дух народа, во время праздников подрастающее поколение черпает основы своих нравственных и религиозных понятий, праздники, наконец, *«это — религиозный цемент, который сплавливает данный народ; благодаря праздникам сохраняется чистота религии и поддерживаются народные национальные традиции»*.

В отличие от мусульманских ораторов русские депутаты говорили не только о праздничном и еженедельном отдыхе для купцов-иноверцев. Из речей русских депутатов наиболее интересными были выступления Карякина. По данному вопросу он выступал как минимум трижды — 28 апреля, 3 и 5 мая. Речи казанского 1-й гильдии купца В. Карякина были проникнуты соображениями здравого смысла, жизненного опыта и патриархальных взглядов. В первой части своего выступления (28 апреля) оратор высказывался против нагнетания антагонизма между купцами и приказчиками, за сохранение прежних

патриархальных отношений, в пользу поощрения усердия и трудолюбия со стороны приказчиков и отеческой заботы со стороны владельцев торговых заведений. Причем заботы не только о физическом состоянии своих служащих, но и об их нравственности. Опираясь на собственный жизненный опыт, В.А.Карякин полагал, что работа в качестве приказчиков с молодых лет служит для будущих торговцев хорошей жизненной школой. Исходя из принципа, что труд не может навредить молодому здоровому организму, купец выступал против планируемого законопроектом запрещения использования труда малолетних детей в торговых заведениях. Высказывался он и против длительных нерабочих дней, толкающих молодежь к вредным привычкам. К сожалению, говорил, почтенный купец, *«у нас больше черту отдают седьмой день, а не Богу»*¹. Главным лейтмотивом выступления казанского купца стал тезис о необходимости достижения согласия и компромисса между работодателями и рабочими: *«покуда не установится обоюдное соглашение между хозяевами и приказчиками, а будут считать это какой-то борьбой, до тех пор у нас правильных отношений для обеих сторон не будет»*.

В вопросе о праздничном отдыхе русские депутаты, избранные населением Казанской губернии, были толерантны и склонны к компромиссу с иноверцами в большей степени, нежели депутаты от западных и юго-западных областей. Вероятно, сказался опыт совместного длительного и в целом бесконфликтного (по сравнению с западными регионами страны) сосуществования в крае представителей различных народностей. Возможно, определенное влияние на них оказывала позиция гласных Казанской городской думы. Во время обсуждения вопроса в весеннюю сессию казанские гласные послали на имя депутата И.В.Годнева телеграмму следующего содержания: *«Дума в заседании 27 апреля постановила обратиться с просьбою к членам Государственной Думы от Казанской губернии при рассмотрении вопроса о праздничном отдыхе в Государственной Думе ввиду местных бытовых условий г.Казани и губернии проводить положение, чтобы праздничными днями для лиц магометанского исповедания признаются все пятничные и иные священные для мусульманской религии дни, а также, ввиду крайне разнообразных условий быта разных местностей, целесообразно разрешение вопросов о праздничном отдыхе проводить в порядке предоставления издания обязательного постановления общественным учреждениям»*². Копии телеграммы были отправлены также депутатам В.А.Карякину, А.Н.Боратынскому, Н.Д.Сазонову, С.Максуду, М.Я.Капустину, Г.Х.Еникееву, а также через казанского губернатора председателю Думы и министру торговли и промышленности. Примечательно, что когда русские торговцы узнали о данном решении Городской думы, они попытались его опротестовать, ссылаясь на то, что татары накануне крупных христианских праздников (Пасха и Рождество) не закрывают свои предприятия и по пятницам. Следовательно, за данными «претензиями» татарских торговцев лежат лишь стремление к большей выгоде. Тем не менее Городская дума не нашла достаточных оснований для пересмотра принятого ранее решения¹.

Как бы следуя рекомендации казанских гласных, а скорее действуя в соответствии с собственными убеждениями и жизненным опытом многолетнего сосуществования с татарским купечеством, В.А.Карякин и И.В.Годнев настаивали на компромиссном соглашении с учетом мнения мусульман. И.В.Годнев считал возможным разрешить мусульманам торговать в христианские праздники, что было уже сделано в Казанской губернии органами местного самоуправления, так как запрет стал бы нарушением принципа свободы совести. Более того, принятие законопроекта в таком виде, противоречащем интересам многомиллионного мусульманского населения страны, лишь заранее обрекает его на игнорирование со стороны мусульман. Поэтому такой закон пополнит число российских законов, которые бездействуют и являются лишь «мертвой буквой». Поэтому И.В.Годнев считал целесообразным передачу решения этой проблемы в ведение местных органов самоуправления — городских дум и общественных управлений². Казанский купец В.А.Карякин также полагал, что для огромной страны со столь многообразными условиями не применимы единые законы: *«нельзя в такой громаднейшей стране, как Россия, под известный шаблон подгонять все магазины и заставлять праздновать их одинаково во всем нашем государстве»*. Вопрос о дне отдыха для купцов-иноверцев, по мнению Карякина, относится к таким случаям многообразия России. По его мнению, в этом вопросе компромисс вполне достижим, а христианское государство не может требовать от своих подданных-иноверцев подчинения в религиозных вопросах, а наоборот, должно идти на компромиссное урегулирование проблемы. Главное, что должен обеспечивать закон — это гарантировать служащим и рабочим еженедельный день для отдыха. А каким будет этот нерабочий день — воскресным, пятничным или субботним — зависит от местных условий. Поэтому в заключение В.А.Карякин предложил дополнить законопроект следующей статьей: *«В местностях со значительным иноверческим населением обязательными постановлениями могут быть восприимчивы или ограничиваемы по времени торговля, а равно занятия в торговых складах и конторах для иноверцев, вместо воскресных дней и двенадесятых праздников — в праздничные дни по их религии»*¹. Кроме самого автора поправки В.А.Карякина, эту редакцию поддержали С.Максуд, лидер трудовиков А. Булат.

Политические оппоненты доказывали, что статья в подобной редакции даст привилегию инородческому населению перед русским. В целом аргументы противоположной стороны сводились к тому, что

торговля в праздничные дни, когда все свободны, идет гораздо успешнее, чем в будние дни, а потому разрешение мусульманским купцам торговать в воскресные дни обернется лишь предоставлением им льгот и экономических преимуществ.

Правительственная позиция была выражена в комментариях товарища министра торговли и промышленности П.И.Миллера. Настаивая на необходимости связывать вопрос о праздничных днях с бытовыми условиями и интересами всего населения страны, представитель высшей бюрократии отстаивал правительственное компромиссное решение, зафиксированное во Временных правилах 1906 г. По словам заместителя министра, государство, будучи государством христианским, не может устанавливать иных праздников, кроме христианских. В то же время нельзя разрешать и иноверцам торговать в христианские праздники, создавая им преимущества в конкуренции с коренным населением. Единственный выход из этого положения — это действующий закон, т.е. ограничение во времени праздничной торговли.

Когда думское большинство отклонило все поправки мусульманской фракции и В.А.Карякина, а также предложение кадетов (194 голосами против 101), члены мусульманской фракции, не имея иных возможностей противостоять насилию, в знак протеста покинули зал заседания. Впрочем, этот протест остался без какого-либо внимания со стороны думского большинства. Если, конечно, не считать слов «уходите, проваливайтесь», сопровождавших выступление Г.-О.Сыртланова, огласившего заявление мусульманской фракции. Также без фактического внимания думского большинства остались телеграммы, присланные мусульманами из Казани, Оренбурга, Уфы и других крупных центров с мусульманским торговым населением. В этих телеграммах, посылаемых на имя председателя мусульманской фракции К.-М. Тевкелева, а также лидеров оппозиционных фракций, мусульмане настаивали на том, что принуждение их праздновать христианские праздники есть нарушение закона о свободе совести, способ к увеличению антагонизма между русскими и мусульманами².

Одновременно с посылкой телеграмм мусульмане провели ряд собраний на местах. В частности, 28 мая в здании Купеческого собрания состоялось многолюдное собрание казанских мусульман. В мероприятии участвовало более 2000 мусульман — торговцев, представителей интеллигенции. Выступали с обстоятельной речью: член Государственной думы С.Максуди, бывший депутат К.Хасанов, отец и сын А.Я. и М.А.Сайдашевы, редактор-издатель газеты «Юлдуз» А.-Х.Максуди, представители торговцев и приказчиков. Участники собрания были единодушны в вопросе о праздничном отдыхе. Разногласия касались лишь вопроса о форме реагирования на постановления Думы. По мнению А.-Х. Максуди, следует послать телеграммы каждому из депутатов. М.А.Сайдашев же полагал, что действовать нужно «покупчески» — послать в столицу делегацию из состоятельных татарских купцов, которые лично ходатайствовали бы перед Думой о просьбе мусульманских торговцев. В конце концов было решено избрать комиссию из 12 человек, в которую вошли два бывших депутата С.-Г. Алкин и К.Хасанов, А.-Х. Максуди, муллы Б.Апанаев, Ш.Абызов и другие³. Основные решения собрания заключались в следующем: комиссия должна быть постоянной, она должна посылать депутатам Государственной думы телеграммы с протестом, обращаться к муфтию с просьбой о поддержке усилий мусульманских торговцев, выработать план дальнейших действий.

Поскольку весенняя сессия подходила к концу, думское руководство решило отложить обсуждаемый законопроект до осени и перейти к более значимым с точки зрения правительственного курса вопросам — о введении земства в Западном крае и распространении общеимперского законодательства на территорию Финляндии. Мусульманским же депутатам оставалось надеяться, что во время третьего чтения законопроекта их голос будет услышан, а пожелания — учтены.

В осеннюю сессию 1910 г. (4-я сессия) законопроект рассматривался в третьем чтении с 3 по 17 декабря (31–38 заседания). И вновь самым бурным стало обсуждение 9-й статьи закона, касавшейся праздничного отдыха (13 декабря). На этот раз правительство было согласно пойти на уступку и через октябристов предложило поправку, предоставлявшую установление дней отдыха органам местного самоуправления с учетом религиозных и иных местных традиций. Но радикальное думское большинство (объединившиеся правые и левые, за исключением центра) вновь ее отклонило 179 голосами против 110 при 3 воздержавшихся⁴. Таким образом, в окончательной редакции закона, принятой Думой, интересы иноверческого населения не учитывались вовсе. Даже правительство было готово идти на большие уступки, нежели правое думское большинство. Но даже такая умеренность не помогла: законопроект застрял в верхней палате. Госсовет отверг все изменения, внесенные думцами, и основательно «переработал» министерский законопроект. Продолжительность рабочего дня была увеличена до 15 часов, в воскресные и праздничные дни разрешалась пятичасовая торговля. Фактически поправки членов Госсовета являлись ревизией не только законопроекта, но и отступлением от правил 15 ноября 1906 г. Поэтому протесты приказчиков различных городов были вполне естественным явлением. В частности, казанские торгово-промышленные служащие от имени 650 членов своей корпорации присоединились к общему протесту, отправив телеграммы министру торговли и промышленности, членам Государственной думы Е.П.Гегечкори, А.Булату, И.И.Покровскому, С.В.Дунаеву, членам Госсовета профессорам

Н.П.Загоскину и А.В.Васильеву. В своем обращении казанцы просили их всеми возможными средствами противодействовать подобным постановлениям сенаторов¹. В конце концов закон был принят правительством по 87-й статье ввиду его «спешности» в редакции временных правил 1906 г.²

Столь длительное затягивание решения проблемы на общеимперском уровне приводило к тому, что в стране продолжали действовать Правила от 15 ноября 1906 г. с внесенными поправками от 12 сентября 1907 г. А потому вопрос о праздничном и воскресном отдыхе фактически решался на региональном уровне, в результате взаимодействия местных органов самоуправления с областной администрацией. Такое положение имело как ряд преимуществ, так и негативные стороны. С одной стороны, местные власти в большей степени были знакомы с реальным положением дел. С другой стороны, оставалась возможность как для произвола местных властей, так и для кассирования их решений вышестоящими органами в случае чрезмерной радикальности и либеральности.

Например, в Казанской городской думе вопрос о праздничных днях разрабатывался весь думский период. На основании временного постановления от 15 ноября 1906 г. при Городской думе была образована специальная смешанная торговая комиссия для выработки проекта нового обязательного постановления взамен указа 1905 г. В нее вошли как хозяева-владельцы торговых предприятий, так и представители приказчиков, как мусульмане, так и в преобладающем количестве русские торговцы. В июне 1907 г. комиссия представила Городской думе свое заключение. Большинством голосов (31 против 11) члены комиссии постановили ограничить рабочий день десятью часами, включая и двухчасовой перерыв на принятие пищи. Исключение было сделано лишь для весенней ярмарочной торговли на Булаке. Касаясь вопроса о днях отдыха, комиссия, *«не желая нарушать спокойствие мусульманского населения, пришла к заключению, что подлежит установить для христианских торговцев празднование христианских праздников, а для магометан — праздники, установленные их религией»*³. В отношении торговцев других национальностей комиссия также высказалась за установление для них праздничного отдыха согласно их религиозным убеждениям. Заключение комиссии легло в основу довольно либерального постановления Казанской городской думы от 12 ноября 1908 г., официально устанавливавшего дни отдыха торговцев в зависимости от вероисповедной принадлежности. Это постановление *«как не соответствующее смыслу закона»* было отменено губернским присутствием 4 июня 1909 г. В силу отмены постановления Городской думы от 12 ноября 1908 г. и отсутствия принятого Государственной думой общеимперского закона, вопрос о днях отдыха вновь вернулся к исходной ситуации весны 1905 г. Единственным законным и официально действующим распоряжением местного органа самоуправления оставалось постановление 11 апреля 1905 г. Однако, запрещая воскресную торговлю, оно ущемляло интересы мусульман. А потому 15 мусульманских гласных во главе с М.Сайдашевым выступили с предложением о полной отмене и пересмотре существующих правил⁴. Одновременно в Городскую думу поступили ходатайства уполномоченных от владельцев бакалейно-мелочных лавок Казани аналогичного содержания с просьбой снять существующие ограничения как разорительные для мелких лавочников. Однозначным было и заключение городского юрисконсульта Токарева: отмена постановления 1908 г. является ударом по торговым интересам и религиозным правам мусульманских торговцев, а потому подлежит обжалованию. Гласные думы не могли полностью отменить правила 1905 г., но, пойдя навстречу мусульманам, решили не распространять их на мусульманских торговцев и торговцев мелочников. Вероятно, впоследствии именно это решение городской думы стало основанием для татарских торговцев открывать свои магазины и в воскресные дни. Однако уже в ноябре 1909 г. казанские издания высказывали сомнения, что данное думское постановление будет утверждено губернским присутствием и, следовательно, вряд ли примет силу закона⁵.

С этим мнением согласилось большинство гласных Городской думы, от имени которых городской голова С.Бекетов подал жалобы на решение губернского присутствия в Правительствующий сенат и Министерство внутренних дел (ноябрь 1909 г.). В жалобе казанские гласные указывали на непоследовательность губернской администрации, которая, отменив решение Казанской городской думы, утвердила аналогичные постановления чистопольского и арского городских обществ. Однако попытка главы городского самоуправления оспорить решение губернатора закончилась безуспешно. Постановление Правительствующего сената от 11 ноября 1911 г. гласило, что, устанавливая для торговых служащих магометанского вероисповедания особые праздники, Казанская городская дума нарушает основной принцип правил 1906 г. — принцип равенства возможностей, равенства условий для однородных отраслей и видов торговли, так как число христианских праздников превышает число праздников мусульманских. Более того, принцип равенства нарушается и потому, что в воскресные дни торговля более выгодна, а, следовательно, торговцы христиане ставятся в заведомо невыгодные условия⁶.

Таким образом, на общеимперском уровне (в рамках Государственной думы, например) ни правительство, ни правое думское большинство не желали идти на какие-либо уступки «инородцам», соглашаясь лишь на изъятие из общих правил на местном уровне, когда это будет «необходимо» по местным условиям. В то же время, затягивая с принятием общеимперского закона и передавая решение проблемы на региональный уровень, власти оставляли для себя возможность для ревизии или отмены чрес-

чур либеральных постановлений местных органов в случае несоответствия их правительственному курсу. Более того, позднее на основании упомянутого сенатского решения городские и губернские власти стали мотивировать свой отказ мусульманам тем, что не вольны нарушать указ вышестоящей инстанции. А русские торговцы также ссылались на данное сенатское постановление, призывали местную администрацию в лице казанского губернатора принимать более энергичные меры по запрету мусульманским купцам торговать по воскресным дням².

По мнению русскоязычной казанской прессы, для мусульман оставался единственный выход — поднять через своих депутатов в Думе вопрос о выработке особого законопроекта о праздничных днях и провести его через законодательные учреждения. Однако думское большинство, как показали думские дебаты 1909 — 1910 гг., отнюдь не было склонно учитывать пожелания и интересы нерусского купечества. С другой стороны, правительство не могло явно и открыто игнорировать мнение нерусского торгового класса, в том числе и мусульманского, составлявшего в стране значительную часть населения. Таким образом, решение вопроса центральной властью переводилось с уровня единого для всей страны общеимперского законодательства в сферу изъятия из общих правил, уступок в виде исключения на местном, региональном уровне. Фактически проблема перекладывалась на местные органы, а последние в свою очередь, вполне резонно учитывая преимущественное право общеимперских законов, апеллировали к решениям высших законодательных органов.

После того, как Городская дума получила разъяснение Сената об оставлении их жалобы без последствий, ею было принято решение об образовании новой смешанной комиссии для разработки нового проекта обязательного постановления. В октябре 1912 г. мусульманские торговцы и приказчики подали городскому голове прошение об отсрочке рассмотрения вопроса о торговле мусульманами в воскресные дни, об оставлении вопроса по существу открытым до издания соответствующих законов в законодательном порядке в Государственной думе¹.

Вероятно, ожидая рассмотрения вопроса общеимперским парламентом, а возможно, и несколько опасаясь поднимать столь трудноразрешимый вопрос, Казанская городская дума в течение 1912 — 1913 гг., несмотря на настойчивые рекомендации и напоминания со стороны губернской власти, постоянно откладывала рассмотрение вопроса о праздничном отдыхе. В это же время губернские полицейские власти стали более строго контролировать деятельность мусульманских торговцев, нарушающих временные постановления. За период 1909 — 1911 гг. было составлено более 1214 протоколов против нарушителей порядка, из которых 357 протоколов были направлены мировым судьям на обвинительное заключение. Из них только в 195 случаях мусульманские торговцы были приговорены к штрафам в размере от 30 копеек до 1 руб. В остальных случаях торговцы были оправданы². Конечно же, такие незначительные по сравнению с возможной прибылью штрафы не останавливали татарских торговцев, которые постоянно нарушали запрет на воскресную торговлю. В свою очередь, подобные действия мусульманских торговцев вызывали протесты русских купцов, которые нередко жаловались на татар, призывали городские и губернские власти положить конец подобной «несправедливости» и заставить татар «уважать» постановления властей.

Под настойчивым давлением со стороны губернской администрации, на рубеже 1913 — 1914 гг. вопрос о праздничном отдыхе был вновь включен в программу заседаний Городской думы. Обсуждение вопроса о праздничном отдыхе приказчиков происходило на заседании собрания от 8 января 1914 г. Этот же вопрос одновременно обсуждался на собрании мусульманских приказчиков, состоявшемся 3 января в помещении «Восточного клуба». Мнение мусульманских приказчиков было единодушным — работникам торговли должен быть предоставлен один выходной день в неделю и таковым должна стать пятница. За второй пункт проголосовало абсолютное большинство присутствовавших на собрании приказчиков (триста против двух). Примечательно, что когда социалист Г.Сайфутдинов попытался высказаться в пользу избрания воскресного дня (аргументируя это тем, что по воскресеньям проводятся собрания профсоюзов, посещение которых будет полезно для повышения сознательности мусульманских приказчиков), другие участники собрания не дали оратору возможности закончить свою речь¹. Не желая оказаться побитым возмущенными приказчиками, Г.Сайфутдинов был вынужден покинуть собрание раньше времени. На этом же собрании была избрана делегация из четырех представителей общества мусульманских приказчиков (во главе с кандидатом в Думу 4-го созыва Самигуллой Салиховым), которым предстояло изложить позицию мусульман на заседании Городской думы.

Среди русских торговцев и приказчиков разброс мнения был более значительным. Значительная их часть выступала за предоставление всем приказчикам без национального и вероисповедного различия одного выходного дня в неделю, приурочив его к воскресному дню. Противники выбора дня отдыха по индивидуальным мотивам высказывали сомнения в искренности позиции мусульманских торговцев, подозревая их лишь в желании извлечь дополнительную прибыль².

8 января Городская дума, учитывая заявление мусульманской группы, озвученное гласным С.Максудом, передала вопрос на более детальную разработку в юридическую комиссию¹. Юридическая комиссия вроде бы согласилась с пожеланиями гласных мусульман, пообещав им поддержать ходатайство об

изменении правил в смысле допущения исключений для мусульман, т.е. с предоставлением им права отдыха в мусульманские праздники. Однако, когда вопрос об отдыхе был вновь поставлен на обсуждение Городской думы (заседание от 20 мая 1914 г.), большинство гласных отвергло предложение С.Максуди об увязывании этого вопроса с возбуждением ходатайства в пользу мусульман. С возражениями против предложения С.Максуди выступили такие гласные, как П.П.Шмелев, Ф.В.Бытенин, И.С.Одинцов. В частности, адвокат С.А.Ушаков пояснил, что вопрос об изменении закона, каковым, по сути, является предложение мусульман, не может базироваться только на религиозных основаниях, а должно иметь серьезное экономическое обоснование. Мусульманам было дано обещание рассмотреть мусульманское ходатайство на одном из ближайших заседаний. Однако когда мусульманские гласные попытались включить в редакцию принимаемых статей тезис о применимости их в отношении лишь христиан, думское большинство вновь выступило против².

Вполне очевидно, что большинство гласных Городской думы хотели как можно скорее провести закон в общепринятой редакции, без учета мнения мусульманского населения, а обещания давались в надежде усыпить бдительность мусульманских гласных. Поэтому, заявив о невозможности для их совести присутствовать при обсуждении правил в подобной обстановке, девять гласных мусульман во главе с С.Максуди покинули заседание Городской думы.

В итоге Казанская городская дума издала обязательное постановление о воспрещении любой торговли в христианские праздники, вступавшее в силу с 15 июля 1914 г. В этом постановлении пожелания мусульманских торговцев не учитывались вовсе. Поэтому уже 28 июля казанские мусульмане подали жалобу на имя министра внутренних дел за подписью 278 мусульман³. Вероятнее всего, инициаторами составления данного протеста были бывшие депутаты Государственной думы С.-Г. Алкин и С.Максуди. Более того, инициаторы данного ходатайства в лице уполномоченного купца К.-Г.С. Кушаева для поддержки своей жалобы в правительственных кругах привлекли и действующих мусульманских депутатов. Уже 12 августа член мусульманской фракции Г.Х.Еникеев информировал К.-Г.С.Кушаева о том, что его жалоба принята к рассмотрению, а губернское начальство получило приказ приостановить исполнение постановления Городской думы вплоть до окончательного решения вопроса в правительстве⁴.

Протест казанских мусульман получил широкую огласку и уже 19 августа 1914 г. вопрос рассматривался в Совете министров. Министр внутренних дел Н.А.Маклаков высказался против удовлетворения ходатайства казанских мусульман, рассматривая его как часть общего вопроса о праздничных днях и привилегиях инородческой торговли. С мнением министра внутренних дел были солидарны также министр торговли и промышленности С.И.Тимашев, Н.Н.Анциферов и А.В.Кривошеин. В итоге было решено остановиться на компромиссном постановлении о разрешении всем торговцам — мусульманам и христианам — торговать в воскресенье в течение 5 часов на основании высочайшего повеления 1907 г.⁵ 9 сентября 1914 г. обязательное постановление аналогичного содержания издал и казанский губернатор, которое вскоре было оспорено Городской думой. В своей кассации сентябрьского постановления губернатора казанские гласные указывали на несоблюдение им формальностей, а потому считали действия губернатора неправомерными. Рассмотревшее жалобу членов Казанской городской думы Главное управление по делам местного хозяйства не посчитало основания для кассации достаточно убедительными, а потому решение губернатора было оставлено в силе (16 мая 1915 г.)⁶. Таким образом, вплоть до Февральской революции в Казанской губернии действовало временное постановление казанского губернатора от 9 сентября 1914 г., в основных своих положениях повторявшее общеимперские временные правила 1907 г.

Во всей этой ситуации вокруг полемики о дне отдыха, возникшей в 1914 г., примечательна позиция местных властей. Начальник жандармского управления давал очень простое объяснение активности мусульманского населения: не прошедший в Думу 4-го созыва С.Максуди начал терять свою былую популярность. Желая быть избранным в Думу 5-го созыва, он воспользовался удобным случаем и повел активную агитацию среди мусульманского населения по вопросу о праздничном отдыхе. Агитация среди «темного» мусульманского населения базировалась на тезисе о посягательстве властей на религиозные права мусульман, а вся проблема на самом деле выдумана и искусственна⁷.

Едва ли разумно сводить серьезную проблему лишь к действиям отдельных личностей, даже и ведомых амбициозными замыслами. Тем более вряд ли было бы логично начинать предвыборную кампанию более чем за три года до ее старта. Проблема была гораздо более серьезной и несравнимо более сложной для разрешения, чем могло показаться на первый взгляд. Вопрос о праздничных днях в поликонфессиональном обществе не мог быть сведен лишь к сугубо религиозной проблеме. Безусловно, затрагивались экономические интересы различных слоев торгового сословия, возникала неизбежная конкурентная борьба между торговцами разных национальностей и конфессий. Но и сводить все лишь к материальной выгоде было бы упрощением проблемы. В таком случае представители православной церкви не выступали бы столь категорично против разрешения торговли в дни христианских праздников, как они это делали с думской трибуны. Духовенство было всерьез обеспокоено массовыми случая-

ми уклонения православной паствы от посещения церквей в воскресные дни, фактами игнорирования со стороны населения духовных обязанностей в угоду решения бытовых проблем.

Для правительства, вторгшегося в эту сферу, которая прежде регулировалась стихийно (в частности, путем договора торговца и наемного работника), необходимо было иметь как минимум четкое осознание приоритетности экономического или же идеологического аспекта решения проблемы. А именно этого и не было. Возможно, этим и объяснялось настойчивое желание центральных властей «спустить» решение спорной проблемы на низовой уровень, «не поступившись принципами» на общеимперском уровне.

6. Борьба с пьянством и прочими общественными «язвами» в деятельности казанских депутатов

К вопросам, связанным с различными асоциальными явлениями (пьянством, азартными играми и пр.), депутаты Государственной думы впервые обратились лишь осенью 1907 г. В отличие от своих предшественников, депутатов предыдущих двух Дум, народные избранники периода «третьеиюньской монархии» считали возможным решение многих народных проблем без коренного обновления политической системы страны или же кардинального решения социальных проблем, а путем поднятия нравственности, повышения культурного уровня населения. Свою роль сыграло, вероятно, значительное представительство в третьей Думе православных священнослужителей, духовных пастырей народа, обеспокоенных падением народной нравственности, распространением асоциальных явлений. В «социальных язвах» — пьянстве и увлечении широких масс азартными играми — они видели корень многих проблем, основное зло. Поэтому в Думе 3-го созыва с первых же дней была образована комиссия по борьбе с пьянством.

Одними из наиболее активных и непримиримых борцов против пьянства среди казанских депутатов Думы 3-го созыва были И.В.Годнев, С.Д.Дунаев и В.А.Карякин. Последние двое входили в состав комиссии по борьбе с пьянством. В Думе 4-го созыва в комиссию народного здоровья вошли И.В.Годнев, И.А.Бажанов и Д.С.Теренин (4 — 5 сессии).

Именно эти депутаты чаще всего поднимались на думскую трибуну при обсуждении вопроса о пьянстве. В Думе 3-го созыва предложения комиссии по борьбе с пьянством начали обсуждаться еще в первую сессию (1907 — 1908). Доклад комиссии и большая речь непримиримого борца с алкоголизмом, самарского городского головы М.Д.Челышева открыли длительную дискуссию по данному вопросу. В этих прениях участвовали В.А.Карякин и И.В.Годнев.

Примечательно, что купец В.А.Карякин осуждал алкоголизм с нравственной позиции, что было вполне закономерно, учитывая его происхождение, религиозную принадлежность (он принадлежал к староверам-единоверцам) и жизненный путь (все свое огромное состояние казанский купец сумел «сколлотить» благодаря невероятной работоспособности и трезвому образу жизни). Двое других казанских депутатов — С.Д.Дунаев и И.В.Годнев — имели медицинское образование. Возможно, поэтому, выступая против алкоголизма, они чаще всего приводили аргументы медицинского и общественного характера. Наиболее радикальной была позиция И.В.Годнева. Основываясь на своем тридцатилетнем врачебном опыте, он предлагал бороться не только против явного проявления пьянства, но также запретить употребление вина в т.н. «умеренных и малых дозах».

Из числа казанских депутатов-мусульман против подобных асоциальных явлений выступали преимущественно Г.Еникеев и С.Максуд. Они обосновывали свою позицию тем, что пьянство противоречит религиозным убеждениям и предписаниям мусульман, а открытие пивных лавок и трактиров в населенных пунктах с мусульманским населением осуществляется вразрез с пожеланиями жителей этих местностей.

К вопросу о «пьяном бюджете» и мерах по борьбе с алкоголизмом населения депутаты обращались ежегодно во время обсуждения сметы доходов и расходов тех ведомств, которые были ответственны за регулирование акцизных сборов, развитие спиртовой промышленности и пр. (министерств финансов, торговли и промышленности). В частности, при обсуждении бюджета весной 1909 г. В.А.Карякин предлагал исключить некоторые запланированные суммы дохода, которые фактически направляются на развитие спиртовой промышленности, следовательно, и на дальнейшее спаивание населения.

Казанские депутаты поддерживали законодательные инициативы, направленные на некоторое ограничение размеров продажи спиртных напитков. 4 апреля 1908 г. большой группой депутатов (192 человек) был внесен законопроект «О сосредоточении мест продажи крепких напитков исключительно в городах». Проект подписали четверо казанских депутатов, из них оба мусульманина — Г.Х.Еникеев, И.В.Годнев, А.Л.Луниин и С.Н.Максудов. Проект был передан в комиссию о мерах по борьбе с пьянством, которая только через год, 29 мая 1909 г., внесла доклад о желательности данного законопроекта. Но, по обычаю, он так и остался лишь проектом. Другой законопроект на тему «пьяного» бюджета — «Об отмене некоторых статей Устава Акцизных сборов, касающихся выдачи премий в видах содействия частной спиртовой промышленности», внесенный в июне 1908 г., также был поддержан тремя казанскими депутатами — И.Соколовым, И.В.Годневым и А.Л.Луниным, но не был одобрен думским

большинством.

Более благоприятная судьба была у другой законодательной инициативы — «Об изменении и дополнении некоторых статей Свода Законов, т. V, изд. 1903 г., относительно продажи спиртных напитков», внесенной группой октябристов в декабре 1907 г. Законопроект был поддержан некоторыми казанскими октябристами — М.Я.Капустиним и священником Соколовым. Соответствующий законопроект под названием «Об изменении и дополнении некоторых статей Устава об акцизных сборах относительно продажи крепких напитков» был разработан также Министерством финансов, внесен на рассмотрение нижней палаты парламента и одобрен Думой через четыре года — в декабре 1911 г.

В ноябре 1911 г., при обсуждении проекта в Думе, выступил и представитель мусульманской фракции С.Максудин. В стремлении правительства открывать в мусульманских населенных пунктах казенные винные лавки С.Максудин видел прежде всего целенаправленные разрушающие действия властей против Ислама. Обсуждение законопроекта стала поводом для критики мусульманским депутатом всей правительственной политики в отношении населения, исповедующего Ислам. В угоду прибыли правительство идет не просто на нарушение принципов мусульманской веры, но и на разрушение старой, отличающейся *«трезвостью, патриархальностью, сравнительной нравственностью и меньшей преступностью»* жизни мусульманского населения. Вместо просвещения населения, открытия учебных заведений правительство пытается насаждать в мусульманских селениях кабаки и винные магазины, насильственно прививая мусульманской молодежи алкоголизм. Складывается впечатление, что единственным проявлением русской культуры в инородческой среде является государственная винная монополия. Более того, мусульмане обвинялись в том, что, мало потребляя спиртных напитков, недостаточно вносят в государственную казну косвенных налогов, а потому не имеют право на субсидии от казны своих учебных и культурно-просветительных учреждений.

К сравнению положения дел среди православного и мусульманского населения, невыгодного для христиан, прибегал в своих выступлениях и И.В.Годнев. Им была произнесена большая речь во время представления в качестве докладчика комиссии народного здоровья законопроекта Министерства финансов «Об изменении и дополнении некоторых статей уставов об акцизных сборах» (1916)². Сравнивая количество потребленного алкоголя в регионах страны с преимущественно мусульманским населением (от 1/2 бутылки в Дагестанской области до 2–3 бутылок в «татарских» уездах Казанской губернии) по сравнению с сугубо русскими районами (в среднем 13–16 бутылок на душу, включая младенцев и стариков), оратор приходил к неутешительным выводам. Русское население Казанской губернии выпивало алкогольных напитков в восемь раз больше, чем мусульманское. *«Вы видите»,* — продолжал далее оратор, — *«при одних и тех же условиях, в одном и том же климате, в одном и том же уезде живут люди, причем одни благодаря их религиозным верованиям трезвы; если же они постепенно приучаются к водке, то, я думаю, может быть, не мы ли виноваты в том, что расплодили кабаки и пивные лавки, коих прежде у них не было»*. Примечательно, что, будучи врачом, как и многие депутаты с медицинским образованием, И.В.Годнев говорил о вреде пьянства с медицинской точки зрения, связывая рост различных заболеваний с алкоголизмом.

Против народного пьянства депутаты высказывались не только при обсуждении соответствующих законопроектов, но и во время обсуждения принципов формирования государственного бюджета — «пьяного» бюджета. Таковы были, например, выступления того же И.В.Годнева по смете расходов Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей³.

Выступавшие с критикой антисоциальных явлений казанские депутаты не ограничивались лишь общеперской думской трибуной. Обращались они в местные органы самоуправления (Городскую думу, земские учреждения и пр.). В частности, в начале 1910 г. в качестве гласного Городской думы В.А.Карякин подал в управу предложение о принятии ею мер с целью борьбы с такими социальными «язвами», как увлечение азартными играми и алкоголем. По мнению казанского купца, увлечение лотереями распространено в основном среди низших слоев населения, развивая у людей лишь инстинкт азартных игр. Поэтому он предлагал ограничить свободное распространение лотерей, запретить использование под эти мероприятия здания таких общественных учреждений, как Городская дума и др. Более того, следовало вообще изгнать из всех торжественных мероприятий алкоголь. Критикуя распространенный обычай отмечать различные общественные торжества шампанским, Карякин предложил заменить его, при необходимости, фруктовой водой: *«Хотя поэт сказал, что «обычай деспот меж людей». Но пусть Казанская городская дума первая победит этого деспота»*⁴. Но данное предложение В.А.Карякина не нашло поддержки у казанских гласных.

С началом 1-й мировой войны проблема распространения алкоголизма вновь обострилась и принудила ее противников действовать более энергично. Осенью 1914 г. многочисленные органы местного самоуправления выступили за запрещение продажи спиртных напитков на период войны. В частности, в Казанской городской думе с подобным предложением выступил гласный И.В.Годнев, который внес предложение *«навсегда воспретить продажу напитков, содержащих алкоголь, в районе города»*. В пояснительной записке к ходатайству автор писал, что полное запрещение алкоголя и введение сухого

закона требует законодательных актов, на что нельзя рассчитывать в короткое время, тогда как частичное запрещение зависит исключительно от Министерства финансов и может быть решено быстро. Несмотря на протесты и опасения ряда гласных в том, что погибнут целые отрасли производства и торговли, Городская дума поддержала предложение Годнева и запретила продажу и распитие спиртных напитков в черте города. Правда, уже скоро финансовая комиссия стала высказывать серьезные опасения и недовольство, что запрет привел к расстройству городских доходов и повлек огромные убытки многочисленных торговцев и владельцев питейных заведений. В ноябре 1914 г. члены финансовой комиссии постановили рекомендовать гласным пересмотреть принятое ранее решение относительно *«запрещения навсегда в Казани торговли спиртными напитками и разрешить торговать виноградным вином и пивом из магазинов и пивных лавок на вынос, а распитие на месте лишь в клубных буфетах и в ресторанах 1-го разряда»*¹. В отношении торговли водкой и спиртом запрещение оставалось в силе. В начале 1915 г. И.В.Годнев внес в Городскую думу предложение об ассигновании дополнительных средств для осуществления мероприятий по поддержке и развитию культурных форм отдыха и развлечений.

Кроме проблемы «пьяного» бюджета (как общеимперского, так и губернского или городского), острие критики было направлено против азартных игр. Весной 1909 г. группой депутатов-октябристов был внесен законопроект «О запрещении тотализатора», поддержанный также И.В.Годневым. Уже 26 мая 1909 г. проект был передан в комиссию по направлению законодательных предположений по вопросу о желательности, а еще через два года пребывания в комиссии, 4 мая 1911 г. вопрос был вынесен на общее собрание Думы. Однако законопроект так и не был доработан до конца. Во время работы Думы 4-го созыва, уже в период 1-й мировой войны (29.08.1915) аналогичный законопроект под таким же названием был вновь инициирован группой правых депутатов. Среди поддержавших законопроект на этот раз из казанских депутатов был священник протоиерей А.В.Смирнов, а также депутат от Казанской губернии прежнего 3-го созыва Г.Х.Еникеев. И на этот раз законопроект не был рассмотрен.

Глава III

Отношение к правительственной политике в духовно-религиозной области и в сфере народного образования

В Российском парламенте дореволюционного созыва из разнообразных проблем, связанных с народным образованием в широком смысле этого слова, наиболее дебатруемыми стали следующие вопросы:

- министерские законопроекты по всеобщему начальному образованию;
- сметные расходы министерств народного просвещения и внутренних дел;
- положение и статус «инородческих школ»;
- положение и перспективы сохранения церковно-приходских школ;
- вопрос о реформе среднего и высшего образования.

В Думе 1-го созыва школьный вопрос с думской трибуны практически не поднимался, поскольку более насущными и болезненными для российского общества в то время были социальные (в первую очередь, аграрные) проблемы. Хотя в первом парламенте и была образована комиссия по народному образованию (а в ее составе подкомиссия по вопросам о школе инородческой и школах Царства Польского) под председательством А.Стаховича, реальных действий предпринято не было. Фактически вопросы народного образования стали всерьез обсуждаться с думской трибуны лишь с весны 1907 г. Поскольку правительство под руководством П.А.Столыпина объявило вопросы народного образования, особенно такой ее аспект, как введение в стране всеобщего начального образования, приоритетным направлением правительственного курса, то вполне логичным стал большой пакет министерских законопроектов, подготовленных правительством к началу работы Думы 2-го созыва. В дальнейшем работа депутатов была сосредоточена вокруг проработки и обсуждения правительственных проектов. В тех случаях, когда правительство отказывалось брать на себя разработку законопроекта по тем или иным частным вопросам, касающимся сферы образования, депутаты выступали с собственными законодательными инициативами. Хотя эти инициативы, как и многие другие думские проекты, большей частью так и не были реализованы, их характер отражает общую ситуацию в стране, преобладающее в обществе отношение к вопросам народного образования.

Для казанских депутатов в Думах различных созывов проблемы народного образования являлись одними из самых актуальных вопросов российской действительности. Однако при их обсуждении в позиции и практической деятельности казанских депутатов можно проследить определенные различия и нюансы, обусловленные рядом обстоятельств. Среди этих факторов значительную роль играли национальная и вероисповедная принадлежность того или иного депутата, его общественная позиция или же характер профессиональной деятельности. Наверное, не случайно, что татарских депутатов С.Максуди

и Г.Х.Еникеева в первую очередь волновали судьба и будущее «инородческого» образования. Для земцев А.Н.Боратынского и И.В.Годнева приоритетной была программа введения всеобщего начального образования (в том числе и для нерусского населения). Наконец, в выступлениях профессоров М.Я.Капустина и А.В.Смирнова чаще звучали темы, связанные с положением высшей школы.

1. Проекты введения всеобщего начального образования в контексте обсуждения проблем инородческого образования

Вопрос об инородческом образовании оказался в центре внимания государственных властей в 60-х гг. XIX столетия. Инициатором этого поворота в отношении инородцев Волго-Уральского региона стал казанский исламовед и миссионер Н.И.Ильминский. Созданные правительством совещания завершились принятием 26 ноября 1870 г. «Правил» о русско-инородческой школе. В них впервые были комплексно сформулированы положения о патриотическом и воспитательном значении государственной школы, о возможности допуска в инородческое начальное образование родного языка в качестве инструмента для приобщения инородцев к русской школе, наконец, о создании классов русского языка при мусульманских конфессиональных школах.

Массовые протесты мусульманского населения, особенно участвовавшие в начале XX столетия, вынудили власть созвать в мае 1905 г. «Особое совещание по вопросам образования восточных инородцев» под председательством профессора А.С.Будиловича. В целом совещание признало принципы, заложенные в правилах 1870 г., правильными для организации народного образования у инородцев. Но определенные коррективы были внесены. В измененном виде новые правила были одобрены 31 марта 1906 г. Практически сразу же они вызвали новый шквал протестов со стороны мусульман, усматривавших в них инструмент русификаторской политики. Впрочем, все протесты мусульман отклонялись как «агитация» или происки казанских татар, возглавляемых фанатичным духовенством. Возражения мусульман, что эти протесты суть естественной озабоченности народа сохранением своей культурной и языковой идентичности, как правило, не воспринимались и отменялись как обычная риторика, призванная скрыть истинное положение дел. В таком противостоянии мусульманской общественности и традиционной власти начал свою работу российский парламент.

Как было уже отмечено, вследствие короткого срока, отпущенного властью Думе 1-го созыва, перводумцы не успели подойти к рассмотрению вопросов народного образования. К Думе 2-го созыва и правительство, и депутаты оказались подготовлены намного лучше, чем к 1-й. Базовые принципы правительственной политики были сформулированы в декларации, оглашенной премьер-министром П.А.Столыпиным в первые же дни работы Думы. Говоря о реформах системы народного образования, глава правительства отметил, что кабинет министров осознает всю бесплодность усилий по поднятию экономического благосостояния населения *«пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни»*.

Не пришли в Думу с пустыми руками и депутаты. 18 и 22 мая по инициативе большой группы депутатов, преимущественно социалистов, было внесено два проекта, касавшихся народного образования — «Проект временных правил по народному образованию» и «Проект основных положений государственного органического закона по народному образованию». Оба проекта были поддержаны казанскими депутатами: первый подписали А.Федоров, С.Максудов, Г.Мусин, Г.Петрухин и М.Батуров, а под вторым стояли почти те же самые подписи, за исключением подписей мусульманских депутатов. Оба проекта были переданы в думскую комиссию по народному образованию, где и пролежали до Третьеиюньского переворота.

Одновременно члены мусульманской фракции усиленно работали над собственным законопроектом, затрагивавшим интересы многонационального населения Поволжского региона. В 20-х числах мая 1907 г. по инициативе мусульманской фракции было внесено законодательное предположение «Об изменениях правил 31 марта 1906 г. о начальных училищах для инородцев», подписанное 31 мусульманином, в том числе тремя депутатами, избранными татарами Казанской губернии — С.Максуди, Г.Мусиным и С.Максютковым. Проект опирался на многочисленные приговоры мусульманских обществ и ходатайства мусульманского населения, поступавшие в 1905—1906 гг. в правительственные учреждения, а с началом работы парламента и в адрес мусульманской фракции. Основным его положением стала отмена правил 1906 г. как преследующих цель исключительного распространения среди инородцев русского языка и игнорирующих истинные нужды народа. Вследствие недолгой работы Думы 2-го созыва этот мусульманский проект также не был вынесен на общее рассмотрение нижней палаты Российского парламента и остался лежать среди бумаг профильной думской комиссии.

В период работы Думы 2-го созыва школьный вопрос с общедумской трибуны дебатировался дважды — 4 и 15 мая 1907 г. 4 мая депутаты обратились к школьному вопросу в связи с выступлением министра народного просвещения и баллотировкой членов комиссии по народному образованию. В этом заседании казанские депутаты не выступали. В последующих прениях о всеобщем народном образовании, состоявшихся 15 мая, участвовали казанские депутаты М.Я.Капустин и С.Максуди. Профессор

Капустин заявил о том, что до открытия общедумских прений по вопросу более целесообразно передать все материалы и законопроекты о народном образовании в специально образованную комиссию. Именно эта комиссия должна беспристрастно рассмотреть все законопроекты и выработать общие принципы реформирования народной школы. Весьма важный вопрос заключается и в том, каковы должны быть роль и функции государства и органов местного самоуправления. По мнению М.Я.Капустина, опыт истекших десятилетий показывает, что начальное образование должно быть передано в руки органов местного самоуправления, тогда как обеспечение нужд высшего образования, задача содействия науке и искусству должны быть возложены на государственные органы. Среднее же образование или должно находиться в ведении государства, или же быть самостоятельной сферой при значительной поддержке и помощи со стороны государства. В целом государство должно стремиться, чтобы школа была единая и преемственная, чтобы переход от одной ступени к другой был легким, непрерывным и доступным. Всяческое содействие народной школе — вот основная забота государства, — утверждал М.Я.Капустин.

В выступлении другого казанского депутата С.Максуды были затронуты иные аспекты проблемы. Мусульманский депутат выступал с изложением позиции мусульманского населения, его представлений о том, на каких принципах должна строиться работа Думы по вопросу о народном образовании. Основным объектом критики казанского депутата стала государственная политика в области образования нерусского населения, как не соответствующая нуждам и запросам мусульманских подданных. От имени многомиллионного мусульманского населения страны (а не только от имени казанских татар) С.Максуда настаивал на том, что русская империя — разнородная страна, а потому государство не должно разрушать культуру, традиции и языки своих подданных. Правительство, по словам депутата, не русский язык старается распространить, а стремится уничтожить родные наречия нерусских народностей. Выработывая законопроект о всеобщем обучении, депутаты, по мнению С.Максуды, не должны игнорировать нужды и потребности мусульман, составляющих 12 процентов населения страны, имеющих свои языки (наречия), свою письменную и литературную традицию. Стремление обязать все эти народности преподавать в начальных школах на русском языке является не только нецелесообразным, но фактически и неосуществимым. Первоначальное образование должно вестись на родном языке — таковым было одно из главных требований мусульманского депутата. Выступление С.Максуды стало одним из последних в состоявшихся прениях. После речей нескольких депутатов прения были временно прекращены принятием решения об утверждении специальной комиссии по народному образованию в составе 55 человек. Фактически, больше Дума 2-го созыва к вопросу о народном образовании не возвращалась.

В междумский период вопрос этот не потерял своей актуальности. Несмотря на то, что публично все протесты мусульман оценивались как наглые претензии, инициированные казанскими татарами, тем не менее осенью 1907 г. правительство было вынуждено в поисках компромисса пойти на созыв нового совещания. Совещание представителей министерств народного просвещения и внутренних дел с участием ряда мусульманских представителей по вопросу о русско-инородческих школах проходило с 27 сентября по 15 октября 1907 г. под председательством П.М.фон Кауфмана. С учетом рекомендаций участников совещания, 1 ноября 1907 г. были высочайше утверждены новые «Правила о начальных училищах для инородцев Казанского, Оренбургского, Одесского, Кавказского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского округов». Измененные правила гласили, что инородческие начальные школы должны, с одной стороны, содействовать нравственному и умственному развитию инородцев, а с другой — распространять среди них русский язык. Родной язык допускался в первые два года обучения и рассматривался как орудие первоначального обучения. Утвержденные правила рассматривались лишь как временные, до принятия Думой соответствующих законов.

С началом работы третьего по счету российского парламента (ноябрь 1907 г.) Министерством народного просвещения в Думу был внесен целый пакет законопроектов, среди которых наиболее важными были проекты «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», «О начальных училищах» и «О высших начальных училищах». Из них в дофевральский период только последний проект получил силу закона. Первые два утвержденных Думой законопроекта были отклонены верхней палатой законодательного собрания и остались лежать среди бумаг согласительных комиссий. Таким образом, общий итог законотворческой деятельности совместных усилий законодательных органов — Думы и Госсовета — был весьма скромным. Куда скромнее, чем практическая деятельность правительства и усилия общественности в лице земств. Тем не менее эволюция министерских законопроектов в процессе рассмотрения в думских комиссиях, ход обсуждения в Думе и позиция казанских депутатов — все эти вопросы заслуживают внимания исследователей. Они весьма показательны для анализа состояния проблем народного образования в Волго-Уральском регионе.

Среди целого пакета законопроектов, касавшихся вопросов народного образования на всех его ступенях, самым острым стало обсуждение проекта «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». Как уже было отмечено, данный законопроект был ключевым в программе модер-

низации страны, разработанной и осуществляемой правительством П.А.Столыпина. И среди депутатов не было ни одного, выступавшего принципиально против всеобщего начального образования. Но это отнюдь не означало, что проект ожидало быстрое утверждение. Когда речь шла о принципах и содержании народного образования, мнения депутатских групп расходились кардинально. Депутаты спорили о том, что из себя представляет государственная школа, каковы должны быть программа и продолжительность обучения в начальной школе, из кого должен состоять педагогический персонал, каковы функции и полномочия родительских комитетов и общественности в целом. Одним из наиболее дебатированных стал вопрос о государственной школе (т.е. школе, финансируемой казной) для нерусского населения империи. Именно по вопросу об «инородческой школе» возникали самые ожесточенные и продолжительные споры, отвергались уже одобренные большинством варианты документов. В конечном счете принятые депутатами законопроекты так и остались всего лишь проектами. В вопросе об инородческой школе наиболее дискутируемыми были вопросы о языке преподавания, о продолжительности обучения, о программе, о преподавательском составе, о государственных субсидиях и, наконец, о народностях, за которыми допускается право преподавания на родном языке и пр. При обсуждении этих вопросов было высказано много различных мнений, как взаимоисключающих, так и занимающих некое промежуточное положение. Все депутаты рассуждали об интересах государства, но каждый из них понимал эти интересы по-своему. Иногда это понимание расходилось настолько кардинально, что, казалось, речь шла о гражданах разных стран.

В то же время можно отметить следующую тенденцию. Поскольку в имперской России речь о родном языке в качестве языка обучения могла идти лишь в отношении начальной школы, наибольшую активность при обсуждении законопроекта «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» продемонстрировали именно нерусские депутаты, а также православные депутаты, избранные от регионов со смешанным населением. Но если взгляды нерусских депутатов по данной проблеме были в целом схожи, то поведение русских депутатов, избранных от западных окраин или же из «внутренних губерний» со значительным инородческим населением различалось очень существенно. Последние, в их числе и казанские депутаты с вполне умеренными политическими взглядами, проявляли гораздо большую терпимость, нежели их западные соотечественники.

Министерские проекты должны были предварительно рассматриваться в соответствующих комиссиях (по народному образованию и бюджетной). Лишь затем они выносились на общедумское суждение. Поэтому первое слово было за профильной комиссией. Комиссия по народному образованию была утверждена в третьей Думе 10 ноября 1907 г. в составе 55 депутатов. Ее состав отражал расклад партийных сил в Думе. Председателем комиссии был избран октябрист В.К.фон Анреп. Мусульман представлял Г.Х.Еникеев. Кроме того, в комиссию входили и активно в ней работали Н.А.Боратынский, И.В.Годнев и М.Я.Капустин. Последний даже возглавил подкомиссию по вопросам инородческой школы. Рассмотрение правительственного законопроекта о начальном образовании в комиссии по народному образованию было начато в ноябре 1907 г. и завершилось только весной 1910 г. Обсуждение затянулось, поскольку Министерство народного просвещения представило свой проект «Положения о начальных училищах» лишь весной 1909 г. Следовательно, между правительственной декларацией и реальным внесением министерских законопроектов в комиссию образовался довольно длительный временной зазор, в результате чего депутаты долго не могли начать плодотворную работу над таким важным законопроектом. Чтобы не терять времени попусту, еще до внесения министерского проекта данный вопрос стал рассматриваться в особом совещании по всеобщему обучению, возглавляемом председателем комиссии В.К. фон Анрепом (осень 1908 г.).¹

Затем, когда министерский вариант «Положения о начальных училищах» все же был представлен на рассмотрение комиссии (апрель 1909 г.), потребовалось его согласовать с уже принятыми ранее решениями совещания. Оказалось, что думское совещание и министерский проект расходились по многим пунктам, в том числе и по вопросу о языке обучения. В ходе дебатов по согласованию решения совещания с министерским проектом большинство членов совещания высказалось за оставление в силе министерской редакции статьи о языке преподавания. Согласно правительственной редакции, языком обучения повсеместно объявлялся русский язык. Для местностей со смешанным населением допускалось использование природного языка в течение первого и, при необходимости, второго года обучения для детей, не владеющих русским языком. При обсуждении этого вопроса в общем заседании комиссии народного образования голоса вновь раскололись. В частности, если правое большинство комиссии было согласно на министерский вариант, то оппозиционная часть устами Г.Х.Еникеева и польских депутатов настаивала на варианте, принятом ранее совещанием как в большей степени учитывающем особенности различных местностей. Дискуссии в комиссии показали необходимость создания нового специального совещания по выработке положения об инородческой школе.¹

Второе совещание было образовано весной 1909 г., во вторую думскую сессию, но работало в основном с октября 1909 по март 1910 гг. Совещание по инородческой школе возглавлялось левым октябристом Д.А.Леоновым. От мусульман в его состав входил Г.Х.Еникеев. Думается, что следует под-

робнее остановиться на работе этого совещания, поскольку его заседания носили в целом деловой характер. В отличие от общих думских заседаний, в комиссиях и совещаниях было меньше общих выступлений, апеллировавших не к разуму и логике, а к чувствам и эмоциям. Такова была специфика думской деятельности. В то же время выступления Г.Х.Еникеева были весьма важны, так как позволяют оценить позицию мусульманских депутатов по такому принципиальному вопросу, как народное образование.

Оппозиционные депутаты, в том числе и мусульмане, не имели союзников в кругах высшей бюрократии, а потому могли опираться лишь на поддержку общественности и к ней апеллировать. А потому предложения Г.Х.Еникеева можно рассматривать как выражение взглядов мусульманской общественности на будущее национальной школы. Более того, будучи представителем Волго-Уральских мусульман (татар и башкир), в своих действиях Г.Еникеев выступал как защитник интересов всех мусульман империи. И в каждой конкретной ситуации он предлагал такие варианты, которые могли бы удовлетворить интересы максимально широкого числа мусульман с учетом этнических и региональных особенностей.

Итак, какова же была позиция мусульманского представителя по обозначенным вопросам. Прежде всего Г.Х.Еникеев полагал, что при составлении учебных программ для мусульманских школ, определении объема и перечня предметов министерству следует учитывать мнение мусульманских духовных правлений (примечание к ст. 12 отклонено большинством комиссии: 32 голосами против 8). Также была отклонена поправка Г.Х.Еникеева (31 против 9) об участии мусульманских духовных правлений при составлении программы испытательных экзаменов для учителей мусульманских школ. Не было поддержано совещанием и предложение мусульманского депутата об увеличении с учетом усложнения восприятия детьми материала на не родном языке срока обучения в иноязычных школах с 4-х до 5-ти или даже до 6-ти лет.

Самым дискутируемым стал вопрос о языке преподавания. Именно в этом вопросе сталкивались основные взгляды на то, каковы должны быть функция и роль государственной иноязычной школы. Правые полагали, что государственная школа должна защищать интересы государства, а следовательно, максимально обеспечивать возможности изучения русского языка и привития русской гражданственности. Потому правыми допускалось преподавание на родном языке вероучения и самого природного языка (некоторые полагали и это лишним). Учителями должны быть только русские, знающие природный язык детей (Д.Ф.Машкевич). Мнение оппозиции было выражено в выступлениях Г.Х.Еникеева, О.А.Бракмана, прогрессиста А.М.Масленникова. Они полагали, что главная цель начальной школы в том, чтобы дать учащимся известную сумму знаний и содействовать общему их развитию, а достижение этой цели возможно лишь при условии преподавания на природном языке учащихся. Более того, саратовский депутат А.М.Масленников находил, что национальностям, входящим в состав государства, должна быть предоставлена полная возможность самостоятельного развития. Правительство не должно стремиться к обезличиванию их путем русификации. Если государство действительно желает ввести всеобщее начальное обучение, то для этого следует поставить начальную школу в такие условия, при которых иноязычное население желало бы посылать в нее своих детей. Об этом же говорил и Г.Х.Еникеев: отсутствие принудительности в изучении русского языка не будет развивать племенную ненависть и создаст возможность мирных отношений между разными народностями, что и составляет задачу государства. После довольно длительной дискуссии была принята статья в редакции Д.А.Леонова о том, что *«преподавание на природном языке учащихся в иноязычных школах вообще допускается»*, а чуть позднее был определен срок, в рамках которого допускалось использование родного языка — в течение всех четырех лет обучения¹.

После того, как был решен вопрос о принципиальной допустимости иноязычных языков, встала следующая проблема о том, какие из народностей могут быть признаны достойными этого права. Одним из критериев было названо наличие у народности письменности и литературы (предложение Д.А.Леонова). Г.Х.Еникеев настаивал на том, чтобы ограничиться лишь наличием письменности. Но большинством голосов (девять против одного голоса мусульманского депутата при двух воздержавшихся) было принято предложение Д.А.Леонова. Следующим пунктом встал вопрос о том, на какие местности должно распространяться действие положения о природном языке. По предложению Е.П.Ковалевского, было принято решение об ограничении преподавания на родном языке лишь уездами, в которых иноязыцы составляли бы свыше 50%. За данную норму проголосовало семеро членов совещания, против были трое — Г.Х.Еникеев, П.В.Березовский и В.К.Тычинин². Правда, мотивы у мусульманского депутата и двух его политических оппонентов из правого лагеря были различными. Вполне понятно, почему Г.Х.Еникеев оказался среди противников этого предложения. Оно было неприемлемо для татар Казанской губернии, также как и для мусульман большинства губерний Волго-Уральского региона (не говоря уже о Европейской части России и Сибири), где татары составляли обычно меньше половины населения уездов. Таким образом, эта поправка практически перечеркивала все усилия депутатов в отношении иноязыцев «внутренних губерний» России, для которых и предназ-

начались правила.

Практически единогласно было решено распространить правила об инородческой школе на Европейскую часть России. Большинством (5 против 3) была принята норма, по которой правила должны были также затронуть Западную Сибирь и не должны были касаться Восточной Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Последнее обстоятельство не удовлетворило Г.Х.Еникеева, посчитавшего несправедливым лишать мусульман Средней Азии права иметь государственные школы на природном языке учащихся.

Дискуссия разгорелась и вокруг вопроса о том, как именовать языки, на которых говорят различные мусульманские народности. Г.Х.Еникеев утверждал, что нет ни татарского, ни турецкого языка, а есть единый тюркский язык, который состоит из многочисленных наречий — татарского, киргизского, башкирского, азербайджанского. Г.Х.Еникеев настаивал на том, чтобы в правилах данные языки были записаны под общим названием «тюркский язык». Такая позиция мусульманского депутата объясняется тем, что она позволяла автоматически включить в число народностей, имеющих право претендовать на государственную школу с природным языком преподавания максимальное число тюркских народностей страны. Если же это предложение будет отвергнуто членами совещания, то наряду с татарским, по мнению Еникеева, в законе следует перечислить, по меньшей мере, такие «наречия», как азербайджанский, башкирский и киргизский. Но и это предложение мусульманского депутата было отвергнуто. В итоговой редакции проекта закона были записаны следующие языки, на которых допускалось преподавание в начальной инородческой государственной школе: польский, литовский, немецкий, татарский, эстонский, латышский, армянский, грузинский. Возможность расширения списка такими языками, как осетинский, азербайджанский, башкирский, киргизский и украинский, была отвергнута большинством участников совещания.

К началу 1910 г. совещание закончило рассмотрение правил об инородческой школе. Тяжелые и длительные дискуссии закончились принятием компромиссного варианта правил, которым мало кто был доволен. Правые его не принимали по принципиальным соображениям. Примечательно, что все правые, наиболее яростно выступавшие против каких-либо уступок инородцам, представляли западные окраины страны. Не доволен был и представитель мусульманской фракции. Обсуждение правил показало, что все предложения Г.Х.Еникеева отвергались большинством членов комиссии, а итоговый проект правил не учитывал интересы мусульман различных регионов страны. Поэтому Г.Х.Еникеевым была подготовлена и представлена альтернативная редакция ряда статей (из 37 пунктов) правил применительно к мусульманскому населению и приемлемая мусульманами. Но проект Г.Х.Еникеева был отклонен. Наконец, не был доволен составленными правилами и основной докладчик Е.П. Ковалевский, который согласился представлять их лишь при условии, что ему будет позволено выразить свое особое мнение.

21 января 1910 г. решения совещания были представлены на итоговое заключение комиссии по народному образованию. Как выразился при обсуждении вопроса в комиссии профессор М.Я.Капустин основная цель совещания — примирить разные стороны — так и не была достигнута: проектом никто не был доволен. И это недовольство выразилось в том, что при обсуждении решений совещания в комиссии вновь возобновились старые дискуссии о цели и сути государственной школы и пр. Рядом депутатов было высказано предложение вовсе отвергнуть все наработки совещания и вернуться к министерскому законопроекту в надежде на то, что *«сама жизнь и внимательное отношение к интересам всех народностей укажут в скором времени тот путь, на который должно будет стать законодательство»* (М.Я.Капустин, отчасти его поддержал А.Н.Боратынский). Но такая позиция напоминала действия страуса, пытающегося привычным для себя способом избежать опасности. Народное образование не является такой сферой человеческой деятельности, где бездействие плодотворно. С критикой правил в редакции совещания выступил и представитель министерства. В итоге при голосовании 21 голосом против 14 комиссия отвергла переход к постатейному обсуждению правил, поручив составление новой редакции правил тому же совещанию, что выработало и прежний вариант. Таким образом, к концу 3-й сессии (начало лето 1910 г.) все, что с таким трудом было наработано членами двух совещаний и комиссии по народному образованию, оказалось в «мусорной» корзине. А к началу обсуждения министерских проектов в общем заседании Думы все достигнутые ранее соглашения по инородческой школе оказались отвергнутыми. Таков длительный, болезненный и, в конечном счете, безрезультатный итог деятельности комиссии и его совещаний по вопросам инородческого образования, который весьма красноречиво характеризует малопродуктивную деятельность российского парламента.

В газетных статьях Г.Х.Еникеева периода весенней сессии 1910 г., являвшихся своего рода отчетами мусульманского члена комиссии по народному образованию, была подробно описана деятельность комиссии, освещались те споры, которые сопровождали постатейное рассмотрение проекта, особенно в вопросе о языке обучения. Именно ходом обсуждения вопроса в совещаниях и комиссии объясняется тон газетных публикаций Г.Х.Еникеева. В них он выражал обиду на своих коллег депутатов, «обманувших» его, пообещавших рассмотреть вопрос об инородческой школе и принять его в качестве отдель-

ного проекта, но не сдержавших своего обещания².

Поэтому для депутатов, представлявших в Думе интересы нерусского населения, единственная возможность заявить о своих притязаниях и вновь поднять проблему инородческого образования оставалась при обсуждении министерского проекта в общем заседании Думы. Обсуждение одобренного комиссией законопроекта началось 23 октября 1910 г. и растянулось на несколько дней (29 октября и 2 ноября). Первоначально предполагалось обсуждать проект правил о начальных училищах без отвергнутой комиссией части, касавшейся школ для «инородческого» населения. Однако в ходе дебатов выяснилось, что эту проблему не обойти. Более того, самыми острыми и непримиримыми вновь стали прения по вопросу о языке преподавания. Поэтому в речах представителей национальных групп были собраны все возможные аргументы в пользу допущения в начальные школы родного языка детей. Во время постатейного обсуждения проекта было внесено большое количество поправок. В их числе октябристами была внесена норма о языке преподавания в той редакции, которая была ранее принята совещанием — т.е. разрешавшая использовать родной язык в течение первых двух лет, а для девяти народностей, имеющих свою письменность и литературу — в течение четырех лет. Кадеты в блоке с прогрессистами и мусульманами настаивали на поправке, разрешающей преподавание на родном языке всем народностям, имеющим свою письменность. Однако их поправка, как и более радикальные предложения левых групп, были отвергнуты. В конце концов 190 голосами против 123 была принята поправка октябристов. Более того, в утвержденной депутатами редакции проекта, в отличие от решений совещания, введение родного языка не увязывалось с определенным процентом данной народности в уезде или губернии. На должность учителей в начальных школах могли избираться русские подданные христианского вероисповедания. Эта норма стала уступкой правым депутатам. Но она порождала изначально конфликтную ситуацию, поскольку государственная школа с «чужими» педагогами воспринималась бы инородцами как чужеродное явление, насаждаемое с целью русификации населения.

Другим относительным успехом умеренных и оппозиционных сил в Думе можно рассматривать возврат к обсуждению правил об инородческой школе: такое решение было принято при поименном голосовании 190 голосами против 157 при 4-х воздержавшихся. При постатейном обсуждении проекта правил об инородческой школе прошла поправка Г.Х.Еникеева, в соответствии с которой из правил убиралось перечисление народностей, а право на начальную школу с родным языком обучения давалось всем народностям, имеющим письменность.

Выступления мусульманских представителей — Г.Х.Еникеева и С.Максудова — с думской трибуны, их настойчивость и аргументы за включение в проект пункта о родном языке обучения в начальной школе подробно освещались всеми татарскими газетами. Особенно охотно предоставляли им свои полосы казанские газеты «Баянелхак» и «Юлдуз». В частности, в газете «Баянелхак» была помещена телеграмма, присланная Г.Х.Еникеевым и С.Максудовым. В ней сообщалось об успешном завершении обсуждения законопроекта. Телеграмма заканчивалась радостной новостью, что пункт о допустимости преподавания на родном языке все же включен в принятый Думой законопроект.

Обсуждение законопроекта о начальном образовании продемонстрировало возможности союза представителей национальных групп и либеральных думских кругов, реальность достижения ими успеха. Именно объединенные и настойчивые усилия членов национальных групп привели к принятию Думой законопроекта, признающего для письменных народностей России (в том числе и татарского) родной язык в качестве основного языка преподавания в начальной 4-классной школе. Впрочем, ряд наблюдателей отмечали, что при голосовании правые и националисты самоустранялись, чтобы таким образом довести «левизну» проектов до таких размеров, при которых любое соглашение верхней и нижней палат было бы немыслимым. Сразу же после голосования, Марков 2-й заявил, что принятый законопроект «отправлен в сорную корзину»¹. Его прогноз оказался верен. Проект правил «О начальных училищах» не был принят верхней палатой. Члены Госсовета отвергли все поправки, внесенные думцами. Особенно они были настроены против национальной школы, целиком убрав из проекта правил ту часть, которая регламентировала учебное дело в местностях с нерусским населением. Были исключены также поправки, позволяющие преподавание на родном языке. А предложенная сенаторами формулировка соответствующей статьи была еще более куцей, нежели даже министерская редакция. В конце концов, после всех насильственных манипуляций над законопроектом, он был передан в согласительную комиссию без всяких надежд на его принятие. Также Госсоветом в заседании 5 июня 1912 г. был отклонен принятый в думской редакции законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи»².

Неудача с прохождением через законодательные палаты общеимперских законов о всеобщем начальном образовании имела негативные последствия для расширения в стране сети учебных заведений (прежде всего в плане финансирования этого процесса). Однако законодательные бреши, несмотря на негативные последствия, не могли заставить правительство и общественность на местах свернуть начатый процесс просвещения народных масс. Поэтому во время обсуждения государственного бюджета депутаты, жестко критикуя действия властей, прежде всего Министерства народного просвещения

(МНПр.), тем не менее неизменно одобряли смету ведомства, ответственного за народное просвещение. Критикуя центральное правительство на словах, депутаты всячески поддерживали рублем усилия исполнительной власти в этом направлении.

С другой стороны, депутатам, имевшим до переезда в столицу значительный опыт общественной деятельности, опыт работы в органах местного самоуправления, весьма важной представлялась поддержка в Думе усилий местных земств в деле народного образования. Да и сами земства, как и городские управы, прибегали к помощи депутатов в решении различных проблем. Например, весной 1910 г. Казанская городская управа обратилась к членам Государственной думы И.В.Годневу, В.А.Карякину, М.Я.Капустину и А.Н.Боратынскому с письменной просьбой лично поддержать перед министром народного просвещения ходатайство города о ссуде и субсидии на введение в Казани всеобщего образования¹.

Следует сказать, что традиционно земства Казанской губернии уделяли большое внимание введению всеобщего начального образования, в том числе и среди местного нерусского населения. И ведущую роль в этом играли земские гласные, бывшие или действующие депутаты Государственной думы — А.Н.Боратынский, И.В.Годнев, В.А.Карякин и т.д. В качестве одного типичного, но отнюдь не единичного примера усилий земств по расширению сети начальных учебных заведений среди населения губернии, вне зависимости от национальной или вероисповедной его принадлежности, можно упомянуть заседание училищной комиссии Казанского уездного земства, состоявшееся 10 и 11 января 1912 г.² На данное заседание были приглашены представители мусульманской общественности как светской (преимущественно гласные Городской думы), так и духовной (муллы) общей численностью 31 человек. С пространной речью перед ними выступил председатель уездного земства А.Н.Боратынский, попытавшийся рассеять сомнения татар в искренности намерений земства. А.Н.Боратынский, проживший длительное время среди мусульманского населения, отвергал все опасения русской общественности и правящих кругов в сепаратистских устремлениях татар. В то же время он, безусловно, отрицал и тайные планы и замыслы посягнуть на татарскую национальность, их религиозные убеждения и культурную самобытность. Оратор подчеркивал тот факт, что образованные татары осознают важность просвещения и поэтому, как правило, выступают в поддержку усилий земств по расширению сети образовательных учреждений. Представители мусульманской общественности (гласные Городской думы Б.Апанаев, М.А. Сайдашев, Ш.-Г.Иманаев, муллы С.Иманкулов, К.Тарджеманов и Ф.Мухутдинов и др.) в принципе не возражали против открытия земствами русско-татарских школ. Однако они полагали, что проектируемые школы будут иметь поддержку среди мусульман лишь при соблюдении некоторых условий: преподавание в первых двух классах на родном татарском языке, четырехклассный срок обучения, включение в программу обучения предметов мусульманского вероучения. Участники совещания — мусульмане — также предлагали заменить в программе русско-татарских школ предмет пение чтением Корана, преподавание вероучения поручить муллам или под их ответственность мугаллимам. Наконец, в заключение было высказано пожелание о переводе протоколов заседания на татарский язык с целью широкого распространения их среди мусульманского населения края. Со своей стороны представители мусульман, как светские, так и муллы, обещали оказывать полное содействие открытию подобных русско-татарских школ.

В то же время обсуждение сметы Министерства народного просвещения часто использовалось депутатскими группами (например, мусульманами, поляками, украинцами и пр.) для критики правительственного курса и обнародования своей альтернативной программы в области народного просвещения. В частности, весной 1910 г. выступавший по поручению мусульманской фракции Г.Х.Еникеев представил краткую программу пожеланий мусульманского населения страны:

- отменить обрусительную систему в области школьного дела среди мусульман и отменить все меры стеснительного и ограничительного характера, начиная с правил 26 марта 1870 г. и заканчивая правилами 28 октября 1907 г.;

- общеобразовательные начальные школы среди мусульман организовать в строгом соответствии с бытовыми, этнографическими и религиозными особенностями мусульманского населения, утвердив в этих школах языком преподавания родной язык;

- открыть педагогические учебные заведения для подготовки соответствующего учительского персонала для этих школ;

- исключить конфессиональные школы мусульман из ведомства Министерства народного просвещения и передать их в ведение мусульманских духовных управлений;

- впредь до урегулирования вопроса о подготовке учительского персонала для мусульманских начальных школ предложить органам Министерства народного просвещения считать удостоверения, выданные указанными муэдирисами конфессиональной мусульманской школы (медресе) воспитанникам, оканчивающим курс в этих конфессиональных школах, достаточными для занятия последними должности мугаллимов с правилами дидактики и методики и применения их в мусульманских начальных школах, если таковые педагогические курсы устраиваются под наблюдением и ответственностью му-

дарриса¹.

Впоследствии, в 1910 — 1912 гг. и в период работы Думы 4-го созыва ежегодно, при обсуждении сметы министерства народного просвещения, Г.Х.Еникеев поднимался на думскую трибуну с целью огласить декларацию мусульманской фракции по вопросу о принципах образования мусульманского населения страны. Количество пунктов менялось, однако базовые положения оставались неизменными — автономия конфессиональных школ, осуществление начального образования на родном для ученика языке, привлечение и развитие педагогических кадров из местных народностей, приближение народной школы к нуждам, традициям и культуре тех народов, ради которых они функционируют, изгнание из школы политики.

Таким образом, при обсуждении смет соответствующих ведомств национальные группы представляли свое альтернативное видение того, как следует выстраивать систему народного образования, на каких принципах должно строиться инородческое образование и какова должна быть роль государства и самих народностей в этом процессе. Видение нерусских депутатов, в частности, мусульман, нередко расходилось со взглядами высшей и местной бюрократии об идеале государственной школы для инородцев, представлениями думского правого большинства или православных миссионеров на местах. Причем консенсус, как показывает опыт практической деятельности земств и органов местного самоуправления, быстрее находился в повседневной практике на местах, нежели в рамках общеимперских законодательных органов.

2. Вопрос о реформировании средней школы и перспективах развития профессионального образования

Наряду с введением всеобщего начального образования внимание депутатов было уделено и проблеме реформирования средних учебных заведений (гимназий и реальных училищ). В силу специфики российской системы образования эти проблемы волновали инородческое население гораздо в меньшей степени, нежели, например, вопрос о введении всеобщего начального обучения или реформировании традиционной конфессиональной системы образования. Об этом свидетельствует и тот факт, что ни один из трех внесенных в Думу 3-го и 4-го созывов проектов реформы средней школы не был подписан ни одним из мусульманских депутатов, хотя они поддерживали проекты, касавшиеся введения начального образования или же иные думские инициативы, направленные на реформирование системы образования. В то же время среди казанских депутатов были депутаты, тесно связанные со средней школой в качестве родителей или же членов попечительских советов различных гимназий и училищ. Из числа подобных депутатов следует назвать А.Н.Боратынского, И.В.Годнева и М.Я.Капустина. Все они были известными в крае земскими деятелями, много потрудившимися на ниве народного образования.

Вопросы реформирования средних учебных заведений и развития профессионального образования поднимались в Думе 3-го и 4-го созывов во время рассмотрения бюджетных вопросов, а также при обсуждении соответствующих законопроектов — министерских или же думских инициатив. Во время ежегодных прений по смете Министерства народного просвещения члены фракции октябристов были самыми настойчивыми в обращении внимания депутатов к вопросам среднего и профессионального образования. Многие из октябристов искренне полагали, что *«только одно настоящее истинное образование и может нас вывести из бедности, тьмы и невежества»* (И.С.Клюжев).

Из названных трех депутатов особенно нужно отметить выступления А.Н.Боратынского, который не только являлся членом комиссии народного образования, но практически все свои речи посвящал данной проблеме. Из немногочисленных в целом выступлений этого депутата с думской трибуны выделяется его речь на 3-й сессии по смете МНПр., произнесенная в марте 1910 г.¹ В ней он остановился на проблемах профессионального и общего среднего образования. По словам оратора, профессиональное образование является той основой, на которой будет произрастать благополучие и процветание народа и страны в целом. Касаясь профессионального образования, А.Н.Боратынский отметил, что существующие в стране подобного рода учебные заведения подчиняются различным ведомствам: при Министерстве народного просвещения имеется 6 высших учебных заведений, 59 средних технических и 203 ремесленных; при Министерстве торговли и промышленности — 3 высших и 523 других, при Министерстве земледелия — 4 высших и 220 других, при Министерстве путей сообщения — 2 высших и 36 технических и т.д. По мнению казанского оратора, следует все учебные заведения профессионального характера, за исключением вузов, передать из Министерства народного просвещения в более соответствующие по профилю ведомства и министерства. Министерство народного просвещения не имеет ни материальных возможностей, ни средств, ни достаточного количества специалистов, способных контролировать и направлять деятельность специальных учебных заведений. В то же время МНПр. должно обратить особое внимание на общеобразовательную среднюю школу, которая поражена многочисленными недугами и пороками. Среди них самый серьезный — это фальсификация знаний и всего школьного дела, подмена истинного образования эрзацем знаний.

Чуть позднее, при обсуждении сметы Министерства торговли и промышленности (12 марта 1910 г.), к нуждам профессионального образования обратился другой казанский депутат — В.А.Карякин². По

его словам, торгово-промышленный класс платит в пользу государства громадные налоги: одних только промысловых и других налогов в казну поступает около 100 млн. руб. Являясь представителем этого торгово-промышленного класса, казанский купец ратовал за развитие коммерческого образования и поддержку его со стороны правительства. Однако казна в лице Министерства торговли и промышленности выделяет мизерную часть (всего несколько процентов) от средств, необходимых на содержание подобных учебных заведений. Основная часть средств поступает в виде пособий городов и земств, пожертвований обществ и частных лиц, процентов с капиталов, принадлежащих этим учебным заведениям, и платы за обучение. В то же время более 70 процентов учеников подобных школ принадлежали к мещанскому и крестьянскому сословию, а отнюдь не к состоятельным слоям общества.

Другая проблема, на которой в своей речи остановился казанский купец, заключалась в порочной практике, когда МНПр. препятствовало поступлению выпускников коммерческих школ (также как и семинаристов) в университеты. Это упорство министерства сеяло раздор и антагонизм в обществе. Поэтому оратором была предложена формула перехода от имени фракции 17 октября следующего содержания: *«Государственная дума, высказывая пожелание, чтобы ученики, окончившие курс коммерческих училищ, имели право поступать после установленного экзамена в университеты, переходит к рассмотрению сметы»*.

Наконец, третья проблема, которой в своем выступлении коснулся В.А.Карякин, касалась ограничения количества учеников-евреев в коммерческих училищах и иных учебных заведениях. Циркуляр от 6 ноября 1909 г. устанавливал определенную норму еврейских учеников в следующем соотношении: 5 % в столицах, 10 % в прочих городах и 15 % в черте оседлости. Однако статистика свидетельствовала, что количество учеников-евреев превышало указанную максимальную норму в общественных (в целом число евреев доходило до 53 %) и частных (60 %) учебных заведениях. Причем в ряде местностей процент еврейских учеников был еще выше. Дословное и буквальное применение этого циркуляра привело бы к тому, что большинство коммерческих училищ были бы закрыты, так как иных учеников не было, а сами эти учебные заведения, не получая ни копейки из казны, полностью содержались на средства местного населения, в том числе и богатых евреев. По мнению В.А.Карякина, евреи имеют полное право учить своих детей на свои собственные средства без всякого ограничения, а министерство должно более точно определить свою позицию по этому вопросу, чтобы не тормозить это жизненное явление.

Недостаточность обращения правительства в целом и Министерства народного просвещения в частности к положению и нуждам средней школы вынуждала депутатов выступать с собственными законодательными инициативами. В частности, 11 марта 1911 г. членами Думы 3-го созыва был внесен в виде законодательной инициативы проект «О реформе средней школы». Законопроект был разработан и инициирован членами октябристской фракции И.С.Клюжевым, И.В.Годневым и Е.П.Ковалевским. Среди 116 депутатов, поддержавших его своими подписями, были также прогрессисты и кадеты. Из десяти казанских депутатов проект поддержали четверо — И.В.Годнев, А.Н.Боратынский, А.Л.Лунин, С.В.Дунаев. Поскольку Министерство народного просвещения отказалось от выработки соответствующего законопроекта, а думское большинство признало думскую законодательную инициативу желательной, то было образовано совещание. Председателем и докладчиком был избран И.С. Клюжев, членом совещания стал и другой инициатор проекта — И.В.Годнев. Однако к тому моменту, когда участники совещания проработали проект и внесли его на заключение в комиссию по народному образованию, срок полномочий Думы 3-го созыва подошел к концу. Через два месяца после начала работы Думы 4-го созыва большая группа депутатов (83) внесла по существу разработанный и одобренный депутатами предыдущей Думы проект «О реформе средней школы» (6 февраля 1913 г., инициаторы — И.С.Клюжев, И.В.Титов, В.А.Харламов). Среди подписавших проект на этот раз вновь было четверо казанских депутатов — И.В.Годнев, А.В.Смирнов, И.А.Бажанов и А.С.Юхтанов. По-видимому, данный октябристский законопроект устраивал далеко не всех депутатов. Уже 19 февраля 1913 г. группа из 102 депутатов, преимущественно из числа прогрессистов, кадетов и поляков, внесли альтернативный проект под аналогичным названием «О реформе средней школы» (инициаторы — И.В.Титов, М.Д.Калугин, В.М.Вакар). Проект думской оппозиции вновь подписали казанские депутаты И.А.Бажанов и А.С.Юхтанов. Однако ни одна из думских инициатив не встретила одобрения в правительственных кругах.

Практически схожая ситуация была и в отношении правительства к думским законопроектам, которые регулировали положение средней школы, но касались более частных вопросов. Например, депутаты Думы 3-го и 4-го созывов вносили один и тот же законопроект «Об уравнивании служебных прав и материального положения лиц, служащих в правительственных средних общеобразовательных женских учебных заведениях с правами и материальным положением служащих в средних общеобразовательных мужских учебных заведениях МНПр.». В Думе 3-го созыва проект был внесен 27 апреля 1912 г. (из 90 подписей одна принадлежала казанцу В.А.Карякину) и признан желательным 4 июня 1912 г. А в Думе 4-го созыва проект был инициирован группой правых депутатов 1 февраля 1913 г. Среди 134

депутатов было трое казанцев — И.А.Рындовский, В.В.Марковников и А.В.Смирнов.

Буквально еще через две недели большая группа членов четвертой Думы внесла проект «Об установлении пятилетних прибавок за выслугу лет учителям и учительницам народных училищ ведомства МНПр. и о повышении окладов законоучителям названных училищ». Проект был внесен 13 февраля 1913 г. за подписью 174 депутатов. Инициаторами стали трое октябристов — И.С.Ключев, С.Н.Алексеев, А.В.Смирнов. Проект поддержали пятеро казанских депутатов — кроме А.В.Смирнова, свои подписи поставили также И.В.Годнев, П.Ф.Бычков, И.А.Бажанов и Д.Н.Сверчков. Естественно, в довоенные сессии этот законопроект не был рассмотрен.

Положение средней школы обсуждалось во время пояснений, даваемых представителями Министерства народного просвещения на те или иные думские запросы. Один из подобных запросов был внесен 9 декабря 1912 г. в адрес МВД и МНПр. и назывался «По поводу помещения в периодической печати сведений о состоявшемся 9 декабря 1912 г. в помещении частной гимназии Витмер собрании учащихся в средних учебных заведениях и об аресте участников собрания». Хотя данный запрос не подписал ни один из казанских депутатов, после выступления с разъяснениями министра народного просвещения Кассо слово взяли два представителя от Казанской губернии — И.В.Годнев и А.В.Смирнов. Оба казанца не признали разъяснения министра удовлетворительными. В своей длинной речи бывший профессор Казанского университета А.В.Смирнов говорил о печальном положении средней школы, о ненормальных взаимоотношениях учащихся и учителей, которые складываются в учебных заведениях и с которыми никак нельзя мириться².

3. Университетский устав и положение высшей школы в оценке казанских депутатов

В начале XX столетия статус Казани как значительного культурного центра страны обеспечивался прежде всего благодаря тому, что здесь располагался старейший в России университет. Университет, университетская профессура и студенчество, научные и просветительские общества, действовавшие под эгидой университета — все это создавало определенный микроклимат, формировало культурное пространство города и региона. Судя по местной прессе и иным свидетельствам, в начале XX в. казанские обыватели, как и при основании университета, не проявляли к нему особо явного интереса. Однако отсутствие видимого интереса не было проявлением безразличия или признаком отторжения «чужеродного организма». Скорее наоборот. Европейская идея глубоко укоренилась на российской почве и стала неотъемлемой частью культурного пространства российской провинции, частью ее социального и политического ландшафта. Такой же неотъемлемой и даже немного обыденной, как театр, органы местного самоуправления с земством и Городской думой, культурными обществами и объединениями по интересам. И подобно названным институтам нуждавшейся, по мнению ее представителей, в коренном реформировании.

Еще накануне первой русской революции и до учреждения новых законодательных органов либеральная часть казанской профессуры подняла вопрос о необходимости внесения изменений в статус и функционирование высших учебных заведений. В 1904/05 учебном году профессор Г.Ф.Шершеневич на одном из заседаний Казанского юридического общества делал доклад об университетском образовании, в котором затронул вопрос о необходимости реформирования высшего образования. Среди важнейших пунктов было положение об общеобразовательных курсах в университетском образовании. По мнению профессора, существующая система высшего образования порочна в своей основе. Один из глубочайших ее изъянов заключается в ранней, преждевременной специализации. У многих студентов не хватает необходимых общих знаний, у них не закончен духовный рост, не определились их интересы и пристрастия. Отсюда неизбежные переходы с факультета на факультет, потеря времени и средств. Поэтому, реформируя высшую школу, нужно предусмотреть прохождение студентами общеобразовательных (хотя бы двухгодичных) курсов, прежде чем переходить к углубленной специализации.

В начале столетия на одном из заседаний общеуниверситетского совета тот же профессор Г.Ф.Шершеневич выступил с инициативой отмены гонорарной практики. По его мнению, эта норма была заимствована из практики немецких университетов. Однако она не соответствует российским традициям и имеет скорее отрицательное, нежели позитивное значение. Гонорарная система отсекает от вузов талантливую, но необеспеченную молодежь, нанося тем самым огромный вред будущему российской науки и образованному сословию. Впоследствии, при обсуждении проекта нового университетского устава, пункт об отмене гонорарной системы станет одним из базовых в требованиях либеральной профессуры.

В предреволюционную эпоху поднимаемый учеными вопрос о реформировании университетского образования не мог не иметь политической окраски. С началом конституционных преобразований и обновлением политической системы страны и эти вопросы начали приобретать ярко выраженный политический оттенок. Руководство университетов заговорило об изменении статуса своих учебных заведений, о расширении автономных начал в управлении вузами и организации учебного процесса². Правительством же отвергались требования университетской профессуры, считая их излишне либеральными и расшатывающими основы государственности. Тем не менее необходимость внесения изменений в

действующий университетский устав 1884 г. признавалась практически всеми причастными к высшей школе сторонами.

В начале XX в. при Совете министров было организовано несколько совещаний для разработки нового проекта университетского устава: в 1902 г. под председательством П.С.Ванновского, в 1905 г. — В.Г.Глазова, в 1906 г. — И.И.Толстого, в 1909 г. — А.Н.Шварца и, наконец, в 1916 г. — П.Н.Игнатьева. Поскольку в эти годы нормальное функционирование большинства высших учебных заведений было парализовано студенческими волнениями и деятельностью революционных организаций, то разработка нового университетского устава, призванного заменить устаревший устав 1884 г., оказалась делом практически неосуществимым. Совещания 1905 — 1906 гг. не могли выработать проект университетского устава, который казался бы приемлемым одновременно и в глазах общественности, и с позиции министерского начальства. Одни совещания сменяли другие. На смену одного варианта университетского устава приходили другие, но весь позднеимперский период российские университеты жили или по неписаным законам революции, или же в лучшем случае регулировались временными правилами 27 августа 1905 гг. Свою роль сыграло и то, что положение высшей школы в эти годы отнюдь не было приоритетным ни для исполнительной власти, ни для законодательных учреждений.

Успокоение общества позволило вновь обратиться к положению университетов. Особое пристальное внимание умеренного большинства третьей Думы к вопросам народного образования гарантировало, что эта проблема может стать одной из центральных в деятельности законодательных учреждений. Летом 1909 г. чиновники Министерства народного просвещения в очередной раз переработали проект нового университетского устава, намереваясь внести законопроект на рассмотрение Государственной думы в осеннюю сессию 1909 г. С этой целью в августе для обсуждения министерского проекта в Санкт-Петербург в очередной раз были приглашены все ректоры российских университетов².

Еще до внесения проекта университетского устава в Думу, депутат В.А.Карякин в одном из своих интервью высказал предположение, что министерский законопроект, судя по настроениям думского большинства, будет переработан весьма кардинально. В частности, и думское большинство, и сам В.А.Карякин выступали за предоставление женщинам права доступа в высшие учебные заведения. Только следует, по словам купца-старообрядца, технически оснастить университеты для недопущения «свального греха», когда женщины станут посещать их наравне с мужчинами. Однако в целом В.А.Карякин не относил проект университетского устава к числу наиболее важных думских вопросов и поэтому высказывал предположение, что этот вопрос не будет рассмотрен в сессии 1909/1910 гг.¹ Что и произошло.

Проект университетского устава был внесен в Думу Министерством народного просвещения только весной 1910 г. Для его детального рассмотрения была образована специальная думская комиссия под председательством профессора М.Я.Капустина. Докладчиком комиссии по данному законопроекту был определен другой представитель Казанского университета — приват-доцент И.В.Годнев. Приступив к ознакомлению с министерским законопроектом, докладчик обратился к ректорам российских университетов с просьбой переслать ему в копиях проекты, положения, заключения и пожелания, касающиеся университетского устава, которые были разработаны в свое время каждым университетом в отдельности, а также отдельными группами профессоров и преподавателей². В одном из своих выступлений при обсуждении общей сметы министерства народного просвещения М.Я.Капустин высказался за утверждение автономных начал в университетском управлении. Но весной 1910 г., кроме указанной речи почтенного профессора, проблема университетского устава не поднималась. Правда, правые депутаты устами В.М.Пуришкевича выступили с резкой критикой высшей школы и студенчества как рассадника революционных идей. В частности, в своей речи Пуришкевич напрямую обвинил университетскую профессию в том, что она плохо следит за студентами, потворствует студенческим волнениям, фактически провоцирует распространение в стенах университетов воровства и разврата. Почтенный профессор же был обвинен в том, что за четыре года пребывания в Думе он утратил всякую связь с университетом, не ведает, что творится в его стенах³.

После ухода осенью 1910 г. министра народного просвещения Н.А.Шварца со своего поста и утверждения вместо него нового министра Л.А.Кассо, вновь был поднят вопрос об университетском уставе. Первоначально в прессе циркулировали слухи, что новое министерское руководство считало неудобным забирать законопроект из Думы, а предпочло бы заняться его переделкой в ходе обсуждения устава в думской комиссии. В думской комиссии мнения также разделились — одни полагали, что устав необходимо отклонить целиком и ждать внесения правительством нового проекта. Вторая часть комиссии полагала, что это приведет к затяжке вопроса, а потому нужно своими силами переработать министерский проект. Основные расхождения между министерским проектом и позицией членов комиссии были по следующим вопросам. Члены комиссии полагали необходимым ограничить роль попечителя учебного округа исключительно контролем над законностью, исключив его вмешательство в университетскую жизнь. В противовес думцы предлагали расширить компетенцию совета профессоров и общего собрания профессоров. Проектируемую правительством должность советника по хозяйствен-

ной части сделать выборной, с утверждением министерства, подчинив его правлению университета. Депутаты полагали необходимым допустить студенческие организации, отрегулировав их существование. Также депутаты предлагали ввести какие-нибудь гарантии против злоупотреблений Министерством народного просвещения своего права, позволяющего не утверждать профессоров, деканов и ректоров. Университету должна быть предоставлена свобода преподавания, а министерство должно лишь устанавливать минимум программных требований и контролировать их соблюдение. Наконец, депутаты предлагали не вводить проектируемый в министерском варианте институт факультетских инспекторов. Зная настроение думского большинства и высших правительственных сфер, октябристская фракция предпочитала при обсуждении университетского устава не поднимать «еврейского вопроса».

По-видимому, подобные изменения показались правительству радикальными, поскольку в 4-ю сессию (1910/1911 гг.) законопроект «Об уставе и штатах Императорских Российских университетов» был отозван министерством народного просвещения из Думы для дальнейшей доработки.

Затягивание с внесением и рассмотрением университетского устава приводило к обострению сложного положения российских университетов, испытывавших постоянные затруднения материального и финансового свойства. Например, бюджет Казанского университета, как, вероятно, и других российских вузов, складывался из трех составляющих: средств из казны, платы за лекции (гонораров) и специальных капиталов (процентов с пожертвований и доходов с университетского недвижимого имущества). Поскольку с 1911/12 учебного года и в последующем наблюдалось уменьшение количества студентов (это явление имело общероссийский характер и было присуще для большинства российских вузов), значительно сократился один из источников финансовых поступлений. При этом часть депутатского корпуса отказывала в увеличении отдельных кредитов Казанскому и прочим университетам, желая вынудить правительство поскорее внести и принять новый университетский устав. Среди подобных депутатов был и И.В.Годнев, за что он подвергался суровой критике со страниц казанской либеральной прессы. Противостояние Министерства и части депутатского корпуса привело к затягиванию в разрешении проблемы и крайнему расстройству материального положения российских университетов, вынужденных прекратить деятельность многих сверхштатных кафедр и учебно-вспомогательных учреждений.

Под «занавес» работы 2-й сессии Думы 4-го созыва, 12 июня 1914 г., состоялось обсуждение министерского законопроекта «О временном улучшении материального положения профессоров императорских университетов». Законопроект был внесен министром народного просвещения 14 мая 1913 г. До вынесения на общее заседание предварительно проработан двумя думскими комиссиями — бюджетной и по народному образованию. Докладчиком комиссии народного образования выступал профессор А.В.Смирнов. По его словам, министерский проект предусматривал выделение кредита на указанные нужды, но без определения профессорских окладов. Комиссия по народному образованию существенно переработала министерский проект, установив определенные оклады содержания, постановив отменить гонорарную систему. Представляя законопроект, докладчик защищал изменения, внесенные в министерский законопроект думскими комиссиями. Однако против изменений выступил представитель Министерства, посчитавший, что все изменения имеют принципиальный характер и затрагивают университетский устав, тогда как Министерство отнюдь не предполагало касаться этого вопроса. Возражения представителя центрального ведомства были отклонены, поскольку, по словам профессора Смирнова, каких бы вопросов ни касались депутаты, они неминуемо затронут проблему университетского устава. Однако более откладывать проблему нельзя. Таким образом, законопроект был признан спешным и принят в трех чтениях¹. Однако это не означало, что правительство, при поддержке верхней палаты, примут думские изменения. Одобренный Государственной думой законопроект был отклонен Госсоветом и передан в согласительную комиссию. Лишь через два года — в июне 1916 г. докладчик согласительной комиссии И.В.Годнев — смог представить депутатам итог соглашений².

Ненамного лучше обстояло дело с другим законопроектом — «Об улучшении положения учебно-вспомогательных учреждений императорских университетов». Несмотря на то, что законопроект был рассмотрен Думой 3-го созыва, одобрен обеими законодательными палатами и удостоен высочайшего подтверждения, ввиду начала 1-й мировой войны он так и не вступил в силу закона. Поэтому на протяжении 1914/15 учебного года Министерство пыталось оказывать посильную помощь университетам в виде единовременных субсидий. Что, впрочем, не могло решить материальных проблем высшей школы принципиально.

Весной 1915 г. Министерство народного просвещения обнародовало очередной проект нового университетского устава, который оно намеревалось внести в Думу к началу открытия следующей сессии. 5 июня по поручению министерства состоялось обсуждение проекта на специальном совещании университетской профессуры. Казанские профессора были в целом единодушны в своей оценке представленного проекта, выразив несогласие с рядом положений (сокращение срока занятий выборных должностей, т.е. декана и ректора соответственно до года и двух лет; усиление полномочий попечителя и т.п.). В то же время большинство участников обсуждения были согласны с рядом новшеств, предус-

мотренных проектом устава — ликвидацией гонорарной системы, допущение женщин (хотя бы в виде исключения) в университеты и пр.⁴ Летом 1915 г. (28 июля) новый проект университетского устава вместе с обширной объяснительной запиской был разослан некоторым членам обеих законодательных палат, «*близко стоящим к делу народного образования*», для ознакомления. Мнение законодателей было важно и потому, что министерство намеревалось вновь переработать проект устава с учетом замечаний, высказанных совещанием ректоров, и планируемого совещания членов законодательных палат. Однако вплоть до Февральской революции депутаты так и не смогли приступить к обсуждению нового университетского устава.

Вопрос о положении высшей школы поднимался в Думе не только в связи с проектом университетского устава или вопроса о штатах, но и в период прений по сметам отдельных ведомств. Во время обсуждения сметы МНПр. 31 мая 1915 г. А.В.Смирнов затронул вопрос о положении высшей школы. Воздержавшись от критики в адрес действий правительства, поскольку эта критика виделась ему беспечной и непродуктивной, оратор высказался и против восхваления. Высшая школа, по словам профессора, находится на положении пасынка МНПр. Депутат говорил также о необходимости коренной и планомерной реформы вузов, об изменении системы содержания профессорско-преподавательского персонала, об изъятиях гонорарной системы и пр.

Кроме проекта, определявшего стратегию развития высшей школы (устав, штаты), через Государственную думу проходило значительное количество документов более частного характера. Некоторые из них имели непосредственное отношение к Казанскому университету и его профессуре, другие затрагивали Казань лишь косвенно, определяя общую тенденцию развития высшей школы.

Несколько законопроектов, принятых Думой, касались нужд Общества археологии, этнографии и истории при Казанском императорском университете. В январе 1908 г. члены общества постановили обратиться к депутатам от Казанской губернии М.Я.Капустину и В.А.Карякину о поддержке законопроекта о выделении дополнительных ежегодных правительственных субсидий на нужды Общества в размере 600 руб. Уже на заседании Думы от 22 апреля 1908 г. данный законопроект был принят при активном участии депутатов Н.А.Мельникова (являвшегося членом данного научного общества) и депутата от Самарской губернии Н.С.Клюжева. На 2-й сессии Думы 4-го созыва И.В.Годнев выступал в качестве докладчика бюджетной комиссии с представлением законопроекта МНПр. о выделении кредита на покрытие 2000 руб. задолженности Общества археологии, этнографии и истории при Казанском императорском университете перед университетской типографией, а также ежегодных расходов на содержание научного общества. В июне 1914 г. законопроект был признан спешным, принят в трех чтениях и направлен в редакционную комиссию.

Весьма важным представлялось развитие в стране ветеринарного дела. О нуждах ветеринарного образования и оказания соответствующей помощи населению говорил с думской трибуны профессор гигиены М.Я.Капустин (при обсуждении сметы МВД). Накануне 1-й мировой войны ветеринарный комитет при МВД все же разработал программу реформы ветеринарного образования. Согласно этой программе, увеличивалось число студентов ветеринарных институтов, профессора ветеринарных институтов в служебных правах и льготах приравнивались к университетским профессорам, увеличивались казенные ассигнования и пр. Проект рассматривался в Думе и Госсовете в течение 1914 — 1916 гг. и после одобрения законодательными палатами был высочайше утвержден 1 июля 1916 г.⁴ Однако его реализации помешали последующие события.

В марте 1913 г. 40 депутатами из числа оппозиционных фракций (кадеты, прогрессисты) было внесено законодательное предположение «Об учреждении при Императорском Санкт-Петербургском университете медицинского факультета». Товарищ министра народного просвещения от имени министерства высказался в том духе, что подобный закон является в принципе желательным. Но на тот момент он представлялся министерству неприемлемым, а потому оно отказалось взять на себя разработку соответствующего законопроекта. Отказ министерства вызвал удивление у ряда депутатов. Подобную реакцию высказал и И.В.Годнев, отметивший важность расширения сети учебных заведений, готовящих профессиональные медицинские кадры.

Внимание казанских депутатов-медиков было уделено и положению такого высшего учебного заведения, как Военно-медицинская академия (ВМА). Профессор гигиены М.Я.Капустин был выпускником этого старейшего в стране высшего учебного заведения, а И.В.Годнев защищал в академии свою докторскую диссертацию. Возможно, по этой причине они так близко воспринимали к сердцу дела столичной академии. Военно-медицинская академия, находившаяся в ведении военного министерства, традиционно была в более выгодном положении, нежели другие российские вузы. Но академия не только готовила кадры военных медиков-практиков. Благодаря т.н. «профессорскому институту», состоявшему при академии, ВМА славилась также своей научной школой. Работавшие в ней профессора — И.М.Сеченов, С.П.Боткин, М.М.Руднев и др. — составили цвет российской науки. Поэтому М.Я.Капустин опасался того, что стремление уравнивать ВМА с другими военными учебными заведениями, подчинить ВМА главной цели — подготовки кадров военных медиков — может нарушить прежние традиции, раз-

рушить одну из сильнейших в стране научных медицинских школ. Оратор полагал, что при выработке нового устава ВМА следует приблизить его к академическим стандартам. М.Я.Капустин также высказался против попыток прекратить доступ в академию лицам иудейского вероисповедания — поскольку евреи не освобождены от воинской повинности, то окончившие университеты врачи-евреи также призываются в армию и являются такими же военнообязанными, как и все выпускники академии. Вряд ли такой мерой можно помешать получать евреям высшее образование. В марте 1913 г. группа депутатов, преимущественно прогрессистов, внесла запрос военному министру п.н. «По поводу издания нового положения об Императорской военно-медицинской академии вне порядка, установленного ст. 86 Законов Основных» (запрос № 42 от 20 марта). Под запросом стояла подпись И.В.Годнева. Он же выступал при обсуждении запроса, поддерживая его срочность. В данном случае казанский депутат протестовал против неправомерных действий властей, в очередной раз нарушивших букву закона.

4. Положение православной церкви и религиозно-духовные вопросы в деятельности казанских депутатов

Среди депутатов от Казанской губернии были профессиональные служители культа, что не могло не отразиться на их интересах и думской деятельности. И сельский священник Иоанн Соколов, и профессор богословия А.В.Смирнов состояли членами комиссии по делам православной церкви. И хотя они не часто выступали с думской трибуны, положение церкви и духовенства, вопросы нравственного воспитания населения являлись центральными в их депутатской деятельности. Из числа светских лиц в Думе 3-го созыва по религиозным вопросам выступал профессор М.Я.Капустин¹. В Думе 4-го созыва к этим проблемам неоднократно обращался и И.В.Годнев, окончивший духовную семинарию, но имевший взгляды, отличные от позиции официального духовенства. Духовное образование имели также и такие депутаты, как К.В.Лаврский и Д.Кушников. Однако в Думе 1-го и 2-го созывов религиозные вопросы в целом, и вопросы положения православной церкви в частности, не были центральными. Поэтому неизвестно, какова была бы позиция этих депутатов по этим вопросам. Впрочем, учитывая их достаточно левые взгляды, а также радикализм думского большинства, можно предположить, что отношение к официальной церкви было бы скорее негативным. Гораздо большее внимание уделялось общим вопросам свободы совести.

В Думе 3-го созыва вместо одной комиссии о свободе совести было образовано три отдельные комиссии, которые должны были заниматься следующими религиозными вопросами:

- вероисповедная комиссия, которая должна была рассматривать законопроекты общего характера, касавшиеся прав и положения всех конфессий;
- комиссия по делам православной церкви;
- старообрядческая, должна была рассматривать вопросы старообрядцев.

Выделение самостоятельных комиссий по делам православной и старообрядческой церкви должно было предотвратить такую возможность, когда «иноверцы» становились *«вершителями вопросов чисто русских»* (Манифест 3 июня 1907 г.). Среди депутатов также было широко распространено мнение, что православная церковь должна стоять вне сферы влияния законодательных учреждений. Членами комиссии по делам православной церкви в Думе 3-го созыва стали священник И.Соколов, а в Думе 4-го созыва — профессор богословия А.В.Смирнов. В состав старообрядческой комиссии из числа казанских депутатов вошли М.Я.Капустин (Дума 3-го созыва)¹ и И.А.Бажанов (Дума 4-го созыва). При обсуждении вопроса о целесообразности создания старообрядческой комиссии многие православные иерархи высказывались принципиально против. Они полагали, что достаточно образовать при православной комиссии подкомиссию для рассмотрения дел старообрядцев. Более того, образование единой для ортодоксов и раскольников комиссии православные иерархи рассматривали как факт единения братских церквей. Однако думское большинство посчитало иначе и пошло на образование отдельной комиссии. Такое решение поддержал и профессор Капустин.

Можно выделить несколько основных проблем, которые касались православной церкви и православного населения и находили отражение в деятельности названных депутатов². Это общее положение православной церкви и необходимость коренной ее реформы в русле тех преобразований, которые переживала страна в целом. Реформа православного прихода была одним из ключевых пунктов в программе преобразований. Весьма важными для многих депутатов были также вопросы материального положения священнослужителей, финансирования учебных заведений ведомства Святейшего синода. Наконец, отдельную «головную боль» и заботу значительной части правого депутатского корпуса составляло противодействие тенденциям принижения господствующего положения православной церкви в жизни русского государства, противостояние подобным поползновениям «иностранцев» и «иноверцев».

Некоторые из проблем православной церкви были непосредственно связаны с вопросами народного образования. Речь идет о дискуссии о церковно-приходских школах, разгоревшейся как в парламенте, так и в российском обществе в целом в период работы Думы 3-го созыва и обсуждении законопроектов о введении всеобщего начального образования. Значительная часть либеральной интеллигенции выступала за передачу церковно-приходских школ из ведения Святейшего синода под контроль Министерст-

ва народного просвещения с последующей их реорганизацией (учительского персонала, программы и пр.). Авторы подобной идеи полагали, что в стране должна быть единая система светского начального образования.

В декабре 1907 г. группой депутатов-священнослужителей был внесен законопроект «Об ассигновании на 1908 г. по смете Святейшего синода 4003740 руб. на жалование учащим в церковных школах и устройство и открытие новых школ». Фактически данный законопроект шел вразрез с планами либеральных слоев о постепенном реформировании системы церковно-приходских школ. Возможно, поэтому не случайно, что данный законопроект подписал лишь один из казанских депутатов — И.Соколов.

Когда весной 1908 г. данная законодательная инициатива 94 православных депутатов должна была обсуждаться в Думе, мнения мусульманских депутатов, как следует поступить членам мусульманской фракции, разделились. Одни депутаты полагали, что следует голосовать против финансирования православных школ за счет государства. Другие же считали, что следует поддержать законопроект и в обмен на это попросить средства от казны для мусульманских конфессиональных учебных заведений — мектебов и медресе. В итоге представитель мусульманской фракции К.-М.Тевкелев заявил, что члены фракции уклоняются от голосования по данному законопроекту².

Представивший от имени комиссии по народному образованию законодательную инициативу 94-х депутатов, профессор М.Я.Капустин высказался за желательность данного законопроекта и передачу его на рассмотрение комиссии. При этом докладчик подчеркнул, что члены комиссии оставили в стороне вопрос о значении церковно-приходских школ и их месте во всей системе народного образования в стороне, а исходили сугубо из целесообразности казенных ассигнаций в данный момент³. Несмотря на жаркую дискуссию, думское большинство поддержало законопроект. Примечательно, что законодательная инициатива православных священников, одна из немногих, получила высочайшее утверждение и силу закона достаточно быстро, уже в июне 1909 г. Однако однократные вливания в церковно-приходскую школу не могли кардинально решить ее проблем. Поэтому депутаты возвращались к этой проблеме неоднократно. В частности, дискуссии о перспективах церковно-приходских школ и должна ли казна (через министерство народного просвещения) финансировать ведомственные школы при условии их сохранения периодически возобновлялись и в Думе 4-го созыва.

В Думе 3-го созыва правые депутаты неоднократно высказывались против такого явления, как обсуждение проблем православной церкви и жизни православного населения страны при участии инородцев или же либеральной интеллигенции, игнорирующей православие и официальную жизнь. Чтобы не допустить такого явления, для рассмотрения сугубо церковных вопросов была образована специальная комиссия по делам православной церкви. Более того, наиболее радикальные представители этого политического лагеря настаивали на том, что светская, по сути, Государственная дума не имеет никакого права принимать законы, касающиеся религиозных институтов. Речь шла о невмешательстве депутатов в дела православной церкви. Такая позиция позволяла правым и националистам (епископу Евлогию, Н.Маркову 2-му и др.) отвергать все аргументы, исходившие из лагеря оппозиции и либерального центра, подвергать остракизму выступления депутатов, не входивших в число православных священников. Из казанских депутатов по религиозным вопросам чаще всего выступали М.Я.Капустин и И.В.Годнев. Именно их речи чаще всего подвергались критике, раздававшейся с правых скамей Таврического дворца. Например, в период 2-й сессии (апрель 1909 г.) при обсуждении бюджета епископ Евлогий высказался против того, чтобы Дума как светский институт могла ревизовать смету Святейшего синода. Это высказывание епископа было отвергнуто членом бюджетной комиссии М.Я.Капустиным как несостоятельное: когда речь идет о государственных средствах, даже и выделяемых на нужды православной церкви, депутаты имеют полное право осуществлять строгий контроль над их расходованием¹.

Православные священники-депутаты принимали активное участие в деятельности местных религиозных учреждений и институтов. В частности, в августе 1909 г. состоялся съезд духовенства Казанской епархии, на котором присутствовал и будущий депутат А.В.Смирнов. Большинством голосов он был избран председателем съезда, но отказался по личным и служебным мотивам¹. Среди многочисленных вопросов, поднимавшихся на съезде, отметим два, в обсуждении которых приняли непосредственное участие казанские депутаты (как действующие, так и будущие).

Одним из вопросов епархиального съезда было принятие программы миссионерского съезда, планируемого на лето 1910 г. После оглашения подготовленной программы выступил А.В.Смирнов. По его мнению, программа весьма широка. Чтобы ее реализовать, миссионерский съезд должен поставить на обсуждение несколько наиболее принципиальных вопросов. Предстоящий съезд должен, по мнению А.В.Смирнова, проанализировать исторический опыт по христианскому просвещению инородцев и выяснить, какие из мер наиболее действенны в противостоянии христианства и Ислама. По словам А.В.Смирнова, для христианской миссии инородцы-язычники не страшны и если бы не влияние на них Ислама, они уже давно были бы обращены в православие. *«Весь вопрос для христианской миссии заключается в мусульманстве: оно способно отторгнуть от христианской религии и людей, изведавших*

*христианство. В чем же заключается притягательная сила Ислама для инородцев-язычников? Силен ли для них Ислам своими, например, муллами или, может быть, самой сущностью своего учения или чем-нибудь другим? (...) Словом, вопрос, в чем притягательная сила Ислама для инородцев весьма важный и должен быть поставлен во главу занятий будущего съезда»*². Другой важный вопрос заключался в том, насколько усвоение инородцами русского языка может способствовать усвоению христианства. А.В.Смирнов, высоко оценивая деятельность Н.И.Ильминского, тем не менее поставил под сомнение его языковую политику. По его мнению, почтенный миссионер, заслуги которого в целом очевидны, возможно, допустил ошибку в вопросе о языке миссии. По мнению А.В.Смирнова, также ошибочной является практика использования в целях христианизации язычников крещеных татар, которые, даже будучи христианами, несут в инородческую среду мусульманство.

Другой вопрос, обсуждавшийся на епархиальном съезде 1909 г., был вопрос о проекте закона о налоговом обложении церковного и монастырского имущества. Обстоятельства дела были таковы. Член Государственной думы от Вятской губернии священник А.Попов внес на обсуждение пастырской думской группы проект по вопросу о налоговом обложении церковного и монастырского имущества. Согласно проекту А.Попова, все церковное и монастырское имущество, приносящее доход, должно облагаться налогами на одинаковых основаниях с имуществами других категорий. Исключения в налоговом обложении делались лишь для имущества, обслуживающего религиозные, просветительские, учебные и благотворительные цели. Не считая себя вправе решать этот трудный и сложный вопрос в положительном или отрицательном смысле без ознакомления с мнением казанского духовенства, депутат от Соколов обратился в «Известия по Казанской епархии» с открытым письмом. В нем казанский депутат просил сообщить ему мнение православного духовенства относительно вопроса, затрагиваемого проектом.

При обсуждении проекта как в пастырской думской группе, так и на епархиальном съезде мнения священнослужителей раскололись. Одни полагали, что духовенство, будучи более состоятельным, нежели крестьянство в целом, должно нести повинности и платить налоги наравне с остальным населением. Другие же выступали против, полагая, что новое налогообложение ляжет тяжким бременем на духовенство. Кроме того, данная мера не будет способствовать возвышению авторитета духовенства в глазах населения. В итоге епархиальный съезд согласился с заключением предсъездовской комиссии и постановил уведомить через депутата Соколова пастырскую думскую группу о следующем решении казанского духовенства. Священники — члены Государственной думы являются не только представителями интересов избравшего их местного населения, но и интересов православной церкви и духовенства. Поэтому они должны настаивать на сохранении за церковью и духовенством их исторических привилегий на свободу от разного рода материальных, государственных, общественных и местных повинностей, должны выдвигать различные исторические и моральные основания в пользу наделения духовенства правами по городскому и земскому самоуправлению без налогового обложения¹.

Как уже было отмечено, в Думе 4-го созыва интересы православного духовенства представлял протоиерей А.В.Смирнов, состоявший секретарем комиссии по делам православной церкви. Осенью 1913 г. А.В.Смирнов дал редактору газеты «Камско-Волжская речь» обстоятельное интервью. В нем действующий депутат и бывший казанский профессор подвел некоторые итоги годичной деятельности Думы по церковно-общественным вопросам.

По мнению профессора богословия, в Думе из числа церковно-общественных проблем наиболее важными были законопроекты об уравнивании в материальном содержании преподавателей духовно-учебных заведений с учителями светских учебных заведений, вопрос об обеспечении духовенства и о содержании церковно-приходских школ. По первому вопросу ситуация была наиболее благоприятной. Подобный законопроект был внесен святейшим синодом по инициативе депутатов. К концу сессии он был обсужден и одобрен в комиссиях по делам православной церкви (в министерском варианте), народного образования и по бюджету. В последних двух комиссиях против законопроекта выступили левые депутаты и часть октябристов (по различным мотивам), однако, после дискуссий и некоторых изменений, проект прошел стадию комиссий, был вынесен на общее заседание и одобрен Думой 30 июня 1913 г.

Вторая важная проблема — о содержании православного духовенства — была гораздо более сложной для разрешения. Поскольку правительство отказалось взять на себя разработку соответствующего законопроекта, депутатские группы внесли свои проекты. Всего было внесено четыре проекта — один специальной комиссией (куда входил и профессор А.В.Смирнов), два — октябристами и четвертый — прогрессистами. Первый проект предусматривал ежегодное казенное содержание священникам в размере 1200 руб. и по 400 руб. псаломщикам с упразднением должности дьякона. Однако в случае реализации данного проекта казна должна была выделять ежегодно по 76 миллионов руб. только на содержание приходского духовенства, что было в тех условиях абсолютно нереально. При встрече депутатской делегации (в нее вошли священники А.В.Смирнов и А.М.Станиславский, а также Ф.Д.Андреев) с премьер-министром В.Н.Коковцевым, последний однозначно заявил, что государство не пойдет на

принятие подобного закона. Максимум, на что было согласно правительству в тех условиях, — выделение однократной субсидии в размере одного миллиона рублей. Проекты октябристов предусматривали, что содержание приходского духовенства будет возложено поровну на казну и на приходское население, а проект прогрессистов (инициатор — отец Титов) — возлагал все бремя расходов на реформированный приход. Таким образом, Думе предстояло рассмотреть различные проекты и достичь консенсуса в столь сложном вопросе.

Наконец, третья и наиболее сложная проблема, стоявшая перед депутатами Думы 4-го созыва, заключалась в разрешении вопроса о финансировании церковно-приходских школ. Фактически думское большинство Думы 4-го созыва намеревалось возложить бремя финансовых расходов на церковно-приходскую школу, на ведомство православной церкви, которая, в свою очередь, отказывалась от непомерных затрат и просила казенных субсидий.

В целом, оценивая первый год деятельности Думы 4-го созыва и особенно роль православного духовенства, А.В.Смирнов посетовал на тяжелое положение в Думе: духовенство *«чувствует себя как бы лишним и отчужденным от других и как бы не на своем месте»*. Для разного рода фактических справок по церковно-общественным вопросам для Государственной думы, казалось бы, достаточно было бы трех-пятерых человек из духовной среды. Больше число, по мнению казанского протоиерея, является излишним¹.

Проблемы православной церкви и особенно положение православного прихода затрагивал в своих выступлениях И.В.Годнев. Как правило, речи на эти и другие аналогичные проблемы произносились во время обсуждения сметы святейшего синода на текущий год. В частности, в апреле 1914 и феврале 1916 г. И.В.Годнев дважды выступал с пространными речами по данному вопросу. В довоенном выступлении им была сформулирована программа необходимых преобразований из восьми пунктов, реализация которой и позволит возродить в стране единую святую, соборную и апостольскую, церковь в ее первоначальном значении. Во втором выступлении он вновь говорил о том нетерпимом положении, которое сложилось в духовной сфере православного населения, о разобщенности иерархов и мирян, о нарушении принципа соборности в жизни православного прихода. Общий вывод был созвучен выводам либеральных слоев общественности, — без коренной реформы церковной жизни положительные изменения невозможны².

5. Проблема свободы совести и вероисповедное законодательство

Казанская губерния принадлежала к тем российским регионам, которые за более чем четыре столетия, прошедшие после завоевания и активной колонизации, казалось бы, прочно вошли в состав империи и являлись неотъемлемой частью европейской России. В этом плане она воспринималась многими не как национальная окраина, а «внутренняя Россия». В то же время многонациональный характер населения и наличие в крае большого числа неправославного населения превращали губернию в плацдарм, где происходило взаимодействие различных конфессий. Поскольку татары Волго-Уральского региона оказались первыми (с середины XVI столетия) и достаточно долго оставались единственными из мусульманских народов, включенными в состав Российского государства в период, когда религия являлась одним из основополагающих национально-государственных критериев, то именно татары испытали на себе всю тяжесть религиозной политики, направленной на уничтожение неправославных исповеданий.

В результате проводимой политики внутри татарского народа образовалась группа христиан — крещеных татар. С либерализацией внутриполитического курса и провозглашением свободы совести в их среде усилилась тенденция за возвращение «в веру отцов». И гражданские власти, и христианское духовенство оказывало сопротивление этому процессу. Поэтому не случайно, что положение различных конфессий, прежде всего мусульман, являлось болезненной проблемой для депутатов, представлявших в Думе смешанное население Казанской губернии. Внимание мусульманских депутатов было в большей степени уделено вопросу утверждения свободы совести и вероисповедным законопроектам¹. Православных депутатов, кроме этих проблем, волновала судьба господствующей церкви, ее авторитет в широких слоях населения (И.В.Годнева, А.В.Смирнова).

В период работы Думы 1-го созыва, когда законодательная инициатива была полностью за депутатами, они успели внести лишь проект под названием «Основные положения законопроекта о свободе совести» 12 мая 1906 г. за подписью 50 кадетов. Но среди них не было ни одной подписи, принадлежавшей казанским депутатам.

В Думе 2-го созыва казанцы были более активны. В частности, в состав 33 членов специальной комиссии «для рассмотрения законопроектов, направленных на осуществление свободы совести», вошел С.Н.Максудов. По словам казанского депутата, из всех думских комиссий для мусульман вероисповедная комиссия является самой важной. По мнению С.Максудова, сформулированные в большом обращении к единоверцам и опубликованные в татарской газете «Юлдуз», перед членами данной комиссии из числа мусульманских депутатов стоят следующие задачи:

– сбор сведений обо всех фактах и случаях притеснения мусульман на религиозной почве;

- анализ существующих законов в отношении того, насколько они соответствуют интересам мусульман, выявление тех законов, которые ущемляют религиозные права мусульман;
- фиксирование всех «законных» и фактических случаев ущемления мусульман и доведения их до сведения членов комиссии;
- проверка того, чтобы в разрабатываемые законопроекты не попадали статьи, ущемляющие права мусульман или наносящие вред интересам мусульманского населения;
- защита нужных для мусульман законопроектов с думской трибуны;
- после принятия законов, направленных на осуществление свободы совести в целом, подготовка проекта о реформе управления духовными делами мусульман, внесение его в Думу и защита в парламенте.

Поскольку рассмотрение религиозных вопросов находилось на первой стадии — стадии сбора необходимых сведений и разработки общих вопросов религиозной свободы, — члены мусульманской фракции нуждались в помощи мусульманского населения. Именно необходимостью получения требуемой информации, а также желанием информировать мусульманское население о ходе рассмотрения религиозных законопроектов и было продиктовано обращение С.Максуди со страниц газеты к своим единомыслителям.

К началу работы второй Думы правительство подготовило целый пакет законопроектов, направленных на законодательное закрепление провозглашенной в октябрьском манифесте свободы совести. Пойдя по пути внесения отдельных законопроектов, правительство полагало, что составление одного общего законопроекта о свободе совести менее удобно и практично, чем разработка и принятие конкретных законопроектов. Намерения правительства идти по пути уступок, не меняя сути религиозной политики, хорошо характеризует законопроект «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям», направленный на урегулирование отношения государства к различным вероисповеданиям. Этот ключевой в блоке религиозных законов проект, по словам современников, представлял собой *«удивительный документ канцелярского творчества, весь сотканный из противоречий»*.

В течение 13 заседаний члены комиссии успели лишь рассмотреть отдельные положения законопроекта «Об инославных и иноверных религиозных обществах». Однако и эта работа не была завершена. На общем собрании вероисповедные проекты не обсуждались вовсе из-за преждевременного роспуска Думы 2-го созыва. Однако обсуждение этих вопросов в комиссиях свидетельствовало о значительном радикализме в вероисповедном вопросе большинства второй Думы. Весной 1907 г. народные представители, безусловно, шли дальше тех рамок, что предусматривались правительственными законопроектами.

Государственная дума 3-го созыва вместо одной образовала три отдельные комиссии: по делам православной церкви, по старообрядческим вопросам и по вероисповедным делам. Смена названия, как и дробление единой комиссии на три, была вызвана рядом причин: попыткой избежать употребления таких выражений, как «конституция», «парламент», «свобода совести», служивших сильнейшим раздражителем для консервативных правительственных кругов, стремлением оградить вопросы, связанные с православной церковью, от вмешательства «иноверцев».

Все законопроекты, внесенные на рассмотрение вероисповедной комиссии, были подготовлены в соответствующих департаментах МВД. Воспользовавшись своим правом, в октябре 1909 г. МВД забрало обратно два весьма принципиальных законопроекта, более всего раздражавших правое крыло Думы: «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» (хотя этот законопроект в целом был одобрен вероисповедной комиссией) и «О вызываемых провозглашенною 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейственных прав». Эта акция последовала вскоре за высказыванием П.А.Столыпина, заявившего, что правительство готово взять назад любой законопроект, если в нем *«вследствие спешности работы и ее новизны»* ущемляются права господствующей церкви.

Одним из наиболее важных для мусульман и представителей иных конфессий империи был законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое». Его подробное обсуждение в комиссии состоялось в 1908–1909 гг., а доклад был представлен общему собранию 22 мая 1909 г. Дебаты продолжались несколько дней — 22–26 мая, 1 июня — и закончились принятием несколько измененного законопроекта 30 октября 1909 г. Внесенные комиссией и утвержденные Думой уточнения касались *свободы проповеди* и условий легализации перехода из христианской в нехристианские конфессии. Таким образом, они меняли законопроект в либеральном духе.

Безусловно, данный законопроект наиболее актуальным был для волго-уральских татар, среди которых была значительная группа крещеных татар, желавших вернуться «в веру отцов». Хотя с 1905 г. наблюдалось массовое отпадение от православия в Ислам (так же как в католичество и униатство на западных окраинах империи), этот процесс имел стихийный характер и регулировался временными правилами. Согласно утвержденному 25 июня 1906 г. положению Совета министров, порядок перехода из православия в другое исповедание до издания соответствующего закона определялся следующим образом: желающие выйти из православия должны были подать заявление непосредственно на имя губер-

натора или же через уездную полицейскую власть. Только после проверок местная административная власть в лице губернатора давала соответствующее распоряжение. Таким образом, представленный на рассмотрение депутатов министерский законопроект должен был закрыть ту правовую брешь, что образовалась после Октябрьского манифеста.

Казанских депутатов среди мусульманских избранников, выступавших по законопроекту о переходе, не было. Однако нельзя сказать, что нужды и требования поволжских мусульман (в первую очередь татар) не были озвучены с думской трибуны. О положении крещеных татар, о нуждах мусульман «внутренних губерний» говорили многие члены мусульманской фракции, избранные от окраин или иных регионов страны. Выступавшие в прениях мусульманские ораторы (К.-М.Тевкелев и И.Муфтийзаде, Х.Хасмамедов и И.Гайдаров) отмечали двойственное положение крещеных татар, которые *«всю вторую половину XIX столетия находились, если можно так выразиться, в состоянии двуликоверующих: фактически исповедуя Ислам, юридически они считались христианами»*. Они указывали на те сложности, которые возникают при реализации права выхода из православия в соответствии с актами от 17 апреля и 17 октября 1905 г., на те многочисленные препятствия, которые чинят местные власти, руководствуясь отдельными правительственными инструкциями и циркулярами. По сути, власти, пользуясь отсутствием четких законодательных норм, широко и, главное, по своему усмотрению используют административную практику.

В поддержку данного законопроекта говорил и казанский депутат профессор М.Я.Капустин. Его аргументы были обращены в первую очередь к православному населению. По его мнению, свобода совести, в отличие от других свобод, не может быть ограничена, поскольку свобода внутреннего убеждения человека существует в нем самом. Нельзя заставить кого-либо верить против воли. И если государство нарушает свободу совести, оно порождает ложь и лицемерие. В отличие от правых депутатов, М.Я.Капустин был убежден, что свобода совести, провозглашенная царем и закрепленная законопроектом, не мешает русскому народу придерживаться своей веры. Совместное проживание различных народностей в Поволжье убеждало профессора в отсутствии каких-либо угроз в адрес православия в России: *«пример сожительства с мусульманами, язычниками в наших обширных иноверческих областях показывает это воочию, а потому для русского народа никаких ограничений свободы совести не нужно»*. Более того, провозглашение свободы совести, свободы старообрядчества должно привести к оживлению внутрицерковной жизни, возрождению православной церкви и обновлению русской жизни в целом. Также казанский депутат полагал не только возможным, но и необходимым признание безусловной свободы перехода из одного исповедания в другое, в том числе и не христианское¹.

Законопроект с либеральными уточнениями был принят думским большинством 30 октября 1909 г. Однако существенной преградой на пути превращения проекта в закон стал Государственный совет, отклонивший все изменения, внесенные Думой. Работа согласительной комиссии (24 января 1912 г.) не дала желаемых результатов. Депутаты предпочли предоставить правительству возможность сохранить действующее «временное правило», изданное еще в 1906 г. и ставившее возможность перехода в зависимость от воли местной администрации.

При обсуждении в мае 1909 г. другого важного для утверждения свободы совести законопроекта «О старообрядческих общинах» произошло яростное столкновение различных позиций по вопросу свободы проповеди. Данный законопроект стал первым из числа вероисповедных проектов, который был вынесен на общее собрание Думы. Его обсуждение состоялось 12, 13 и 15 мая 1909 г. и завершилось принятием документа во втором чтении 15 мая.

С.Максуди, выступивший от имени и по поручению мусульманской фракции, выразил искреннее сочувствие и поддержку старообрядцам и высказал пожелание мусульман, что данный законопроект, так же как и остальные проекты, касающиеся вопроса о свободе совести, будут приняты в ближайшем будущем¹.

Другой принципиальный законопроект «Об инославных и иноверных вероисповедных общинах и обществах» рассматривался вероисповедной комиссией достаточно долго (со 2-й по 5-ю сессии) и был принят. Комиссия объединила два законопроекта, предложенных МВД, и внесла некоторые либеральные поправки в правительственный проект. В частности, в качестве основной религиозной единицы комиссия приняла общину, а не общество, как предлагало правительство; религиозным обществам и общинам предоставлялось право свободного проповедования своего религиозного учения; было уменьшено число лиц, необходимых для создания общины или общества и, наоборот, увеличена стоимость недвижимости, которой могли владеть общины и общества и пр. Доклад по проекту был сделан председателем комиссии октябристом П.В.Каменским 12 декабря 1911 г. Однако вскоре Дума 3-го созыва прекратила свои полномочия, а потому одобренный комиссией законопроект перешел в Думу 4-го созыва, где и благополучно «застрял» вплоть до свержения царизма².

В период работы Думы 4-го созыва власти новых законопроектов, направленных на реализацию провозглашенного принципа свободы совести, не вносили. Более того, правительство забрало еще пять законопроектов из общего числа 11 министерских проектов, находившихся в думском портфеле. Таким

образом, правительство продолжало свое отступление от того рубежа, к которому подошло на пути либерализации вероисповедной политики в период революционных потрясений 1905–1906 гг.

В первую сессию Думы 4-го созыва группа депутатов выступила с законодательной инициативой, внеся законодательное предположение «О свободе совести», поддержанное 32 членами фракции народной свободы (3 декабря 1912 г.). Данное законодательное предположение повторяло текст аналогичного проекта, внесенного еще в Думу I-го созыва. Первой стояла подпись П.Н.Милюкова. Остальные подписи также принадлежали преимущественно кадетам. С обоснованием предложения выступил сам инициатор П.Н.Милюков. Во время прений по вопросу о желательности социал-демократ М.И.Скобелев внес еще более радикальную поправку — уничтожить привилегированное положение господствующей церкви. Киевский депутат Н.А.Жилин, наоборот, выступал против признания законопроекта желательным, так как он провозглашал равенство всех вероисповеданий. После традиционного обмена взаимноисключающими друг друга предложениями в конце концов законодательная инициатива была признана желательной и направлена в комиссию по вероисповедным делам, где благополучно дождалась Февральской революции. В феврале 1916 г. группа депутатов вновь выступила за отмену национально-религиозных ограничений. Однако все без исключения министры высказались против разработки такого законопроекта, в лучшем случае предлагая отложить решение проблемы до окончания войны.

В целом наибольшее число вероисповедных законопроектов было внесено в период Думы 2-го созыва, но наиболее активно они рассматривались уже в третьей Думе. Принятые Думой 3-го созыва законопроекты, направленные на осуществление свободы совести, стали, по общему признанию либеральных депутатов и публицистов, самой светлой страницей в деятельности российского парламента периода «третьеиюньской монархии». Однако верхняя палата и неуклонно отступавшее от провозглашенных принципов правительство свели на нет все усилия депутатов. Вплоть до Февральской революции вся религиозная политика в отношении представителей неправославных конфессий регулировалась на основе всевозможных временных правил и циркуляров. Судьба всех инакомыслящих и отпадавших от православия инородцев, в том числе и мусульман, всецело находилась в руках местной администрации. Следовательно, «фактическая возможность» в любое время, по воле власти, могла превратиться и нередко превращалась в «фактическую невозможность», против чего выступали либеральные правоведа и сторонники гражданского общества.

6. Мусульманские проекты реформы органов духовного управления

Кроме обсуждения религиозных законопроектов общего характера, мусульманские депутаты также поднимали проблему реформирования органов религиозного управления в соответствии с нуждами и потребностями мусульманского населения. Именно эти вопросы рассматривались в качестве важнейших, первоочередных и разрабатывались идеологами мусульманского политического движения наиболее тщательно. Можно даже сказать, что в начале XX в. эти вопросы находились в самом эпицентре общественного внимания, а благодаря прессе они приобрели публично-массовый характер. Это было совершенно новым явлением, невиданным для второй половины XIX столетия.

В период с конца 1904 г. и до весны 1906 г., т.е. вплоть до созыва Государственной думы, в правительственные органы поступило более 500 прошений и ходатайств от мусульманского населения, большая часть которых касалась вопроса о духовных делах¹. Поскольку для предварительной проработки вопроса было создано Особое совещание по делам веры под председательством А.П. Игнатьева, все прошения мусульман были сосредоточены в одном месте, разбиты по губерниям, проклассифицированы и проанализированы чиновниками Департамента духовных дел.

Сотрудники департамента, так же как и автор «Записки по делам веры суннитов-мусульман» В.П.Череванский, ставшей квинтэссенцией требований мусульман и отношения к ним правящей элиты, отмечали необычайное множество дублирующих друг друга прошений, общие положения и повторы во многих ходатайствах, а также терминологию, явно недоступную и чуждую для большинства неграмотного мусульманского населения империи. Из этого они делали вывод о том, что эти прошения были инициированы небольшой «кучкой» татарской интеллигенции и не отражают мнение большинства мусульман. На мой взгляд, наличие большого количества дублирующих друг друга прошений, но с оригинальными подписями и пришедших из различных местностей империи свидетельствует лишь о мобилизационных ресурсах мусульманского сообщества (и прежде всего татар, которым, бесспорно, принадлежит лидирующая роль) и о стремлении их действовать традиционными и доступными им методами воздействия на власть. Важно отметить участие будущих мусульманских депутатов в этой петиционной кампании не только в качестве рядовых просителей, но и зачастую в роли инициаторов и организаторов составления петиций.

Представляется уместным упомянуть несколько ходатайств, составленных по инициативе и при участии будущих мусульманских депутатов. Хронологически одной из первых стала докладная записка, поданная уполномоченными от Казанского мусульманского общества на имя председателя Комитета министров 28 января 1905 г. Докладная записка была подписана уполномоченными С.-Г.Алкиным, А.Г.-К.Апанаевым, А.Я.Сайдашевым и Ю.Х.Акчуриным. Поводом для составления этого документа

стало содержание указа от 12 декабря 1904 г., провозгласившего либерализацию религиозного законодательства. Обещания со стороны правительства и побудили казанских мусульман возбудить ходатайство по важнейшим вопросам. Из тринадцати пунктов докладной записки казанских мусульман большая часть касалась религиозных прав мусульман и мусульманского духовенства, а также прав и полномочий Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (ОМДС).

Указав на недостаточность имеющихся 28 статей свода законов, зачастую противоречащих принципам веры, авторы прошения высказали свои пожелания:

- изменить соответствующие статьи закона (ст. 1431 и 1432 Т. XI. Ч. I, Устава иностранных исповеданий) в плане узаконения избрания муфтия и трех кадиев ОМДС всеми мусульманами округа;
- все брачные, семейные и наследственные дела должны быть исключительно в ведении ОМДС, а посему следует исключить из ст. 1338. Т. X. Ч. I. Закона гражданских соответствующую часть;
- такие вопросы, как разрешение строительства мечетей, открытие мектебов и медресе, определение в них учителей, надзор и управление ими, должны быть полностью в ведении ОМДС, предоставив гражданскому законодательству и органам лишь контроль за сугубо технической стороной строительных работ;
- узаконение вакуфов, предоставление ведения и контроля над вакуфами ОМДС, расширение правил института частных вакуфов;
- в достижение принципа полной веротерпимости в абсолютном значении сего термина предоставить мусульманам такую же свободу слова и печати, какая дарована прессе в целом; духовные сочинения не должны подвергаться светской цензуре, а подлежат рассмотрению ОМДС;
- узаконить возвращение в Ислам тех лиц, кто лишь формально числится христианами, но в действительности исповедуют Ислам с беспрепятственной их регистрацией в среде мусульманского общества;
- мусульманскому духовенству и их потомкам присвоить звание почетных граждан с изъятием их из подсудности судов низшей инстанции, а в отношении воинской повинности уравнивать в правах с правами духовенства православной веры;
- отменить образовательный ценз (обязательное знание русского языка) в отношении кандидатов на духовные должности.

Несколько пунктов касались, строго говоря, не столько религиозных прав, сколько предлагали уравнивать мусульман с остальным населением в общегражданских правах путем снятия некоторых ограничений:

- предоставить лицам мусульманского исповедания всех сословий право издания на общем основании газет, журналов и книг вообще на татарском языке и на языке мусульман Востока и право свободной торговли таковыми повсеместно во всех пределах Европейской и Азиатской России;
- предоставить мусульманским лицам и обществам право открытия частных общеобразовательных и профессиональных мектебов с преподаванием в них предметов общеобразовательного курса на татарском языке;
- предоставить полную свободу проживания, приобретения недвижимой собственности, торговли, общественной деятельности и выбора свободных профессий повсеместно по всей Европейской и Азиатской России, не исключая окраин, наравне с коренным православным населением государства;
- всем российским подданным мусульманского исповедания даровать права государевой службы наравне с православными подданными;
- привлечь к участию в совещаниях комиссий по делам веры при КМ представителей от ОМДС, а также от всего мусульманского общества.

Как видно из ходатайства казанских татар, сформулированные пожелания и просьбы касались прежде всего мусульманского населения Волго-Уральского региона, подведомственного ОМДС. Центральным вопросом всей докладной записки было расширение прав и полномочий мусульманского духовенства во главе с ОМДС. В то же время появление в документе положений, затрагивающих гражданские права мусульман, явилось следствием того, что данное ходатайство было составлено при активном участии юриста С.-Г.Алкина и общественного деятеля Ю.Акчуры. Учитывался и личный опыт — многолетние безуспешные попытки самого С.-Г.Алкина получить разрешение на издание газеты на татарском языке. Данная записка казанских татар была одной из наиболее полных и содержательных, поданных мусульманами Волго-Уральского региона. А ходатайства мусульман Волго-Уральского региона, в свою очередь, наиболее многочисленными, полными и системными из всей массы прошений, поступавших от мусульманского населения Российской империи.

Несмотря на множество повторов и дублирующих друг друга мусульманских прошений, тем не менее сравнительный их анализ позволяет выделить те узловые проблемы, которые волновали мусульман Волго-Уральского региона. Среди наиболее актуальных проблем были такие, как кардинальная реформа органов Духовного собрания с расширением самостоятельности и укреплением финансового благополучия, а также ликвидация ограничений и мелочной опеки со стороны властей. На последнем тезисе

чаще всего настаивали татары, проживавшие в среднеазиатских и степных областях.

Естественно, авторы прошений и ходатайств понимали, что вопрос может быть решен в рамках существующих бюрократических структур. Поэтому для мусульман было важно иметь в них свой голос. В период подготовки к созыву Особого совещания по делам веры (май 1905 г.) оренбургский муфтий представил гр. Игнатьеву список лиц из 13 духовных и 8 светских лиц, рекомендуемых муфтиатом для участия в работе совещания. По мнению муфтия М.Султанова, предлагаемые деятели *«по своим знаниям с религиозным бытом, нравами и обычаями магометан могут быть полезны при исполнении высочайшей воли»*. Среди названных муфтием уважаемых общественных деятелей был и будущий переводчик С.-Г.Алкин. В целом примечательно, что среди указанного 21 мусульманского деятеля шестеро впоследствии будут избраны в Государственную думу¹.

Впрочем, ни предложения оренбургского муфтия, ни иные попытки мусульман включиться в процесс определения контуров будущих преобразований не были восприняты русским чиновничеством. Более того, просьба участников второго мусульманского съезда (январь 1906 г.) передать мусульманам все петиции и ходатайства для подготовки проекта реформирования духовных учреждений в направлении, желательном для мусульманского населения, была оценена правой прессой как акт обычной «развязанности» мусульман, желающих ни много ни мало учредить в Оренбурге или Уфе «великий муфтиат»².

Широкая программа реформирования управления духовными делами мусульман, принятая третьим мусульманским съездом 15 августа 1906 г., стала программной и для членов мусульманской фракции. В числе основных пунктов программы был вопрос о выборности муфтиев, об уравнивании в правах мусульманского духовенства с православным, о реформе мусульманского прихода и мусульманских духовных учреждений¹. В вопросе о мусульманских духовных учреждениях планировалось провести кардинальную реформу с учреждением муфтиатов в тех регионах, где они отсутствовали, с превращением их в элементы одной структуры с единым центром и единым главой (*раис-уль-ислам*, с правом представления императору по делам мусульманского населения).

Вопросы реформы духовных дел были затронуты и во время поездки муфтия в январе 1907 г. в столицу. Официальной целью поездки было знакомство с новым составом министерств, ведавших мусульманскими делами. А по неофициальной версии, циркулировавшей в прессе, муфтий был вызван для консультации с чиновниками Департамента духовных дел по проекту реформы религиозных учреждений, которое правительство намеревалось внести в Думу 2-го созыва. Накануне поездки муфтий обратился с телеграммой к казанскому купцу А. Сайдашеву с просьбой, чтобы казанские мусульмане прислали в столицу свою депутацию, которая могла бы оказать муфтию необходимую помощь и консультацию при обсуждении в правительстве «мусульманских вопросов». В ответ на просьбу муфтия казанцы послали в Санкт-Петербург трех уполномоченных — двоих мулл и одного светского деятеля, знакомого с законодательством². Но, судя по казанской прессе, поездка их не была особо продуктивной. Кроме нескольких критических высказываний в их адрес, в изданиях практически нет никакой информации о положительных результатах этой депутации.

Безусловно, широкая программа преобразований, принятая мусульманскими съездами, хотя и соответствовала интересам и пожеланиям самих мусульман, не могла быть реализуема в условиях того времени, а особенно с наступлением эпохи реакции. Поэтому внимание мусульманских деятелей, в том числе и депутатов, было сосредоточено на отдельных аспектах этой обширной проблемы.

В начальный период работы Думы 3-го созыва мусульманские депутаты и близкие к ним общественные деятели продолжали работу над различными аспектами программы реформирования духовных дел мусульман. В частности, в 1907–1908 гг. Ю.Акчура трудился над соответствующим законопроектом о «реформе прихода»¹. Основные положения проекта были опубликованы в татарской прессе (например, в газете «Вақыт»), но появившись в не очень удачный момент, они не получили должного внимания общественности. Эмиграция Ю.Акчуры затормозила разработку этого вопроса. Позднее работа в этом направлении будет продолжена Г.Х.Еникеевым, который представил к 1914 г. проект реформы «мусульманского прихода» (точнее было бы сказать, *махалли*).

В феврале 1908 г. казанский губернатор доносил в Департамент полиции о намерении мусульманской депутации в лице казанских мулл Г.Галеева-Баруди, М.-С. Иманкулова и С.Абдуллина выехать в столицу по вызову мусульманской фракции для оказания ей содействия по выработке законопроектов по реформе духовных учреждений и мусульманских конфессиональных школ². Таким образом, в 1907–1908 гг. работа над сбором материалов для предстоящей реформы духовных учреждений продолжалась, хотя порой и не выносилась на публичное обсуждение общественности.

Однако реакционный поворот в правительственной политике, ставший очевидным с 1907–1908 гг., сделал практически невозможным реализацию этих программ и проектов в полной мере. По мере «усмирения страны» все проекты отодвигались в сторону, а ходатайства мусульман стали рассматриваться как «незаконные домогательства». В этих условиях в Думе мусульманские представители предпочитали останавливаться на отдельных частных аспектах большой проблемы, оставив вопрос о комплексной

реформе до более удобного момента.

Например, при обсуждении сметы МВД на 1909 г. другой представитель фракции С.Максуди вновь начал выступление со слов о неудовлетворительном финансировании мусульманского духовенства, красноречиво характеризующем отношение к нему правительства. Однако недостаточное финансирование — лишь «верхушка айсберга», часть комплекса проблем, разрешение которых упирается в необходимость коренной реформы всей системы органов религиозного управления. Причем если в период второй Думы в 1907 г. власти в лице директора ДДДИИ В.В.Владимирова признавали необходимость преобразований, то по мере «усмирения страны», как было сказано выше, все проекты отодвигались в сторону. Кроме того, С.Максуди обратил внимание на отсутствие в высшей законодательной палате представителей многомиллионного мусульманского населения, выступив с предложением к правительству внести законопроект о предоставлении доступа в Государственный совет высшему мусульманскому духовенству¹. Пока же такая льгота была предоставлена лишь православному духовенству.

Весной 1909 г. в прессе вновь стали появляться сведения о том, что члены мусульманской фракции продолжают работу над законопроектом о реформе духовных учреждений, которую вскоре намерены внести на рассмотрение Государственной думы. В сообщениях подчеркивалось, что в основу проекта будут положены принципы, сформулированные в многочисленных петициях 1905–1906 гг., и прежде всего принцип выборности духовных лиц.

В 1912–1913 гг. члены мусульманской фракции продолжали, по-видимому, работать над сбором различных материалов, необходимых для составления проекта по реформированию ОМДС. С этим связаны их неоднократные обращения к населению и в само Духовное собрание.

В январе 1914 г. уже бывший депутат С.Максуди прочитал в «Восточном клубе» лекцию на татарском языке на тему «Организация духовного управления мусульман в России»². Лекция собрала огромную аудиторию — около 500 человек, среди которых наблюдатели отмечали и присутствие значительного числа мулл. После того, как докладчик вкратце осветил историю Оренбургского, Крымского и Закавказского духовных правлений, он подробнее остановился на положении мусульманских общин (*махалля*), на принципе выборности духовенства, на законодательстве о вакуфах. Отвечая на общий вопрос — довольно ли мусульманское население своим положением, докладчик выразился отрицательно. Об этом же свидетельствует около 500 прошений и ходатайств, поданных мусульманами в правительственные органы. Сравнив доклад В.П. Череванского с проектом оренбургского мусульманского духовенства, поданном ревизору Платонникову в период его поездок по Уфимской и Оренбургской губерниям³, С.Максуди нашел последний вариант более полным и более удовлетворяющим нуждам мусульманского населения.

Среди основных пунктов мусульманского проекта были следующие положения:

- выборность всего мусульманского духовенства, от низшего приходского до высшего в лице муфтия и казиев;
- предоставление муллам освобождения от воинской повинности;
- передача *мектебов* и *медресе* в ведение Духовного собрания;
- узаконение *вакуфов*;
- устройство периодических съездов духовенства;
- учреждение в Туркестане особого духовного правления;
- обеспечение мулл содержанием;
- уравнивание мулл в правах с остальным (в первую очередь православным) духовенством⁴.

Известия о разработке правительством в лице ДДДИИ законопроектов (1913), касающихся духовных дел мусульман, а также сообщение о начале с 29 апреля 1914 г. работы «межведомственного совещания по мусульманским делам» при МВД стали сильным катализатором активизации деятельности мусульманской общественности в лице членов мусульманской фракции. По инициативе председателя фракции К.-М.Тевкелева 15–25 июня 1914 г. состоялся съезд представителей мусульманских общественных организаций, признанный в литературе IV мусульманским съездом⁵. Примечательно, что из 40 участников съезда пятнадцать являлись действующими или бывшими депутатами Государственной думы. В работе съезда участвовали шестеро депутатов Думы 4-го созыва — Ибн. Ахтямов, Г.-Л.Байтерьяков, М.-Ю.Джафаров, М.Далгат, Г.Х.Еникеев и К.-М.Тевкелев, а также девять бывших членов российского парламента — А.Ахтямов (Уфа), Дж.Курамшин (Белебей), Ш.Тукаев (д.Стерлибаш), С.Максуди (Казань), Х.Усманов (Каргалы), А.Букейханов (Самара), А.М.Топчибашев (Баку), С.Б.Каратаев (Уральская область), С.-Г.Джантюрин (Санкт-Петербург). По персональному составу этот мусульманский съезд стал самым представительным из всех дореволюционных мусульманских съездов. Однако вследствие ограниченности в количественном отношении, а также в плане подконтрольности участников съезда со стороны правительства работа IV съезда не может быть признана свободной и полностью адекватной настроениям мусульманской общественности.

Основными докладчиками на съезде стали действующие депутаты И.А.Ахтямов (доклады об ОМДС и управлении сибирскими мусульманами, а также обзор основных существующих проектов) и М.-

Ю.Джафаров (о закавказских мусульманах), редактор газеты «Миллят» И.Леманов (о Таврическом духовном правлении); бывшие депутаты С.Максуди (об основных положениях реформы управления духовными делами мусульман России), С.-Б.Каратаев (о положении казахов), А.М. Топчибашев и др. Работа съезда-совещания проходила по трем основным секциям: организационной, по духовно-учебным делам и вакуфной. И хотя многие из поднятых вопросов не были до конца разработаны, в итоге съезд принял проект «Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи». Сначала информация о проекте появилась в мусульманской прессе, а чуть позднее проект был издан отдельной брошюрой.

Поскольку проект составлял основу будущего законопроекта, то и разработан он был на русском языке. Проект состоял из 11 глав и 120 параграфов, в которых были расписаны все важнейшие аспекты функционирования духовных учреждений мусульман. Документ открывался разделом, в котором были описаны общие права и преимущества духовных лиц. Большое внимание было уделено правам и обязанностям различных категорий мусульманских духовных лиц (*имамов, казиев, муфтиев и шейх-уль-ислама*). Два больших раздела проекта были посвящены *вакуфам* и конфессиональным учебным заведениям (*медресе и мектебам*). Данный проект не носил окончательного характера и был открыт для доработки и изменений. Однако он стал тем документом, на основании которого мусульманская фракция должна была определять свою позицию в вопросе о реорганизации духовных управлений и в соответствии с ним корректировать свои действия в случае внесения фракцией законодательного предположения или же во время внесения поправок в правительственный законопроект.

В силу особенностей политической системы страны реализация любых проектов, представленных самими мусульманами, была в принципе невозможна без соответствующего на то согласия правительственных структур. Именно поэтому эти вопросы не были решены, несмотря на неоднократное обращение к ним представителей фракции и мусульманской общественности в целом. Начавшаяся мировая война сделала невозможным разрешение намеченных вопросов ни в правительственном духе, ни тем более в направлении, предпочтительном с точки зрения самих мусульман. Коренная перестройка всей системы взаимоотношения государства и мусульманского населения стала возможной лишь после Февральской революции.

7. Действия мусульманских депутатов в вопросе о назначении муфтием ОМДС Сафы Баязитова²

Для мусульманского населения казанского края одной из важнейших проблем, которая должна быть решена в рамках нового законодательного органа, был вопрос о реформе Духовного управления (ОМДС) и введения принципов самоуправления, в том числе в смысле избрания мусульманами верховного главы — муфтия. Эта проблема поднималась на многочисленных мусульманских съездах и собраниях, в ходатайствах и прошениях. Во всех проектах преобразования духовных дел мусульман, какими бы радикальными или, наоборот, умеренными они ни были, принцип выборности муфтия (для мусульман-шиитов — *шейх уль-ислама*) был неизменным. Еще в 1905–1906 гг., когда в прессе появились первые сообщения о болезни муфтия М.Султанова и намерении последнего в этой связи подать в отставку, мусульманская общественность начала обсуждение кандидатуры будущего главы Духовного собрания. Причем очень быстро от частного вопроса о фигуре будущего муфтия перешли к более принципиальной проблеме установления принципа выборности духовных лиц. Это положение можно встретить практически во всех прошениях и ходатайствах мусульман за 1905–1906 гг. Оно также было включено в решения мусульманских совещаний и съездов той поры. Кроме принципа выборности, обсуждался вопрос о продолжительности срока, на который избирался тот или иной муфтий. Например, на совещании доверенных башкирских волостей, состоявшемся в Уфе в 1905 г., были как сторонники бессрочного правления, так и ограничения срока девятью годами. Во время мусульманских съездов (1905–1908 гг.) наиболее часто высказывались за срок в четыре, пять или семь лет. В конце концов остановились на сроке в пять лет, каковой был также подтвержден в проекте 1914 г.

Обсуждался и вопрос об обязательных качествах потенциальной кандидатуры на должность муфтия. Согласно последнему варианту проекта, каждый из пяти муфтиев (как и *шейх уль-ислам*) должен был выбираться населением из *«отличнейших Казиев и вообще из мусульман, имеющих духовно-ученую степень Мударриса или Ахуна, пользующихся всеобщим уважением мусульман и обладающих высокими нравственными качествами»*.² Еще более определенно необходимые условия были сформулированы в резолюциях III мусульманского съезда, состоявшегося в Нижнем Новгороде в 1906 г.: кандидат на должность муфтия должен быть компетентным в религиозных вопросах, иметь безупречную нравственность и быть знаком с требованиями современной жизни. Вопрос об образовательном цензе претендента на должность муфтия в решениях мусульманских съездов был оставлен без окончательного рассмотрения. Все понимали желательность светского образования для будущего муфтия. Но в силу того, что сложно было бы найти достаточное количество кандидатур, осведомленных в догматико-кораническом праве и одновременно имеющих светское образование, прямого и точного указания о степени образованности кандидатов нет ни в решениях мусульманского съезда 1906 г. ни последнего съ-

езда 1914 г. Жестом в сторону верховной власти был пункт о высочайшем утверждении избранного кандидата (или одного из трех избранных кандидатов) по представлению министра внутренних дел⁴.

Таким образом, несмотря на ряд расхождений и нюансов, в мусульманской среде был достигнут определенный консенсус по наиболее принципиальным вопросам. В татарской прессе также была затронута проблема этичности обсуждения реальных кандидатур при живом духовном главе, поскольку достаточно быстро стало ясно, что правительство вполне намеренно не удовлетворяет ходатайство М.Султанова об отставке. Кандидатура престарелого муфтия, в силу возраста и состояния здоровья и вытекавшей из этого объективной бездеятельности и безынициативности, вполне удовлетворяла верхи. При жизни муфтия этот вопрос из соображений этического плана чаще поднимался лишь в плоскости принципиального решения проблемы о назначаемости (избираемости) муфтия. Ситуация обострилась в 1915 г.: 12 июня после продолжительной и тяжелой болезни скончался муфтий, хаджи М.Султанов.

Через неделю уфимские мусульмане провели собрание, которое постановило обратиться к верховному правителю и министру внутренних дел с просьбой при назначении на должность оренбургского муфтия принять во внимание и пожелания самих мусульман. 12 июля телеграмма аналогичного содержания была послана собранием мусульманского духовенства Казани за подписью Г.Галеева (Г.Баруди)¹. Таким образом, у заинтересованных в благоприятном разрешении вопроса мусульман затеплилась надежда, что в поисках новой кандидатуры на вакантную должность власти все же будут вынуждены выслушать пожелания самих мусульман. Проблема активно обсуждалась и в татарской прессе Казани. Причем в непосредственной взаимосвязи с той или иной конкретной кандидатурой (чаще всего высказывались кандидатуры С.Максуди, Г.Баруди, М.Бигиева и др.) вновь поднимался вопрос о тех качествах, которым должен отвечать будущий муфтий. В частности, издания, агитировавшие за С.Максуди (прежде всего газеты «Юлдуз», «Вақыт» и др.) настаивали на желательности светского образования. Иную позицию занимали претенденты, не обладавшие этим «достоинством». В этом плане показательны речи, произносившиеся на вышеуказанном собрании казанских мулл, состоявшемся в начале июля. По сообщениям казанского губернатора, участники собрания в своих речах развивали мысль, что европейски образованный муфтий, да притом с прогрессивными взглядами, окажет еще более губительное влияние на вековые устои Ислама, чем даже такой бюрократ, как покойный муфтий. Интересен следующий пассаж из отчета губернатора: *«Прогрессивный и образованный муфтий, по мнению Г. Галеева, под влиянием новых веяний среди татарской интеллигенции может дойти до того, что начнет производить реформацию таких обрядов, как пост, переноса его, например, на такое время года, когда дни бывают очень короткие. Реформы такого муфтия в конце концов могут привести религиозность татар на ту степень, на которой находится она в настоящее время у русской интеллигенции...»*¹. Насколько это донесение буквально передает содержание речей установить практически сложно, но сомнений нет, что острие критики было направлено против кандидатуры М.Бигиева². Таким образом, требования, предъявляемые к кандидатуре будущего муфтия, отражали не просто столкновение различных мнений, но и борьбу различных группировок в татарском обществе, а подчас и просто-напросто подгонялись под интересы потенциальных кандидатов.

Надо сказать, что за сравнительно небольшой срок — полтора месяца, прошедший с погребения М.Султанова до назначения нового муфтия (12.06.1915 — 27.07.1915), как в прессе, так и в коридорах департамента и иных заинтересованных ведомств обсуждались различные кандидатуры. Среди них были бывшие казанские депутаты С.-Г.Алкин и Г.Х.Еникеев (креатура более умеренных кругов). Но самой обсуждаемой была фигура бывшего депутата от Казанской губернии С.Максуди. Самыми влиятельными и популярными среди мусульманского населения кандидатурами признавались С.Максуди и Г.Галеев-Баруди. Однако оба мусульманских кандидата с точки зрения государственных интересов в глазах чиновников являлись крайне неподходящими: за С.Максуди тянулся шлейф славы одного из наиболее активных думских деятелей, боровшихся за мусульманские «национальные» интересы. Г.Баруди в свое время привлекался к административной ответственности и высылке из Казанской губернии за «панисламистскую деятельность». И хотя власти, после возвращения казанского муллы на родину, были вынуждены утвердить его в прежней должности, тем не менее они сохраняли стойкое недоверие к его «благонадежности».

В то же время взор чиновников был остановлен на кандидатуре петроградского ахуна С.Баязитова, который уже 27 июля 1915 г. был утвержден императором. Мусульмане-прогрессисты (назовем их так условно) действовали иными методами, преимущественно неприемлемыми для властей: используя прессу, они пытались апеллировать к общественности, ходатайствовали о созыве съезда для избрания предпочтительных кандидатур. Последнее обстоятельство было абсолютно неприемлемо для правительства — не только по ряду соображений военного времени, но прежде всего из-за опасений общемусульманского единства. Наконец прогрессисты организовали посылку телеграмм с протестами, когда решение было уже свершившимся фактом. Центральную роль в этом движении протеста играла мусульманская фракция, так же как и бывшие мусульманские депутаты. В частности, после появления в газете «Новое время» сообщения о предполагаемом назначении С.Баязитова члены мусульманской

фракции обратились к председателю Государственной думы М.Родзянко с просьбой устроить прием у министра внутренних дел для изложения аргументов мусульманской общественности. Но письмо это поступило в департамент с опозданием на три дня — 30 июля¹.

Когда стало известно о состоявшемся решении, в татарской прессе произошел новый всплеск — на этот раз кампании протеста. 7 августа телеграмму с протестом послали мусульмане Казани. Первыми стояли подписи бывших депутатов С.-Г.Алкина и С.Максуди. Авторы телеграммы выражали то чувство глубокой печали и сожаления, которые вызвали поспешность принятия решения и нежелание властей учитывать симпатии и мнение большинства мусульманского населения страны². Телеграмма была послана на восемь адресатов: председателю мусульманской фракции К.-М. Тевкелеву, председателю Государственной думы М.В. Родзянко, депутатам И.В.Годневу, П.Н.Милюкову, И.Н.Ефремову, А.Ф.Керенскому, А.Д.Протопопову, князю В.М.Болконскому. Среди подписавших телеграмму, кроме бывших депутатов С.-Г.Алкина и С.Максуди, также были известные казанские общественные деятели Фахрелислам Агеев, Гильмутдин Шараф, Заки Валиди, Валидхан Таначев, Гафур Кулахметов, Ибрагим Биккулов, Ахмет-Гарай Хасанов, Махмуд-Фуад Туктаров, Шихап Ахмеров, Фатых Амирханов, Ахмед-Хади Максуди, Габделбари Баттал, Исмагил Амирханов, Ахмед Урманчеев и Шагид Ахмадеев. Одновременно текст телеграммы был опубликован в татарских периодических изданиях (газетах «Кояш» и др.)³. Примечательно, что под телеграммой, опубликованной в газете, появились новые имена, а сам ее текст был гораздо более резким, нежели содержание оригинальной телеграммы, посланной в столицу. В газетной публикации казанские татары настоятельно требовали, чтобы члены фракции использовали все свое влияние на смещение неугодного мусульманам С.Баязитова с поста муфтия ОМДС. Они также настаивали на внесении от имени фракции законопроекта «Об установлении выборного начала при определении муфтия»⁴. Телеграммы-протесты поступили также от мусульман Уфы, Иркутска, Красноярска, Петрограда, Самары и др. Безответными, по сути, остались и прошения членов Государственной думы К.-М.Тевкелева, Ибн. Ахтямова и М.-Ю.Джафарова о встрече с министром внутренних дел с целью попытаться изменить принятое решение. Неудачей окончилась и попытка депутата И.В.Годнева, выразившего протест против кандидатуры С.Баязитова от имени мусульман Казани, лишенных собственного представителя в Думе⁵. Публикации в прессе с «антибаязитовским» содержанием становились предлогом для репрессий по отношению к отдельным периодическим изданиям. Такими репрессивными мерами властям удалось достичь видимого успокоения мусульманской общественности. Но это было лишь видимость успокоения. Если и не принимать во внимание нападки прессы и публичные выступления представителей мусульманской фракции, то даже власти отчетливо осознавали, что было слишком много симптомов недовольства.

В одном из своих частных писем, явно не предназначенном для огласки, епископ Андрей писал директору Департамента духовных дел Г.Б. Петкевичу: «...положение Баязитова все-таки отчаянное, и нужно иметь ему много ума и такта, чтобы удержаться» (март 1916 г.)⁶. Но удержаться ему все же не удалось. Как только произошла Февральская революция, одним из первых действий мусульманской общественности стало немедленное свержение ненавистного муфтия⁷. Более того, даже назначение бывшего муфтия на весьма незначительную должность младшего (внештатного) помощника военного ахуна Петрограда вызвало среди мусульман неадекватную, по сути, бурю возмущения и протеста. Причем гнев мусульман пал не только на самого опального Баязитова, но и на сотрудников министерства С.Котляревского и Г.Тарановского. Последний был заклеен «реакционером», с которым надлежало немедленно разобраться. С.Котляревскому стоило больших усилий защитить своего сотрудника от нападков и успокоить мусульманскую общественность. Первым же избранным муфтием стал казанский имам и активный участник антибаязитовской кампании 1915 г. Г.Баруди.

Подводя итоги всей этой недолгой по времени, но весьма бурной эпопеи с назначением последнего дореволюционного муфтия ОМДС, можно сделать несколько умозаключений. Та крайняя нетерпимость, которую проявили мусульмане Волго-Уральского региона в отношении С.Баязитова, особенно в весенние месяцы 1917 г., не вызывает симпатий и ее трудно оправдать. Но представляется, что подобная реакция мусульман могла иметь характер «распрявившейся пружины»: чем упорнее власть пыталась игнорировать мнение активного большинства мусульманского населения, тем сильнее были стремления мусульман взять реванш. Судьба С.Баязитова в этой истории была в некоторой степени предопределена той ненормальностью, которая пронизывала взаимоотношения традиционной власти (в лице ее чиновничества) и общества (в лице наиболее активной и политизированной части мусульманского общества).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История российского парламентаризма сложна и противоречива. Она отражает непростой, противоречивый процесс политической модернизации страны, драматичный и извилистый путь российского

народа к гражданскому обществу. Государственная дума в политической системе Российской империи начала XX в. не была привилегированным или полновластным институтом. Ее функции были сильно ограничены традиционной властью. Однако с 1906 г. политическая система России была немыслима без представительного органа власти в лице Думы. Не менее важно было и то, что сами депутаты воспринимали Думу в качестве парламента, а себя в качестве парламентариев и исходя из этой установки выстраивали свою политическую деятельность.

Характер и специфика российского парламентаризма не только сказались на облике реформируемой политической структуры страны, но и оказали влияние на деятельность в Думе отдельных фракций и депутатских групп. Чем меньше было шансов у думских проектов обрести силу закона, чем менее «властной» становилась Дума как одна из ветвей власти, тем большее значение придавалось ее представительской функции. Депутаты, особенно оппозиционные, чаще и охотнее апеллировали к своим представительским обязанностям и пытались выступать в качестве «гласа народа».

Как и в других европейских странах, в России была принята доктрина национального представительства: член парламента представляет не избирателей своего округа, а нацию в целом. Поэтому избиратели не могли давать членам Думы наказы и отзываться своих представителей, так же как депутаты не должны были отчитываться перед своими избирателями. Несмотря на отсутствие подобных функций депутатов, в действительности же многие депутаты, особенно избранные по крестьянской курии в период работы первых двух Дум, позиционировали себя в качестве народных избранников, получали многочисленные наказы и старались на них незамедлительно реагировать. Наказы и прошения с мест чаще всего воплощались в форму запросов о тех или иных противоправных действиях властей, которые депутаты стремились провести через парламент. Наиболее активными в составлении или поддержке запросов были казанские депутаты, принадлежавшие преимущественно к блоку оппозиционных фракций: А.Л.Лунин (51 поддержанный запрос), С.В. Дунаев (40), П.А.Ершов (39), И.Е.Лаврентьев (26), К.В.Лаврский (23), И.В.Годнев (26), С.Максуди (13), А.В.Васильев (14), М.Я.Капустин (16), Г.Ф.Шершеневич (12). Использование депутатами права интерpellации преследовало цель сделать исполнительную власть подконтрольной общественному мнению, приручало традиционную власть действовать с оглядкой на возможные последствия публичных дебатов и общественного резонанса. Депутатские запросы были направлены на выявление и критическое осмысление неправомерных действий исполнительной власти, защиту существующего правопорядка от незаконных и злоупотреблений властных органов, а потому выполняли важную роль в процессе формирования в России элементов гражданского общества.

Одной из важнейших функций Государственной думы было законотворчество. Хотя преимущественные права в законотворчестве были предоставлены правительственным органам (министерствам и департаментам), которые вносили на рассмотрение депутатов проекты, а члены Думы в основном занимались рассмотрением министерских законопроектов, думская инициатива не исключалась полностью. За довоенный период (1906–1914) депутатами было инициировано не менее 354 законопроектов, из которых две трети (около 240) были поддержаны казанскими депутатами. Среди наиболее активных в этом отношении депутатов были И.В.Годнев (72), В.А.Карякин (40), А.Л.Лунин (39), А.В.Смирнов (26), М.Я.Капустин (28), А.Н.Боратынский (24), С.Максуди (18). Но казанские депутаты не только поддерживали своими подписями те или иные думские проекты, нередко они сами выступали в качестве инициаторов. Первенство в составлении и продвижении собственных законодательных инициатив принадлежало трем казанским депутатам: И.В.Годневу (6), В.А.Карякину (6) и М.Я.Капустину (3). Из числа мусульманских депутатов безусловным лидером был С.Максуди (2). К сожалению, большая часть законотворческих инициатив казанских депутатов оказалась безуспешной и была заблокирована правонационалистическим думским большинством. Но такова была печальная участь подавляющего большинства законопроектов, разработанных и внесенных думскими фракциями и депутатскими группами.

Несмотря на незначительные итоги законотворческой деятельности дореволюционной Думы, функционирование российского парламента имело большое значение для формирования политического ландшафта страны. Думский фактор стал наиболее значительным для формирования основ многопартийности в российском обществе начала XX в. Появление легальной возможности и необходимость борьбы за представительство заметно активизировали процесс формирования политических партий и движений. Более того, партийная деятельность большинства провинциальных отделений политических партий необычайно оживлялась в предвыборный период и, наоборот, становилась едва заметной с ее окончанием. На страницах провинциальных периодических изданий (кадетской «Камско-Волжской речи», правонационалистического «Казанского телеграфа», татарских «Юлдуз» или «Кояш» и др.), выступавших в качестве печатного органа той или иной политической партии, сообщения о парламентских заседаниях были главными политическими новостями.

Деятельность депутатов не ограничивалась лишь составлением запросов или собственных законопроектов. Депутаты рассматривали министерские законопроекты, принимали или же отклоняли их, участвовали в составлении и принятии бюджета, выступали с думской трибуны по актуальным пробле-

мам и наиболее болезненным вопросам современной жизни российского общества. Среди обсуждавшихся в Думе вопросов, пожалуй, не было ни одного, который в той или иной степени не волновал бы казанских депутатов. Однако из общей массы разнообразных проблем все же можно выделить несколько, которые были самыми важными. В блок социально-экономических проблем входят аграрный вопрос, переселенческая политика и продовольственная помощь голодающим слоям населения. Среди государственно-правовых проблем выделяются вопросы о государственном строе, гражданских свободах, в том числе и о свободе совести, расширении избирательных прав населения (предоставление избирательных прав женщинам или же лишенных подобных прав инородцам окраин), судебной реформы и реформы органов местного самоуправления. Принимая во внимание многонациональный и поликонфессиональный состав населения Казанской губернии, не удивительно, что среди наиболее значимых проблем можно выделить религиозное законодательство, вопросы народного (в том числе и инородческого) образования. То обстоятельство, что среди казанских депутатов во всех Думах был представитель университетской профессуры, обусловило повышенное их внимание к университетской реформе. Наконец, весьма важными были и различные аспекты социальной политики, включающие в себя прежде всего вопросы о праздничных днях и о мерах по борьбе с пьянством. Можно сказать, что именно по этим вопросам казанские депутаты занимали наиболее активную позицию, выступали в комиссиях и с думской трибуны во время обсуждения различных законопроектов, запросов и деклараций. Названные проблемы затрагивали интересы широких слоев (преимущественно малоимущих) населения, а потому были наиболее болезненными. Одновременно целый блок вопросов касался национальной и религиозной политики правительства, затрагивал интересы «инородческого» (татарского прежде всего) населения края.

Государственная дума была в имперской России единственной всероссийской трибуной политического характера, с которой народные избранники могли публично и легально защищать свои корпоративные интересы, учились выражать свои требования и находить нужных политических союзников, привыкали к неизбежному компромиссу и балансу интересов. Можно утверждать, что интересы и пожелания татарского населения в российском парламенте озвучивали прежде всего члены мусульманской фракции, официально оформленной в Думе 2-го созыва. Среди депутатов, избранных в Думу мусульманским населением губернии, С.Максуды, Г.Еникеев, С.-Г. Алкин принадлежали к наиболее активным и ярким парламентским деятелям. Бесспорно, они могут быть отнесены к формирующейся национальной политической элите. Значительный след в истории Государственной думы был оставлен такими казанскими депутатами, как профессора Казанского императорского университета Г.Ф.Шершеневич, А.В.Васильев, М.Я.Капустин и А.В.Смирнов, приват-доцент И.В.Годнев, предприниматели В.А.Карякин и З.М.Таланцев, защитники обездоленного крестьянства и рабочего класса П.А.Ершов, юрист К.В.Лавровский и А.Л.Лунин, общественные и земские деятели А.Н.Боратынский и В.В.Марковников. Названные депутаты имели различные политические взгляды, неодинаков был их социальный и имущественный статус, по-разному, подчас весьма трагично, сложился их жизненный путь. Деятельность казанских парламентариев в качестве народных избранников, представление и защита (а в ряде случаев и игнорирование) ими в общеимперском парламенте интересов населения Казанской губернии составляют весьма важную и поучительную страницу в истории нашей страны.

Биографические очерки депутатов Государственной думы от Казанской губернии

Абрамов

Яков Абрамович

(1873–?) — депутат Государственной думы 1-го созыва

Яков Абрамович Абрамов родился в крестьянской семье в с.Абеево Ядринского уезда Казанской губернии. По национальности — чуваш, православного вероисповедания; закончил двухклассное уездное училище. В 1895–1902 гг. служил на Московско-Казанской железной дороге. В Думе вошел во фракцию трудовиков. Вернувшись после роспуска Думы домой, Я.Абрамов сразу же попал под надзор полиции. Однако полицейские чины доносили лишь то, что бывший депутат «с крестьянами лишнего говорить не позволяет себе». В период выборов во вторую Думу участвовал в съезде уполномоченных от волостей и был избран выборщиком по Ядринскому уезду, однако в депутаты не прошел.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Алкин

Саид-Гирей

Шагиахметович

(13(16).07.1867 — 1919) — депутат

Саид-Гирей Шагиахметович Алкин родился в с. Белый ключ (Алкино) Мамадышского уезда Казанской губернии¹. Однако его можно назвать коренным казанцем. С этим городом была связана судьба не только самого Саид-Гирея, но и всех членов его семьи, а также других представителей большого рода Алкиных².

Одно из наиболее ранних упоминаний о представителях династии Алкиных датируется концом XVIII в. Речь идет о подпоручике (позднее поручике) Мухамете Алкине, получившем в 1795 г. за службу землю в Свияжском уезде Казанской губернии. Однако в литературе в гораздо большей степени известен его сын Шагиахмет Мухаммедович (иногда Шах-Ахмет Мухамедов или по распространенной традиции того времени Алексей Михайлович, 1812–1877/78)¹. Происходя из обер-офицерских детей и проучившись несколько лет в 1-й мужской Казанской гимназии, он был вынужден по семейным обстоятельствам оставить учебу, не окончив полного гимназического курса. В 1825 г. Ш.Алкин поступил на службу в канцелярию казанского губернатора. К 1833 г. он уже дослужился до должности пристава сначала второй, а чуть позднее первой части Казани. При его непосредственном участии было успешно расследовано несколько запутанных дел, а в центральной части Казани был наведен образцовый порядок. Поощряя в 1841 г. его служебные заслуги наградой, руководство городской администрации характеризовало Ш.М.Алкина следующими словами: *«Чиновник сей, находясь при Казанской полиции частным приставом с 1833 г., всегда обращал на себя особенное внимание начальства как по отличным его нравственным качествам, так и по неутомимой деятельности полицейской службы. Управляя главнейшею частью города по народонаселению и торговле, он соблюдает всегда строгую справедливость в разборах жалоб и сохранении общественного порядка»*.

В 1846 г. Ш.Алкин был назначен помощником полицмейстера Казани, замещая последнего во время частых отъездов, и находился в этой должности до выхода в отставку по болезни в 1859 г. Авторитет и влияние Ш.Алкина определялись не только высоким служебным положением, но и подкреплялись тем фактом, что подобного положения смог достичь иноверец, не поменявший свою веру на господствующее в стране христианство. Более того, Ш.Алкин, как позднее его дети и внуки, несмотря на характер профессиональной деятельности и преимущественно светское русское образование, не порывал тесной связи с мусульманской общиной Казани и татарским обществом в целом. Говоря о его необычайно высоком авторитете среди мусульманского населения Казани, Дж. Валиди писал следующее: *«В это время Казанским полицмейстером был Шаги Ахмет-Мирза Алкин. Казанское духовенство всячески старалось угодить этому сановнику и в оба мусульманских великих праздника делало первый визит Алкину, а потом обязательно Юнусову»*. Свое влияние Ш.Алкин использовал, в частности, для поддержки Шигабутдина Марджани от нападок местных мулл и сохранения его медресе в неприкосновенности. В 40-х гг. он также состоял директором Юнусовского приюта для бедных мусульман.

В 1841 г. Ш.Алкин подал прошение об утверждении его в дворянском звании. Согласно архивным документам, Ш.Алкин был причислен к дворянскому сословию на основании правительственных наград (орден Св. Анны 3-й степени), дававших по российскому законодательству подобное право. Известно, что в 1847 г. данное решение Дворянского собрания было подтверждено Департаментом герольдии Сената. В итоге род Алкиных был включен в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии. Сам Шагиахмет и его потомки принадлежали к весьма крупным и состоятельным собственникам: в 1877 г., незадолго до смерти, он владел землей в Мамадышском уезде (1281 десятина) и каменным домом в первой части Казани (по улице Воскресенской). Последний был оценен в 1916 году в 80680 руб. и находился в совместном владении четверых братьев и двух сестер — Саид-Гирея, Сари-Оскара, Бахрам-Гирея, Ибниямина, Биби-Марьям и Зулейхи. По некоторым сведениям, этот каменный дом в 1916 году перешел в собственность фон Гильзе фон дер Пальс¹.

Семья Шагиахмета и его второй жены, дочери купца 1-й гильдии Курбангалея Арсаева, Хусни Курбангалеевны Алкиной была традиционно многодетной². Супруги воспитывали четверых сыновей — Ибниямина, Саид-Гирея, Бахрам-Гирея, Сари-Оскара и трех дочерей — Зулейху (позднее вышедшую замуж за М.Пинегина), Хадичу (жену Шагбаз-Гирея Ахмерова)³ и Марьям (в замужестве Саинову). Старший сын — Ибниямин (23.07.1864 — ?) окончил юридический факультет Казанского университета и до выхода в 1908 г. по болезни в отставку служил судебным следователем. Он был женат на Фахризиган Мухамет-Садыковне Бурнаевой¹. Младшие сыновья Шагиахмета — Бахрам-Гирей (14.09.1871 — ?)² и Сари-Оскар (01.02.1875 — ?) имели среднее гимназическое образование и жили преимущественно в родовом имении, занимаясь делами поместья, расположенного в Мамадышском уезде Казанской губернии.

На политическом и общественном поприще гораздо более значительный след был оставлен вторым сыном Шагиахмета — Саид-Гиреем. После окончания в 1887 г. 1-й Казанской мужской гимназии он поступил в Казанский университет на медицинский факультет. Проучившись два года (4 семестра) на медицинском факультете, возможно, не без влияния старшего брата-юриста, Саид-Гирей вскоре пере-

шел на юридический факультет, который и закончил в 1893 г. с дипломом первой степени.

После окончания университета он начал службу по ведомству Министерства юстиции: первоначально кандидатом на должность судебного следователя (1893 — 1896), позднее перешел в адвокатуру. Стажировался у таких известных казанских адвокатов, как Иван Терентьевич Орлов и Федор Августович Брокмиллер. В сентябре 1898 г., по истечении пятилетнего срока службы по судебному ведомству, С.-Г.Алкин подал прошение о зачислении его в сословие присяжных поверенных. В соответствии с законом *«принятие в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианских вероисповеданий допускалось не иначе как с разрешения министра юстиции»* (примечания к статье 380 учреждения судебных установлений, Свод законов. Т. XVI. Ч. 1. Изд. 1892 г.). Следует сказать, что либеральные судебные реформы 60-х гг. не знали никаких ограничений для занятия юридической практикой по вероисповедному признаку. Подобные ограничения в отношении частных и присяжных поверенных (адвокатов) впервые появились в 1889 г. и касались поначалу лишь евреев. Позднее эти ограничения стали применяться и в отношении мусульман. Однако в 90-е гг. мусульмане еще не представляли с точки зрения чиновников судебного ведомства никакой опасности, поскольку число адвокатов-мусульман было очень незначительным. Поэтому в случае с С.-Г.Алкиным ходатайство общего собрания Казанского совета присяжных поверенных не вызвало возражений министра юстиции. Более того, С.-Г.Алкин стал первым присяжным поверенным из казанских татар. Длительное время он оставался единственным адвокатом-мусульманином в Казани. Всю свою жизнь С.-Г.Алкин посвятил избранной профессии, всегда оставаясь, по отзывам коллег, *«корректным, добросовестным и честным присяжным поверенным»*. Лишь Советская власть положила конец его адвокатской деятельности, заменив буржуазный суд и адвокатуру пролетарским революционным трибуналом.

Несмотря на занятость, С.-Г.Алкин не ограничивался лишь служебными адвокатскими обязанностями, но и принимал активное участие в общественной жизни Казани. В 1902 г. он был назначен почетным попечителем Казанской татарской учительской школы, а на следующий год был избран гласным Казанской городской думы состоял членом ряда комиссий городской управы. В январе 1904 г. был делегирован в качестве одного из представителей Городской думы в юбилейную комиссию по празднованию столетия Казанского университета. В ноябре 1901 г. С.-Г.Алкин был избран действительным членом Казанского юридического общества при университете. В 1905/06 учебном году С.-Г.Алкин читал лекции в медресе «Мухаммадия» по предмету право.

В 1905–1906 гг. С.-Г.Алкин принимал активное участие в создании и деятельности «Союза мусульман», являясь членом ЦК этой партии и делегатом всех дореволюционных мусульманских съездов. Наконец, нельзя не отметить, что С.-Г.Алкин стал первым из казанских татар, кто сумел добиться права издавать газету на татарском языке. Его газета «Казан мухбире» (Казанский вестник, 1905–1911) являлась первой татароязычной газетой в Казани и второй — в пределах империи. «Казан мухбире» пользовалась уважением и популярностью среди читающих татар не только как «первенец» татарской прессы. Газета воспринималась современниками как мусульманско-кадетское издание, орган мусульманского союза. В качестве рупора либеральных идей она получала значительную материальную и моральную поддержку от прогрессивно мыслящих слоев татарского общества.

Придерживаясь, как и многие правоведы того времени, либеральных взглядов, С.-Г.Алкин одновременно был тесно связан с мусульманским движением, выступал приверженцем идеи просвещения народа, его культурного и политического развития. Он был среди тех, кого в официальной терминологии называли не иначе как «прогрессивным националистом». Может быть, подобной позицией объясняется его активное участие в составлении петиций и обращений к властям, участие в поездках в составе татарских deputаций в Петербург и других акциях мусульманского населения края. По словам М.-Ф.Туктарова, человека весьма критичного и близко знавшего Алкина, *«Саид-Гирей эфенди среди казанских татар, занимавшихся общественной деятельностью, первый и единственный просвещенный татарин. Когда возникает необходимость избрать и послать куда-либо своего представителя, сознательные и мыслящие татары всегда выбирают и посылают Саид-Гирея эфенди»*¹. Знатное происхождение, связи, хорошее образование, знание законов и блестящее владение русским языком — все это способствовало тому, что С.-Г. Алкин стал своеобразным связующим звеном между мусульманской общественностью Казани, с одной стороны, и русским обществом, а также местной администрацией — с другой.

В первую Государственную думу С.-Г.Алкин был делегирован мусульманским населением Казанской губернии, которое на своих предвыборных собраниях вынесло решение о том, что в Думу должны быть избраны представители трех основных групп мусульманского населения губернии — по одному депутату от духовенства, крестьян и интеллигенции (*зыялылар*). С.-Г.Алкин представлял именно зарождающуюся татарскую светскую интеллигенцию.

В Думе С.-Г. Алкин вошел во фракцию кадетов и с первых же дней попытался объединить депутатов-мусульман в отдельную фракцию. Однако кратковременность работы первой Думы не позволила завершить это начинание. В первой Думе отдельная мусульманская фракция хотя и была образована,

но не была официально зарегистрирована. Кроме того, он был избран членом двух комиссий: аграрной и гражданского равноправия. С думской трибуны казанский депутат выступил только один раз. В своих позднейших воспоминаниях, посвященных светлой памяти первого думского председателя С.А.Муромцева, С.-Г.Алкин писал о том, как для него было непривычно и волнительно выступать с трибуны перед такой большой и представительной аудиторией.

Подобно многим либерально настроенным коллегам, С.Г.Алкин подписал «Выборгское воззвание» и, соответственно, был привлечен к суду. На суде он не отрицал факта подписания «Воззвания», но отказывался от участия в распространении этого документа в стране. Наряду с другими обвиняемыми был признан виновным (декабрь 1907 г.) и подлежащим отбывать трехмесячное тюремное наказание.

Еще раньше в совете присяжных поверенных Казанской судебной палаты был поднят вопрос о возможности оставления его в сословии присяжных поверенных. Поскольку факт виновности С.-Г.Алкина не был признан судом, коллеги по цеху отказались не только исключить его из своего сословия, но даже не стали возбуждать вопроса о дисциплинарном наказании. По протесту прокурора это решение совета присяжных поверенных было пересмотрено. Определением общего собрания департаментов Казанской судебной палаты от 29 декабря 1906 г. С.-Г.Алкин был отстранен от адвокатской практики на время судебного разбирательства. После отбытия им всего трехмесячного срока и выхода из тюрьмы, в сентябре 1908 г. С.-Г.Алкин подал заявление о разрешении вернуться к адвокатской практике. Но это ходатайство было оставлено без внимания. Более того, в октябре 1908 г. прокурор Казанского судебного округа обратился в совет присяжных поверенных с предложением рассмотреть вопрос о «*возможности оставления С.-Г.Ш.Алкина в сословии присяжных поверенных*», как обвиненного в антигосударственном преступном деянии. Разбирательство тянулось достаточно длительное время, так как в ноябре 1909 г. казанский совет присяжных поверенных вновь рассматривал «дело Алкина». К чести казанской адвокатской коллегии, члены совета постановили, что «*будучи отстраненным от практики на время свыше 14 месяцев*», Алкин уже был дисциплинарно наказан, а потому не подлежит новому наказанию. Более того, по словам его коллег, «*приговор суда ... ни в коей мере не препятствует присяжному поверенному Алкину оставаться таким же корректным, добросовестным и честным присяжным поверенным, каким он был и остается до настоящего времени*». Однако общее собрание Казанской судебной палаты, в отличие от более либерально настроенных адвокатов, в январе 1910 г. постановило воспретить бывшему депутату адвокатскую практику еще на шесть месяцев. Только с осени 1910 г. С.-Г.Алкин смог вернуться к полноценному исполнению своих служебных обязанностей.

Некоторое время после разгона первой Думы С.-Г.Алкин стоял в стороне от общественной и политической деятельности. Отчасти это было связано с «Выборгским воззванием». Например, по указанию казанского губернатора опальный бывший депутат не допускался на заседания городской управы, членом которой состоял. И хотя как выборжец он был лишен политических прав (прежде всего избирательных), это не мешало ему занимать активную общественную позицию. В эти годы «политического безвременья» (1909—1914) статьи за подписью С.-Г.Алкина достаточно часто появлялись в органе казанских либералов — газете «Камско-Волжская речь». К сожалению, нередко поводом для них становились печальные события — преждевременная кончина коллег по Думе 1-го созыва Г.Ф.Шершеневича и С.А.Муромцева.

В очередную годовщину открытия первой в истории России Государственной думы С.-Г.Алкин послал перводумцам, собравшимся на традиционный обед в столице, следующее приветствие: «*Почти-точно приветствую незабвенных товарищей по незабвенной общественной работе, низко кланяюсь редующей, но не слабеющей группе единомышленников, объединяемых историческим днем 27 апреля. Еще раз мой товарищеский поклон и сердечный привет всем, кто соберется в тесном кругу для поминовения недавнего, как бы давно прошедшего*».

По-видимому, С.-Г.Алкин не мог долго находиться вне активного участия в общественной жизни. Уже с началом 1-й мировой войны имя казанского адвоката встречается среди организаторов и руководителей комитета по оказанию помощи беженцам-мусульманам, членов комитета по организации и заведению мусульманского госпиталя. В одном из августовских номеров газеты «Камско-Волжская речь» появилась статья С.-Г.Алкина «*Братья мусульмане!*» с призывом к мусульманскому населению города Казани более активно заниматься благотворительной деятельностью в пользу пострадавших от войны, к совместной с русским населением города работе во имя скорейшей победы. С.-Г.Алкин оказался среди тех казанских мусульман, которые считали необходимым продемонстрировать свои патриотические чувства и стремления к единению с русским народом в столь сложное для страны время. Но подобные настроения были присущи отнюдь не всем казанским мусульманам. Другой бывший депутат К.Хасанов (депутат Государственной думы 2-го созыва от Уфимской губернии) охарактеризовал поступок своего коллеги следующими словами: «*только кадеты могут перейти от «Выборгского воззвания» к воззваниям такого сорта*». В данном конфликте двух бывших депутатов некоторые казанские газеты, например, «Кояш», встали на сторону К.Хасанова. А последовавшая вскоре высылка последнего из Казани в административном порядке породила еще больше симпатий и сочувствия к опальному

Хасанову. А Алкин, стараниями тех же изданий, наоборот, обрел репутацию «предателя»². Понадобилось время, чтобы сгладить это негативное впечатление и вернуть себе расположение окружающих.

Февральская революция и крушение монархии открыли новую эпоху в истории народов Российской империи. Национальное движение, получившее мощный импульс, как бы обретает новое дыхание: появляются новые лидеры, свежие идеи. Но и прежние деятели не сходят со сцены. Это относится и к С.-Г.Алкину. Приветствуя революцию и новую власть, он посылает в Государственную думу телеграмму: *«5/III. Казань. Иностранцы при старом режиме, теперь чувствуем себя гражданами, равными со всеми национальностями великого государства, доказывающего свою политическую зрелость, в глубокой уверенности, что дело раскрепощения страны и освобождения угнетенной России от векового деспотизма доведется до счастливого конца. Мусульманское население г.Казани приветствует Временное правительство как оплот будущего счастья нашей Родины. По поручению своих единомышленников, бывший член Государственной думы первого созыва Саид-Гирей Алкин»*.

Первые послефевральские месяцы С.-Г.Алкин принимал активное участие в общественных делах. В частности, 1 марта 1917 г. в его доме на улице Воскресенской собрались единомышленники и друзья: М.-Ф.Туктаров, В.Таначев, Г.Шараф и другие, которые приняли решение о создании мусульманского комитета. Позднее С.-Г. Алкин принял участие в работе I Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в Москве с 1 по 11 мая 1917 г., выступал с докладом об основах культурно-национальной автономии.

С осени 1917 г. он несколько отходит от активных действий, тем более что по новому адвокатскому уставу участие членов адвокатского сословия в политических структурах отнюдь не поощрялось. Среди активных политических деятелей этого времени все чаще встречаются имена его взрослых сыновей — Ильяса и Джангира Алкиных. Известно, что в октябре 1893 г. Саид-Гирей женился на дочери коллежского асессора Гульямал Гизетуллиновне Сафиуллиной. От этого брака у них было четверо сыновей — Ильяс¹, Дауд, Сари-Оскар и Джангир.

После Октябрьской революции С.-Г.Алкин был ненадолго арестован, но после протеста коллег выпущен из тюрьмы.

В последний период своей жизни он принимал участие в преобразовании судебной системы. Некоторое время служил народным судьей в пятой части Казани. В апреле 1919 г. он был уволен из числа служащих общего подотдела Казанского губернского отдела юстиции. С.-Г.Алкин умер в период Гражданской войны в 1919 г. Более точные обстоятельства и время смерти, так же как и место погребения, неизвестны. Поиски его могилы на старотатарском кладбище Казани не увенчались успехом, хотя надгробия многих представителей рода Алкиных сосредоточены в одном месте. Возможно, это объясняется тем, что многие послереволюционные надгробные камни, особенно датируемые началом 20-х гг., были изготовлены из более дешевого, но крайне непрочного песчаника, а потому оказались недолговечными. Также вполне вероятно и то, что могила С.Г.Алкина находится вне казанского *зирата*, например, в родном для Саид-Гирея Шагиахметовича селе Белый ключ.

Бадамшин
Гариф
Сиразетдинович
(1865 — 1939) —
депутат
Государственных дум
1-го и 2-го созывов

Гариф Сиразетдинович Бадамшин родился в крестьянской семье в д. Новые Челны Спасского уезда Казанской губернии. Отец Сиразетдин и старший брат Зариф занимались торговлей мануфактурными товарами. Образование Г.С.Бадамшин получил в чистопольском медресе, но был вынужден прервать обучение, не закончив полного курса. Большую часть своей жизни он прожил в Чистополе, где владел собственным домом и магазином по продаже галантерейной продукции.

На рубеже XIX–XX вв. Г.С.Бадамшин становится сторонником джадидистских идей, регулярно участвуя в собраниях чистопольских татар, выписывая и читая тюркоязычные газеты. В 1905 г. он участвовал в составлении петиций и ходатайств от мусульман Чистополя, а также ездил с делегацией мусульман в Санкт-Петербург. Вследствие этого Г.С.Бадамшин считался сторонником левых радикальных взглядов, благодаря чему завоевал определенную популярность у местного населения и был выдвинут кандидатом в первую Государственную думу. В Думе он, по одним сведениям, с первых же дней записался во фракцию трудовиков¹, по другим — присоединился к партии народной свободы. Позднее сам Бадамшин неоднократно называл себя трудовиком. Кроме того, Г.С.Бадамшин входил в «Союз автономистов»¹. В момент разгона Думы 1-го созыва он отсутствовал в Санкт-Петербурге, так как нахо-

дился в это время по торговым делам на ярмарке. Впрочем, его отсутствие в столице не помешало полицейским, надзиравшим за настроениями мусульман, вынести столь же парадоксальное, сколь и нелепое заключение. Основываясь на агентурных сведениях, начальник Казанского губернского жандармского управления в донесении на имя губернатора писал: будучи по природе человеком очень осторожным и «чтобы не показать своей причастности к составлению *Выборгского Воззвания*, *Гариф Бадамшин* вернулся в Чистополь несколько ранее роспуска Думы...». Согласно этому донесению, рядовой депутат-мусульманин, в общем-то не слишком хорошо знавший русский язык и довольно слабо разбиравшийся в политических хитросплетениях, был гораздо лучше осведомлен о планах правительства по роспуску Думы, чем даже опытные кадетские лидеры. Более того, еще до роспуска Думы Г.С.Бадамшин знал то, о чем и не подозревали остальные депутаты, — о планируемом собрании в Выборге. Поистине, получается перед нами не торговец, волей обстоятельств оказавшийся в парламенте, а какой-то ясновидящий...

В действительности Г.С.Бадамшин приехал в Чистополь из столицы 17 июня, а уже 24 июня он со своим мануфактурным товаром выехал на ярмарку в с.Богородское. По инициативе местных жителей Г.С.Бадамшин выступил на импровизированном собрании перед крестьянами, рассказав им о работе Думы и пообещав добыть землю. Таким образом, весть о роспуске Думы дошла до него, когда он находился на ярмарке. В начале августа Г.С.Бадамшин вместе с братом Зарифом вновь выехал по торговым делам на Нижегородскую ярмарку. Однако уже 12 августа он вернулся домой вследствие тяжелой болезни, от которой оправился лишь к началу сентября. Все это не помешало полиции взять Г.С.Бадамшина под полицейский надзор в административном порядке. Вскоре он и вовсе оказался в тюрьме по обвинению в «противоправительственной» пропаганде и распространении революционного «Выборгского воззвания».

Двухмесячное пребывание в тюрьме создало бывшему депутату репутацию революционера, выразителя народных интересов и обеспечило его избрание в Думу 2-го созыва. Во второй Думе Г.С.Бадамшин вошел в созданную в первые дни «Мусульманскую трудовую группу», а также представлял мусульманскую фракцию в бюджетной комиссии. Двойственное поведение Г.С.Бадамшина, его «метания» между мусульманской фракцией и трудовой группой описаны в многочисленных публикациях в татарских газетах, выходивших в период работы Думы 2-го созыва. И если в газете «Дума» — органе мусульманских трудовиков — появлялись статьи оправдательного характера, то публикации ведущих татарских изданий — газет «Юлдуз», «Нур» и др. — имели более критический и осуждающий данный поступок тон.

После разгона второй Думы Г.С.Бадамшин вернулся домой в Чистополь и приступил к своим традиционным занятиям в сфере торговли. Однако в феврале 1908 г. он в очередной раз был арестован и посажен в тюрьму. Только заключение консилиума врачей спасло Бадамшина от планируемой высылки «в административном порядке на три года в северную губернию без мусульманского населения, без права возвращения в Казанскую губернию». В конце марта 1908 г. Г.С.Бадамшин был освобожден из тюрьмы. Впоследствии он отошел от активной политической деятельности. Правда, общественные проблемы волновали его по-прежнему. В частности, в 1909 г. в Казани в типографии братьев Каримовых была издана его брошюра под названием «Ислам или ответ тем, кто выступает против Ислама»¹. В брошюре бывший депутат защищал позиции Ислама и основы шариата в жизни татарского общества, но в то же время выступал противником косности и невежества в татарской среде.

Умер Г.С.Бадамшин в 1939 г. Похоронен на татарском кладбище Казани.

**Бажанов
Илья Алексеевич**

(17.07.1856 — ?) — депутат
Государственной думы
4-го созыва

Илья Алексеевич Бажанов принадлежал к крестьянскому сословию¹. Русский, православного исповедания, начальное образование получил в трехклассном уездном училище. И.А.Бажанов являлся землевладельцем среднего достатка: владел 10 десятинами наделной и 200 десятинами купленной земли, а также лесным участком. Основным его занятием было земледелие и бакалейная торговля. Общий годовой доход составлял около 3000 руб. Одновременно И.А.Бажанов состоял гласным Казанского уездного земства (член ревизионной комиссии при уездной управе) и членом воинского присутствия. До избрания в Думу он проживал в с. Алаты Казанского уезда и губернии². И.А.Бажанов был женат, являлся отцом шестерых детей (троих сыновей и трех дочерей).

В Думе И.А.Бажанов вошел во фракцию октябристов и состоял членом двух комиссий — продовольственной и старообрядческой. Однако с думской трибуны ни разу не выступал. В целом, не считая того, что И.А.Бажанов подписал 21 законопроект и 5 запросов, в Думе он себя никак не проявил. Даль-

нейшая его судьба неизвестна.

**Батуров
Михаил Васильевич**

(1857 — ?) —
депутат
Государственной думы
2-го созыва

Михаил Васильевич Батуров происходил из крестьян Казанской губернии. Родился в с.Ашняк Ана-товской волости Лаишевского уезда¹. Русский, православного вероисповедания, имел начальное обра-зование. Основным видом деятельности было земледелие.

В Думу М.В.Батуров был избран крестьянами Лаишевского уезда, вошел во фракцию трудовиков и аграрную комиссию. В июне 1907 г., вскоре после роспуска Думы, за подстрекательство крестьян к беспорядкам подвергся аресту в административном порядке². Сведений о последующей судьбе нет.

**Боратынский
Александр
Николаевич**

(4.07.1867 — 18.09.1918) — депутат
Государственной думы 3-го созыва

Александр Николаевич Боратынский происходил из старинного дворянского рода, внесенной в 6-ю часть родословной книги дворян Казанской губернии¹. Внук поэта Евгения Абрамовича Боратынского. По материнской линии — внук профессора Казанского и Санкт-Петербургского университетов Мирзы А.К.Казем-бека (1802–1870)². Русский, православного вероисповедания. А.Н.Боратынский был круп-ным земледомовладельцем: владел четырьмя домами в Казани, оцененными на момент избрания в Ду-му в 54375 руб. В 1913–1914 гг. имущество Боратынского оценивалось в 31870 руб. (по доверенности от матери). В Казани он проживал в собственном доме по адресу: Казань, ул. Жуковского, д. 7. Лето А.Н.Боратынский проводил в своем имении в с.Киндери. Также он владел землей в размере 1075,8 де-сятины близ с.Кирилловка Каймарской волости Казанского уезда и двумя домами в Казани³. К 1908 г. (на момент избрания депутатом) вдовец.

Высшее образование А.Н.Боратынский получил в Санкт-Петербургском императорском училище правоведения (1889). После окончания престижнейшего учебного заведения он поступил на государст-венную службу по ведомству Министерства юстиции. С 1890 г. служил помощником секретаря перво-го уголовного отделения Казанского окружного суда, с 1891 — городским судьей второго участка Чис-тополя. В 1893 — 1897 гг. Александр Николаевич состоял товарищем прокурора Симбирского окруж-ного суда. В 1901 — 1902 гг. являлся почетным мировым судьей Казанского судебного округа. Был награжден серебряной медалью в память Александра III, орденами Св. Анны II степени, Св. Владимира III и IV степеней, Св. Станислава I степени и др.

Однако на государственной службе Боратынский состоял недолго. С начала XX столетия основные его заботы были посвящены общественной деятельности. Придавая большое значение деятельности земских учреждений, А.Н.Боратынский длительное время состоял гласным казанского уездного и гу-бернского земских собраний. Участник Всероссийского съезда земских деятелей (1904). В феврале 1909 г. выступал в защиту необходимости отмены исключительных положений и о необходимости большего доверия земствам¹. В 1899—1917 гг. он являлся предводителем дворянства Казанского и Ца-ревококшайского уездов, в 1905 г. (с января по июнь) исполнял обязанности предводителя дворян Ка-занской губернии.

А.Н.Боратынский являлся одним из активнейших казанских общественных деятелей, состоял глас-ным Казанской городской думы (1905 — 1917)² членом училищной комиссии и комиссии по народно-му образованию в составе городской управы. Вел активную деятельность в сфере просвещения: член попечительского совета Мариинской гимназии, училищного совета Учительской семинарии, организа-тор сельских школ по примеру яснополянской школы Л.Н.Толстого. В доме Боратынских на Большой Лядской улице проводились встречи земских учителей. А.Н.Боратынский состоял председателем Им-ператорского экономического общества, возобновившего свою деятельность после окончания срока его депутатских полномочий и возвращения в Казань³. Разносторонней была и его литературная дея-тельность. Он являлся автором поэтического сборника «Друзьям на память» (1915), одним из организа-

торов выставки «Художественные сокровища Казани» (1916).

В период выборов в первую и вторую Думы (1906–1907) участвовал в съезде землевладельцев по Казанскому уезду, был избран выборщиком на губернском съезде, однако в депутаты не прошел. В Думу 3-го созыва А.Н.Боратынский был избран вместо отказавшегося от депутатского звания Н.А.Мельникова в октябре 1908 г. Присоединился к фракции октябристов. Член казанского комитета Союза 17 октября.

А.Н.Боратынский входил в состав ряда комиссий:

- продовольственная;
- судебных реформ;
- местного самоуправления (товарищ секретаря);
- по народному образованию;
- по гимназиям и подготовительным училищам (председатель).

С думской трибуны А.Н.Боратынский выступал не часто и в основном по вопросам народного образования и деятельности органов местного самоуправления. После окончания срока депутатских полномочий А.Н.Боратынский отказался выставить свою кандидатуру на выборах в Думу 4-го созыва. В 1912–1916 гг. основная деятельность А.Н.Боратынского была посвящена вопросам просвещения в рамках губернского земства и Городской думы.

В сентябре 1918 г. А.Н.Боратынский был арестован ВЧК и расстрелян.

**Бычков
Павел
Федорович**

(2.07.1844 — 12.10.1925) —
депутат
Государственной думы
4-го созыва

Павел Федорович Бычков родился в Цивильске, в небогатой православной мещанской семье. Начальное образование получил в цивильском уездном училище. В 20-летнем возрасте он переехал в Козьмодемьянск. Постепенно за Павлом Федоровичем из Цивильска в Козьмодемьянск перебрались и его родственники: отец, купец 2-й гильдии — Федор Гаврилович (? — 1890) и мать — Анна Степановна (1821–1902), братья — Яков (1850 — 1911), Петр (1855 — 1889), Михаил и Алексей. Через десять лет после переезда П.Ф.Бычков был причислен к купцам 2-й гильдии Козьмодемьянска. Позднее семейство Бычковых состояло в сословии потомственных почетных граждан Козьмодемьянска.

Основной сферой деятельности братьев Бычковых была предпринимательская и торговая деятельность. В отличие от многих купцов в крае, торговавших лесом, Бычковы сделали свой основной капитал на продаже водочной продукции. В 1879 г. П.Ф.Бычков смог приобрести водочный завод, которым управлял его брат Яков, «где производилась выработка наливок и водок для продажи оптом». Торговая деятельность сочеталась с производственной. Вскоре в собственности Бычковых оказались мукомольная и ветряная мельницы, солодовый завод, пивоваренное производство. К 1912 г., времени выборов в Думу 4-го созыва, П.Ф.Бычков являлся владельцем пивоваренного завода и иной недвижимости, оцененной в 6000 руб. В качестве имущественного ценза им было заявлено торговое свидетельство 3-го разряда и промышленное свидетельство 8-го разряда. Ежегодный годовой доход составлял в среднем 5000 руб.

П.Ф.Бычков был женат дважды. Первая его супруга — дочь купца 2-й гильдии Вера Ивановна Замятина умерла при родах в возрасте двадцати лет. В 1873 г. Павел Федорович женился вторично на дочери богатейшего тюменского купца Софье Федоровне Климиной. От этого брака родились девять детей: Михаил (1875 — ?), Анна (1877 — ?), Евгения (1878 — 1960), Александра (1878 — ?), Вера (1878 — 1901), Павел (1880 — ?), Николай (1882 — ?), Софья (1886 — 1943), Геннадий (1892 — ?). К 1907 г. в живых осталось лишь пятеро детей (два сына и три дочери).

Кроме непосредственной торговой и предпринимательской деятельности, Бычков являлся активным общественным деятелем. С 1872 г. и вплоть до избрания в Государственную думу он неизменно был гласным Городской думы, длительное время — в 1877 — 1895 гг. — состоял городским главой. Современники отмечали энергичное и очень теплое отношение Павла Федоровича к городским делам, его стремление благоустроить жизнь уездного города. Поэтому, когда в 1887 г. он, ссылаясь на расстроенное здоровье и убытки в торговых делах, оставшихся без его присмотра, попытался уйти в отставку с должности городского головы, его сосоварищи по Городской думе выразили ему полное доверие и настояли, чтобы П.Ф.Бычков оставался и далее на своем посту. Кроме того, Бычков состоял на различных выборных почетных должностях (директор Козьмодемьянского попечительства о тюрьмах с 1873 г.,

почетный смотритель Козьмодемьянского уездного училища с 1879 г., председатель городского сиротского суда с 1877 г., попечитель Козьмодемьянского детского приюта трудолюбия и пр.)¹. Накануне избрания в Думу — директор Городского общественного банка (с 1874 г. — товарищ директора, по крайней мере с 1907 г. — директор), от каковой должности отказался после вступления в депутатское звание. П.Ф.Бычкова как общественного деятеля отличало стремление к широкой благотворительности, пожертвованию значительных личных средств на общественные нужды.

П.Ф.Бычков являлся выборщиком во время выборов в Думу 1-го, 2-го и 4-го созывов². Последние выборы закончились избранием его в число народных депутатов от Казанской губернии. В Думе 4-го созыва он примкнул к фракции октябристов (по политическим взглядам определял себя как беспартийный, близкий к умеренно-правым). П.Ф.Бычков вошел в состав комиссии по делам торговли и промышленности. Козьмодемьянский депутат был в числе инициативной группы, внесшей законопроект «Об учреждении в составе центрального учреждения МНПр. особого департамента по делам низшего образования» (29.04.1913). Законодательное предложение было подготовлено группой депутатов, состоявшей преимущественно из членов фракции октябристов, признано Думой желательным и передано в комиссию по народному образованию для составления соответствующего законопроекта. Кроме того, П.Ф.Бычков подписал еще восемь законопроектов, разработанных различными думскими группами и внесенных в парламент в виде думской законодательной инициативы.

За весь думский период козьмодемьянский депутат ни разу не выступил с думской трибуны. В начале июня 1914 г. от него поступило заявление об отпуске по болезни³. По этой причине он пропустил практически всю 4-ю сессию (19.07.1915 — 3.09.1915, 9.02.1916 — 20.06.1916). В начале 1916 г. П.Ф.Бычков вновь заболел и по совету врачей покинул в феврале 1916 г. Петроград⁴. В ноябре того же 1916 г., вследствие крайне болезненного состояния и невозможности посещать думские заседания, П.Ф.Бычков покинул депутатский пост⁵.

После Октябрьской революции П.Ф.Бычков, как и многие из числа российского купечества, был подвергнут новой властью репрессиям. В частности, в марте 1918 г. на его имущество была наложена контрибуция в размере 25000 руб., а затем были национализированы кирпичный и пивоваренный заводы, водяная и ветряная мельницы. Также были конфискованы дома, принадлежавшие семейству Бычковых. Была описана и изъята вся собственность, мебель, различная домашняя утварь, домашняя библиотека, состоявшая из 505 экземпляров книг и 204 номеров журнала «Нива». Сам глава семейства подвергся аресту. Большинство детей уехали в другие города: Москву, Петроград, Казань, однако супруги Бычковы оставались в родном городе до самой смерти. П.Ф.Бычков скончался в Козьмодемьянске 12 октября 1925 г. в возрасте 81 года. Его вторая супруга умерла 23 марта 1934 г.

Васильев

Александр Васильевич

(24.07.1853 — 6.11.1929) — депутат

Государственной думы

1-го созыва

и член Государственного совета по выборам

от Академии наук

и университетов

(1907 — 1917)

Александр Васильевич Васильев родился в Казани и происходил из дворян Казанской губернии. Род Васильевых был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии в 1855 г.¹ Сын известного востоковеда-синолога, профессора Казанского (1851—1855) и Петербургского (1855—1890) университетов, академика (с 1886 г.) Василия Павловича Васильева (1818—1900). Детство и юность Александра прошли в столице, куда в 1855 г. вместе с переведенным в Санкт-Петербургский университет восточным разрядом переезжает его отец с семьей.

В отличие от отца, Александр избрал своей профессией область точных дисциплин — математику. Высшее образование он получил в Санкт-Петербургском университете, математическое отделение которого закончил в 1874 г. За дипломное сочинение «Теория отделения корней» студент Васильев был удостоен золотой медали и степени кандидата. В том же 1874 г. он успешно защитил диссертацию на тему «Об отделении корней совокупных уравнений». С декабря месяца 1874 г. в звании приват-доцента молодой математик приступил к чтению лекций по предмету теории функций в Казанском университете. По обычаю начинающий преподаватель должен был прочитать перед университетской коллегией пару пробных лекций — одну на вольную тему, другую — по выбору факультетских профессоров. По воспоминаниям современников, на «вступительную лекцию молодого приват-доцента собрались все студенты математики, лектор произвел приятное впечатление спокойным и ясным изложением

предмета лекции, программу которой мы получили перед ее началом». Современники отмечали также, что на аудиторию «подкупающим образом действовала юность начинающего ученого: он был, наверное, ровесником большинства своих будущих слушателей»¹. С этого времени и до 1907 г. судьба А.В.Васильева была тесно связана с математической школой Казанского университета.

Карьера ученого складывалась очень успешно. А.В.Васильев принадлежал к числу тех ученых, которые, однажды вступив на научное поприще, на протяжении всей своей жизни были верны своему призванию. В 1879 г. с целью «приготовления к профессорскому званию» в течение года он находился в заграничной командировке: слушал в Берлине лекции известнейших математиков Вейерштрассе и Кронекера, в Париже — лекции Эрмита.

В 1880 г. Александр Васильевич представил и успешно защитил сочинение под названием «О функциях рациональных, аналогичных с функциями двояко-периодическими». За это сочинение он был удостоен звания магистра чистой математики и в августе того же года утвержден доцентом по кафедре чистой математики. В своем представлении профессор Янишевский писал: «Факультет вполне разделяет мнение мое и Э.М.Суворова о том, что Васильев вполне оправдал своим магистерским экзаменом и своею диссертацией ожидания факультета; блестящие способности, огромное трудолюбие и умелое пользование анализом, которые выказаны Г. Васильевым, вполне ручаются за то, что факультет в лице Г. Васильева приобретает одного из лучших преподавателей»².

Публично защитив сочинение п.н. «Теория отделения корней систем алгебраических уравнений», в мае 1884 г. А.В.Васильев был удостоен звания доктора чистой математики. В августе того же года он утвержден экстраординарным, а еще через год — ординарным профессором, а в декабре 1899 г. — заслуженным ординарным профессором Казанского императорского университета по кафедре чистой математики.

Регулярные научные поездки за границу способствовали близкому знакомству с системой преподавания математики в ведущих европейских (преимущественно немецких и австрийских) университетах, тесному общению и работе над совместными проектами с немецкими коллегами. Подобные поездки осуществлялись преимущественно в период летних каникул, т.е. с мая до начала сентября (1882, 1885, 1889, 1900, 1904, 1912, 1913, 1914). Дважды профессору А.В.Васильеву предоставлялась возможность более длительных научных стажировок (в 1895/96 и 1905/06 учебных годах). В период годичного пребывания в Европе в 1895/96 учебном году одним из наиболее значительных осуществленных проектов стала работа по совместному переводу и популяризации научных трудов Н.И.Лобачевского. В частности, совместно с немецкими профессорами Штекелем и Энилем был выполнен перевод на немецкий язык важнейшего труда великого геометра «Новые начала геометрии».

В 1902 г. А.В.Васильев предложил юбилейной комиссии издать к 100-летию юбилею Казанского университета полное собрание сочинений Н.И.Лобачевского¹.

Во время пребывания в Германии А.В.Васильевым были сделаны открытия исторического плана. В период работы в кантональной библиотеке г.Аарау он обнаружил неизвестные в то время в России дневники и письма профессора физики Ф.К.Броннера. По инициативе Васильева эти документы, содержавшие богатый материал по истории университета за 1811—1817 гг., были запрошены советом Казанского университета во временное пользование. Позднее по поручению совета профессор словесности Д.И.Нагуевский перевел эти бесценные документы с латинского на русский язык. Дневники и письма профессора Броннера были изданы в виде отдельной монографии². Уникальная историческая находка, сделанная профессором математики, не только использовалась Н.П.Загоскиным при написании им своей знаменитой истории университета, но и сегодня востребована специалистами, обращающимися к раннему периоду университетской истории.

Имея большой научный вес и авторитет, А.В.Васильев регулярно принимал участие в многочисленных международных научных конгрессах естествоиспытателей, философских съездах и т.п. (Санкт-Петербург, Париж, Дрезден, Гейдельберг, Лондон и пр.). Профессор А.В.Васильев являлся автором многочисленных научных трудов, некоторые из которых (в частности «Введение в анализ») пережили огромное количество переизданий и стали классическими сочинениями в своей области. С 1883 г. он являлся автором регулярных рефератов о русских математических исследованиях в «Jahrbuch über die Fortschritte der Mathematik».

А.В.Васильев придавал большое значение пропаганде новейших теорий и методов математических исследований, а также сохранению наследия прошлого. В 1892 г. А.В.Васильев выступил одним из инициаторов проведения в Казани торжеств, приуроченных к 100-летию со дня рождения Н.И. Лобачевского, а также учреждения международной премии Лобачевского и издания первого полного собрания его сочинений по геометрии. Уже в советское время им была написана подробная биография Н.И.Лобачевского. Труд этот, пережив пору забвения, в начале 90-х гг. вновь стал доступен широкой публике¹. Одновременно профессор Васильев был одним из инициаторов исследований по теории множеств в России. В 1912—1915 гг. совместно с П.С.Юшкевичем издавал сборники «Новые идеи в математике». Занимался историей математики и философией науки. Разрабатывая проблемы теории познания,

Васильев одним из первых оценил важность для нее достижений в области неевклидовой геометрии и физики, т.е. общей теории относительности и квантовой механики. В 1929 г. А.В.Васильев был избран членом-корреспондентом Международной академии истории науки.

Огромное значение профессор Васильев придавал распространению и популяризации научных знаний посредством деятельности научных обществ. Он стал одним из основателей Казанского физико-математического общества и около пятнадцати лет состоял его председателем (1890–1905). В 1902 г. А.В.Васильев вступил в состав Казанского юридического общества. Наконец весной 1916 г. в числе двадцати членов-учредителей он выступил с инициативой создания при Казанском университете нового общества — философского общества. Основной своей целью новое научное общество, согласно проекту устава, ставило разработку проблем философии и философии науки (математики, естественных, гуманитарных дисциплин). Составители устава намеревались внести его на утверждение университетского совета и попечителя к лету 1916 г.¹ Однако сведений о том, существовало ли подобное общество в дореволюционный период, нет.

В Казанском университете профессор А.В.Васильев проработал более тридцати лет, вплоть до избрания в Государственный совет. После избрания сенатором он подал заявление об увольнении с должности декана физико-математического факультета, в каковой состоял с осени 1906 г.² Но и после переезда из Казани в столицу А.В.Васильев оставался членом общеуниверситетского совета профессоров Казанского университета (по закону это право за ним сохранялось на все время членства в Госсовете). В столице А.В.Васильев не прекратил преподавательской деятельности: по предложению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа он был допущен к чтению лекций на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета (первоначально с 1 июля 1907 г. в качестве приват-доцента, а в 1918–1923 гг. в звании профессора)³. Одновременно он состоял ординарным профессором Императорского женского педагогического института. В 1913 г. А.В.Васильев был избран президентом Педагогической академии⁴.

Кроме педагогической и научной деятельности, Александр Васильевич являлся чрезвычайно активным общественным деятелем. Его авторитет в этой области был так же значителен, как и в научной сфере. С 1888 по 1890 гг. профессор А.В.Васильев выступал в качестве земского деятеля. По его инициативе в Казанской губернии было произведено подворно-статистическое исследование. С 1880 г. он состоял почетным мировым судьей по Свияжскому уезду. Однако в начале 90-х гг. как государственный служащий по настоянию Министерства народного просвещения он был вынужден оставить земскую деятельность. Но в 1896 г. он вновь вступил в ряды общественных деятелей в качестве гласного Городской думы, с 1901 г. — губернского земского гласного. А.В.Васильев участвовал практически во всех земских съездах, проходивших на рубеже XIX–XX вв. Много содействовал развитию народного образования и народной школы.

Подобно многим представителям университетской профессуры той эпохи, А.В.Васильев не был чужд и активной партийной деятельности. По своим взглядам он примыкал к левому крылу партии конституционных демократов и являлся одним из ярких представителей казанского отделения этой партии. В качестве члена провинциального отделения партии и члена Госсовета он принимал участие в работе V съезда партии народной свободы, состоявшегося в конце октября 1907 г. (за несколько дней до начала работы Думы 3-го созыва). На съезде казанский делегат выступил с критикой действий кадетской парламентской фракции в период работы второй Думы. По его мнению, кадеты слишком «уклонились в сторону компромисса и забыли, что правительство нельзя обольстить ни деловитостью, ни компромиссом». Казанский делегат упрекал кадетскую фракцию за отказ от принципа принудительного отчуждения земли, отмены смертной казни, а также за молчание в ответ на столыпинскую декларацию. Возражал он и против использования термина «враги слева»: «У нас нет врагов слева. Они наши друзья в прошлом, и если они противники в настоящем, я надеюсь видеть их союзниками в будущем»¹. Именно активная общественная деятельность, вкупе с высоким научным авторитетом, в значительной степени способствовали избранию А.В.Васильева первоначально депутатом нижней палаты, а впоследствии и членом верхней палаты законодательного органа.

В первой Думе, где А.В.Васильев представлял население Казанской губернии, он являлся членом фракции конституционных демократов (кадетов). Его подписи стоят под законодательными инициативами (5) и запросами (14) либерально настроенных депутатов. В двух случаях профессор выступил в качестве инициатора внесения запроса: «О действиях полиции в Нижегородской губернии» (внесен 26 мая 1906 г.) и «О тенденциозном направлении газеты «Сельский Вестник»» (внесен и принят 22 июня 1906 г.). С думской трибуны казанский депутат выступал восемь раз. В период разгона первой Думы профессора не было в столице, поскольку он в составе думской делегации находился на межпарламентском конгрессе в Лондоне. Это обстоятельство объясняет тот факт, что казанского профессора не было среди группы депутатов перводумцев, подписавших «Выборгское воззвание». Что в свою очередь «спасло» его для активной политической деятельности. В 1907 г. профессор Васильев баллотировался в члены Государственного совета от профессуры Казанского университета. Эта попытка оказалась ус-

пешной. В Государственный совет А.В.Васильев был избран по курии Академии наук и университетов. Состоя сенатором с 20 февраля 1907 г. и вплоть до роспуска Совета в начале 1917 г., А.В.Васильев неизменно входил в левую группу сенаторов, выступал преимущественно по финансовым вопросам и проблемам народного образования.

А.В.Васильев был женат первым браком на дочери отставного капитан-лейтенанта Александре Павловне Максимович. У супругов было четверо детей: два сына — Николай (1880–1940)¹ и Сергей (1881), и две дочери — Анна (1882) и Елена (1884). 30 апреля 1913 г. в семье Васильевых произошла трагедия: страдавшая психическим заболеванием супруга профессора покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна квартиры, расположенной на пятом этаже столичного дома².

Сведения об имущественном положении А.В.Васильева противоречивы. По одним данным, он не имел родового имения, а из земельной собственности владел лишь 45 десятинами благоприобретенной земли в Свияжском уезде Казанской губернии (близ с. Каинки). По другим — он владел в том же Свияжском уезде как родовым в 200 десятин, так и значительным по размерам (также в 200 десятин) благоприобретенным имением.

После Февральской революции А.В.Васильев некоторое время жил в столице, занимаясь в основном преподавательской деятельностью в столичном университете. В 1923 г. он вышел на пенсию и переехал в Москву. С 1923 г. и до самой смерти он преподавал в Московском университете. Умер А.В.Васильев в Москве.

Герасимов
Марк (Маркел)
Нестерович
(1873 — ?) —
депутат
Государственной думы
1-го созыва

Марк Нестерович Герасимов — крестьянин с. Бурнашево Чистопольского уезда Казанской губернии; русский, православного вероисповедания. Сельский писарь с домашним образованием. Основной род занятий до избрания в Думу — земледелие. За склонность к беседам с односельчанами на общественные темы находился «в большом подозрении у полиции», но пользовался авторитетом у крестьян. В Думу 1-го созыва был избран по крестьянской курии. М.Н.Герасимов примыкал к фракции трудовиков, но его депутатская деятельность ограничилась лишь подписанием запросов, предъявленных правительству фракцией трудовиков. В думские комиссии депутат Герасимов не входил и с думской трибуны не выступал.

Тем не менее в качестве депутата М.Н.Герасимов сразу же привлек к себе внимание полиции. Несмотря на депутатскую неприкосновенность, вся его корреспонденция подвергалась перлюстрации. Внимание полиции особенно привлекли его письма домой, в которых М.Н.Герасимов описывал пребывание в столице и желание Думы наделить крестьян землей. К возвращению из Петербурга на пристани его уже поджидал полицейский стражник¹, пригласивший бывшего депутата в полицейское управление. Здесь состоялась «профилактическая» беседа полицейских чинов с бывшим депутатом, закончившаяся следующими словами: «А если ты будешь рассказывать обо всем крестьянам, что там, в Думе, делалось, то тотчас будешь посажен в белокаменную»¹. Осмотрев багаж бывшего депутата, полицейские чины арестовали всю литературу, привезенную из столицы. Среди арестованной литературы, которая вся была приобретена в Таврическом дворце и столичных книжных магазинах на вполне легальных основаниях, были различные книги, брошюры, думские постановления и воззвания «возмутительного содержания». Эта литература, а также изъятая переписка послужили основанием для привлечения бывшего депутата к уголовной ответственности (по ст. 132 Уложения о наказании)². Однако состоявшийся 8 декабря 1906 г. суд полностью оправдал М.Н.Герасимова.

Тем не менее в ночь с 11 на 12 декабря 1906 г. полицейские чины произвели новый обыск на квартире М.Н.Герасимова, в результате чего было отобрано несколько нелегальных брошюр и разная переписка. Было возбуждено новое дело по обвинению М.Н.Герасимова во вредной в политическом отношении деятельности (по ст. 130 Уложения о наказании). Но и новая переписка, произведенная по этому делу, показала полное отсутствие весомых оснований для привлечения бывшего депутата к судебной ответственности. Поэтому решением министра внутренних дел в феврале 1907 г. дело в отношении Марка Герасимова было прекращено, а сам политический заключенный 18 февраля 1907 г. был освобожден из-под стражи.

Впоследствии М.Н.Герасимов находился под негласным наблюдением полиции. Дальнейшая судьба неизвестна.

Годнев

Иван Васильевич
(20.09.1854 — 29.05.1919) —
депутат
Государственных дум
3-го и 4-го созывов

Иван Васильевич Годнев родился в Галиче Костромской губернии. Происходил из обер-офицерских детей, впоследствии был удостоен личного дворянства. Первоначальное образование Иван Годнев получил в Галичском духовном училище, где преподавал его отец (1869). Вскоре он закончил четырехклассную Нижегородскую духовную семинарию (1873). Только после этого, обладая специальной стипендией Дубовицкого, он получил возможность продолжить образование на медицинском факультете Казанского университета.

Прослушав полный курс медицинских наук, в 1878 г. Годнев окончил университет в степени лекаря и в том же году был утвержден ординатором терапевтической госпитальной университетской клиники. В 1882 г. им была представлена и успешно защищена в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии диссертация на тему «О влиянии солнечного света на животных», за что он был удостоен степени доктора медицины (4.12.1882). В январе 1886 г. И.В.Годнев был принят в число приват-доцентов (без жалованья) медицинского факультета по предмету частной патологии и терапии. Одновременно с апреля 1882 г. он состоял врачом при Мариинской женской гимназии Казани, а с 1889 г. — преподавателем гигиены для учеников Казанской духовной семинарии. Однако основной доход (до 8000 руб. в год) Ивану Годневу приносили занятия в качестве вольнопрактикующего врача.

С 1893 г. И.В.Годнев состоял почетным мировым судьей. В марте 1900 г., согласно избранию Казанской городской думой, был утвержден в должности председателя Казанского сиротского суда (в каковой состоял до июня 1908 г.)¹. Одновременно он долгие годы являлся гласным казанского губернского и уездного земских собраний, членом Казанской городской думы (непрерывно с 1891 по 1917 г.)². В последней состоял членом училищной комиссии и комиссии по народному образованию (1909 — 1913). В период выборов гласных Городской думы на срок 1913–1917 гг. И.В.Годнев лидировал со значительным отрывом от других кандидатов. Он набрал самое большое число голосов (513 против 106) и прошел в Городскую думу с первой попытки. Безусловно, это стало признанием его заслуг на поприще депутата Государственной думы.

И.В.Годнев являлся крупным землевладельцем Казанской губернии: по данным на 1907 г., он владел 525 десятинами земли (в том числе 47,6 десятинами в д. Займище Ильинской волости Казанского уезда и 478 десятинами в Царевококшайском уезде). Кроме того, И.В.Годнев владел собственным каменным домом в Казани стоимостью около 20000 руб. по ул. Лядской (в 1912 г. дом был оценен в 32910 руб.), также небольшим деревянным домом. Достаточно долго И.В.Годнев оставался холостяком, а приблизительно между 1890–1900 гг. он женился на вдове, потомственной почетной гражданке Екатерине Николаевне Сениной.

В Государственную думу 3-го созыва И.В.Годнев был избран курией крупных землевладельцев Царевококшайского уезда. В Думе, подобно многим другим крупным землевладельцам, он вошел во фракцию октябристов, правда, примкнув к ее левому крылу. Состоял членом ряда комиссий:

- бюджетная (третья Дума, секретарь);
- государственной росписи (третья и четвертая Думы, председатель);
- по разбору корреспонденции (третья Дума, 1-я сессия);
- по народному образованию (третья и четвертая Думы);
- по городским делам (третья Дума, с 3-й сессии);
- продовольственная (четвертая Дума, 4-я сессия);
- по народному здравью (четвертая Дума, 4–5 сессии).

И.В.Годнев являлся одним из наиболее деятельных членов комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов (в третьей Думе — товарищ председателя, в Думе 4-го созыва — председатель комиссии), а также бюджетной комиссии. Именно в качестве докладчика двух названных комиссий И.В.Годнев выступал чаще всего. Он являлся одним из основных думских докладчиков (хотя и «скучных», с точки зрения кадетских публицистов) по бюджетным вопросам. Не привыкший давать лестные отзывы своим политическим противникам лидер кадетской фракции П.Н.Милюков характеризовал Годнева как человека весьма деятельного и «склонного энергично защищать права Государственной думы в области бюджета». Среди проблем, которые привлекали особое внимание Годнева и побуждали его подниматься на думскую трибуну, были вопросы народного здравия и борьбы с пьянством, народного образования, факты нарушения исполнительной властью законов и собственных постановлений, необходимость коренной реформы органов государственной власти (например, правительствующего сената или Государственного контроля), насущность преобразований в области церковной организации и духовной жизни православного населения империи и др.

И.В.Годнева можно отнести к наиболее активным и продуктивным казанским депутатам. Им было инициировано шесть законопроектов (по 3 в каждой из Дум), а всего поддержано не менее семидесяти двух думских законодательных инициатив (39 в Думе 3-го созыва и 33 в четвертой Думе). В частности, И.В.Годнев стал одним из инициаторов внесения законопроекта «О реформе средней школы». Данное законодательное предположение было внесено 11 марта 1911 г., поддержано подписями 106 депутатов и признано большинством Думы желательным ввиду отказа Министерства народного просвещения от разработки подобного законопроекта. Однако до конца работы Думы 3-го созыва этот законопроект так и не был рассмотрен. Вторым законопроектом, инициированным И.В.Годневым вместе с двумя другими октябристами — И.С.Клюжевым и Е.П.Ковалевским, стал проект «Об отмене завещания имуществ монашествующими властями». Проект был внесен 12 мая 1911 г., передан в комиссию по судебным реформам и там дождался роспуска Думы 3-го созыва. В Думе 4-го созыва И.В.Годнев стал одним из инициаторов законопроектов «О реформе учительских институтов» (4 декабря 1912 г.), «Об установлении Правил о найме торговых служащих» (19 февраля 1914 г.) и «О предоставлении земским учреждениям права открытия земских банков для выдачи ссуд под залог недвижимости» (26 февраля 1914 г.).

Несмотря на умеренность своих политических взглядов, И.В.Годнев неоднократно выступал с думской трибуны с неприятными для властей разоблачениями. Поэтому в период избирательной кампании в Государственную думу 4-го созыва казанская администрация сделала попытку привлечь его к судебной ответственности по обвинению в растрате сиротских денег в бытность его председателем Казанского сиротского суда. Понадобилось вмешательство самого министра юстиции для того, чтобы это дело было прекращено за полным отсутствием состава преступления¹. Однако сама попытка властей отстранить от участия в выборах одного из наиболее деятельных третьедумцев весьма показательна.

В Думе 4-го созыва И.В.Годнев выступал также неоднократно (не менее десяти раз в 1-ю сессию и не менее двадцати двух раз во вторую). В последней дореволюционной Думе чаще всего ему приходилось выполнять роль докладчика бюджетной комиссии и комиссии по исполнению росписи доходов и расходов (на 1-й сессии он выступал в качестве докладчика законопроекта или части проекта восемнадцать раз, во 2-ю сессию — не менее семидесяти раз, в 4-ю — не менее тридцати пяти раз), реже — комиссии по народному здравью.

После Февральской революции 1917 г. И.В.Годнев состоял комиссаром Временного комитета Государственной думы в сенате и министром Временного правительства в должности государственного контролера (с 2 марта по 24 июля 1917 г.). 3 марта 1917 г. он участвовал в переговорах с великим князем Михаилом Александровичем об отречении его от престола. В конце июля 1917 г. вместе с группой министров вслед за А.Ф.Керенским подал в отставку и в правительство больше не возвращался. 22 сентября принимал участие в соединенном заседании Временного правительства, московской группы, представителей демократического совещания и членов ЦК кадетов по вопросу о создании нового правительства².

После Октябрьской революции некоторое время жил в Уфе, где и умер в мае 1919 г. в губернской больнице³.

*Дунаев
Сергей
Владимирович
(24.09.1858 — ?) —
депутат
Государственной думы
3-го созыва*

Сергей Владимирович Дунаев происходил из дворян Казанской губернии¹; русский, православного вероисповедания. После окончания медицинского факультета Казанского императорского университета постоянным местом жительства молодой врач избрал с.Емельяново Лаишевского уезда Казанской губернии². Здесь он жил вплоть до избрания в Думу, а также после окончания думских полномочий. Основным занятием была деятельность в качестве вольнопрактикующего врача с ежегодным заработком около 4000 руб. Кроме того, С.В.Дунаев являлся землевладельцем и владельцем торгового предприятия 3-го разряда.

По политическим воззрениям определял себя как беспартийный, но из существующих партий приемыкал к кадетам. В период избирательной кампании во вторую Думу участвовал в съезде землевладельцев по Лаишевскому уезду, был избран выборщиком на губернский съезд, однако в депутаты не прошел³.

В Думе 3-го созыва входил во фракцию кадетов и в комиссию по борьбе с пьянством. С.В.Дунаев принимал участие в совещании членов думской фракции партии народной свободы с представителями

местных групп партий, состоявшемся 20–21 ноября 1911 г. Однако в целом С.В.Дунаев практически не выступал с думской трибуны и вообще не отличался активностью. Некоторое исключение составляет его вклад в поддержку своей подписью различных думских запросов (40) и депутатских законопроектов (28). После окончания думских полномочий он и вовсе отошел от политических дел и, помимо постоянной врачебной практики, увлекался лишь виноделием².

Еникеев
Гайса
Хамидуллович
(2.07.1864 — 1931) —
депутат
Государственной думы
3-го созыва
от Казанской губернии
и 4-го созыва от
Оренбургской губернии

Гайса Хамидуллович Еникеев происходил из старинного татарского дворянского рода Еникеевых¹. Родился он в д. Новые Каргалы Оренбургской губернии, которая в 1865 г. вошла в состав Уфимской губернии. Закончив Оренбургскую инородческую учительскую семинарию, Гайса Еникеев получил среднее образование. Некоторое время работал преподавателем в этой же учительской семинарии. Впоследствии Г.Х.Еникеев состоял заведующим русско-татарского училища в Оренбурге (1890–1895), служащим Государственного банка (1895–1903) и директором суконной фабрики (с 1903) в Симбирской губернии.

В период предвыборной кампании в Думу 3-го созыва жил в Казани, состоя главным распорядителем учебно-воспитательных и благотворительных учреждений им. А.Хусаинова. В Думе Г.Еникеев стал наиболее деятельным членом мусульманской фракции. В первые дни работы Думы намеревался также войти во фракцию народной свободы, программа которой была ему близка. Однако устав мусульманской фракции не позволял двойное членство. Тем не менее Г.Х.Еникеев, как и ряд других мусульманских депутатов, неофициально сотрудничал с кадетами. В частности, известно о его участии в общих заседаниях оппозиционных партий и групп, созываемых по инициативе кадетов. Более того, Г.Еникеев входил в комиссию по гражданскому равноправию под председательством М.М.Винавера, созданную при кадетской фракции для подготовки документов и обсуждения законопроектов об отмене законодательных ограничений, основанных на религиозной или национальной почве. Именно к нему и Х.Хасмамедову члены комиссии обратились с просьбой сделать сообщение по ограничениям в отношении мусульманского населения, а также представить необходимые документы.

Г.Еникеев принадлежал к числу наиболее деятельных членов мусульманской фракции, интересы которой представлял в ряде думских комиссий:

- государственной росписи (1–2 сессии);
- по народному образованию (1–5 сессии);
- по рабочему вопросу (4–5 сессии);
- хлебной торговли (5-я сессия).

В Думе 4-го созыва состоял членом двух комиссий — вероисповедной и по народному образованию. В последней дореволюционной Думе Г.Х.Еникеев также входил в состав президиума, исполняя обязанности помощника секретаря.

Г.Х.Еникеев не был ведущим оратором мусульманской фракции. Тем не менее он неоднократно поднимался на думскую трибуну для оглашения фракционной позиции по тем или иным вопросам. Чаще всего темой его выступления становилась правительственная политика в области народного образования. Как свидетельствуют материалы профильной думской комиссии, основное внимание его было посвящено защите интересов мусульманского населения в сфере народного образования. Излагая точку зрения мусульманских депутатов, Г.Х.Еникеев настаивал на том, чтобы в правительственных школах, открываемых для инородцев, допускались преподаватели той же национальности, что и ученики, а образование (по крайней мере начальное) осуществлялось на родном для учеников языке.

Внимание Г.Х.Еникеева привлекала и такая проблема, как ограничение татар в праве владения недвижимостью в среднеазиатском регионе, а также необходимость предоставления мусульманским учителям и духовенству военной отсрочки с целью обеспечения нормального функционирования мечетей и конфессиональных учебных заведений. Эти и другие многочисленные проблемы, находившиеся в центре внимания членов мусульманской фракции, в силу ее малочисленности, требовали от отдельных депутатов напряженных усилий и активных действий.

К началу 1914 г. служебные перегрузки и профессиональные заботы оказали негативное влияние на

здоровье депутата. Болезнь выражалась в виде головных болей, стойкой бессонницы, кожных явлений (множественной потери пигментации) и чувства слабости, являющихся выражением функционального невроза на почве переутомления. Врачи предписывали больному депутату необходимость кардинального лечения, а главное *«полный покой от каких бы то ни было занятий впредь до выздоровления во избежание угрожающих осложнений и существенного вреда для его здоровья»*¹. Процитированное заключение было подписано думскими врачами М.С.Шварумовым и М.Груздевым и датируется июнем 1914 г. Однако именно в это же самое время в Петербурге члены мусульманской фракции готовили открытие IV мусульманского съезда, в котором Гайса Еникеев принимал самое деятельное участие. На съезде Г.Х. Еникеев выступал с проектом реформы мусульманского прихода (*махалли*).

В марте 1917 г. Г.Х.Еникеев стал представителем мусульманской фракции во Временном комитете Государственной думы. В составе Временного центрального бюро мусульман России он участвовал в организации I Всероссийского мусульманского съезда (май 1917 г., Москва). Однако после Октябрьской революции и прихода к власти большевиков Г.Х.Еникеев отходит от активной политической деятельности.

Кроме общественной и политической деятельности, Г.Х.Еникеев известен и как знаток татарского и башкирского фольклора. Он собрал и, таким образом, сохранил для потомков более ста пятидесяти образцов древнего народного песенного наследия. С помощью профессора А.И.Сводова составил ноты. Этот труд Еникеева хранится в архивохранилище Уфы. Современники отмечали, что и сам Г.Х.Еникеев обладал красивым голосом и прекрасно исполнял народные мелодии и песни, не рискуя, однако, выйти на профессиональную сцену.

В 1918—1923 гг. Г.Х.Еникеев жил и работал в Вятской губернии. В 1923 г. он переехал в Уфу и поступил на службу инспектором в Башкирский сельскохозяйственный банк. В мае 1928 г. вышел на пенсию. Умер в 1931 г.

Ершов
Петр Андреевич
(1878 — ?) —
депутат
Государственной думы 1-го созыва

Петр Андреевич Ершов происходил из крестьян д. Заозерье Яранского уезда Вятской губернии¹. Русский, православный. Имел низшее образование (окончил двухклассное городское училище). До избрания в Думу около 11 лет служил чертежником-инструктором на Казанском пороховом заводе. Жил в собственном доме в Мало-Игумновой слободе Казани.

В Думу 1-го созыва был избран по рабочей курии. В Думе П.А. Ершов входил во фракцию социал-демократов, в комиссию по составлению адреса и выступал с речью о собраниях. В выступлении 29 апреля (заседание № 2) призывал депутатов содействовать немедленному освобождению всех амнистированных. Только этой мерой народное представительство может завоевать симпатии всего пролетариата и страны, народ которой будет относиться к Думе как к истинному народному представительству.

Слова П.А.Ершова, прозвучавшие 3 мая (заседание № 4), стали ответом на выступление одного из думцев против проведения стачек и за сохранение смертной казни. Эти слова вызвали протест казанского депутата, полагавшего, что сохранение за рабочими права на стачки очень важно в момент обострения классовой борьбы. А именно такой момент переживает Россия, которая нуждается в коренном обновлении своего государственного строя. Выступал П.А.Ершов и за немедленную отмену смертной казни, с осуждением власти, которая так низко ценит человеческие жизни¹. Также он инициировал запрос министру внутренних дел по факту длительного содержания арестованных в тюрьме. Запрос был передан в соответствующую комиссию². В составе 14 членов фракции социал-демократов составил обращение к рабочим и подписал «Выборгское воззвание». Позднее П.А.Ершов обвинялся властями в распространении *«через посредство своих знакомых путем частной переписки усиленной агитации»* среди рабочих Казани³.

В июле 1906 г. исполняющий обязанности начальника порохового завода полковник Кисьменский, выполняя данное им ранее обещание, принял бывшего депутата на прежнюю должность чертежника. При этом с П.А.Ершова было взято письменное обязательство не заниматься агитацией среди рабочих на территории завода. Возвращение его на прежнюю должность вызвало недовольство губернской администрации. Первоначально казанский губернатор попытался оказать давление на заводскую администрацию с целью недопущения бывшего депутата к прежней должности, а позднее настаивал на его немедленном увольнении, указывая на его оппозиционную деятельность в Думе и возможную агитацию среди рабочих. В свою очередь временный начальник завода полковник Кисьменский объяснял свое решение данным обещанием, а также опасностью волнений среди рабочих, которые могут быть

вызваны увольнением Ершова. Действительно, 2 августа около порохового завода состоялся митинг рабочих (около 60 рабочих), протестовавших против увольнения П.А.Ершова. Дело дошло до того, что 6 октября 1906 г. Совет министров в числе прочих вопросов рассматривал и вопрос «об оставлении на Казанском пороховом заводе бывшего члена Государственной Думы П.А. Ершова». Совет министров вынес постановление о немедленном увольнении бывшего депутата с этой должности, поскольку его революционная деятельность представлялась несовместимой со службой на казенном предприятии. Постановление правительства было исполнено незамедлительно: 30 октября чертежник П.А.Ершов был окончательно уволен со службы.

Однако история на этом не закончила: на своем заседании 10 мая 1907 г. Совет министров вновь обратился к этому делу и рассмотрел итоги служебного расследования *«действий временно исполняющего должность начальника Казанского порохового завода полковника Кисьменского при обратном приеме им чертежника Ершова на завод»*. Этот поступок был вменен ему в вину. Однако действия руководителя завода были расценены как «оплошность». В качестве наказания проштрафившемуся полковнику была определена следующая мера — переместить *«на соответствующую должность в один из пороховых заводов вне Казани»*2.

Осенью 1906 г. бывший депутат был выслан из Казани в с. Кукмор на фабрику валяльной обуви. Полиция доносила в КГЖУ о том, что П.А.Ершов распространял среди рабочих газеты «Крестьянский депутат» и «Крестьянская газета». Вероятно, его агитация способствовала тому, что 11 сентября 1906 г. рабочие фабрики, исключительно татары, прекратили работу, предъявив управляющему фабрикой ряд требований экономического содержания (прибавка к зарплате, улучшение пищи и прибавка чайной порции)3. В октябре 1907 г. П.А.Ершов попытался устроиться на службу в землемерное отделение Казанской земской управы. Однако бывшему депутату было отказано4. Кроме потери службы и неудач с поиском новой работы бывшего депутата ждало и иное наказание — трехмесячное заключение за подписание «Выборгского воззвания». Впоследствии П.А.Ершов находился под негласным надзором полиции.

После Октябрьской революции П.А.Ершов состоял председателем кооператива. В сентябре 1921 г. он был арестован за созыв нелегального собрания Комитета помощи голодающим, но после рассмотрения дела освобожден коллегией чрезвычайной комиссии5. Дальнейшая судьба неизвестна.

Ефремов Николай Прокофьевич (Прокопьевич)

*(1860–1921) — депутат Государственной думы
3-го созыва*

Николай Прокофьевич Ефремов происходил из династии крупных предпринимателей Ефремовых1.

Родоначальником династии являлся государственный крестьянин д. Шинерпоси Чебоксарского уезда Казанской губернии Ефрем Ефимов (1795–1862), основавший семейную торговую фирму в 1840 г. Его сыновья — Прокопий (1821 — 1907), Михаил (1821 — 1894), Григорий (1829 — ?), Федор (1833 — ?), Родион (1837 — 1862) — продолжили дело отца, занимаясь оптовыми поставками в поволжские города зерна, муки, соли и кулеткацких изделий. Старшие из сыновей — Прокопий и Михаил — были причислены к купеческому сословию (соответственно к 1-й и 2-й гильдии) и являлись владельцами самых крупных хлебных складов в Чебоксарах. Кроме того, они владели водяными и ветряными мельницами, кулеткацкими мастерскими, лесопильным заводом, основанным в 1890 г. Их лесные владения в Ветлужском уезде Костромской губернии составляли 56,7 тысячи десятин. Прокопий Ефремович состоял во главе семейной торговой фирмы в 1860 — 1890-х гг. Одновременно в 1869—1871 и 1881—1886 гг. он занимал должность директора Чебоксарского городского общественного банка, а также состоял гласным Чебоксарской городской думы, присяжным заседателем и почетным мировым судьей.

В 1906 г. Прокопий Ефремович основал торговый дом «П.Е. Ефремов с сыновьями» с уставным капиталом в 325000 руб. Распорядителем торгового дома стал его старший сын Николай, а членами товарищества младшие сыновья — Сергей (1866—1931) и Федор (1874—1921). В 1909 г. общий оборот их фирмы составлял 500000 руб.

Николай Прокопьевич родился в Чебоксарах, получил домашнее образование. Согласно официальным документам, представленным в думскую канцелярию, он был записан в сословие потомственных почетных граждан Чебоксар; по национальности являлся русским, по религиозной принадлежности — православный. На момент избрания в Думу Н.П.Ефремов состоял заведующим лесопильным заводом, принадлежавшим его отцу, а также являлся землевладельцем2. Его официальный ежегодный доход составлял около 10000 руб. Согласно анкетным данным, в Думу 3-го созыва Н.П.Ефремов был избран как обладатель имущественного ценза в размере 14595 руб.

В Думе Н.П.Ефремов вошел во фракцию кадетов, однако с думской трибуны не выступал и практически не предпринял никакой деятельности. Уже весной 1908 г. он отказался от звания депутата в связи с личными обстоятельствами.

На состоявшихся 28 марта 1910 г. городских выборах Н.П.Ефремов был единогласно избран главой Чебоксарской городской думы3. На этой должности он пробыл, вероятнее всего, до окончания полно-

мочий Городской думы созыва 1909 — 1913 гг. Кроме того, Н.П.Ефремов состоял членом Казанского губернского экономического совета, гласным Чебоксарского уездного земского собрания.

В 1914 г. сначала городским гласным, а затем и городским головой был избран Федор Прокопьевич Ефремов, младший брат бывшего депутата. В личном деле городского головы Ф.П.Ефремова сохранился формулярный список со следующими данными: родился в 1874 г. в сословии потомственных почетных граждан Чебоксар, получил домашнее образование. Из имущества — благоприобретенный каменный двухэтажный дом стоимостью, по городской оценке, в 5000 руб. 25 апреля 1911 г. женился на Любови Алексеевне Соколовой (1888 г. рождения), детей к 1914 г. не имел. В мае 1915 г. указом правительствующего сената был утвержден в должности почетного мирового судьи по Чебоксарскому уезду на очередное трехлетие. Последние документы в личном деле городского головы Ф.П.Ефремова датируются маем 1916 г.з Федор Прокопьевич также состоял председателем правления чебоксарской уездной земской кассы мелкого кредита.

Купцы Ефремовы были широкоизвестны в крае своей благотворительной деятельностью: на свои средства они построили ряд культовых сооружений. В Чебоксарах им принадлежали многочисленные здания, ставшие архитектурным украшением уездного центра. В первые годы Советской власти все имущество Ефремовых было национализировано⁴.

Казин

Федор Нилович

(14.07.1859 — 2.03.1915) — депутат

Государственной думы

4-го созыва

Род Казиных в начале XIX столетия был записан в родословной книге дворян Тверской губернии¹. Предок (дед) будущего депутата — Дмитрий Нилович Казин принимал участие в Отечественной войне 1812 г. в чине прапорщика лейб-гвардии Финляндского полка. Участвовал во всех крупных военных кампаниях 1812 г. и заграничных походах: в Бородинском сражении (был награжден орденом Св. Анны 4-й степени), в сражении при с. Тарутино, при Малом Ярославце, сражении при Вильно, под Лейпцигом (награжден орденом Св. Анны 2-й степени), участвовал во взятии Парижа. Впоследствии служил в чине тайного советника директором канцелярии Капитула Орденов. Скончался 2 декабря 1852 г.

Второй сын героя Отечественной войны — Нил Дмитриевич Казин (01.07.1824—1871), также состоял на военной службе. В 1860 г. он переписался из родословной дворян Тверской губернии в 6-ю часть родословной книги дворян Казанской губернии². Нил Дмитриевич был женат дважды: первым браком на Екатерине Федоровне Лихачевой, а вторым — на Софье Николаевне. От первого брака у Нила Дмитриевича было пятеро сыновей и три дочери:

- Дмитрий Нилович (06.07.1851 — ?), генерал-майор в отставке, проживал в Гродно;
- Борис Нилович (05.01.1859 — ?), инженер путей сообщения, проживал в Санкт-Петербурге;
- Александр Нилович (10.02.1862 — ?), податный инспектор, проживал в Ардатове, Нижегородской губернии;
- Николай Нилович (26.05.1856 — 10.01.1916) — окончил Казанский университет, проживал в Казани и служил председателем Казанского окружного суда¹.

От второго брака у Нила Дмитриевича был один сын – Петр Нилович (24.02.1869 — ?), после смерти отца находился на воспитании у родственника, штабс-капитана Александра Николаевича Лобачевского, в 1910 г. проживал в Москве.

От первого брака был и будущий депутат Государственной думы — Федор Нилович Казин². Ф.Н.Казин являлся крупным землевладельцем Казанской губернии: по одним данным, он владел 400, по другим — 463 десятинами земли в Лаишевском уезде. Образование получил во 2-й казанской мужской гимназии, однако гимназического курса не окончила. Начатая им военная служба была вскоре прервана, так как медицинская комиссия при Казанском военном госпитале признала его вследствие неизлечимой болезни совершенно неспособным к продолжению военной службы. Накануне избрания в Думу состоял земским начальником Тетюшского уезда (с 1891), непременным членом Казанского губернского присутствия, депутатом Дворянского собрания Лаишевского уезда (непрерывно с 1905), гласным уездного земского собрания, членом правления кассы мелкого кредита губернского земства, представителем от МВД в составе казанского отделения Крестьянского банка. Действительный статский советник. К 1912 г. был женат.

Еще раньше, в период выборов в первую и вторую Думы в съезде землевладельцев по Лаишевскому уезду, участвовал брат будущего депутата — Николай Нилович Казин. Председатель Казанского окружного суда, беспартийный прогрессист, Н.Н. Казин был избран выборщиком на губернский съезд, однако в депутаты не прошел.

Через несколько лет в депутаты баллотировался уже его брат. И эта попытка оказалась более удач-

ной. Избранный депутатом Государственной думы 4-го созыва съездом крупных землевладельцев Лаишевского уезда Ф.Н.Казин в Думе примкнул к правым депутатам. Входил в состав ряда комиссий:

- земельная;
- местного самоуправления;
- о печати (со 2-й сессии).

Однако с думской трибуны Ф.Н.Казин не выступал и особой активности в качестве депутата не проявил.

Ф.Н.Казин скоропостижно скончался 2 марта 1915 г.

Капустин
Михаил Яковлевич
(23.12.1847 — 1920) — депутат
Государственных дум
2-го и 3-го созывов

Михаил Яковлевич Капустин родился в православной дворянской семье в Омске Акмолинской области. Сведения о раннем этапе его жизни крайне скудны. Известно, что М.Я.Капустин закончил Военно-медицинскую хирургическую академию в степени лекаря (12.12.1870). С мая 1871 по октябрь 1872 гг. находился на земской службе (участковый земский врач), затем с мая 1873 по февраль 1879 г. служил по военно-врачебному ведомству. В 1877–1878 гг. был командирован на Кавказ в один из военных госпиталей. После возвращения из действующей армии М.Я.Капустин возобновил прерванную войной научную деятельность в лаборатории профессора А.П.Доброславова, являвшегося основоположником экспериментальной и военной гигиены в России. 19 декабря 1879 г. Михаил Яковлевич успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины.

Позднее М.Я.Капустин служил городским санитарным врачом в Воронеже (29.10.1879 — 13.07.1882) и губернским санитарным врачом Курского земства (13.07.1882 — 15.01.1884). С начала 80-х гг. XIX в. состоял секретарем русского общества «Охрана народного здоровья». На основании опыта земской и городской службы им были написаны и изданы работы по санитарно-гигиеническим проблемам. Автор статей по медицине и гигиене в энциклопедических словарях Г.А.Брокгауза и И.А.Ефрона.

Его преподавательская деятельность началась в апреле 1884 г., когда М.Я.Капустин стал исполнять обязанности приват-доцента в Военно-медицинской академии. В октябре 1885 г. в должности экстраординарного профессора был направлен в Варшавский императорский университет на кафедру гигиены и медицинской полиции. Предложением министра народного просвещения от 27 января 1887 г. М.Я.Капустин был переведен ординарным профессором на кафедру гигиены Казанского университета. Однако для завершения учебного года и читаемого курса ему было разрешено остаться в Варшавском университете до летних каникул (вакаций). К месту новой службы М.Я.Капустин прибыл в августе 1887 г. Вплоть до осени 1907 г., т.е. в течение двадцати лет, он состоял профессором Казанского императорского университета.

Михаил Яковлевич Капустин принадлежал к наиболее энергичным, деятельным и авторитетным казанским профессорам. Коллеги и товарищи высоко ценили и уважали его за неизменную готовность отстаивать академические интересы и интересы университетской корпорации, стремление противостоять излишним притязаниям административной власти. За двадцатилетнюю службу науке и просвещению в стенах Казанского университета он практически не пропустил ни одного заседания Совета, неизменно выступая с разумными предложениями, неоднократно возглавлял советские комиссии, всегда энергично и охотно участвовал в общественных и общеуниверситетских делах. Многие из его общественных обязанностей были непосредственно связаны с профессиональными навыками. Так, в качестве специалиста по гигиене он принимал активное участие в строительстве университетских помещений и клиник. В период эпидемии чумы (1897) был командирован на юг страны для предотвращения ее распространения по империи, а во время русско-японской войны вошел в комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам. Авторитет М.Я.Капустина во многом определялся также личной честностью и порядочностью профессора, его исключительной требовательностью к своим обязанностям и корректным поведением с коллегами. О признании заслуг М.Я.Капустина коллегами по профессорской корпорации свидетельствует и тот факт, что ему было поручено прочитать актовую речь 5 ноября 1904 г. — в год столетнего юбилея Казанского университета.

Согласно закону, избранный депутатом Думы профессор должен был оставить государственную службу. Поэтому М.Я.Капустину пришлось покинуть профессию в Казанском университете. Уже переехав в Санкт-Петербург, Капустин прислал в адрес совета письмо, полное слов признательности и уважения к коллегам и университету в целом: «Мое увольнение не было для меня неожиданностью, но

я узнал о нем с чувством глубокой грусти. Двадцать лет жизни зрелого возраста я считал Казанский университет своим домом, в котором я был не только работником, но и сотрудником, в делах которого имел свой голос, свою долю ответственности. Вместе с ним я переживал и тяжелые и радостные дни, стараясь быть искренним и полезным в общем деле. Своей деятельности ценить я не могу, но к Университету сохраняю до могилы глубокое уважение. В Казанском университете я нашел старую академическую среду, предания коллегиальности, примеры преданности науке и любви к учащейся молодежи. Эти свойства ее коллеги проходят красною нитью чрез все колебания исторических течений и случайности личного состава. Они оказывают воспитательное влияние на вновь вступающих членов и создают благие традиции, без которых бессильны самые лучшие начинания отдельных лиц. Я пережил на себе влияние этих добрых традиций и верю, что они навсегда сохранятся в нашем университете. Позвольте же мне, дорогой товарищ и Ректор, просить Вас передать Совету Казанского университета мою глубокую благодарность за то расположение, которым я пользовался со стороны товарищей профессоров и за те акты доверия, которые мне оказывались по различным поводам. Да простятся мне мои прошлые ошибки и да процветает навсегда Казанский университет в лице его профессоров, его ученой молодежи и его студентов. Бывший профессор М.Капустин. С.-Петербург. 6 февраля 1908 г.».

Товарищи по корпорации в знак признательности за его заслуги перед университетом постановили поместить портрет М.Я.Капустина в гигиеническом кабинете (заседание Совета от 31 марта 1908 г.). Только через полтора года на это ходатайство университетской профессуры последовало высочайшее соизволение императора.

В мае 1904 г. исполнился 20-летний срок университетской службы М.Я.Капустина, что давало ему право выйти на пенсию с окладом в 2500 руб., однако он не прекратил преподавательской деятельности. Только после избрания членом 3-й Государственной думы Михаил Яковлевич был уволен по прошению со службы «в должности ординарного профессора с мундиром». Однако уже в декабре 1908 г. он возобновил научную деятельность в качестве сверхштатного (без жалованья) ординарного профессора кафедры гигиены Казанского университета, а в январе 1916 г. был утвержден в звании заслуженного ординарного профессора Санкт-Петербургского университета.

По характеристике, данной ему канцелярией казанского губернатора, М.Я.Капустин вел очень скромный образ жизни (жил исключительно на профессорское жалованье в 3000 руб.) и представлял собой тип «кабинетного ученого», мало знакомого с практической стороной жизни. До 1-й российской революции М.Я.Капустин не пользовался особой широкой популярностью в городской среде. Общественную известность он получил прежде всего в качестве лидера казанского отделения партии 17 Октября. Да и в самой партии М.Я.Капустин занял видное положение как профессор и весьма почтенный человек. Партийная деятельность его «носила скорее кабинетный характер», а выступления на партийных собраниях или общественных митингах не производили особого впечатления «вследствие отсутствия ораторского таланта».

В 1907–1912 гг. М.Я.Капустин состоял членом Государственной думы 2-го и 3-го созывов. В Думу 2-го созыва он был избран по второй городской курии Казани. В парламенте М.Я.Капустин неизменно входил во фракцию октябристов: во второй Думе он являлся председателем немногочисленной группы октябристов (около 30 человек), а в третьей, уступив место лидера более молодым, амбициозным и энергичным соратникам, представлял фракцию в президиуме; в 3-ю сессию он был избран заместителем председателя Думы. Михаил Яковлевич также входил в состав ряда думских комиссий:

- бюджетная (Дума 3-го созыва);
- библиотечная (вторая и третья Думы, сначала товарищ, а позднее и председатель комиссии);
- по народному образованию (Дума 3-го созыва);
- старообрядческая (Дума 3-го созыва);
- по выработке проекта адреса (Дума 3-го созыва, 1-я сессия);
- городская (Дума 3-го созыва, со 2-й сессии);
- об уставе и штатах императорских российских университетов (Дума 3-го созыва, председатель).

Михаил Яковлевич неоднократно выступал в качестве докладчика двух комиссий — бюджетной и по народному образованию. В комиссии по народному образованию М.Я.Капустин возглавил подраздел по инородческому образованию. В Думе 3-го созыва в качестве председателя библиотечной комиссии он выступил инициатором законодательного предположения «О получении библиотекой Государственной думы книг, периодических изданий и прочих беспощлинно и без рассмотрения цензурой». Законопроект был внесен 28 марта 1908 г., подписан 43 депутатами, одобрен большинством Думы и вступил в силу после высочайшего утверждения 13 февраля 1909 г.

В Думе 3-го созыва М.Я.Капустин был одним из наиболее активных казанских депутатов. Почтенный профессор поднимался на думскую трибуну с представлением законопроекта или в защиту того или иного вопроса. Он выступал при обсуждении адреса и вопроса о государственном строе России, о необходимости оказания помощи голодающим крестьянам, по поводу выделения ассигнований на нуж-

ды народного образования, по вопросу о строительстве Амурской железной дороги, против закрытости заседаний комиссии по государственной обороне и т.д. В своих выступлениях М.Я.Капустин неизменно придерживался принципов гуманизма и прогресса, был сторонником законности и эволюционного пути развития, радел о народных нуждах и старался защищать интересы окраин империи. М.Я.Капустин был одним из немногих людей в Думе, которых вся оппозиция называла «честным противником».

В качестве председателя думской фракции М.Я.Капустин принимал участие в работе II съезда Союза 17 Октября, прошедшего в столице в начале мая 1907 г. По мнению руководителя парламентской фракции, основными принципами ее деятельности являются конституционность, умеренность и горячий патриотизм. Капустин выступал также против раскола, наметившегося в рядах партии. *«Если вы не допустите раскола в среде Союза, то и вся деятельность нашей партии и фракции усилится и улучшится»* — такими словами закончил свою речь М.Я.Капустин. На том же съезде был избран членом ЦК партии и был переизбран вновь осенью 1907 г.² В то же время деятельность казанского профессора в Думе и особенно его либеральные речи вызывали раздражение некоторых членов октябристской партии в Казани, о чем они писали в своих обращениях в ЦК партии.³

На III съезде Союза 17 октября (октябрь 1909 г.) М.Я.Капустин выступал с докладом о реформе высшей школы. Из трех докладчиков по вопросам народного образования (кроме Капустина, с докладами по вопросам всеобщего образования выступали также фон Анреп и Е.П.Ковалевский), почтенный казанский профессор продемонстрировал наиболее либеральные взгляды, а потому его выступление вызвало наибольшее число вопросов и комментариев. Доклад показал, что профессор являлся сторонником полной автономии университета. Однако, по его мнению, в вузах не должно быть места политической жизни. Исходя из того тезиса, что наука, подобно религии, по своему существу не находится в сфере влияния политических партий, Капустин признавал, что университеты, как центры разработки и насаждения чистой науки, должны быть учреждениями в широкой степени автономными. На вопрос, является ли выступление Капустина выражением его личного мнения или же мнения всей фракции, докладчик пояснил, что в данном случае он выступает от своего собственного лица, но, насколько ему известно из бесед с коллегами, подобного же мнения придерживаются многие члены фракции. В ответ на эти слова профессора некоторые делегаты высказались в том духе, что *«в известные моменты политической жизни университетская кафедра может иногда превращаться в своего рода агитационную трибуну и что при некоторой ловкости профессор, читающий лекции по общественным или политическим вопросам, может придать своему изложению такую окраску, которая произведет на умы слушателей воздействие с целью толкнуть молодежь в ту или другую сторону, и что поэтому при настоящих условиях нельзя лишать правительство действенного контроля за ходом академической жизни»*⁴.

После второй Думы М.Я.Капустин возвратился с репутацией корректного парламентского деятеля. Это, безусловно, облегчило ему переизбрание в Думу 3-го созыва. Однако раздражение представителей правого крыла казанских октябристов чрезмерной «левизной» М.Я.Капустина было настолько сильным, что в период предвыборной кампании осенью 1907 г. в стане казанских октябристов произошел фактический раскол. Правые, возглавляемые другим университетским профессором — В.Ф.Залеским, отказались поддерживать кандидатуру М.Я.Капустина, а также, по их мнению, чересчур левого А.Н.Боратынского. В качестве альтернативы выдвинули бывшего профессора А.Н.Хорвата и Р.Р.Рисположенского. Тем не менее оба левых октябриста прошли в Думу 3-го созыва, отчасти благодаря блоку с кадетами.⁵

В Думе 3-го созыва М.Я.Капустин оказался среди наиболее либеральных октябристов. В частности, на фракционном совещании 2 ноября он высказывался за избрание в товарищи председателя одного из кадетов. По его мнению, октябристы не должны порывать все связи с кадетами: *«Отказ в поддержке кандидата кадетов должен обострить отношения с этой партией, что нежелательно»*. Более того, первоначально согласившись выставить свою кандидатуру на выборах заместителя председателя, Михаил Яковлевич высказал намерение снять свою кандидатуру, если вторым заместителем будет избран правый профессор И.П. Сазонович.⁶

Современники, как коллеги по Думе, так и освещавшие их работу публицисты, нередко приходили в сильное замешательство и затруднение, давая ему характеристику, оценивая партийный облик и деловые качества М.Я.Капустина. Несмотря на вызывавшие симпатию человеческие качества, исключительную личную скромность и порядочность, вскоре стало очевидно, что почтенный профессор не слишком подходит на роль политического деятеля общероссийского уровня. Поэтому в период работы второй Думы в прессе преобладали осторожно-благожелательные оценки, дававшиеся скорее авансом: *«октябристы обособились в отдельную группу под руководством симпатичного и представляющего собою октябризм высшего сорта профессора Капустина»* (А.Кизеветтер); *«этот искренний и горячий защитник справедливости»* (А.Вергежский); *«профессор Капустин, «белый ворон», «rara avis» и т.д. октябристов, мало чем отличающийся от «правого кадета»* (А.С. Изгоев)⁷ и т.п.

Позднее, особенно в последний период работы Думы 3-го созыва, оценки становились все более

резкими и критическими. Современники отмечали, что большинство думских скандалов совпадало с днями, когда кресло председателя занимал именно М.Я.Капустин, а потому его обвиняли в бесхарактерности и полном неумении вести заседания, а также в отсутствии четкой политической линии. Достаточно резко высказался на этот счет лидер кадетов П.Н.Миллюков: «...я боюсь, что г. Капустин представляет в Думе только политический дилетантизм среднего обывателя».

Пожалуй, одна из наиболее точных по сути и одновременно очень благожелательных оценок М.Я.Капустина была дана А.Тырковой-Вильямс (А.Вергежский): «*Старик Капустин, идеолог и гуманист, сохранивший какую-то милую и в то же время старомодную веру в непосредственную силу тройной формулы — истина, добро и красота, — по самой натуре своей не годится ни в какую партию. Его напрасно зовут то левым октябристом, то правым кадетом. Он просто себе честный, добрый, простодушный и независимый М.Я.Капустин, не поддающийся дисциплине ни одной партии*».

После окончания полномочий депутата Думы 3-го созыва М.Я.Капустин остался работать в Санкт-Петербурге в одном из департаментов Министерства народного просвещения. Кроме того, он продолжал свою преподавательскую деятельность в Санкт-Петербургском университете и состоял сверхштатным ординарным профессором Казанского университета. В январе 1915 г. он был назначен совещательным членом медицинского совета КИУ⁴.

Михаил Яковлевич Капустин скончался в 1920 г.

**Карякин Василий
Александрович**

(28.01.1851 — 14.10.1913) — депутат
Государственной думы
3-го созыва

Василий Александрович Карякин — русский, православный (по другим данным — старообрядец единоверческого толка)¹. Родился в мещанской семье в Рыбинске. Начальное образование получил в Рыбинском уездном училище, которое закончил в 1863 г. Свою торговую деятельность начал служащим хлебного коммерсанта Ф.А.Блинова. В детстве будущий купец-миллионер состоял «мальчишкой» при торговых заведениях, выполняя различные поручения. Через несколько лет такого услужения был повышен в должности приказчика. Постепенно, продвигаясь по службе, занял пост заведующего конторой. Чуть позднее, собрав первоначальный капитал, начал вести самостоятельные торговые операции. В 1877 г. переехал в Казань. Вскоре он стал помогать в торговле хлебом своему тестю П.Г.Суслову, а после смерти последнего стал владельцем крупной хлеботорговой фирмы. Современники отмечали, что свое многомиллионное состояние, а также почетное положение в обществе вышедший из бедной семьи В.А.Карякин сумел создать «*благодаря силе своего ума и воли*»². Вероятно, такие качества Карякина, как трудолюбие и выносливость, «купеческая» расчетливость и бережливость, доходившая до скупости, склонность к широкой благотворительности и пр., во многом определялись религиозными взглядами. Известно, что многие купцы-старообрядцы сделали свои огромные состояния, опираясь на пуританские традиции старообрядчества.

Ко времени избрания депутатом Государственной думы В.А.Карякин являлся казанским 1-й гильдии купцом; крупным землевладельцем (владел 6300 десятинами земли в с. Калкуны Курляндской губернии). Кроме того, он владел каменным домом и заводом в Казани, двумя мельницами в Мамадышском уезде Казанской губернии, 11752 десятинами лесных угодий в Ярославской губернии. Основная его деятельность — хлебная торговля и заводская промышленность.

В последние годы перед смертью В.А.Карякин отошел от значительной хлебной торговли, в большей степени занимаясь делами своего западного имения. В Казани проживал по адресу: ул. Пушкинская, д. 10, кв. 41. На момент избрания в Думу был женат.

В.А.Карякин являлся крупным и активным общественным деятелем: гласным Городской думы (1896–1913), заместителем (1894–1903), а позднее председателем Казанского биржевого комитета, членом (1896–1913) и председателем комитета Казанского общества попечения о бедных и больных детях (1913), председателем Казанского купеческого общества взаимопомощи (1898–1913). Среди положительных качеств современники отмечали такие черты натуры В.А.Карякина, как сочувственное отношение к народному образованию в целом и коммерческому в особенности. Он являлся членом попечительских советов ряда учебных заведений (преимущественно коммерческих училищ и торговой школы). Кроме того, В.А.Карякин был щедрым меценатом, выделял значительные суммы на открытие и поддержку профессиональных учебных заведений в Казани и Рыбинске. После его смерти казанское купечество выступило с инициативой учредить в Казанском коммерческом училище стипендию имени Карякина².

В 1907 г. в качестве председателя Казанского биржевого комитета он ездил в столицу по вопросу о строительстве железной дороги, соединившей бы Казань с Вяткой. В 1908–1909 гг. совместно с И.В.Годневым он неоднократно обивал министерские пороги с проектом строительства моста через Волгу. Состоял членом учетно-сберегательного комитета по торгово-промышленным кредитам казанского отделения ГБР (1901–1913). Публиковал в газете «Новое время» статьи по экономическим вопросам. В 1908 г. купец В.А.Карякин, наряду с предпринимателями из Киева (Н.И.Чоколов), Риги (А.А.Вольфшмидт), Петрокова (М.А.Шерешевский), выступил инициатором создания дрожжевого синдиката, а в 1910-х гг. являлся председателем синдиката дрожжевых заводчиков.

По политическим взглядам В.А.Карякин отличался умеренностью, даже, пожалуй, консервативностью своих воззрений. В октябре 1905 г. выступил инициатором создания «Общества правового порядка», в котором вскоре стали преобладать черносотенные элементы во главе с В.Ф. Залеским. В.А.Карякин, отошедший от инициированной им организации, был отнесен к числу изменников «истинно русских» интересов. В январе 1906 г. В.А.Карякин был уже в числе учредителей «Торгово-промышленной партии» на Казанской бирже, которая также просуществовала недолго. Сам В.А.Карякин вскоре вошел в казанское отделение Союза 17 октября.

В.А.Карякин был выборщиком во время выборов в Думу 2-го созыва, однако депутатом был избран лишь в ходе третьей избирательной кампании. В Думе 3-го созыва состоял членом фракции октябристов (кресло № 330) и ряда комиссий:

- финансовая;
- продовольственная (председатель комиссии);
- по борьбе с пьянством;
- по городским делам (с 3-й сессии).

Кроме того, В.А.Карякин входил в объединенную торгово-промышленную группу членов Государственного совета и Государственной думы, созданную в начале декабря 1907 г. в составе 41 человека.

В качестве председателя продовольственной комиссии В.А.Карякин выступал с думской трибуны с рядом докладов. Весной 1908 г. В.А.Карякиным был составлен проект преобразования продовольственной части путем образования государственных хлебных запасов. Автор законопроекта предложил передать капиталы и натуральные запасы тем обществам и учреждениям, которым они принадлежат, передав им на будущее время право вести эти операции самостоятельно, без участия правительства. Ссуды, ранее выданные, должны быть приведены в порядок и включены в долг за теми лицами, кто их получил (хотя бы за 1905–1908 гг.).

В.А.Карякин принимал весьма деятельное участие в работе финансовой комиссии. В частности, на заседаниях комиссии при обсуждении законопроекта о введении подоходного налога (весна и осень 1910 г., 3-я и 4-я сессии) он выступал с критикой предлагаемого законопроекта, вносил свои дополнения, связанные с деятельностью акционерных обществ и пр. Неоднократно В.А.Карякин выступал при обсуждении смет различных ведомств. В частности, при обсуждении сметы МПС в 1909 и 1910 гг. он защищал необходимость развития водных путей сообщения, шоссейных дорог и т.п. При обсуждении сметы МТПР. В.А.Карякин высказывался за развитие коммерческого и профессионального образования. Следует сказать, что он не только выступал с думской трибуны, но и оказывал личное содействие развитию коммерческих училищ в Казани и родном Рыбинске, выделяя на строительство зданий и последующие нужды значительные средства.

Весьма показательна позиция В.А.Карякина при обсуждении законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих. После прохождения через думскую комиссию 10 апреля 1910 г. законопроект «О нормальном отдыхе торговых служащих» был вынесен на общее обсуждение Думы. Обсуждение законопроекта проходило в обстановке постоянных столкновений противоборствующих сторон и растянулось до конца 1910 г. При его обсуждении Карякин предложил дополнить законопроект следующей статьей: *«В местностях со значительным иновещеским населением обязательными постановлениями могут быть воспрещаемы или ограничиваемы во времени производства торговли, а равно занятия в торговых складах и конторах для иновещесцев, вместо воскресных дней и двенадцатых праздников — в праздничные дни по их религии»*. Но его предложение, поддержанное и мусульманами, было отклонено думским большинством.

Необычайную активность В.А.Карякин проявил и при обсуждении законопроекта о застройке. Данный законопроект регулировал различные вопросы, возникающие при строительстве в городах, в том числе и вопрос о земельных участках, отводимых под строящееся жилье или иное здание. Поэтому обсуждение данного проекта оказалось весьма бурным. При втором чтении этого законопроекта (апрель 1910 г.) казанский купец выступал шесть раз, предлагая различные формулировки статей закона, защищая права собственников на землю и пр.

После окончания срока полномочий В.А.Карякин категорически отказался выставлять свою кандидатуру на выборах в Думу 4-го созыва, хотя его кандидатуру неоднократно выдвигали как октябристы,

так и правые².

В.А.Карякин скончался 14 октября 1913 г. от рака печени в Казани, где и был похоронен.

**Кушников
Дмитрий
Александрович**

(15.10.1850 — 20.12.1911) —

депутат

Государственной думы

2-го созыва

Сведения о раннем периоде жизни Дмитрия Александровича Кушникова очень скупы. Известно, что Дмитрий Кушников родился в семье священника с.Караваяево Спасского уезда Казанской губернии¹. Первоначальное образование получил в «бурсе» (дореформенное духовное училище). После ее окончания поступил в Казанскую духовную семинарию. Проучившись в семинарии четыре года, был вынужден покинуть ее за публично высказанное приветствие известной артистке Алексеевой. В 1870–1875 гг. состоял вольнослушателем на медицинском факультете Казанского университета. По окончании курса дважды приглашался на службу в восточную Сибирь в крупнейшие золотопромышленные компании².

В последующем длительный период работал в земстве: 18 лет служил в Чебоксарском земстве, работая земским врачом в с.Беловолжское (1889–1906). К 1906 г. состоял вторым врачом третьего участка Аккозинской земской больницы. По долгу службы Д.А.Кушников был хорошо знаком с жизнью крестьян и сельским укладом вообще, так как большая часть его жизни прошла именно среди крестьян. Будучи земским врачом, пользовался среди сельского населения большим уважением и любовью. По характеристике, данной ему губернскими властями, Д.А.Кушников был человеком весьма умным и одаренным, но в то же время скрытным и осторожным: *«Не чужд рисовки и лицемерия. Способен к проявлению угодливости и тонкой лести пред лицами власть имущими»*. Еще более резко отрицательная характеристика была дана Д.А. Кушникову местным исправником: *«человек довольно скрытный, хитрый и двуличный»*. По словам того же исправника, авторитет Кушникова среди местного крестьянства объяснялся тем, что он состоял уполномоченным Московского вольного экономического общества, через которого поступали деньги для пособий беднейшим учителям¹.

В период первой избирательной кампании Д.А.Кушников был избран в число выборщиков и считался серьезным кандидатом в депутаты. Но тогда его постигла неудача. Являясь кандидатом от оппозиции, Д.Кушников испытал всевозможные неприятности, связанные с этим положением: переводы, увольнения и обыски. Уже после избрания депутатом во вторую Думу он сразу же попал под гласный надзор полиции.

В период выборов во вторую Думу усилия его сторонников — «сельской интеллигенции» в лице учителей и учительниц, фельдшеров и отчасти сельского духовенства — увенчались успехом. Население трех волостей Чебоксарского уезда, избравшее его депутатом, намеревалось устроить ему торжественные проводы в Думу. Однако, не желая навлечь на провожающих гнев местной администрации, Д.Кушников уехал из деревни раньше времени. В Думе Д.А.Кушников был членом фракции кадетов и распорядительной комиссии, но ничем особенным себя не проявил. С думской трибуны не выступал². Д.А. Кушников состоял в переписке с рядом бывших и будущих казанских депутатов — К.В.Лаврским, Н.П.Ефремовым и др.

После роспуска Думы 2-го созыва Кушников вернулся к исполнению обязанностей земского врача. Летом 1907 г. власти попытались привлечь его к судебной ответственности за распространение прокламаций³. Дело было прекращено за недостатком улик, однако вполне вероятно, судебное преследование помешало ему выдвинуть свою кандидатуру на выборах в Думу 3-го созыва. В 1908 г. он, вновь попав под надзор полиции, был освобожден от работы в земской больнице. Впоследствии жил в Казани, работая в частных больницах и занимаясь частной врачебной практикой.

Умер Д.А.Кушников 20 декабря 1911 г. в Казани.

**Лаврентьев
Иван Егорович**
(1879 — ?) —

депутат

Государственной думы

1-го созыва

Иван Егорович Лаврентьев — русский, православный, из крестьян с. Большое Фролово Тетюшского уезда Казанской губернии¹. Закончил уездное народное училище. Занимался земледелием и садоводством. До избрания в Думу около десяти лет состоял учителем церковно-приходской сельской школы. За пропагандистскую деятельность среди крестьянства находился под надзором полиции. Всецело разделял программу «Крестьянского союза», хотя сам лично в него не входил. По мнению И.Е. Лаврентьева, учреждения мелкого кредита, в целом полезные, получают отрицательное значение в тех случаях, когда Государственный банк оказывает давление на распределение, отдает их на откуп кулакам. Кроме того, ссуды очень часто расходуются не на производство, а на потребление, вследствие чего обедневшие хозяйства еще больше запутываются в своих долгах².

В Думу И.Е.Лаврентьев был избран крестьянами Тетюшского уезда Казанской губернии. Входил во фракцию трудовиков. Подписал «Выборгское воззвание», за что подвергся репрессиям. Трехмесячный тюремный срок он отбывал в тетюшской уездной тюрьме, откуда был выпущен лишь в конце сентября 1908 г. Так как наказание Лаврентьев отбывал не в одиночной, а общей камере, то срок нахождения в заключении был несколько удлинен¹.

После возвращения из Санкт-Петербурга и освобождения из тюрьмы И.Е.Лаврентьев жил в родном селе, в доме отца. Из всех казанских первоумцев он дольше всех (вплоть до ноября 1907 г.) состоял под негласным надзором полиции: местный полицейский стражник еженедельно доносил обо всех передвижениях и деятельности Лаврентьева².

После роспуска Думы И.Е.Лаврентьев был отстранен от преподавательской деятельности, жил случайными заработками и страшно бедствовал. В марте 1909 г. в казанских газетах появилась информация о серьезной болезни И.Е.Лаврентьева³.

И.Е.Лаврентьев являлся автором статьи о депутатах-крестьянах и предвыборной кампании в Казанской губернии в период выборов в Думу 1-го созыва, помещенной в сборнике, изданном первоумцами к 10-летию юбилею Государственной думы⁴.

Последующая судьба неизвестна.

**Лаврский
Константин
Викторович**

(14.12.1844 — 27.11.1917) —

*депутат
Государственной думы
1-го созыва*

Константин Викторович Лаврский родился в семье священника (протоиерея) в Горбатове Нижегородской губернии¹. Среднее образование получил в Нижегородской гимназии. По воспоминаниям современников, еще на гимназической скамье Константин Лаврский проявлял живой интерес к общественно-политическим вопросам, входил в местный политический кружок, где познакомился с критиком-публицистом Н.А.Добролюбовым и проникся его идеями.

Задумав получить высшее образование в Казанском университете, К.В.Лаврский первоначально поступил учиться на историко-филологический факультет (1861), но затем перешел на юридический, который и закончил через двадцать лет (1861–1864; 1880–1881). Столь длительный перерыв был связан с тем, что он, будучи студентом, принимал активное участие в студенческом движении 60-х гг. XIX в. За участие в так называемом «Казанском заговоре» был арестован и отчислен из университета (18.01.1864). Четыре года — с 1863 по 1867 гг. — находился в предварительном заключении. В 1872 г. К.В.Лаврский был обвинен в устройстве кухмистерской «с единственной целью сближения со студентами Университета» и «ввиду вредного влияния на окружающую среду и политическую неблагонадежность» в административном порядке был выслан в Никольск Новгородской губернии¹. Через некоторое время, ввиду болезненного состояния, К.В.Лаврский был переведен в Самарскую губернию под надзор полиции, а через два года по ходатайству матери был освобожден и получил возможность вернуться в Казань.

После возвращения в Казань Константин Викторович занялся литературной деятельностью в «Казанском биржевом листке» и одновременно работал в библиотеке И.А.Шидловского, мечтая превратить ее в библиотеку для рабочих. Здесь же он познакомился и сдружился с Н.Я. Агафоновым, с которым предпринял издание новой «Камско-Волжской газеты» (1872 — 1874 гг.). Газета, куда были привлечены лучшие творческие силы Поволжья — профессора Н.Н.Булич, А.С.Гацкий, В.О.Португалов и другие, — проводила идеи децентрализации и провинциального возрождения. Вскоре «Камско-Волжская газета» превратилась в одну из лучших газет не только среди провинциальных, но и общероссийских периодических изданий. 25 января 1874 г. она была запрещена, так как местная власть и Главное управление по делам печати усмотрели в ней гнездо Интернационала. После этого Н.Я.Агафо-

нов и К.В.Лаврский приступили к изданию неперидических сборников под общим названием «Шаги», первый выпуск которого увидел свет в 1876 г. и именовался «Первые шаги». Далее в 1877 и 1878 гг. вышли второй и третий выпуски, соответственно, под названиями «Литературные блины на масленицу 1877 г.» и «Казанский литературный сборник». Одновременно К.В.Лаврский сотрудничал с журналом «Неделя» (1874 — 1877 гг.). В различных периодических изданиях публиковался под псевдонимами — Литератор-обозреватель, Литературный обыватель, Л.О., Л-ский, Деревенский житель. Однако многие его статьи выходили сильно изуродованными после цензурных правок. *«Литературные неудачи и неудачи в практическом проведении своих идей, душевные потрясения и житейские невзгоды привели Лаврского к канцелярской службе»*: с сентября 1875 г. до марта 1881 г. он состоял на службе в Казанской контрольной палате на должности помощника ревизора в звании коллежского регистратора.

Но и здесь он не оставлял надежду служить идеалам народников. Желание быть ближе к массам на легальной почве вновь привело его на юридический факультет. После получения диплома (1881), К.В.Лаврский начал готовиться к сдаче экстерном экзамена на звание кандидата права. Обнаруженные на испытаниях глубокие и разносторонние познания в политической экономии обратили внимание руководства юридического факультета на молодого юриста. По рекомендации профессора Я.С.Степанова он был оставлен при университете на два года (со стипендией в 600 руб.) для приготовления к профессорскому званию.

В 1882 г. Лаврским были успешно сданы экзамены на степень магистра. Однако работа над докторской диссертацией натолкнулась на ряд непредвиденных обстоятельств. Выбранная в качестве темы исследования проблема «О сельском пролетариате России» оказалась весьма обширна. Обилие литературы сочеталось с отсутствием в достаточном количестве материала для исследования. Столь необходимое для сбора материалов пребывание в столичных исследовательских центрах было невозможно вследствие материальных тягот и проблем. Весной 1883 г. К.В.Лаврский попытался скорректировать тему диссертации, которая была бы не столь обширна, как предыдущая, и которую возможно было бы обработать в сравнительно короткий срок, причем оставаясь в Казани и не изменяя раз принятому направлению, — «Обзор российской экономической литературы по т.н. крестьянскому вопросу». Тогда же было удовлетворено его ходатайство о продлении на год стипендии. К проблемам добавилось и отрицательное отношение попечителя Казанского учебного округа Масленникова к кандидатуре Лаврского в качестве университетского преподавателя. Таким образом, его научная карьера не сложилась.

После очередного удара судьбы К.В.Лаврский оставляет науку и пробует себя на новом поприще. Он арендует участок земли в с.Новая Родионовка (Новородионовка) Богородской волости Чебоксарского уезда, намереваясь способствовать развитию общественно-политического сознания крестьян и пропагандируя среди крестьян идеи рационального ведения сельского хозяйства. Чуть позднее, в 1886 г., К.В.Лаврский становится помощником присяжного поверенного при Казанском судебном округе. В марте 1890 г. он был утвержден в звании присяжного поверенного. Давая рекомендацию, его «патрон» адвокат Н.В. Рейнгардт охарактеризовал своего помощника самым наилучшим образом. Не ограничиваясь лишь традиционной формальной положительной оценкой, он отметил, что Константин Лаврский *«отличается обширным и всесторонним образованием, основательным знанием права не только теоретического, но и практического... отличается трудолюбием и крайней добросовестностью»*.

На адвокатском поприще К.В.Лаврский очень часто выступал в качестве защитника и ходатая по крестьянским делам. Эта грань деятельности снискала ему небывалое уважение среди крестьян Чебоксарского уезда, которые и избрали его своим представителем в первую Государственную думу (1906). В Думе К.В.Лаврский вошел во фракцию трудовиков и принимал участие в заседаниях аграрной комиссии. Дважды он выступал с думской трибуны по аграрному вопросу. Кроме того его подписи стояли под большинством запросов о неправомерных действиях властей, а также под рядом разработанных думцами законопроектов. К.В.Лаврский известен также как один из авторов «Письма 39 членов Государственной думы», адресованного министру земледелия с защитой требований Всероссийского крестьянского союза по аграрному вопросу¹. Вернувшись после роспуска Думы домой, К.В.Лаврский сразу же попал под негласный надзор полиции. В 1908 г., как и остальные депутаты-выборжцы, он отбыл трехмесячный срок в местной тюрьме.

В последующие годы К.В.Лаврский продолжал заниматься адвокатской практикой, ведя многочисленные крестьянские дела. В 1909 г. он был избран членом совета казанских присяжных поверенных, а в 1915 г. — председателем этой организации². К.В.Лаврский принимал участие и в работе Казанского юридического общества, членом которого являлся долгие годы. Причем в данном обществе он не был простым статистом, а примыкал к тем его членам, которые были весьма активны в обсуждении наиболее острых вопросов современной действительности.

В частности, в конце 1909 — начале 1910 г. казанская общественность была взбуждена делом интендантов, обвиненных в растрате и коррупции. В связи с этим делом в адвокатской среде возник спор об адвокатской этике, в который оказался вовлеченным и Лаврский. В первых номерах газеты «Камско-Волжская речь» за 1910 г. была опубликована серия статей К.В.Лаврского и В.Ф.Баудера, по-

лемизировавших друг с другом по вопросу о границах и мерах, допустимых в уголовной этике¹. Вскоре дискуссия вышла за пределы газетной полемики: 7 февраля на необычайно многочисленном заседании Казанского юридического общества (присутствовало более 600 человек) адвокатом С.А. Ушаковым был прочитан доклад на заявленную тему «К вопросу об адвокатской этике». В нем оратор отстаивал право на защиту в уголовных делах вне зависимости от степени вины обвиняемого, а также право присяжных поверенных оказывать подобную юридическую помощь, даже если вина обвиняемых общепризнана и неоспорима в глазах общественности. Дискуссия, в которой приняли участие известные казанские адвокаты, затронула различные проблемы, связанные с «адвокатской этикой»². Среди разнообразных аспектов проблемы были и такие, как соотношение в адвокатской деятельности гражданского и профессионального долга, влияние общественного мнения на позицию присяжного поверенного.

Полемизировавший с докладчиком К.В. Лаврский начал свою речь следующими словами: «Я имею честь принадлежать к корпорации присяжных поверенных. Если бы г. Ушаков убедил меня в правильности своего взгляда на обязанности адвоката — мне пришлось бы сказать: «Я имею несчастье принадлежать к сословию адвокатов»³. По мнению К.В. Лаврского, адвокат вправе игнорировать мнение общественности лишь тогда, когда речь идет о защите невинного, но в деле защиты явного преступника дело обстоит иначе, поскольку адвокат не просто и не только адвокат, но и гражданин. Адвокат может защищать заведомо виновного в уголовном преступлении только в том случае, если он назначен защитником судом или адвокатской корпорацией, но отнюдь не в виде добровольного соглашения. К.В. Лаврский полагал, что обязанности адвоката как гражданина, несомненно, выше его профессиональных обязанностей, а потому он просто обязан прислушиваться к мнению общественности. Позиция и аргументы бывшего депутата были вполне созвучны его убеждениям, проявленным в период работы первого парламента. Но это была не просто позиция одного лишь Лаврского — таковы были убеждения достаточно большого числа адвокатов-шестидесятников, полагавших в духе великих реформ, что присяжный поверенный является прежде всего народным защитником.

К сожалению, дискуссия за поздним временем была прервана и отложена на следующее заседание Юридического общества, но в силу ряда причин более не была возобновлена. В конце февраля дискуссия по вопросу об адвокатской этике обсуждалась и в совете присяжных поверенных, однако, в отличие от заседаний Юридического общества, профессиональное собрание казанских адвокатов происходило при закрытых дверях⁴.

В последумский период К.В. Лаврский жил в основном в сельской местности на хуторе в Чебоксарском уезде. Приезжая по служебным обязанностям в Казань, он останавливался на квартире, располагавшейся по адресу: ул. Пушкина, д. 96.

В ноябре 1917 г. тяжело больной раком печени и уже фактически прикованный к постели К.В. Лаврский посылает из хутора при с. Козловка, где проживал последние годы, письмо, адресованное коллегам и председателю совета присяжных поверенных. Послание содержало просьбу принять незавершенные им дела и побеспокоиться о доведении их до конца. Кроме того, в этом фактически уже прощальном письме К.В. Лаврский высказал ряд просьб, связанных с предстоящими похоронными хлопотами. Прежде всего он просил привезти его для отпевания в Казань: «Мне очень хотелось бы собрать около гроба и товарищей по профессии и массу знакомых и друзей». Также Константин Викторович просил, чтобы похороны его прошли как можно скромнее: «Очень против всякой роскоши, но одно исключение допускаю и желаю его: хороших певчих».

Умер К.В. Лаврский 27 ноября 1917 г. и был похоронен, согласно завещанию, в Казани. Единственный некролог был помещен в газете «Камско-Волжская речь»⁵.

*Лунин Александр
Ларионович
(Илларионович)*

(1867 — ?) —

депутат

Государственной думы

3-го созыва

Александр Ларионович Лунин — русский, православный, из крестьян¹. Окончив курс в земском начальном училище, имел низшее образование. Постоянное место жительства находилось в с. Козловка Чебоксарского уезда Казанской губернии, где с конца XIX в. жил первоудмеец К.В. Лаврский. Даже будучи избранным депутатом, он проводил там все летнее время. Вначале занимался лесной торговлей и земледелием. Впоследствии, до избрания в Думу, служил приказчиком и доверенным торговой фирмы

«Робинзон». Владел крестьянским наделом в размере одной десятины. На момент избрания в Думу был женат.

В период выборов в Думу 2-го созыва состоял выборщиком², однако в Думу не прошел. В Думе 3-го созыва входил во фракцию кадетов и являлся членом ряда комиссий: земельная (1–2 сессии); крестьянских повинностей (1–2 сессии) и местного самоуправления. А.Л.Лунин участвовал в совещаниях фракции народной свободы третьей Государственной думы с представителями местных партийных групп.

Однако, будучи депутатом, по мнению односельчан, особой активной деятельности не показал. Вследствие этого не пользовался почетом и уважением среди односельчан, которые позволяли высказывать неудовольствие по поводу его пассивности¹. Впрочем, были свои объяснения этой «пассивности» и у самого депутата, высказанные им на совещании думской фракции партии народной свободы с представителями местных групп, состоявшемся 1–2 июня 1908 г.² На одном из заседаний А.Л. Лунин, представлявший крестьянскую группу, говорил о слабой подготовленности крестьянских депутатов к законотворческой деятельности, об отсутствии поддержки во фракции со стороны более подготовленных коллег. В то время как крестьянские депутаты пришли в кадетскую фракцию учиться, они на деле редко получали помощь у своих более образованных коллег. В этом его поддерживали и другие члены фракции, принадлежавшие к крестьянскому сословию (член Думы от Тобольской губернии К.И.Молодцов, от Архангельской губернии — И.С.Томилов) и участвовавшие в работе совещания. Они обвиняли интеллигентную часть фракции в отсутствии необходимой и своевременной поддержки крестьянских инициатив, в недостатке чуткости к нуждам крестьян, опасались, что крестьяне вовсе не нужны кадетской фракции, поскольку «количество они прибавят, а ярких выступлений не дадут».

В частности, большинство членов кадетской фракции не поддержали «Проект главных оснований о наделении безземельных и малоземельных крестьян землею», подготовленный крестьянской группой во главе с П.Г. Устиновым и А.Л. Луниным, посчитав законопроект сырым и недоработанным. Тем не менее законопроект был внесен в Думу 14 марта 1908 г. за подписью 46 депутатов. 15 ноября того же года проект был передан в земельную комиссию на заключение по вопросу о желательности и там «застрял» до конца срока полномочий Думы 3-го созыва. Данный законопроект оказался единственным, в разработке которого А.Л. Лунин принимал непосредственное участие. Однако кроме него А.Л. Луниным было подписано и поддержано 39 законопроектов (в основном кадетские инициативы) и 52 запроса правительственным структурам. Кроме того, А.Л. Лунин неоднократно выступал с думской трибуны во время обсуждения правительственных законопроектов, направленных на разрушение крестьянской общины. В этом отношении казанского депутата нельзя обвинить в пассивности и полном игнорировании своих депутатских обязанностей.

Осенью 1910 г., вследствие болезни глаз, он отсутствовал в столице в течение октября — ноября месяцев. После окончания срока думских полномочий А.Л.Лунин вернулся в родное с.Козловка, занимался земледелием и строительством каменного дома. О дальнейшей жизни Александра Ларионовича практически ничего не известно. В газете «Камско-Волжская речь» за 1915 г. была помещена информация о некоем А.Л. Луние — церковном старосте в с. Козловка¹. Однако достоверно утверждать, что речь идет об одном и том же человеке, по имеющимся скудным данным, нельзя.

А.Л.Лунин принимал участие в политических событиях 1917 г. На выборах в Учредительное собрание был включен в список кандидатов от партии народной свободы от Казанской губернии².

Дальнейшая судьба неизвестна.

Максудов Садретдин Низамутдинович
(Садри Максуди)

(23.07.1878 — 20.02.1957) — депутат
Государственных дум 2-го и 3-го созывов

Садри Максуди происходил из крестьян Казанской губернии¹. Родился в д.Ташсу Казанского уезда и губернии. С 1888 г. учился в медресе Казани. В 1897—1901 гг. состоял своекоштным учеником Казанской татарской учительской школы (КТУШ). Успешно закончив ее, отправился в Турцию, а затем в Европу. В 1901—1906 гг. учился на юридическом отделении Парижского университета. Получив в Сорбонне высшее образование со степенью кандидата права, С.Максуди вернулся на родину. Затем в 1913 г., намереваясь начать адвокатскую практику, выдержал экстерном экзамены на звание юриста в Московском императорском университете и получил диплом 2-й степени.

С.Максуди был одним из известнейших мусульманских политиков начала XX в. Его общественная деятельность началась в 1906 г., после возвращения из Парижа. С.Максуди сразу же оказался в центре общественной жизни. Он принял участие в работе III Всероссийского мусульманского съезда, несмотря на молодость и политическую неопытность, был избран в руководящие органы (ЦК) «Мусульманского союза». По политическим взглядам С.Максуди примыкал к партии народной свободы. Эта его позиция оставалась неизменной даже после Февральской революции. В качестве кандидата политического бло-

ка мусульманских либералов с кадетами баллотировался в Думу 2-го созыва. В Думе 2-го и 3-го созывов С.Максуди не просто входил в мусульманскую фракцию, но и принял активнейшее участие в образовании мусульманского блока. В третьей Думе выполнял функции секретаря фракции. В Думе 2-го созыва он также входил в бюро кадетской фракции и состоял товарищем секретаря (т.е. член президиума)¹. Член ряда комиссий:

- свободы совести (вторая Дума);
- по законодательным предположениям (третья Дума, 1–5 сессии);
- о неприкосновенности личности (третья Дума, 1–2 сессии);
- финансовой (третья Дума, 3–5 сессии).

С.Максуди являлся одним из основных ораторов мусульманской фракции. Он неоднократно выступал с речью по поручению фракции или же изредка представляя правительственные законопроекты, касавшиеся мусульман. Помещал регулярные отчеты о своей парламентской деятельности на страницах татарских газет «Юлдуз» и «Вақыт»².

Наибольшую известность С.Максуди принесли речи, посвященные защите окраинных мусульман от проводимой государством грабительской переселенческой политики в Степном крае и Туркестане; речи о духовных делах и нуждах российских мусульман; выступления по проблеме борьбы с пьянством; выступления с опровержениями измышлений в прессе и искаженных представлений русской общественности о т.н. панисламизме, распространенном среди российских мусульман; речи о деятельности межпарламентской группы или о взаимоотношениях России с Турцией и т.д. Активная позиция С.Максуди в мусульманском вопросе, защита им интересов и прав окраинных мусульман сделали его кандидатуру для властей крайне опасной и нежелательной. В период выборной кампании в Думу 4-го созыва С.Максуди на том основании, что у него имеется старший брат — домовладелец, был лишен имущественного ценза и отстранен от выборов.

В 1913 г., после неудачной баллотировки в Государственную думу, С.Максуди принял участие в выборах гласных Казанской городской думы. В качестве основания для получения избирательного ценза С.Максуди была дана доверенность на имущество медресе при 2-й соборной мечети Казани¹. В Городской думе С.Максуди также стал одним из наиболее деятельных мусульманских гласных, фактически возглавив мусульманскую партию в местном органе самоуправления. Одновременно С.Максуди продолжал принимать активное участие в общественных делах: выступал с докладами на заседаниях «Восточного клуба», активно сотрудничал с татарскими периодическими изданиями, участвовал в работе общемусульманских съездов и совещаний. В частности, С.Максуди неоднократно публиковал статьи по национальным проблемам и деятельности мусульманской фракции на страницах газеты «Юлдуз», издаваемой и редактируемой его старшим братом Х. Максуди.

Накануне и в период 1-й мировой войны продолжал заниматься общественной и благотворительной деятельностью: в годы войны состоял членом комитета по организации мусульманского госпиталя. В 1916 г. С.Максуди сменил Б.К.Апанаева на посту председателя Общества пособия бедным мусульманам. Осенью 1916 г. С.Н.Максудов был назначен заведующим отделом рабочей партии в дружине Западного фронта, сформированной Главным по снабжению армии комитетом земского и городского союзов. Для исполнения своих обязанностей осенью-зимой выезжал из Казани в район боевых действий.

Кроме активной общественной деятельности, много внимания занимали и непосредственные профессиональные обязанности. В ноябре 1913 г. С.Максуди подал заявление о принятии его в число помощников присяжного поверенного при Казанской судебной палате. Однако, поскольку С.Н.Максудов был мусульманином, решение казанского совета присяжных поверенных о зачислении его в число помощников присяжных поверенных должно было быть утверждено министром юстиции.

Первое представление КСПП было оставлено «без последствий». Лишь в октябре 1914 г. вторичное ходатайство казанской адвокатуры было удовлетворено². К началу 1915 г. С.Максуди состоял также членом Юридического общества при Казанском императорском университете¹.

После Февральской революции 1917 г. С.Максуди принял активнейшее участие в политических событиях, в мусульманском общественном движении. Весной 1917 г. он находился в Средней Азии. Поэтому С.Максуди не смог принять участия в работе I Всероссийского мусульманского съезда, созванного в Москве в первой декаде мая 1917 г. Однако кандидатура С.Максуди выдвигалась и баллотировалась при избрании муфтия ОМДС, хотя и не набрала нужного количества голосов. С.Максуди был одним из наиболее активных организаторов II Всероссийского мусульманского съезда (июль 1917 г., Казань), провозгласившего «Культурно-национальную автономию мусульман внутренней России и Сибири». Автор проекта культурно-национальной автономии, разработанного к открытию «Миллят мэжлесе» (Национальное собрание тюрко-татар внутренней России и Сибири, 21 ноября, 1917—11 января 1918 гг.). Первоначально С.Максуди вошел во фракцию тюркистов, будучи одним из главных ее организаторов и идеологов. Однако после избрания его председателем Национального собрания вышел из фракции. В январе 1918 г. был избран председателем «Милли идарэ» (Национальное управление), существовавшего до конца апреля того же года². После разгрома национального движения весной

1918 г., осуществленного большевиками, С.Максудид оказался в эмиграции. В 1919 г. представлял интересы тюрко-татарского населения России на Версальской мирной конференции. В начале 20-х гг. жил в Париже, занимаясь преподавательской деятельностью в Институте исламоведения при Парижском университете (1923–1924). Впоследствии переехал в Турцию. Депутат Великого национального собрания Турции (1930–1938) и профессор Стамбульского университета (1934–1945). Автор многочисленных трудов по языкознанию, истории тюркских государств, государственному праву и т.п.³

Максютов (Максудов) Сафиулла Тазетдинович

(1858 — ?) — депутат Государственной думы

2-го созыва

Сафиулла Тазетдинович Максютлов происходил из татарской крестьянской семьи Казанской губернии, многие представители которой имели духовное звание¹. Его дед Максуд-хазрат был муллою в д. Кульбаши Казанского уезда и губернии. Отец — Тазетдин Максютлов (ум. в 1882 г.) служил сельским муллою в той же деревне, имел почетное звание старшего ахуна, а также несколько сроков состоял казыем в ОМДС. Казыем в ОМДС с 1866 г. в течение более чем 20 лет был и старший брат Сафиуллы — Джалалетдин-хазрат Максютлов². Младший брат Сафиуллы-хазрата Гадиятулла Тазетдинович Максютлов (4.02.1864 — ?) в 1893 г. был утвержден в звании имама д.Абсабаш Казанского уезда и губернии³. Дядя (брат отца) Шамсутдин Максютлов в 1880-х гг. состоял указным муллою в д.Инсы Казанского уезда. По отцовской линии Сафиулла-хазрат состоял в дальнем родстве с другим членом мусульманской фракции — С.Максудид.

Основное образование С.Т.Максютлов получил в казанском медресе «Кульбуе» (Приозерное), полный курс в котором завершил к 1883 г.⁴ Вместе с братом Джалалетдином Сафиулла совершил путешествие по Туркестану и в Бухару, в ходе которого имел возможность пополнить свои богословские познания. В августе 1883 г. С.Максютлов был утвержден в звании указного муллы соборной мечети в д. Б.Сентяк-Кульбаши. В августе 1890 г. был удостоен почетного звания ахуна⁵. Хазрат Максютлов имел репутацию образованного сельского муллы, сведущего как в мусульманских богословских вопросах, так и в вопросах текущей политики. В материальном плане он считался богатым муллою, поскольку имел дом и значительное имущество¹.

Максютлов был избран в Думу, можно сказать, случайно. Член мусульманской фракции. В комиссии не входил и с думской трибуны не выступал. Помещал отчеты о своей депутатской деятельности и работе мусульманской фракции на страницах казанской газеты «Юлдуз»². В частности, с именем муллы С. Максютлова связано обращение членов мусульманской фракции к мусульманскому духовенству Казани за советом, насколько предоставление политических прав женщинам соотносится с нормами шариата.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Марковников Владимир Владимирович

(14.01.1867 — 30.03.1917) — депутат

Государственной думы 4-го созыва

Владимир Владимирович Марковников происходил из потомственных дворян Нижегородской губернии¹. Определением Казанского дворянского собрания от 1796 г. род Марковниковых был причислен ко 2-й части дворянской родословной книги Казанской губернии².

Отцом будущего депутата являлся воспитанник Казанского университета, ученик Бутлерова, известный ученый-химик, профессор Казанского (1869–1871), Новороссийского и Московского (1873–1904) университетов Владимир Васильевич Марковников (10.12.1838 — 29.01.1904)³.

Владимир Владимирович родился в с.Дмитровское (иногда Дмитриевка) Чистопольского уезда, где располагалось имение его матери. Там же позднее находилось его основное местожительство. Поскольку семья Марковниковых переехала в столицу, к месту новой службы главы семейства, будущий депутат получил высшее образование в столичном университете: в 1891 г. он закончил физико-математический факультет Московского императорского университета по отделу естественных наук. Двое его братьев — Александр и Валериан — также воспитывались в Московском университете и позднее проживали в Москве. Четвертый брат — Николай — закончил Санкт-Петербургскую академию художеств, служил архитектором и жил в Санкт-Петербурге.

В.В.Марковников являлся известным в казанском крае земским и общественным деятелем: земский начальник 3-го участка Чистопольского уезда (с 1891), уездный и губернский земский гласный, председатель Казанской губернской земской управы (1900–1904), почетный мировой судья (с 1900). Один из инициаторов учреждения казанской земской газеты. На ее страницах публиковал статьи, в которых знакомил читателей со своей деятельностью в качестве уполномоченного от Министерства земледелия¹.

В марте 1904 г. был назначен инспектором сельского хозяйства по Министерству земледелия и государственных имуществ. Весной 1909 г. был уволен с должности по причине причисления к Главному управлению землеустройства и земледелия². Член Казанского общества садоводства (член совета)³. В

1904 — 1912 гг. также состоял членом Учетно-сберегательной кассы казанского отделения Государственного банка России. Один из инициаторов, авторов и лоббистов проекта заволжской железной дороги.

Был выборщиком во время выборов в Думу 1-го и 2-го созывов. В Думу 4-го созыва В.В.Марковников был избран по курии крупных землевладельцев (в качестве имущественного ценза выступали 600 десятин родовой земли в Чистопольском уезде Казанской губернии)⁵. Член фракции октябристов. Состоял членом семи думских комиссий:

- путей сообщения;
- по торговле и промышленности (секретарь);
- местного самоуправления;
- по рыболовству;
- по 300-летию празднования юбилея дома Романовых;
- финансовая;
- о шлюзах на р. Днепр.
- библиотечная

Первоначально казанский депутат не появлялся на думской трибуне. Лишь во 2-ю сессию он трижды выступил в качестве докладчика комиссии по торговле и промышленности (январь и июнь 1914 г.)¹.

В.В.Марковников был женат на потомственной дворянке, дочери отставного поручика Наталье Алексеевне Булыгиной (4.07.1872–?). К 1912 г. у него было шестеро детей: Ольга (21.07.1899–?), Софья (7.11.1902–?), Елизавета (1908–?), Марья (1910–?), Алексей (17.08.1904–?) и Сергей (1906–?). Один из сыновей Владимир умер в раннем детстве.

В.В.Марковников скончался скоропостижно 30 марта 1917 г., находясь в пути, в поезде, недалеко от Арзамаса.

Мельников Николай Александрович

(15.10.1872 — ?) —

депутат

Государственной думы

3-го созыва

Николай Александрович Мельников родился в с. Нижняя Серда Лаишевского уезда Казанской губернии в семье землевладельца, статского советника Александра Михайловича и Софии Николаевны Мельниковых¹. Род Мельниковых был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии и утвержден указом герольдии в 1844 г.

Основателем казанского рода являлся Михаил Иванович Мельников (1805–3.11.1885), происходивший из обер-офицерских детей. Михаил Иванович закончил физико-математическое отделение Казанского университета (1823–1825), позднее состоял учителем математики в первой и второй казанских гимназиях. В 1829 г. он начал свою преподавательскую деятельность в Казанском университете, состоя до выхода в отставку в 1854 г. адъюнктом чистой математики. С Казанским университетом была связана судьба одного из трех его сыновей — Николая Михайловича Мельникова (14.07.1840–30.12.1900). После успешного окончания физико-математического факультета Казанского университета по разряду естественных наук (1861), он был оставлен для приготовления к профессорскому званию и научной деятельности. Вплоть до самой смерти Николай Михайлович состоял профессором зоологии родного университета, дослужившись до звания заслуженного ординарного профессора (1894). Более двадцати пяти лет он состоял директором университетского зоологического музея, много сделав для благоустройства музея, пополнения его коллекции¹.

Старший из сыновей Михаила Ивановича — Александр родился 26 августа 1837 г. и состоял на различных должностях в местной администрации. У Александра Михайловича было по меньшей мере семеро детей, четвертым из которых был будущий депутат Николай Александрович Мельников.

Николай учился во 2-й Казанской мужской гимназии, которую закончил в 1890 г. В том же году он поступил на медицинский факультет Казанского университета. Будучи студентом второго курса (4-го семестра), 6 апреля 1893 г. подал прошение об увольнении из числа студентов, поскольку «*по домашним обстоятельствам не имел возможности продолжить образование*». Поэтому полного университетского курса не закончил и остался со средним гимназическим образованием.

Землевладелец. По одним сведениям, Н.А.Мельников владел 225 десятинами земли, по другим — его личный имущественный ценз был около 50 десятин. Некоторое время состоял председателем земской управы в Козьмодемьянске². Впоследствии постоянно проживал в Казани. Губернский земский гласный и голова; инспектор земского страхования по губернии (1907). Один из инициаторов учрежде-

ния и редактор казанской земской газеты. Член Казанского общества садоводства (председатель совета)³. Николай Александрович был женат и являлся отцом троих детей — Григория (14.10.1896 — 3.11.1938)⁴, Прасковьи (22.09.1898) и Дмитрия (26.10.1900).

С оживлением политической жизни и началом формирования политических партий вошел в состав казанского отделения партии Союз 17 октября. Был выборщиком во время выборов в Думу 1-го и 2-го созывов, однако не был избран депутатом⁵.

Летом 1907 г. Н.А.Мельников участвовал в работе съезда земских деятелей, состоявшегося после разгона Думы 2-го созыва. На данном земском съезде, по составу участников и характеру выступлений большинства делегатов резко отличавшемся от предыдущих земских собраний, основной тон задавали октябристы и умеренные. Из 124 делегатов 33 делегата принадлежали к правым партиям, 33 — к умеренным, 44 — к октябристам, 4 — к обновленцам и 10 — к кадетам. Н.А.Мельников выступал по вопросу о реформе земской избирательной системы, высказавшись за то, чтобы «земское представительство базировалось на представительстве собственности и чтобы в земства был обеспечен доступ культурным элементам»¹.

В Думу 3-го созыва (1907–1912) он был избран землевладельцами Казанской губернии. Считался одним из наиболее консервативных казанских депутатов. Вошел во фракцию октябристов (кресло № 95) и записался в земельную комиссию. Кроме того, Н.А.Мельников был избран заместителем (товарищем) секретаря Государственной думы. С думской трибуны выступал лишь однажды — во время обсуждения предложения группы депутатов об увеличении состава земельной комиссии. Отказался от звания депутата 24 марта 1908 г.², вероятнее всего, в связи с избранием председателем уездной управы. Вскоре после сложения им депутатских полномочий в одной из казанских газет появилась эпиграмма следующего содержания:

*В Государственную Думу
Я мечтал пролезть,
Чтоб потом на синекуру
В «Сельский вестник» сесть,
Но в уездную управу
Членом избран был
И мечты свои о Думе
Навсегда забыл...*

В последующем состоял председателем управы Казанского губернского земского собрания (в 1909 г. — заступающий места председателя управы). Весной-летом 1909 г., будучи председателем управы, Н.А.Мельников приложил много усилий для организации международной выставки, состоявшейся в Казани с 4 по 15 июня 1909 г. Выставка имела большой общественный резонанс и привлекла внимание общественности далеко за пределами Казани. Однако с организацией выставки были связаны и неприятные моменты карьеры председателя управы. Один из членов организационного комитета инженер Г.Г.Ге обвинил председателя управы и одновременно председателя выставочного комитета в самоуправстве. Длительный скандал был с большим трудом улажен, однако управа едва не лишилась своего председателя¹.

На посту председателя губернской земской управы Н.А.Мельников проявил хорошие организаторские способности, что создало ему репутацию крупного общественного деятеля в крае. Во время обострения продовольственной проблемы в период 1-й мировой войны Н.А.Мельников был назначен уполномоченным председателя особого совещания по продовольствию населения Казанской губернии (1915 — 1916), в этом качестве занимался регулированием рынка муки, обеспечением мукой общественных пекарен и булочных². В мае 1916 г. Н.А.Мельникова повысили по службе — он был назначен членом Совета министров (МВД) и главноуполномоченным по заготовке мяса для нужд армии³. В связи с необходимостью переезда в столицу для исполнения новых должностных обязанностей Н.А.Мельников сложил с себя обязанности председателя губернской управы и члена продовольственной комиссии губернии.

Дальнейшая судьба неизвестна.

**Миндубаев
Файзел-Кутдус
(Файзулла Кутдус)**

(1869 — ?) —
депутат
Государственной думы
1-го созыва

Файзел-Кутдус Миндубаев принадлежал к крестьянскому сословию и на момент избрания депутатом состоял указным муллой в Тетюшском уезде Казанской губернии¹. Избрание Ф.-К. Миндубаева в Государственную думу 1-го созыва в некоторой степени произошло случайно. По словам М.-Ф.Туктарова, в период первой избирательной кампании мусульманские выборщики Казанской губернии приняли решение послать в Думу трех представителей от трех главных для татар сословий: по одному от интеллигенции (им стал С.-Г.Алкин), торговцев (Г.С.Бадамшин) и мулл. Поскольку среди выборщиков не оказалось других мулл, то в Думу был избран Ф.-К.Миндубаев. В Думе он состоял членом мусульманской группы, однако, в силу недостаточности образования, кругозора и знания русского языка никак себя не проявил даже в рамках мусульманской группы. После роспуска Думы представитель казанских мулл в Выборг не поехал, а сразу же вернулся домой.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Мусин Гумер Мусич

(1854 — ?) — депутат Государственной думы

2-го созыва

Гумер Мусич Мусин происходил из татарской крестьянской семьи д. Булым-Булыхчи (Болын-Балыкчы) Тетюшского уезда Казанской губернии¹. Получил классическое мусульманское образование. Отслужил в армии и вышел в отставку в звании отставного фельдфебеля. Занимался земледелием и выполнял обязанности сельского муллы. Значительное время состоял также волостным старшиной, членом (до избрания в Думу в течение девяти лет) и председателем (в течение трех лет) волостного суда.

В Думе состоял членом мусульманской фракции и комиссии по преобразованию местного суда. По политическим взглядам был беспартийный с уклоном вправо. В некоторых документах Г.Мусин числился к монархистам³.

В начале 1909 г. Г.Мусин подал в волостное управление заявление о выходе из общины и закреплении за собой наделной земли. Во время определения размеров причитающегося ему участка земли между Г.Мусиным и односельчанами возник конфликт: односельчане обвиняли его в желании присвоить себе лишнюю землю. Во время спора в адрес бывшего депутата слышались крики и довольно ядовитые намеки, направленные на его личность и общественную деятельность. Ситуация обострилась настолько, что дело едва не дошло до самосуда. Мусина от гнева односельчан спасло лишь вмешательство членов волостного суда, с трудом успокоивших разъяренных крестьян. В конце концов ему пришлось отказаться от своих притязаний⁴.

Осенью 1912 г., во время выборов в Думу 4-го созыва, против воли большинства схода, по настоянию волостного старшины и писаря, кандидатура Г.Мусина была включена в баллотировочный лист. Однако бывший депутат набрал в итоге минимальное количество голосов. Крестьяне объясняли свое нежелание выбрать Г.Мусина уполномоченным потому, что он, вернувшись летом 1907 г. домой из Санкт-Петербурга, не дал никакого отчета о своей деятельности в Думе 2-го созыва⁵.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Петрухин Григорий Иванович

(1878(79) — ?) — депутат

Государственной думы

2-го созыва

Григорий Иванович Петрухин — русский, православный, окончил курс в церковно-приходской школе. Родом из крестьян с.Степановка Больше-Фроловской волости Тетюшского уезда¹. Основное занятие — земледелие. По профессии каменщик. По полицейским донесениям, в течение 12 лет Г.И.Петрухин в летние месяцы в поисках заработка ездил по стране, проживая в таких городах, как Казань, Астрахань, Баку, Петровск и др., а зимой ходил по деревням, валя валенки. Г.И.Петрухин был настолько беден, что не имел лошади и на выборы дважды (6 и 15 февраля) добирался до Казани пешком.

Первоначально крестьяне этой волости наметили в выборщики и депутаты бывшего члена Государственной думы И.Е.Лаврентьева, однако когда им было разъяснено о невозможности его избрания (вследствие подписания «Выборгского воззвания»), остановили свой выбор на Петрухине. Хотя Г.И.Петрухин имел лишь низшее образование, он много читал и занимался самообразованием.

По политическим взглядам принадлежал к левым. Член фракции трудовиков. В думский период поддерживал связи с И.Е.Лаврентьевым. По наблюдениям полиции, вернувшись домой на период пасхальных каникул, Г.И.Петрухин участвовал в сходке, состоявшейся в ночь с 21 по 22 апреля на квартире И.Е.Лаврентьева².

Рындовский

Ипполит

Александрович

(13.03.1866 — после 1917) —

депутат
Государственной думы
4-го созыва

Ипполит Александрович Рындовский — русский, православный, по происхождению — из потомственных дворян Черниговской губернии. Позднее род Рындовских был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанского уезда¹.

Дед депутата — Федор Михайлович Рындовский (1783—?) — в войну 1812 г. состоял врачом (штаб-лекарем) при Таганрогском рекрутском депо, позднее служил ординатором Казанского военного госпиталя. В 1819 г. вышел в отставку и жил в Казани, где владел домом². Старший из пятерых детей Федора Михайловича — Александр Федорович родился в 1819 г., проживал в с.Емельяново Лаишевского уезда, где у него было 503 десятины земли и 54 души крепостных. Он был женат на Екатерине Иовне, однако брак был заключен только в 1880 г., а трое родившихся до брака детей — сын Ипполит, дочери Манефа и Марионелла — были узаконены 21 декабря 1886 г. Александр Федорович скончался около 1889 г.

Ипполит Александрович принадлежал к среднепоместным дворянам: он владел 318 десятинами земли при с.Емельяново Лаишевского уезда Казанской губернии¹. К 1910 г. имение было заложено в Дворянском банке.

Среднее образование Ипполит Александрович получил в Казанском реальном училище. До избрания депутатом Государственной думы он служил земским начальником 1-го участка Лаишевского уезда, получая содержание в 2200 руб. в год. К 1912 г. имел титул титулярного советника и был женат. Жена Мария Андреевна и сыновья — Игорь (21.12.1901 — 2.01.1938)², Кирилл (03.08.1904 — ?), Валерий (21.03.1906 — ?) и Лев (13.09.1908 — ?) жили преимущественно в усадьбе при с.Емельяново.

В Думе И.А.Рындовский входил во фракцию националистов и состоял членом Всероссийского национального союза. С думской трибуны выступал чрезвычайно редко: во вторую сессию в качестве докладчика сельскохозяйственной комиссии представлял законопроект ГЗиЗа.

Входил в состав пяти думских комиссий:

- по запросам;
- земельная (со 2-й сессии);
- по торговле и промышленности;
- по рыболовству;
- по направлению законодательных предположений (2-я сессия).

В январе 1915 г., в связи с началом 1-й мировой войны, И.А.Рындовский был назначен уполномоченным Красного Креста по заведованию 32-м передвижным отрядом, состоящим под покровительством Его Императорского Величества, организованным Всероссийским национальным союзом.

С началом революционных событий 1917 г. И.А.Рындовский покинул столицу и выехал в казанское поместье. В письме на имя председателя Государственной думы он следующим образом объяснял причину своего отъезда и долгого отсутствия на рабочем месте: «События последних дней февраля и опасности за судьбу семьи так сильно расстроили мою нервную систему, что дальнейшее мое пребывание в Петрограде стало невозможным и я вечером 1-го марта уехал, надеясь скоро возвратиться, но волнения крестьян в нашем уезде, разграбивших несколько усадеб в близком соседстве от меня и угрожающих разграбить и мою, лишают меня возможности скоро возвратиться, о чем я считаю долгом сообщить Вам и прошу признать мое отсутствие уважительным, о чем меня уведомить. Член Государственной Думы Ип. Рындовский. 27 марта 1917 г. С. Емельяново, Лаишевского уезда Казанской губернии». В апреле 1917 г. данное письмо было доложено председателю Думы, а ходатайство казанского депутата удовлетворено¹. Это последние документы, сохранившиеся в личном деле И.А.Рындовского.

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Сазонов Николай Дмитриевич

(5.05.1858 — 19.11.1913) — депутат Государственной думы 3-го созыва

Николай Дмитриевич Сазонов — русский, православный, из потомственных дворян Казанской губернии, родной брат министра иностранных дел Сергея Дмитриевича Сазонова (1860–1927)¹. Род Сазоновых был внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Рязанской губернии и в 6-ю часть родословных книг Московской и Казанской губерний (1884).

Предки братьев Сазоновых — генерал-лейтенант Иван душего депутата), генерал-адъютант Николай Гаврилович — принимали участие в Отечественной войне 1812 г. Портреты первых двух находятся в галерее Зимнего дворца. Дмитрий Федорович Сазонов также служил в военном ведомстве и вышел в

отставку в звании штабс-капитана. Его супругой была Ермиония Александровна Фредерикс.

По собственным словам Н.Д.Сазонова, он вырос в семье князя В.А. Черкасского. Образование получил домашнее. После того, как выдержал испытательные экзамены в нижегородской военной гимназии графа Аракчеева, по некоторым сведениям один год слушал лекции в Казанском университете и Петровско-Разумовской академии. Однако высшее образование так и не получил.

Николай Дмитриевич Сазонов являлся крупнейшим в крае землевладельцем и коннозаводчиком с почти 30-летним стажем. По разным сведениям, он имел от 1150 до 2541 десятины родовой (отцовской) земли при с.Красная слобода Спасского уезда. Из конного завода, принадлежавшего Сазонову, вышло около 40 призовых лошадей. Основное местожительство — с.Красная слобода Спасского уезда. Был женат на потомственной дворянке Марии Михайловне Наумовой (браки были заключены 21 января 1885 г.), детей не имел.

Военная карьера, начатая им в качестве рядового в лейб-гвардии конном полку в июне 1879 г., оказалась недолгой: уже в мае 1880 г. он вышел в запас. После этого в течение трех лет служил в канцелярии тамбовского губернатора (1880–1883). Участвовал в ревизии Казанской губернии в 1882 г. Впоследствии переехал на постоянное место жительства в Спасский уезд Казанской губернии. С октября 1884 г. и до лета 1898 г. состоял в должности почетного мирового судьи, а с 1883 г. — гласного уездного земства. В июне 1897 г. чрезвычайным собранием был избран на должность спасского уездного предводителя дворянства (до 1908), а в декабре 1898 г. — губернским предводителем дворянства. В январе 1905 г., во время очередных переизборов, по причине болезни отказался баллотироваться на должность губернского предводителя дворянства. В сентябре 1904 г. императорским указом был назначен главным уполномоченным по закупке в Казанской губернии на приволжских и прикамских пристанях зернового фуража для действующей армии. В мае 1907 г. распоряжением министра внутренних дел Н.Д.Сазонов был причислен к МВД по Департаменту общих дел.

Впоследствии являлся вице-президентом Казанского благотворительного общества, участвовал в деятельности земских учреждений. На губернском земском собрании 1910 г. (декабрь) высказался о желательности издания общеземской народной газеты. С 1905 г. — статский советник в должности гофмейстера двора его величества. Был награжден орденами св. Анны 2-й и 3-й степеней, св. Станислава 2-й степени, а также серебряными медалями и золотыми знаками отличия. В сентябре 1908 г., после избрания депутатом, сложил с себя полномочия предводителя дворянства Спасского уезда.

Н.Д.Сазонов был избран депутатом Государственной думы вместо отказавшегося от звания Н.И.Ефремова и вступил в должность 15 сентября 1908 г. В Думе входил во фракцию националистов и ряд комиссий:

- по рабочему вопросу;
- государственной обороне (с 3-й сессии);
- по запросам (с 3-й сессии).

С думской трибуны Сазонов выступал довольно редко и в основном в качестве докладчика по вопросам, связанным с военными делами, по вопросам развития в стране коннозаводской промышленности, а также в поддержку аграрных законопроектов правительства П.А.Столыпина. Но благодаря своим связям при дворе во фракции пользовался большим влиянием и играл видную роль среди русских националистов.

Накануне окончания депутатских полномочий в казанском обществе стали циркулировать слухи о назначении Н.Д.Сазонова губернатором в одну из приволжских губерний. Однако эти сведения оказались лишь слухами.

Н.Д.Сазонов умер 19 ноября 1913 г. в Санкт-Петербурге.

**Сверчков Дмитрий
Николаевич**

(4.05.1874 — ?) — депутат
Государственной думы 4-го созыва

Дмитрий Николаевич Сверчков — русский, православный, из потомственных дворян Казанской губернии. Род был внесен во 2-ю часть родословной книги определением Казанского дворянского собрания в 1838 г. и утвержден указом герольдии в 1859 г. Сверчковы принадлежали к числу крупных землевладельцев Казанской губернии. В частности, во владении Дмитрия Алексеевича (деда будущего депутата) была 5321 десятина земли в Тетюшском уезде и 1582 десятины в Спасском уезде, а также 973 души крепостных. У его сына — Николая Дмитриевича — в собственности была 4041 десятина земли в тетюшском уезде, а также пристань на реке Волга, рыбная ловля, водяная мельница. Николай Дмитриевич Сверчков в 1875 — 1886 гг. состоял тетюшским уездным предводителем дворянства. В июне 1886 г. в возрасте 37 лет, заболев психическим расстройством, вышел в отставку и был помещен на лечение

ние в частную клинику Москвы.

Дмитрий Николаевич владел уже 1095 десятинами земли в Тетюшском уезде. Д.Н.Сверчков закончил Константиновское артиллерийское училище со средним образованием. Прослужив непродолжительное время, в 1898 г. вышел в отставку с военной службы в звании поручика артиллерии и в чине надворного советника. После увольнения жил преимущественно в Казани или в с.Красная Поляна Тетюшского уезда. Постоянный адрес в Казани: Спасская ул., д. 21, кв. 66. В 1912 г. был холост.

До избрания депутатом Д.Н. Сверчков состоял на различных земских и общественных должностях: земский начальник 2-го участка Тетюшского уезда, непреременный член казанского отделения Крестьянского поземельного банка, губернский гласный Казанского земского собрания, почетный мировой судья по Тетюшскому уезду.

В Думе входил в группу центра, по политическим взглядам — умеренно-правый. С думской трибуны не выступал и никакой активной деятельности в Думе не проявил. Член ряда комиссий:

- земельная;
- военно-морских дел;
- по судебным реформам;
- по печати (2-я сессия).

В 1917 г. был избран тетюшским уездным предводителем дворянства. Дальнейшая судьба неизвестна.

Смирнов Александр Васильевич

(16.11.1857 — ?) —

депутат

Государственной думы

4-го созыва

Александр Васильевич Смирнов родился в семье дьячка в с.Пиксяси Симбирской губернии. Начальное и среднее образование получил в Алатырском духовном училище и Симбирской духовной семинарии (1879), высшее — в Казанской духовной академии (КДА, 1880–1884), в которой обучался «на казенный счет». Службу начал псаломщиком в с.Трубекиной Сызранского уезда Симбирской губернии. После окончания КДА некоторое время служил законоучителем Вольской учительской семинарии (1884–1889). В июле 1889 г. Смирнов по прошению был перемещен на должность законоучителя в Казанский учительский институт, а с декабря того же года совмещал эту должность со службой в Родионовском институте (законоучитель и настоятель институтской церкви). В декабре 1888 г. за сочинение «Книга Еноха» был удостоен ученой степени магистра богословия. Степень доктора богословия была получена им в мае 1900 г. за сочинение «Мессиянские ожидания и верования иудеев около времен Иисуса Христа (от маккевейских времен до разрушения Иерусалима римлянами)».

В декабре 1891 г. А.В.Смирнов был избран советом КДА на должность доцента кафедры пастырского богословия и педагогики, в марте 1896 г. был возведен в сан протоиерея и утвержден экстраординарным профессором КДА. Вскоре, в августе того же года, был избран профессором православного богословия Казанского императорского университета и одновременно утвержден настоятелем Крестовоздвиженской церкви. Одновременно с этим состоял профессором Казанского ветеринарного института (1896—1912) и Казанских высших женских курсов (1907—1912)². С февраля по май 1906 г. находился в командировке с целью ознакомления с постановкой преподавания православного богословия в Московском и Санкт-Петербургском университетах.

В 1906–1907 гг. издавал журнал «Церковно-общественная жизнь», а также являлся автором ряда трудов по пастырскому богословию, библейской истории и истории Казанского университета. Публикации А.В.Смирнова появлялись в таких периодических изданиях, как «Православный собеседник», «Известия по Казанской епархии», «Церковные ведомости» и др. Весной 1912 г. протоиерей А.В.Смирнов был избран заместителем председателя братства Св. Гурия (вместо отказавшегося Е.А.Малова)³.

А.В.Смирнов был женат на Анне Павловне. К началу XX в. у них было пятеро детей: Наталья (15.08.1885), Вениамин (11.10.1887), Всеволод (22.04.1890), Ольга (26.06.1892), Иоанн (29.12.1898). В имущественном отношении отец А.В.Смирнов жил преимущественно на профессорское содержание в 3000 руб. Недвижимости не имел, в то время как супруга владела половиной благоприобретенного деревянного дома по ул. Касаткиной в Казани. Позднее он приобрел дом под Самарой, где проводил летние отпуска.

В ноябре 1909 г. исполнился 25-летний срок его службы на педагогическом поприще, что давало ему право выхода на пенсию. Однако А.В.Смирнов был оставлен еще на два года на прежней должности. Осенью 1911 г. ректор университета выступил с ходатайством об оставлении А.В.Смирнова на новый срок. В своем ходатайстве Г.Ф.Дормидонтов так охарактеризовал профессора: «*Протоиерей Смирнов, обладая богатою научно-богословской эрудицией, умением ясно и удовлетворительно излагать*

глубокие мысли, приобрел себе вполне заслуженную репутацию выдающегося преподавателя Православного Богословия. Он поднял преподавание по этой дисциплине в Казанском университете на большую высоту, чем это было при его предшественнике. Профессор-протоиерей А.В.Смирнов прежде всего своими чтениями привлек студентов в аудиторию и заставил их интересоваться своим предметом. Повышая постепенно экзаменные требования, он заставил их серьезно готовиться к экзаменам и, несомненно, значительно повысил уровень познания оканчивающих курс студентов». В качестве заслуг Смирнова были отмечены и его усилия по содержанию университетской церкви на должном уровне, а также большая научная работа. К 1910 г. А.В.Смирнов являлся автором около трех десятков научных работ, из которых некоторые были отмечены памятными знаками и наградами.

Однако столь лестная и положительная характеристика, данная ректором, не смогла переломить негативное отношение к фигуре Смирнова в министерстве, — в марте 1912 г. из столицы пришел ответ: «министерство не находит возможным продолжить срок оставления на дальнейшей службе по кафедре православного богословия протоиерея Смирнова». Не была удовлетворена и просьба позволить Смирнову довести начатый курс до конца. Попечителем КУО было заявлено, что экзамены могут быть отложены до назначения нового профессора, а неотложные должны быть проведены преподавателями историко-филологического факультета.

Такая непримиримая позиция министерского начальства не оставляла А.В.Смирнову иного выбора, как написать заявление об увольнении со службы вследствие расстроенного состояния здоровья. Последняя просьба была удовлетворена: 4 июня 1912 г. А.В.Смирнов был уволен министром просвещения Л.А. Кассо с должности профессора (с полной пенсией по выслуге 27 лет по ведомству народного просвещения), а 28 сентября того же года архиепископом Казанским и Свияжским — с должности настоятеля университетской Крестовоздвиженской церкви.

После увольнения из Казанского университета А.В.Смирнов был избран в Государственную думу 4-го созыва (1912–1917). Следует сказать, что еще раньше, весной 1906 г., А.В.Смирнов выдвигался одним из кандидатов в члены Государственного совета от духовенства, но тогда он не был избран. Осенью 1909 г. А.В.Смирнов был в числе выборщиков члена Государственного совета от духовенства.

После избрания членом Государственной думы А.В.Смирнов с семьей переехал в столицу.

В Думе А.В.Смирнов состоял членом фракции октябристов и ряда думских комиссий:

- исполнения государственной росписи доходов и расходов;
- по народному образованию;
- по делам православной церкви (секретарь комиссии);
- по народному здравии.

С думской трибуны бывший профессор Казанского университета выступал по различным вопросам, связанным с положением высшей школы (трижды в 1-ю сессию и дважды во 2-ю). Некоторые выступления были осуществлены в качестве докладчика комиссии по делам православной церкви, по народному образованию и народному здравии с представлением министерских законопроектов.

С 4 августа 1914 г. А.В.Смирнов исполнял обязанности настоятеля церкви при офицерской кавалерийской школе в Петрограде. Весной 1915 г. кафедра православного богословия Петроградского университета, вследствие ухода профессора В.Г.Рождественского на пенсию, оказалась вакантной. Руководство университета выступило с инициативой пригласить на эту должность А.В.Смирнова. В мае того же года, после некоторого согласования, его кандидатура была утверждена в качестве профессора богословия и одновременно настоятеля университетской церкви. После роспуска Думы А.В.Смирнов остался в столице и в составе Временного правительства некоторое время занимался делами православной церкви.

В начале 1917 г. исполнился тридцатилетний срок службы по ведомству Министерства народного просвещения и, согласно закону, А.В.Смирнов был уволен из числа штатных профессоров. Тем не менее вплоть до весны 1918 г. он продолжал читать лекции студентам Петроградского университета. В конце мая того же года он выехал на летнее время в Самару и уже с 1 октября 1918 г. окончательно вышел в отставку¹.

Вероятнее всего, А.В.Смирнов скончался в годы Гражданской войны в Самаре².

**Соколов
Иоанн Иассонович**

(19.02.1880 — ?) —
депутат
Государственной думы
3-го созыва

Иоанн Иассонович Соколов — русский, православный. Закончил Казанскую духовную семинарию. На момент избрания депутатом проживал в с.Александровское Ядринского уезда и служил сельским священником. Женат.

В Думе, по одним сведениям, входил во фракцию октябристов, по другим — прогрессист (кресло № 374). Член комиссий по делам православной церкви; крестьянских повинностей (1–2-я сессии). С думской трибуны не выступал.

Дальнейшая судьба неизвестна.

**Таланцев
Зиновий
Михайлович**

(30.05.1868 — 1929) —
депутат
Государственной думы
от Казанской губернии
2-го созыва

Принадлежавший к известной купеческой фамилии Зиновий Михайлович Таланцев родился в с.Балдаево Ядринского уезда Казанской губернии. Родителями его были чебоксарский «купеческий брат» Михаил Михайлович и Софья Ивановна Таланцевы.

Зиновий Таланцев учился в 3-й Казанской мужской гимназии, которую успешно закончил в 1896 г., показав особые успехи в математике и латинском языке. Путь к высшему образованию был гораздо более длительным и тернистым. В 1886 г. он был принят в число студентов Петровско-Разумовской земледельческой академии, откуда, проучившись всего год, в 1887 г. был вынужден «уйти» по прошению. По-видимому, у него возникли проблемы с властями, так как московский генерал-губернатор воспрепятствовал ему вместе с братом в жительство в Москве и Московской губернии. После высылки из Москвы З.Таланцев сначала поселился на родине в Ядрине, а чуть позднее, не желая прекращать образование, уехал за границу.

В Германии он пробыл до осени 1889 г., посещая занятия в Берлинской земледельческой высшей школе. Однако из-за возникших проблем на родине З.Таланцев не смог вернуться в Берлин. После некоторого вынужденного перерыва осенью 1890 г. он поступил на физико-математический факультет Казанского университета по разряду естественных наук. В феврале 1893 г. З.М.Таланцев был в очередной раз исключен из числа студентов. Хотя в бумагах личного дела не сохранилось практически никаких документов, объясняющих мотивы этого исключения, по некоторым сведениям, З.Таланцев был в административном порядке выслан на родину в Ядрин. В октябре 1896 г. с разрешения министра народного просвещения он вновь восстановился в студентах Казанского университета, который успешно завершил в 1898 г.

В последующем Таланцев, будучи причисленным к купеческому сословию Ядрин (с 1909 г. братья Таланцевы состояли в сословии нижегородских купцов 1-й гильдии), состоял членом торгового дома «Братья Таланцевы» и являлся совладельцем вместе с двумя братьями — Николаем (1865 — 1935)¹ и Михаилом (1866 — ?) винокуренного завода. Братья Таланцевы были также пароходо-владельцами и крупными землевладельцами Симбирской и Казанской губерний. В период крестьянских волнений 1905–1906 гг. они продали часть своих земель в Симбирской губернии крестьянам. По сведениям на 1914 г., во владениях братьев Таланцевых в качестве родового имения было следующее имущество: винокуренный и маслобойный заводы, земля (523 десятины) в Курмышском уезде Симбирской губернии, земля под заводами (108 десятин) в Ядринском уезде, земля с пристанью и мельницей (20 десятин), земля с водяной мельницей (50 десятин) в Царевококшайском уезде, родовой деревянный дом в Ядрине. Общая стоимость совместного имущества братьев оценивалась в 900000 руб.² Кроме того, каждый из братьев имел, вероятно, и отдельную собственность в виде деревянных и каменных домов. В 1918–1919 гг. все имущество торгового дома Таланцевых было национализировано.

Подобно многим российским предпринимателям, Таланцевы занимались благотворительностью и были активны в общественных делах. На средства торгового дома в Ядрине были построены здания реального училища, женской гимназии, хирургической и глазной лечебниц, приютов для сирот и престарелых, более десятка школ на селе. Зиновий Таланцев выступил организатором Нижегородского университета, являлся председателем его попечительского совета.

Местные власти подозревали братьев Таланцевых, особенно Зиновия, в приверженности к противоправительственным настроениям, в стремлении, «подобрав на заводе круг единомышленников», через них, а также посредством благотворительной и просветительской деятельности, проводить свои вредные взгляды в крестьянскую среду. Не случайно, что вернувшийся на родину З.М.Таланцев вплоть до

апреля 1903 г. продолжал находиться под негласным надзором полиции. В 1906 г. З.М.Таланцев издал на чувашском языке сборник «Гражданская свобода», за что против него было возбуждено уголовное преследование по статье 103 Уголовного уложения, а также участвовал в издании газеты «Хыпар».

В Думу 2-го созыва (1907) ядринский купец был избран губернским избирательным съездом. Как депутат З.М.Таланцев выдвигал на первый план в ближайшей деятельности Думы тактические приемы, а не программные вопросы, причем оставлял за собой полную свободу примыкать к любой из прогрессивных групп, в зависимости от тактики этой группы. Официально З.М.Таланцев входил во фракцию трудови́ков и в состав финансовой комиссии. Первоначально Таланцев принял активное участие в работе как фракции (член бюро и заместитель председателя фракции), так и Думы в целом. Однако позднее, из-за серьезной и длительной болезни, он не смог трудиться в полную силу: обострение хронического суставного ревматизма не позволило ему находиться в столице как минимум с начала мая до самого роспуска Думы 2-го созыва, последовавшего 3 июня 1907 г.

В сентябре 1908 г. местные полицейские органы, основываясь на агентурных донесениях о противоправной деятельности З.М.Таланцева, подвергли безуспешному обыску его дом. В период выборов в четвертую Государственную Думу (1912) местные власти предприняли максимум усилий и, мобилизовав правые силы, сумели забаллотировать имевших, по собственному признанию властей, «*громadный вес и значение в местном крае ... сочувствующих левым организациям*» братьев Николая и Зиновия Таланцевых, выдвигавшихся по первому участку Ядрина¹.

В советский период З.М.Таланцев заведовал химическим отделом Главного масляного комитета ВСНХ (1918–1921). В 1921–1929 гг. он состоял доцентом химического факультета Нижегородского университета. Автор ряда учебников, научных статей и изобретений.

Умер З.М.Таланцев в 1929 г.

**Теренин Дмитрий
Степанович**

(27.09.1873 — ?) —
депутат
Государственной думы
4-го созыва

Дмитрий Степанович Теренин происходил из потомственных дворян Казанской губернии¹. Род Терениных был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги и принадлежал к числу крупнейших и наиболее влиятельных землевладельцев Казанской и Симбирской губерний.

Отец Дмитрия — генерал-майор в отставке Степан Николаевич Теренин (1846 — 2.11.1897) являлся богатым землевладельцем: в конце 90-х гг. XIX в. он владел родовым поместьем в размере 3005 десятин земли при д. Таниной Спасского уезда Казанской губернии. Кроме того, его жена, дочь штабс-капитана Елена Дмитриевна Сверчкова (23.05.1847 – после 1911)², также имела немалое родовое имение — 309 десятин в Тетюшском и 149 десятин в Спасском уездах. Степан Николаевич Теренин, поступив с домашним образованием на военную службу, прошел все ступени военной карьеры от унтер-офицера (1862) до генерал-майора (1884). С сентября 1884 по февраль 1887 гг. находился в отставке по домашним обстоятельствам. Кроме военной службы, С.Н.Теренин долгие годы состоял почетным мировым судьей Буинского (1869–1878), Тетюшского (1872–1878) и Спасского (1884–1887) уездов. В январе 1887 г. дворянством Казанской губернии Степан Николаевич Теренин был избран казанским губернским предводителем дворянства на трехлетие, затем неоднократно переизбирался вновь (1890, 1893, 1896). В этой должности он состоял вплоть до самой смерти в ноябре 1897 г. В январе 1891 г. «за отлично-усердную службу» ему был пожалован чин действительного статского советника (ДСС). С.Н. Теренин являлся отцом шестерых детей, в том числе троих сыновей — Степана (2.10.1872), Дмитрия и Николая (27.09.1883) и трёх дочерей — Александры (19.11.1874), Ольги (11.07.1877) и Елены (3.02.1879).

Д.С.Теренин родился в Амстердаме, где, вероятно, проходил службу его отец. Однако большая часть его жизни прошла в Казани. Прочувшись в 1-й Казанской мужской гимназии пять лет, он закончил ее в 1891 г. с золотой медалью и в том же году поступил на юридический факультет Казанского университета (1891–1895). После окончания университета с дипломом 2-й степени, в июле того же 1895 г. Д.С.Теренин поступил на службу в Казанский окружной суд, первоначально помощником судебного следователя 3-го участка Казани. Однако уже в июле 1897 г. Д.С.Теренин перевелся в Казанское дворянское депутатское собрание с зачислением в штат канцелярии. После смерти отца в феврале 1898 г. он вновь поменял место службы и поступил в Казанское отделение Государственного дворянского земельного банка помощником делопроизводителя. В декабре 1898 г. впервые был избран депутатом дворянства по Казанскому уезду.

До 1906 г. Д.С.Теренин служил земским начальником в Спасском уезде Казанской губернии, с 1906 г. — членом Крестьянского банка от Казанского губернского земства, а затем вплоть до избрания в Думу (1912) — непременным членом и старшим бухгалтером Крестьянского поземельного банка в Симбирске. В течение нескольких трехлетий состоял гласным Спасского уездного и Казанского губернского земских собраний. В 1904—1905 гг. в качестве прапорщика запаса принимал участие в русско-японской войне.

По-видимому, некоторое время после смерти Степана Николаевича Теренина его вдова и дети владели значительным родовым имением (3005 десятин при с.Салманы и д.Таниной и Аниной)¹ нераздельно. К 1911 г. их владения, остававшиеся в общем пользовании, сократились до 1504 десятин. Возможно, что часть владений постепенно была распродана, а позднее произошел окончательный раздел собственности между наследниками, так как в Думу Теренин избирался уже в качестве самостоятельного собственника по курии крупных землевладельцев. К моменту его избрания в Думу Дмитрий Теренин владел долей родового поместья размером в 440 десятин (при с.Салманы Спасского уезда).

В 1912—1917 гг. Д.С.Теренин — депутат четвертой Государственной думы от Казанской губернии. Член фракции октябристов. Входил в состав ряда комиссий: финансовая, по исполнению государственной росписи доходов и расходов. С думской трибуны Д.С.Теренин выступал не часто и преимущественно в качестве докладчика финансовой комиссии.

С началом 1-й мировой войны Д.С.Теренин был призван на военную службу: с октября по декабрь 1915 г. состоял заведующим хозяйством в военно-санитарной части, затем по прошению был переведен в действующую армию, в 161-й пехотный Александрополюский полк. Последние документы в личном деле депутата Государственной думы Дмитрия Теренина датируются июлем 1916 г.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Федоров Александр Федорович

(7.08.1871 — 27.12.1938) — депутат
Государственной думы
2-го созыва

Александр Федорович Федоров — из крестьян д. Старые Урмары Цивильского уезда Казанской губернии (ныне — Урмарский район Чувашской республики)¹. По национальности — чуваш, православный. Имел домашнее образование, по другим источникам — закончил земское начальное училище в с.Новое Ишино Цивильского уезда (1885). Считался мастеровым по постройке глинобитных домов². Кроме того, занимался земледелием.

С началом 1-й русской революции организовал в Старых Урмарах эсеровский кружок, участвовал в нелегальных собраниях чувашских эсеров, распространении революционной литературы. В первую избирательную кампанию состоял выборщиком.

В Думе А.Ф.Федоров был членом фракции трудовиков, позднее примкнул к эсерам. В комиссии не входил и с думской трибуны не выступал. После роспуска Думы 2-го созыва и возвращения домой бывший депутат сразу же оказался под негласным надзором полиции, под которым он состоял, как минимум, вплоть до конца 1909 г.³ Неоднократно избирался гласным Цивильского уездного земского собрания. В 1909—1917 гг. заведовал земской волостной бесплатной народной библиотекой.

После Октябрьской революции неоднократно избирался делегатом волостного и Цивильского уездного съезда Советов, являлся членом ревизионной комиссии волостного Совета. В советское время арестовывался по политическим мотивам. В 1919—1920 гг., 1929—1930 гг. скрывался от преследований в Самарской губернии и Башкирской республике. В 1938 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Умер в ходе следствия¹.

Сын депутата Федорова — Петр Александрович (1897—1918) являлся видным чувашским общественным деятелем, принимавшим активное участие в установлении в крае Советской власти. Участвовал в обороне Казани от белочехов. После падения города был расстрелян белогвардейцами 6 августа 1918 г.²

Шершеневич Габриэль (Гавриил, Иосиф-Губерт) Феликсович

(1.01.1863 — 31.08.1912) —

депутат
Государственной думы
1-го созыва

Габриэль Феликсович родился в с.Антоновка Чигиринского уезда Киевской губернии в многодетной семье полковника (позднее генерал-майора) Ф.Г.Шершеневича. По происхождению потомственный дворянин римско-католического вероисповедания, по национальности поляк. Однако большая

часть его жизни прошла в Казани и Москве, в русской культурной, научной и политической среде.

Габриэль был самым младшим ребенком в традиционно большой семье генерала Ф.Г.Шершеневича. Получив среднее образование во 2-й Казанской мужской гимназии, Габриэль поступил на юридический факультет Казанского университета (1881–1885). В сентябре 1885 г. Г.Ф.Шершеневич представил диссертацию на тему «Об акционерных компаниях» с положительным отзывом профессора А.М.Осипова¹. Последний стал его официальным научным руководителем. Диссертант был награжден дипломом и постановлением совета университета утвержден в степени кандидата юридических наук. После этого он был оставлен на два года для приготовления к профессорскому званию на кафедре торгового права «с назначением ему стипендии по 600 руб. в год и с командированием его для научных занятий в Санкт-Петербурге».

В апреле 1887 г. Г.Ф.Шершеневич успешно выдержал испытания на степень магистра гражданского права, а в июне 1888 г. был допущен к преподавательской деятельности по учрежденной по новому университетскому уставу 1884 г. и потому остававшейся вакантной кафедре торгового права и судопроизводства. В июле того же 1888 г. Г.Ф.Шершеневич был утвержден в звании приват-доцента. После публичной защиты на юридическом факультете Московского университета диссертации на тему «Система торговых действий» последовало утверждение его в степени магистра гражданского права. Возвратившись из длительной заграничной научной командировки в июле 1890 г., Г.Ф.Шершеневич возобновил преподавательскую деятельность на кафедре торгового права (с вознаграждением в 1200 руб. в год).

В декабре 1891 г. им была представлена и публично защищена диссертация на степень доктора гражданского права на тему «Авторское право на литературные произведения». Профессор А.М.Осипов, дававший на диссертацию отзыв, отметил такие достоинства работы, как самостоятельность, точность определений, систематичность изложения, обширное знакомство с литературой по исследуемому вопросу. Одновременно среди недостатков были названы некоторая скороспелость работы и порой высокомерное отношение к иному мнению. После утверждения советом Г.Ф.Шершеневича в звании доктора гражданского права 31 января 1892 г. он был назначен экстраординарным профессором, а 3 марта того же года утвержден ординарным профессором по кафедре торгового права и торгового судопроизводства. В августе 1896 г. по заявлению был переведен профессором на кафедру гражданского права и судопроизводства с поручением ему преподавать также и торговое право на оставшейся вакантной кафедре (в 1896—1905 учебных годах).

Начиная с весны 1898 г. Шершеневич неоднократно заявлял о неудобствах ведения одним преподавателем двух таких обширных и сложных курсов, как торговое и гражданское право. Поэтому он просил освободить его от чтения курса торгового права, поручив это другому преподавателю. Однако из-за отсутствия подготовленных специалистов ему все же пришлось до конца своей работы в Казанском университете вести оба курса. По иронии судьбы и в Московском университете, и в Московском коммерческом институте ему пришлось читать все тот же курс торгового права.

В должности профессора Казанского университета Г.Ф.Шершеневич состоял до начала 1906 г., когда им было подано прошение об увольнении со службы с назначением пенсии за выслугой 20-летнего срока университетской службы. Желание покинуть Казань было высказано профессором Шершеневичем еще в октябре 1905 г. По-видимому, к этому времени была уже принципиальная договоренность о переводе его в Московский университет на должность экстраординарного профессора на кафедру торгового права. Несмотря на то, что Г.Ф.Шершеневич устраивался на кафедру торгового, а не гражданского права, которому он отдавал явное предпочтение и переходил с должности ординарного на более низкую должность экстраординарного профессора, тем не менее столичный университет оказался более привлекательным.

Хотя коллеги по факультету высказывали свои сожаления по поводу потери столь видного цивилиста и уважаемого профессора, Габриэль Феликсович на это заявил, что *«он всегда находился в наилучших отношениях к членам факультета и потому, расставаясь с факультетом, чувствует глубокое сожаление, но решение настолько серьезно, что изменить его он уже не в состоянии»*¹. Заседание совета юридического факультета, состоявшее 25 ноября 1905 г., оказалось, таким образом, последним, на котором Шершеневич присутствовал в качестве профессора Казанского университета. 30 ноября по инициативе Юридического общества должно было состояться публичное чествование оставляющего Казань профессора. От коллег по юридическому факультету прощальное приветствие отъезжающему члену было составлено и прочитано на заседании юридического факультета деканом Н.П. Загоскиным². Приказом министра народного просвещения 10 февраля 1906 г. Г.Ф.Шершеневич был уволен с должности профессора Казанского университета. Уже после получения известия о скоропостижной кончине бывшего казанского профессора, коллеги почтили его память тем, что поместили портрет покойного в одной из аудиторий, принадлежавших факультету³.

Габриэль Феликсович принадлежал к числу наиболее деятельных и авторитетных университетских профессоров, часто и аргументированно выступавших на заседаниях совета по различным проблемам.

Его высказывания всегда отличались четкостью формулировок и взвешенностью позиции, неизменной приверженностью правовым нормам и демократическим ценностям. Будучи авторитетным профессором и блестящим знатоком права, Г.Ф.Шершеневич очень часто избирался в различные советские и общепервенситетские комиссии и учреждения (профессорский дисциплинарный суд и др.). Кроме того, Шершеневич исполнял обязанности секретаря юридического факультета.

Осенью-зимой 1893/94 учебного года по инициативе Г.Ф.Шершеневича в Казанском университете состоялась дискуссия о необходимости и путях реформирования издательской деятельности. В частности, по его инициативе юридический факультет выступил с конкретными предложениями. Во-первых, предлагалось предоставить всем профессорам общую льготу в виде процентной скидки (до 30%) на расходы за печатание ими научных трудов в университетской типографии. Второе предложение заключалось в том, чтобы издавать в обязательном порядке и бесплатно все диссертационные исследования начинающих ученых, состоящих при университете, в качестве приложения к «Ученым запискам». Данная инициатива Г.Ф.Шершеневича вызвала бурную дискуссию сначала на факультетах (ноябрь-декабрь 1893 г.), а затем была обсуждена на мартовском заседании совета. Отношение различных университетских подразделений варьировалось от полного согласия с данным предложением (физико-математический факультет) до его полного отклонения (историко-филологический). Комиссия медицинского факультета (в составе которой был и профессор М.Я.Капустин) внесла по существу лишь небольшую корректировку в обсуждаемый проект, смысл которой заключался в предоставлении больших прав и полномочий научным обществам, состоящим при университете. Дискуссия и последовавшее за ней голосование показали, что большинство членов совета вполне благосклонно отнеслись к предложению о льготе профессорам (двадцать пять членов совета против троих проголосовали за *«понижение платы за печатание отдельных профессорских трудов в университетской типографии до размера стоимости издания этих трудов»*). Однако они отклонили второе предложение Шершеневича, касавшееся молодых ученых (двадцать два профессорских голоса против четырех).

Отношения с коллегами по Казанскому университету складывались в целом бесконфликтно и, вероятно, достаточно ровно. Возможно, этому способствовали легкий и общительный нрав самого Шершеневича, его высокий научный авторитет, энергичная и деятельная натура. Пожалуй, самым «непримиримым» политическим оппонентом и личным недругом Шершеневича был другой университетский профессор, также польского происхождения, В.Ф.Залеский. О причинах давней вражды двух профессоров есть лишь одно скупое свидетельство одной стороны — Залеского, который в своей биографии писал буквально следующее (указывая на круг своего общения в детстве и позднее): *«Были еще две знакомых польских семьи, в которых имелись сверстники В.Ф. — семья профессора Станиславского и семья Шершеневич. Со Станиславским знакомство прекратилось очень скоро. Что касается семьи Шершеневич, то с Габриэлем Феликсовичем Шершеневичем В.Ф. в детстве был очень дружен; но, будучи в пятом классе гимназии, В.Ф. принципиально разошелся с Габриэлем Феликсовичем (который в то время был в четвертом классе), и бывшие друзья сделались заклятыми врагами на всю жизнь»*¹.

Одна из конфликтных ситуаций возникла весной 1904 г., когда профессор Шершеневич, видимо, по просьбе студентов, изъявил желание читать курс по истории философии права. На это его давний недруг и соперник заявил следующее: *«Профессор Шершеневич занимает кафедру гражданского права и гражданского судопроизводства и, следовательно, чтение лекций по предмету гражданского судопроизводства составляет прямую его обязанность. Между тем профессор Шершеневич гражданского судопроизводства не преподает; преподавание по этой части занимаемой профессором Шершеневичем кафедры поручается приват-доценту Завадскому»*. Сам Шершеневич объяснял это тем, что не имеет возможности читать оба курса вследствие их обширности. *«Но если у профессора Шершеневича, — заявил Залеский, — есть время читать курс по другой кафедре, то, следовательно, он обладает достаточным свободным досугом, и тогда следует освободить приват-доцента Завадского»*². Тем не менее члены юридического факультета решили *«в обсуждение заявления профессора Залеского не входить ввиду несвоевременного его предоставления»*. В этом и других конфликтах большая часть факультетских профессоров, как правило, вставала на сторону Г.Ф.Шершеневича, стараясь не поощрять критических выпадов В.Ф.Залеского.

В период студенческих беспорядков весны и осени 1905 г. Г.Ф.Шершеневич был среди тех профессоров, которые, выступая с либеральных позиций, критиковали действия администрации и стремились понять требования бунтующих студентов, найти компромиссное решение. Не случайно, что в период закрытия университета после беспорядков, произошедших 25 января 1905 г., Г.Ф.Шершеневич настаивал на необходимости ведения переговоров со студентами. *«Итак, очевидна полная неспособность университетской администрации справиться с современным движением. Надо же признать, что прошло, и безвозвратно, то время, когда администрация эта могла говорить: «Университет — это я». Нет. Университет — это профессора и студенты, учащие и учащиеся. Только в их единении кроется жизненная сила Университета. Если один из этих элементов уклоняется от участия в совместной работе — она невозможна. Мы готовы учить наших слушателей. Но желают ли они? Знаем ли*

мы их мнение? (...) Прежде чем предпринять что-либо для возобновления научных знаний, необходимо ознакомиться со свободно выраженным мнением всех наших учеников» (заседание совета от 5.02.1905). В самое сложное для университета время, во время осенних забастовок, именно Г.Ф.Шершеневич возглавил специальную «советскую комиссию профессоров для сношения со студентами», призванную найти компромиссное решение и вернуть университет в нормальное рабочее состояние. И не вина либеральной профессуры, оказавшейся в тисках между революционным нетерпением студенческой молодежи и медлительной неповоротливостью власти, что ее усилия не давали желаемого результата.

При разносторонней и многогранной научной деятельности Г.Ф.Шершеневич находил возможность отдавать много сил служению на общественном поприще. В частности, он был одним из активнейших и деятельных членов и некоторое время состоял председателем (13.02.1899 — 26.11.1902) Казанского юридического общества, сыгравшего важную роль в распространении и укреплении в обществе правовых воззрений. В 1900 г. он был избран членом, а затем и председателем попечительского совета Мариинской женской гимназии. Он стал также одним из инициаторов создания в Казани коммерческого училища и Высших женских курсов. За заслуги был награжден орденами Святой Анны II степени (1899) и Святого Владимира IV степени (1902).

В конце 1905 г. юридический факультет Московского университета выступил с ходатайством о переходе казанского ученого в столичный университет на кафедру торгового права и торгового судопроизводства, однако реализация этих намерений была несколько приостановлена ввиду избрания Г.Ф.Шершеневича народным представителем и принятия им депутатских полномочий.

С началом конституционных преобразований Шершеневич, признанный специалист в области гражданского и торгового права, был вовлечен в активную политическую жизнь, вошел в образованную партию народной свободы, участвовал в работе ее съездов. В качестве представителя казанского отделения партии кадетов он баллотировался в первую Государственную думу и практически единогласно был избран ее членом¹. Шершеневич оказался первым народным представителем от Казани. Но он был первым не только по времени избрания. По воспоминаниям одного из выборщиков того времени, выборы в первую Думу отличались от последующих необычайной повышенностью требований к личности депутата: *«На хорошем никто не мирился — надо было дать лучшего из лучших. И Казань не посрамила себя. Ее первый депутат, несмотря на короткий срок своей законодательной деятельности, прибавил к солидной репутации ученого также и имя солидного политического деятеля»*².

Небывалую политическую активность российской интеллигенции, в том числе и университетской профессуры, сам Шершеневич объяснял драматизмом положения русского профессора: *«Но в кабинет русского ученого, как бы глухо ни были закрыты его окна, доносятся жалобы и стоны, и капля по капле вливают яд в его жизненную чашу. Не может русский ученый отдаться всецело науке. Держа в одной руке светильник знания, он на другую руку надевает щит гражданина, чтобы охранить священный огонь от холодного ветра, сквозняков и вихрей»*³. Это образное сравнение, использованное Шершеневичем для характеристики председателя первого российского парламента С.А.Муромцева, в полной мере подходило и к самому автору изречения. Но оно едва ли исчерпывало душевные мотивы Шершеневича-политика и общественного деятеля. Сама живая, крайне впечатлительная и одновременно импульсивная натура казанского профессора делала его открытым ко всем внешним проявлениям, отзывчивым к призывам общества. *«Для меня, как и для некоторых других профессоров, нет сомнения, что гражданский долг обязывает нас, профессоров, в настоящий момент отложить служение науке ради устройства России. Мы должны принести наши знания в Думу, и только по миновании острого периода мы вправе будем возвратиться в свои кабинеты и к своим слушателям»* — так сам профессор объяснял мотивы своего увлечения политическими делами и желание избираться в общероссийский парламент¹.

По словам М.М. Винавера, не будь Габриэль Феликсович «ученым, профессором, занимая какое угодно иное положение, общественная волна все равно подняла бы его и дала бы ему в руки «щит гражданина» [...] «Щит гражданина» не тяготил его — он носил его естественно и просто, не кичась им и не изнывая под его тяжестью, исполняя только потребность души не оставаться безучастным, когда кругом кипит борьба за самые высокие, первичные культурные ценности». В политической сфере казанский профессор проявил весьма ценный дар, присущий прежде всего ученым и педагогам, дар упрощения сложного, объединения разрозненного, умение находить ясное и простое объяснение сложным явлениям современной жизни. Этот дар более всего был реализован в популярных брошюрах, лекциях и статьях на политические темы, в большом количестве выходявших из-под его неутомимого пера.

В первом российском парламенте Г.Ф.Шершеневич был среди наиболее ярких и деятельных членов фракции конституционных демократов, входил в президиум Думы (товарищ секретаря), в состав ряда комиссий (редакционная, законодательных собраний). Выступал казанский депутат и с думской трибуны с речами по вопросу об амнистии и по проекту закона о собраниях. Подпись его стояла под многи-

ми законопроектами, внесенными фракцией кадетов, и не менее многочисленными запросами по поводу незаконных действий властей. Г.Ф.Шершеневичем был представлен также законопроект о свободе собраний, разработанный кадетской фракцией.

Законодательной деятельностью Г.Ф.Шершеневич занялся еще до избрания в первый российский парламент. Эта работа была непосредственно связана с научным и педагогическим «багажом» Шершеневича как ученого, признанного специалиста по торговому праву, и была сосредоточена на разработке законопроекта о нормальном отдыхе приказчиков. Им был разработан детальный опросный лист, отражавший разнообразные стороны приказничьего быта и службы. Данные анкеты были положены в основу целого пакета законодательных инициатив кадетской фракции по вопросу о нормальном отдыхе торговых и ремесленных служащих. После роспуска Думы 1-го созыва и возвращения Габриэля Феликсовича, казалось бы, к сугубо научной и преподавательской деятельности, он продолжал работу над материалами по данному вопросу. В частности, Шершеневич председательствовал в секции московского комитета партии, которая разработала для внесения в Государственную думу 2-го созыва законопроект договора о найме и о нормальном отдыхе торговых служащих. После преждевременного роспуска второй Думы материалы законопроекта, так и оставшегося нерассмотренным, послужили отправной базой для выступления фракции народной свободы при рассмотрении министерского законопроекта.

При характеристике парламентской деятельности Шершеневича вновь обратимся к свидетельствам очевидцев, которые вместе с ним исполняли свой гражданский долг как в стенах Таврического дворца, так и за его пределами. Перводумец кадет М.М.Винавер так описывал неутомимую деятельность Шершеневича: *«Он отдал себя на служение новому делу целиком, не отказываясь ни от какой работы, как бы она ни была незначительна и далека от обычного его круга мыслей. Он принял, не совсем как будто бы по чину ему подходившую, должность товарища секретаря и с особою торжественностью публично оглашал в Думе поступающие заявления, с усердием подсчитывал, стоя у двери, голосующих, когда результат первого голосования оказывался сомнительным, охотно брал на себя скучнейшие доклады по проверке выборов и сделал таких докладов больше, чем кто-либо из нас; взял на себя и единственный, весьма тягостный, доклад об отмене выборов, как произведенный под давлением администрации. И рядом с этим с жаром брался выступать по общетактическим, наиболее ответственным тогда вопросам»*.

Естественно, после роспуска Думы Г.Ф.Шершеневич оказался вместе с единомышленниками в Выборге, где участвовал в составлении и подписании знаменитого воззвания. Будучи осужден судом, как и остальные выборжцы, к трехмесячному тюремному заключению, Шершеневич, к тому времени уже профессор Московского университета, отбыл этот срок в 1908 г. в московской тюрьме «Каменщики». В период тюремного заключения, подобно своим коллегам по партии, он не терял времени попусту и практически сразу приступил к работе над очередным научным сочинением. Новая монография Шершеневича п.н. «Общее учение о праве и государстве» вышла первым изданием в том же 1908 г. — в год выхода из московской тюрьмы.

В эти годы он мог вновь полностью посвятить себя педагогической и научной деятельности: в 1906—1911 гг. являлся профессором Московского университета, где читал курс лекций по торговому праву. Одновременно преподавал и в Московском коммерческом институте, возглавляя в качестве декана до осени 1910 г. экономическое отделение института. После его отказа от звания декана, в сентябре 1910 г. коллегами по коммерческому институту было организовано чествование — Г.Шершеневичу был преподнесен адрес со словами глубокой признательности за труды по *«укреплению и поднятию на высокий уровень молодого учреждения»*. Было также решено учредить в институте одну стипендию имени Шершеневича, поместить его портрет в зале заседания совета, а также ассигновать 1200 руб. на устройство при институте специальной библиотеки по экономическим вопросам. Чествование завершилось товарищеским ужином, на котором было произнесено много речей. Среди ораторов были С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, А.В. Фортунатов, А.А.Кизеветтер, С.А.Котляревский и др.¹

В феврале 1911 г., вместе с другими либерально настроенными профессорами в знак протеста против реакционных мероприятий министра народного просвещения Л.А.Кассо, он оставил Московский университет. После этого до конца жизни Г. Шершеневич преподавал в Московском коммерческом институте и Московском народном университете им. А.Л. Шанявского, где в то время нашли себе пристанище многие опальные профессора царской России.

Именно преподавательская и научная деятельность была тем поприщем, где в полной мере проявились яркое дарование и талант Г.Ф.Шершеневича. Уже первые монографические работы и общие курсы торгового (1888, 1894) и гражданского (1894) права принесли ему заслуженное признание со стороны коллег и известность в широких научных кругах, славу ученого европейского уровня. Современники отмечали, что как правовед Габриэль Феликсович Шершеневич принадлежал к числу необыкновенно продуктивных, удивительно плодovitых авторов. Будучи цивилистом и «коммерциалистом» (т.е. специалистом в области гражданского и торгового права), он снискал заслуженную славу и широкую известность своими курсами лекций и учебниками, прежде всего такими, как «Учебник русского гражд-

данского права», «Курс гражданского права» и «Курс торгового права». Эти учебные пособия неоднократно переиздавались и расходились многотысячными тиражами. Причем изменения, дополнения и совершенствования, вносившиеся в каждое последующее издание, превращали эти учебные пособия в бесценный труд, настольную книгу для всего российского студенчества. В то же время современниками отмечались сильные и слабые стороны творчества казанского правоведа. Среди слабых сторон чаще всего говорили о недостаточности юридического анализа и уязвимости некоторых конструкций, некоторой неточности формулировок. Среди сильных сторон работ Шершеневича были чрезвычайная ясность и живость мысли, образность и богатство речи (М.Я.Пергамент).

Г.Ф.Шершеневич являлся преимущественно догматиком права, но *«с таким широким захватом исторических, социологических и философских элементов, какой так редко сочетается в одном лице»*. В своих основных воззрениях на государство и право он в значительной степени был последователем учения Иеринга, разделяя концепцию немецкого правоведа о значении целей, принуждения и интересов. Сильное влияние на него оказали также английский позитивизм и английская аналитическая школа права (прежде всего в лице Дж. Остина), придававшие взглядам Г.Ф.Шершеневича единство, стройность и последовательность.

Подобно многим цивилистам, большое внимание Г.Ф.Шершеневич уделял вопросам кодификации гражданского права на Западе и в России. В «Курсе гражданского права» этому вопросу был посвящен целый раздел. В результате своих исследований Габриэль Феликсович пришел к заключению о безусловной необходимости кодификации гражданских законов, распространения их действия на все местные системы гражданского права, в том числе и крестьянское население, приверженного в большей степени к традиционному, обычному праву. Однако позиция его в вопросе о кодификации не была неизменной: под влиянием конституционных перемен он был вынужден признать невозможность единовременного обновления всего гражданского уложения и допустимость для переходной эпохи издания отдельных законов.

Как было вышесказано, профессор Г.Ф.Шершеневич принадлежал к числу необыкновенно продуктивных, удивительно плодovitых ученых. Авторство большого количества учебников и пособий по гражданскому и торговому праву принесло ему не только почетную, но и чрезвычайно широкую известность среди российских правоведов, славу ведущего российского цивилиста и «коммерциалиста». В то же время среди читателей многочисленных работ Шершеневича нередко складывалось ложное восприятие казанского профессора как *«грузного, тучного, лысого, с очками на лбу»* ученого, углубленного в книги и совершенно незнакомого с иными сторонами жизни. Каково же было удивление, когда при личном знакомстве они видели перед собой совершенно иной облик: *«необыкновенно изящного молодого человека, невысокого, стройного, худого, изысканно одетого, с лесом светло-русых волос на голове, с голубыми бархатными глазами, с тонкими, почти по-детски нежными чертами лица и с особенно резко выделявшимися из-под усов, на фоне чисто выбритого подбородка, красиво очерченными губами, складывавшимися в очаровательную, юношескую улыбку»* (из воспоминаний М.М.Винавера).

Кроме значительной научной и преподавательской сферы, организационные таланты Гавриила Феликсовича в полной мере проявились и в деятельности различных научных и просветительских обществ: Московском обществе народных университетов, состоящем при Московском университете, юридическом обществе и др. Осуждение по 129-й статье Уголовного уложения лишило Г.Ф.Шершеневича политических прав и возможности легального участия в общеполитической жизни империи. Было бы неверно утверждать, что он перестал принимать участие в общеполитической жизни страны. После роспуска Думы 1-го созыва Г.Ф.Шершеневич много внимания уделял вопросам обеспечения прав служащих торгово-промышленных предприятий, был одним из ведущих экспертов кадетской партии по данному вопросу.

На мой взгляд, целесообразно также немного остановиться на ближайшем окружении Г.Ф.Шершеневича, которое, вероятно, оказывало немалое влияние на его судьбу. Когда весной 1906 г. Габриэль Феликсович выдвигался основным кандидатом по Казани в первый российский парламент, некоторые из его оппонентов высказывали возражения против его кандидатуры. Один из упреков заключался в нерусском происхождении кандидата. Сам Шершеневич отметал эти возражения как несостоятельные и надуманные: *«Да, я поляк и никогда от этого не отрекался. Как ни плохо говорю я по-польски, я не отказывался объясниться на этом языке при желании собеседника. Может быть, по мнению некоторых, я плохой католик, но я не изменил своей вере, хотя в интересах службы меня и манили в православие [...] Мой отец — генерал-майор русской армии, получивший немало ран в боях за Россию. Мои четыре брата носили (пока были живы) или еще носят русский военный мундир. Мог ли я в такой семье почерпнуть враждебные чувства к русскому народу и государству? Я получил воспитание в русской школе, среди русского общества. Впервые увидел я Варшаву спустя много лет по окончании университета. Я проникнут общерусским мировоззрением, я служил русской науке, я воспитывал русских деятелей»*.

Что же известно о ближайших родственниках Габриэля Феликсовича? Следует признать, что свиде-

ния эти скудны. Только в студенческом личном деле сохранились материалы, позволяющие немного воссоздать семейную родословную. Феликс Григорьевич Шершеневич родился 2 февраля 1814 г. и происходил из дворян Каменец-Подольской губернии, римско-католического вероисповедания. После окончания Одесского Решельевского лицея в октябре 1830 г. он поступил на военную службу. Участвовал в многочисленных военных кампаниях: в подавлении польского (1831) и венгерского (1849) мятежей; войнах с Турцией и *«против турок, англичан, французов и сардинцев»* (1853–1855). С декабря 1860 по март 1862 гг. Феликс Григорьевич находился в отставке по болезни, а затем вновь поступил на военную службу и вскоре был назначен помощником окружного генерала по ведомству МВД. В августе 1864 г. Феликс Григорьевич был назначен симбирским губернским воинским начальником. За военную службу *«Высочайшим указом от 3 ноября 1865 г. полковник Ф.Г. Шершеневич был произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пансионом полного оклада по 860 рублей серебром»*.

У генерала Шершеневича было пятеро сыновей — Владимир (1843), Александр (1844), Станислав (1847), Николай (1852) и Габриэль, и одна дочь Антонина (1849 – после 1915). Николай Феликсович со 2 сентября 1869 г. состоял вольнослушателем Казанского университета, в 1869 — 1874 гг. — студентом медицинского факультета Казанского университета, который закончил в степени лекаря. В 1874 — 1877 гг. магистр, а затем ординатор университетской клиники. 10 сентября 1877 г. Николай Феликсович уволился из Казанского университета. Далее следы его теряются. Слова Габриэля Феликсовича о том, что все его четверо братьев носили русский военный мундир, позволяют предположить, что они вслед за отцом избрали военную карьеру. Иных сведений о представителях большой семьи Шершеневичей нет.

Немного больше известно о семейной жизни самого Габриэля Шершеневича. Первоначально он был женат на Ольге Андреевне Садовеньз. Однако этот ранний брак оказался недолговечным, — в марте 1892 г. он был расторгнут по прошению жены *«с дозволения истице вступить в новое супружество и с осуждением г. Шершеневича на всегдашнее безбрачие с лицом православным»*. Уже 20 апреля 1892 г. настоятель французского прихода в Санкт-Петербурге господин Лагранж совершил обряд бракосочетания молодого профессора с Евгенией Львовной Мандельштам. Чуть ранее, в декабре 1891 г., Евгения Мандельштам, родившаяся в Черниговской губернии 1 января 1869 г. в еврейской семье, была крещена в евангелическо-лютеранской церкви Казани, что позволило обойти запрет синода. Впоследствии она стала оперной актрисой, выступая под псевдонимом Львова-Шершеневич. 24 января 1893 г. у них родился сын Вадим, также евангелическо-лютеранского исповедания, в 20-е гг. ставший известным поэтом-имажинистом. Супруги расстались в 1900 г. Умерла Евгения Мандельштам в 1919 г.

Евгения Мандельштам-Шершеневич происходила из весьма известной в Казани семьи. В деле студентов Казанского университета Михаила и Николая Мандельштам имеются копии с формулярного списка о службе их отца, из коих можно почерпнуть сведения о семье, с которой породнился молодой профессор.

Отец будущей супруги Лев Мандельштам был известным в Казани детским врачом. Лейба Берелевич (после крещения в православии Лев Борисович) Мандельштам (1841 — 21.02.1901) происходил из купеческого сословия. В 1861 г. он окончил полный курс медицинского факультета Харьковского университета со степенью лекаря. После окончания университета некоторое время служил городским врачом в г. Лубна, Сураж и Кролевец Черниговской губернии. В 1873 г. Л.Б. Мандельштам был определен помощником инспектора врачебного отделения Казанского губернского правления. В том же году Лев Мандельштам выдержал в Казанском университете испытательные экзамены на звание доктора медицины. С 1874 г. и до смерти состоял приват-доцентом Казанского императорского университета по детским болезням. С 1882 г. — почетный член Казанского губернского попечительства детских приютов.

С Казанским университетом отчасти была связана и судьба обоих братьев второй супруги Шершеневича. Наибольшая известность была у старшего из братьев — Михаила Львовича Мандельштама, ставшего политическим деятелем и не менее известным столичным адвокатом.

Михаил родился 1 апреля 1866 г. в Сураже Черниговской губернии. После переезда семьи в Казань, отучившись в 3-й мужской гимназии, он поступил на юридический факультет Московского университета. В 1883 г. Михаил Мандельштам перевелся в Казанский университет, на юридическом факультете которого проучился два курса (1883 — 1885). Надо сказать, что в эти же годы Габриэль Шершеневич заканчивал свое обучение на том же факультете. В 1885 г. Михаил в очередной и последний раз перевелся в Санкт-Петербургский университет. В студенческие годы он, подобно многим студентам, увлекался марксизмом, изучал политэкономии, принимал активное участие в нелегальных студенческих кружках, за что в 1886 г. был арестован и выслан к родителям в Казань. Последствием революционной молодости стал запрет на преподавательскую деятельность, не позволивший Михаилу поступить на службу в Казанский университет. После окончания университетского курса он избрал адвокатскую деятельность. С начала 90-х гг. выступал защитником по уголовным и политическим делам. Например, в

1891 г. участвовал в деле о покушении на казанского губернатора Полторацкого. В связи с оживлением общественной жизни переехал в Москву и осенью 1903 г. вступил в сословие присяжных поверенных Московского окружного суда. Вошел в кружок молодых московских адвокатов, политических защитников, в котором главную роль играли В.А.Маклаков, Н.К.Муравьев, П.Н.Малентович, Н.В.Тесленко. Накануне и в период 1-й русской революции М.Л.Мандельштам принадлежал к наиболее популярным и активным политическим защитникам. В 1905–1907 гг. он принимал активное участие в создании партии народной свободы, был членом ее центрального комитета и участник первых съездов. В период предвыборной кампании в Думу 3-го созыва кандидатура М.Л.Мандельштама была выставлена по списку кадетов в Москве, однако затем снята под предлогом, что предпочтительнее в Думе иметь депутатом Ф.А.Головина. Одновременно М.Л.Мандельштам не порывал и с деятелями социалистического лагеря, сотрудничая в их периодических изданиях. После выхода сборника «Вехи» он отстаивал идеи экономического материализма. В период с 1908 по 1917 гг. Михаил Львович находился вне круга наиболее активных членов партии народной свободы, не избирался в ЦК и не приглашался на съезды. В 1917 г. он поддержал призыв князя Д.И.Шаховского к соглашению с меньшевиками и эсерами. После Октябрьской революции — в эмиграции. Однако демонстративная поддержка Советской власти породила в эмигрантской среде критику в его адрес, вплоть до обвинения в продажности. В середине 20-х гг. М.Л.Мандельштам вернулся в Советскую Россию, признал свои политические ошибки, отрекся от кадетов и эсеров. Некоторое время продолжал адвокатскую практику (в 1928 г. был принят в Московскую коллегию адвокатов), а в начале 30-х гг. в силу своего возраста отошел от дел. В июне 1938 г. арестован по обвинению в причастности к антисоветской террористической организации. Умер в 1938 г. в Бутырской тюрьме.

О Николае Мандельштаме известно гораздо меньше. Родился он в Кролевце Черниговской губернии 7 июля 1871 г. В 1888 г., в год окончания гимназии, Кельман Лейбович Мандельштам был крещен в православную веру и наречен именем Николай. После успешного окончания юридического факультета Казанского университета (1888 — 1892) поступил на службу по ведомству Министерства юстиции. Позднее служил адвокатом в округе Казанской судебной палаты.

После переезда Г.Ф.Шершеневича в Санкт-Петербург, а затем и в Москву, вместе с ним Казань покидает его сын Вадим. Этому способствовало изгнание Вадима из 3-й Казанской мужской гимназии за хулиганский поступок. К тому времени, по воспоминаниям, Вадим жил преимущественно у друга отца, книгоиздателя Башмакова. Однажды, желая приобрести славу революционера, юный профессорский отпрыск повесил на крыше гимназии красный флаг. После этого проступка, переполнившего чашу терпения учителей и родителей, Вадим переехал к отцу в Москву.

В четырнадцатилетнем возрасте, в очередной раз поссорившись с отцом, он стал жить отдельно, продолжая тем не менее поддерживать связи с отцом. Так, задумав стать поэтом и написав свои первые стихи, Вадим обратился за помощью именно к отцу. Последний, несмотря на то, что являлся решительным противником поэтической карьеры сына, все же помог опубликовать первые стихотворения сына. По-видимому, также не без влияния отца обошлось и поступление его на юридический факультет Московского университета (1911–1916). Впрочем, это оказалось совершенно бесполезным поступком с точки зрения выбранной жизненной стези. Вадим стал печататься еще в 1909 г., в эпоху кризиса символизма. В 1919–1922 гг., вместе со своими друзьями Есениным, Мариенгофом и Кусиковым, В. Шершеневич стал признанным лидером имажинистов, много публиковался. Впоследствии он в большей степени занимался переводами и театральной критикой. Умер В. Шершеневич 18 мая 1942 г. от туберкулезной пневмонии в эвакуации в Барнауле.

В своих воспоминаниях Вадим не так много написал об отце, но два факта заслуживают некоторого внимания. Так, он упоминает о фотографии камеры московской тюрьмы на Таганке, где его отец отбывал срок за подписание «Выборгского воззвания». Другой случай был приведен в качестве забавного курьеза: однажды прославленный профессор, по учебникам которого учились юристы всех российских университетов, написал вместо заболевшего сына сочинение на тему «Торговля России». За это сочинение гимназист получил «тройку с минусом» и приписку преподавателя: «*обнаружено малое знание предмета*». Можно сказать, что на этом сведения о людях, с которыми Г. Шершеневича связывали близкие отношения, исчерпываются.

Г.Ф.Шершеневич скончался 31 августа 1912 г. в возрасте 49 лет, в полном расцвете духовных и творческих сил, «*подкошенный быстро развившимся наследственным недугом*» (рак пищевода). Его ранняя смерть стала большой потерей для многочисленных коллег, товарищей и единомышленников, отклики которых были помещены во многих периодических изданиях. Одно из осенних заседаний Казанского юридического общества, особенно многолюдное, было целиком посвящено памяти покойного казанского цивилиста.

Почти все свое состояние Г.Ф.Шершеневич оставил Московскому и Казанскому университетам и Московскому коммерческому институту. Только на стипендии студентам им была завещана сумма в 10 000 руб. Богатейшая коллекция книг была оставлена Московскому коммерческому институту. Авторс-

кие же права на свои многочисленные сочинения он завещал Московскому университету с условием передачи вырученных от продажи средств в помощь бедным студентам. 18 ноября 1912 г. состоялось торжественное соединенное заседание Московского юридического общества и Общества имени А.И.Чупрова, посвященное памяти Г.Ф.Шершеневича. На заседании выступали коллеги покойного Н.В.Тесленко, А.Э.Вормс, А.Р.Ледницкий. Последний в своей речи вспоминал о деятельности Шершеневича в Думе 1-го созыва².

Бывшие казанские коллеги Шершеневича почтили память покойного вставанием, панихидой в казанской католической церкви и решением повесить в одной из университетских аудиторий портрет бывшего казанского профессора, так много потрудившегося на славу правовой школы Казанского университета. На часть капитала, завещанного покойным Казанскому университету весной 1913 г., была учреждена стипендия имени Шершеневича³. Разработчиком проекта выступил и.о. декана В.В.Ивановский. Предусматривалось учреждение одной стипендии имени жертвователя, которая вручалась нуждающемуся студенту юридического факультета, наиболее успевающему в науках, вне зависимости от национальной или вероисповедной принадлежности. Одобренный членами совета проект должен был вступить в силу с осени 1913 г.⁴

31 августа 1913 г., в первую годовщину смерти Г.Ф.Шершеневича, его бывшие коллеги по Казанскому университету провели многолюдное заседание Казанского юридического общества. На нем были прочитаны два доклада о покойном профессоре. Ученик в прошлом, а ныне сам профессор Казанского университета барон А.А. Симолин зачитал доклад «О влиянии работ Г.Ф.Шершеневича на судебную практику и законодательство», а приват-доцент А.В.Завадский произнес речь на тему «Профессор Г.Ф.Шершеневич как толкователь закона». Третий из запланированных докладчиков В.П. Доманжо по болезни не смог присутствовать на заседании юридического общества, и его доклад на тему «Г.Ф.Шершеневич как преподаватель» остался непрочитанным¹.

По своим политическим симпатиям, научным интересам и личной дружеской привязанности Г.Ф.Шершеневич был весьма близок к С.А. Муромцеву. И перед самой смертью, чувствуя, «как его жизнь быстро догорает», Габриэль Феликсович высказал пожелание «найти место вечного успокоения» рядом с могилой первого председателя первого российского парламента. Некоторые затруднения для исполнения последней воли усопшего были вызваны религиозной принадлежностью покойного. Однако хлопоты друзей увенчались успехом и необходимое согласие церковных иерархов было получено. 4 сентября прах Шершеневича был предан земле на кладбище Донского монастыря, согласно воле покойного недалеко от могилы его близкого друга².

Юхтанов Алексей Степанович

(16.03.1882 — ?) — депутат

Государственной думы 4-го созыва

Алексей Степанович Юхтанов — из крестьян Ядринского уезда Казанской губернии; русский, православного исповедания¹. Волостной старшина, окончил земскую школу. Накануне избрания в Думу жил в с. Стрелецкая слобода. Женат (жена Анна Ивановна), отец троих детей: двух сыновей — Петра и Николая (по данным на 1912 г., им было 5 лет и 8 месяцев соответственно) и одной дочери — Александры (3 года).

Судя по архивным данным, семья Юхтановых играла активную роль в событиях 1905—1906 гг. в западных уездах Казанской губернии. Брат будущего депутата — Иван Степанович Юхтанов, состоявший учителем школы при винокуренном заводе бр. Таланцевых, в период работы Думы 1-го созыва участвовал в крестьянском движении, был инициатором ряда крестьянских сходов, один из которых послал в Думу на имя Аникина телеграмму с просьбой увеличить крестьянам с. Полянок земельные наделы и защитить их от притеснений со стороны «кулаков-землевладельцев»². Весной 1906 г. учитель Иван Степанович Юхтанов был впервые арестован по обвинению в принадлежности к «Крестьянскому союзу», помещен под стражу в Ядринскую уездную тюрьму, а затем перемещен в Казанскую губернскую тюрьму. Однако неоднократные обыски и следствие в целом не дали полиции никаких весомых улик. В августе 1907 г. было вынесено окончательное постановление о прекращении дела за отсутствием состава преступления¹.

В декабре 1906 г., судя по архивным документам, некий Степан Иванович Юхтанов (также крестьянин с. Полянок, вероятнее всего, их отец) был арестован за ведение среди крестьян Ядринского уезда противоправительственной пропаганды³. В феврале 1907 г. арестованный С.И.Юхтанов в порядке 34-й статьи Положения о чрезвычайной охране (т.е. без суда, в административном порядке) по указанию министра внутренних дел был приговорен к высылке из Казанской губернии и находился под гласным надзором полиции. Избравший местом жительства Нижний Новгород, в марте 1907 г. С.И.Юхтанов был выслан этапным порядком из Казани. Возможно, именно революционное прошлое представителей

этого семейства и способствовало избранию А. Юхтанова депутатом Думы последнего созыва.

В Думе А.С.Юхтанов состоял членом земельной комиссии, однако много болел и часто пропускал думские заседания. Тем не менее, даже не играя практически никакой активной политической роли, А.С. Юхтанов, подобно всем остальным депутатам, находился под негласным надзором полиции и все его передвижения (например, в период думских каникул) регулярно фиксировались уездным исправником.

Дальнейшая судьба неизвестна.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ)

Ф. 1. Канцелярия губернатора Казанской губернии

Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 67. — Л. 14. О назначении представителя от МВД в казанское отделение Крестьянского поземельного банка. 1906.

Ф. 1. — Оп. 4. — Д. 2492. — Л. 46. О бывшем члене Государственной думы крестьянине д. Заозерье Яранского уезда Вятской губернии Петре Андреевиче Ершове.

Ф. 1. — Оп. 4. — Д. 2673. Дело о бывшем члене Государственной думы крестьянине д. Новые Челны Спасского уезда Мухамет-Гарифе Сиразетдиновиче Бадамшине.

Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 364. — Л. 32. О распоряжениях, касающихся выборов в Государственную думу.

Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 516. — Л. 8. О принятии мер к предотвращению последствий противоправительственной агитации избранного в члены Государственной думы по Симбирской губернии алатырского врача Карташева.

Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 555. О противоправительственной деятельности ядринского купца Зиновия Таланцева.

Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 765. — Л. 95. О выяснении должностных лиц, проявивших в течение выборного в Государственную думу периода активную деятельность в пользу левых.

Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 862. — Л. 160. О настроении мусульман в связи с военными действиями вообще и выступлением Турции в частности.

Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 942. — Л. 239. О наблюдении за настроением населения Казанской губернии и о доставлении сведений по сему предмету в МВД.

Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 1299. — Л. 55. Переписка с ДДД и КГЖУ о появлении в татарских газетах материалов о недовольстве татарского населения деятельностью мусульманской фракции Государственной думы. 1916.

Ф. 2. Казанское губернское правление

Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 3046. — Л. 11. Об утверждении имама д. Сентяк-Кульбаш Зелялетдина Тазетдинова Максютובה в звании старшего ахуна. 1885–1886.

Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 4053. — Л. 10. О возведении имама-джамига хатыпа и мударриса Казанской губернии и уезда д. Большой Кульбаш Сафиуллы Тазетдинова Максютובה в почетное звание ахуна. 1890.

Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 4663. Об определении крестьянина д. Большой Сентяк-Кульбаш Гадиятуллы Тазетдинова Максютובה муллою к мечети д. Абсабаш Казанского уезда. 1893.

Ф. 41. Казанский окружной суд

Ф. 41. — Оп. 8. — Д. 344. — Л. 63. О присяжном поверенном, титулярном советнике Саид-Гирее Шагиахметовиче Алкине. 1896 — 1915.

Ф. 41. — Оп. 8. — Д. 512. — Л. 40. О службе судебного следователя ... Ибниямина Шагиахметовича Алкина.

Ф. 41. — Оп. 8. — Д. 86. — Л. 24. О присяжном поверенном округа Казанской судебной палаты Константине Викторовиче Лаврском. 1884 — 1917.

Ф. 41. — Оп. 13. — Д. 3. — Л. 157. Предварительное следствие, произведенное судебным следователем по особо важным делам по делу о противозаконном сообществе, именуемом староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего Полка. Ст. 125 Уголовного уложения.

Ф. 51. Казанская судебная палата

Ф. 51. — Оп. 1. — Д. 292. — Л. 45. О службе старшего кандидата на судебные должности губернского секретаря Алкина.

Ф. 51. — Оп. 1. — Д. 316. — Л. 37. О службе старшего кандидата на судебные должности Саид-Гирея Шагиахмедова Алкина.

Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 587. — Л. 10. По протесту прокурора КСП на определение СПП от 6 ноября 1909 г. по делу о присяжном поверенном Алкине.

Ф. 51. — Оп. 4. — Д. 13475. — Л. 450. Дело о крестьянине Гинанутдине Багаутдине Ваисове и других в числе 14 человек, обвиненных... 1910–1917 гг.

Ф. 51. — Оп. 10. — Д. 88. — Л. 94. По обвинению учителя Ивана Степанова Юхтанова по 130 ст. Уголовного уложения. 1906 — 1907.

Ф. 52. Казанский совет присяжных поверенных

Ф. 52. — Оп. 1. — Д. 230. — Л. 86. О помощнике присяжного поверенного С.Н.Максудове.

Ф. 92. Попечитель Казанского учебного округа

Ф. 92. — Оп. 1. — Д. 22389. — Л. 214. О назначении, перемещении, оставлении на дальнейшей службе, увольнении профессоров и других должностных лиц Казанского университета.

Ф. 98. Казанская городская управа

Ф. 98. — Оп. 4. — Д. 41. — Л. 22. Об избрании И.В.Годнева председателем Казанского сиротского суда. 1900 — 1908.

Ф. 98. — Оп. 4. — Д. 2220. — Л. 631. По вопросу о разработке обязательного постановления по обеспечению нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах, конторах и ремесленных заведениях. Списки ремесленных заведений Казани. 1906 — 1917.

Ф. 98. — Оп. 4. — Д. 2496. Списки лиц, служащих в правительственных, общественных и других учреждениях и имеющих право участия в выборах в Государственную думу. 1907.

Ф. 98. — Оп. 5. — Д. 1210. — Л. 567. О выборах в Государственную думу 4-го созыва. 1912 — 1916.

Ф. 98. — Оп. 5. — Д. 1219. — Л. 245. Циркуляры и переписка по выборам в Государственную думу. 1912 — 1916.

Ф. 98. — Оп. 5. — Д. 6419. Алфавит владельцев недвижимых имуществ Казани по 1-й части в 1916 г.

Ф. 98. — Оп. 7. — Д. 531. По избирательной комиссии по выборам в Государственную думу. 1907.

- Ф. 199. Казанское губернское жандармское управление
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 444. — Л. 40. О Степане Ивановиче Юхтанове. 1906 — 1907.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 445. — Л. 539. О выборах в Государственную думу. 1906 — 1908.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 538. — Л. 110. По обвинению крестьянина
 М. Г. Исакова по ст. 129 Уголовного уложения.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 698. — Л. 540 + 25. Переписка с департаментом полиции, Саратовским и другими жандармскими управлениями, казанским губернатором и приставами Казани и уездов о разработке анонимных писем.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 857. — Л. 361. О мусульманских съездах, о деятельности лиц, проводящих среди татарского населения империи идеи панисламистского движения. 1912 — 1913.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 876. — Л. 103. О выборах в четвертую Государственную думу.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 906. — Л. 257. О мусульманских съездах и о деятельности лиц, проводящих среди татарского населения империи идеи панисламистского движения. 1913–1914.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 948. — Л. 208. О мусульманских съездах, о деятельности лиц, проповедующих панисламизм.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 950. — Л. 331. Дело о переводе запрещенных цензурой брошюр и книг с татарского и арабского языков на русский язык.
 Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 998. — Л. 213. О мусульманских съездах, о деятельности лиц, проповедующих панисламизм. 1914 — 1918.
 Ф. 199. — Оп. 2. — Д. 403. — Л. 13. По обвинению бывшего члена Государственной думы П.А.Ершова по ст. 130 Уложения. 1906.
 Ф. 199. — Оп. 2. — Д. 460. — Л. 44. По обвинению бывшего члена Государственной думы М.Н.Герасимова по ст. 130 Уложения о наказаниях. 1906–1907.
 Ф. 199. — Оп. 2. — Д. 1479. — Л. 7. Переписка с Нижегородским ГЖУ и помощником начальника КГЖУ по Свияжскому и Чебоксарским уездам об установлении наблюдения за членами Государственной думы. 1914 — 1915.
 Ф. 199. — Оп. 2. — Д. 1606. — Л. 7. О донесениях унтер-офицера по Ядринскому уезду. 1916.
 Ф. 350. Казанское губернское дворянское собрание
 Ф. 350. — Оп. 1. — Д. 1358. — Л. 10. Об увольнении со службы тетюшского уездного предводителя дворянства Н.Д.Сверчкова. 1886.
 Ф. 350. — Оп. 1. — Д. 1752. — Л. 18. О причислении в штат канцелярии Дворянского собрания старшим кандидатом на должности по судебному ведомству при КОС губернского секретаря Д.С.Теренина. 1897–1898.
 Ф. 350. — Оп. 1. — Д. 1841. — Л. 92. По выборам в Государственную думу. 1906.
 Ф. 350. — Оп. 1. — Д. 1844. — Л. 59. О выборах в Государственную думу согласно высочайшему манифесту 8 июля 1906 г.
 Ф. 350. — Оп. 2. — Д. 638. — Л. 43. По докладу проф. Залесского о ненормальности постановки инородческого образования в Казанской губернии.
 Ф. 350. — Оп. 2. — Д. 639. — Л. 55. О выборах в Государственную думу.
 Ф. 390. Прокурор Казанской судебной палаты
 Ф. 390. — Оп. 2. — Д. 191. — Л. 22. Переписка по обвинению бывшего члена Государственной думы крестьянина д. Бурнашево Чистопольского уезда Герасимова Марка Нестеровича в хранении с целью распространения нелегальной литературы.
 Ф. 390. — Оп. 2. — Д. 437. — Л. 34. Переписка по обвинению бывшего члена Государственной думы Бадамшина М.-Г. в распространении среди мусульманского населения «Выборгского воззвания» (ст. 130 Уголовного уложения).
 Ф. 390. — Оп. 2. — Д. 495. — Л. 8. Переписка по обвинению врача Чебоксарского уезда Кушников Дмитрия в распространении прокламаций (ст. 130 Уголовного уложения).
 Ф. 407. Предводитель Казанского губернского дворянского собрания
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 805. — Л. 418. О замещении и увольнении от должностей разных лиц. Формулярные списки.
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 833. — Л. 482. О созыве Казанского губернского собрания дворян. Списки дворян, назначенных к баллотировке в кандидаты на должность предводителя дворянства. 1905–1907.
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 853. — Л. 133. Списки дворян. Сведения о потомственных дворянах Лаишевского уезда. 1910–1912.
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 916. Формулярные списки о службе (...) Д.С.Теренина.
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 927. Формулярные списки о службе спасского уездного предводителя дворянства Казанской губернии Н.Д.Сазонова за 1904 г.
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 938. — Л. 95. Формулярные списки о службе (...) А.Н.Боратынского (...) Ф.Н. Казина (...) за 1914 г.
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 940. Формулярные списки о службе (...).
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 941. — Л. 109. Формулярные списки о службе (...) Н.Д. Сверчкова (...).
 Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 944. — Л. 36. Формулярные списки о службе (...) А.Н.Боратынского (...) за 1915 г.
 Ф. 419. Казанское губернское по городским и земским делам присутствие
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 412. — Л. 493. Циркуляры МВД и казанского губернатора и переписка по выборам в Государственную думу 2-го созыва.
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 434. Списки выборщиков по выборам в Государственную думу 2-го созыва и переписка по этому вопросу. 1906–1908.
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 436. — Л. 342. Списки выборщиков по выборам в Государственную думу 2-го созыва.
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 449. — Л. 107. Ходатайство Казанской городской думы об устройстве железнодорожного моста через р. Волгу и о соединении города Казани железнодорожным путем с городом Вяткой.
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 970. О сообщении в канцелярию г. казанского губернатора сведений о городских головах и старостах Казанской губернии. 1912.
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 1201. — Л. 175. Сведения о личном составе Казанской городской думы и городской управы текущего с 1913 г. четырехлетия.
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 1245. — Л. 11. Формулярный список о службе чебоксарского городского головы Ф.П.Ефремова.
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 1248. Дело и формулярный список о службе ядринского городского старосты Н.М.Таланцева. 1914.
 Ф. 419. — Оп. 1. — Д. 1420. — Л. 9. Формулярный список о службе козьмодемьянского городского головы П.П.Бычкова.
 Ф. 651. По делам о выборах в Государственную думу комиссии по Чистопольскому уезду
 Ф. 651. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 55. Заявления лиц о внесении их в списки избирателей в Государственную думу. 1906 — 1907.
 Ф. 708. По делам о выборах в Государственную думу Казанской городской комиссии
 Ф. 708. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 115. Акты, протоколы, удостоверения, баллотировочные листы по выборам членов Государственной думы. 1912.

Ф. 977. Казанский императорский университет

- Ф. 977. — Оп. 619. — Д. 5. — Л. 10–26. А.В.Васильев.
 Ф. 977. — Оп. 619. — Д. 11. — Л. 89–145. Н.П.Загоскин.
 Ф. 977. — Оп. 619. — Д. 13, т. 1. — Л. 181–197, 233–239. М.Я.Капустин.
 Ф. 977. — Оп. 619. — Д. 23. — Л. 222–235. А.В. Смирнов.
 Ф. 977. — Оп. 619. — Д. 30. — Л. 13. Г.Ф. Шершеневич.
 Ф. 977. — Оп. 619. — Д. 6. — Л. 167–172. И.В.Годнев.
 Ф. 977. — Оп. Л.д. — Д. 30338. — Л. 29. Личное дело студента Казанского императорского университета Б.Алкина.
 Ф. 977. — Оп. Л.д. — Д. 30479. — Л. 21. М.Л. Мандельштам.
 Ф. 977. — Оп. Л.д. — Д. 31305. — Л. 33. С.-Г. Алкин.
 Ф. 977. — Оп. Л.д. — Д. 31455. — Л. 32. Н.Л.Мандельштам.
 Ф. 977. — Оп. Л.д. — Д. 31803. — Л. 23. Н. Мельников.
 Ф. 977. — Оп. Л.д. — Д. 31913. — Л. 33. З. Таланцев.
 Ф. 977. — Оп. Л.д. — Д. 32060 — Л. 28. Д. Теренин.
 Ф. 977. — Оп. Л.д., т. 2. — Д. 989. И.Годнев.
 Ф. 977. — Оп. Л.д., т. 3. — Д. 29791. Г. Шершеневич.
 Ф. 977. — Оп. Ректор. — Д. 1994. — Л. 70. Секретная переписка с Попечителем КУО и другими лицами о политической неблагонадежности студентов университета и профессора Васильева.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 7295. — Л. 10. Об утверждении доцента Васильева в степени доктора чистой математики.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 8730. — Л. 18. Документы о назначении приват-доцента Шершеневича экстраординарным профессором по кафедре торгового права и торгового судопроизводства.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 9558. — Л. 38. Документы о назначении экстраординарного профессора Казанской духовной академии магистра богословия протоиерея Смирнова на должность профессора православного богословия в Казанском университете.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11037а. Протоколы заседания Совета. 1905. Т. 2 (бывший секретный).
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 10503. — Л. 5. О внесении в формулярный список о службе ординарного профессора М.Я.Капустина сведений.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 10990. — Л. 173. Документы о беспорядках, происшедших 5 ноября 1904 г. в актовом зале университета.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11192. Протоколы заседания Совета. 1906.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11274. — Л. 109. Об избрании из числа профессоров университета выборщиков в члены Государственного совета. 1906.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11365. — Л. 22. Документы об увольнении ординарного профессора Г.Ф.Шершеневича от службы в отставку.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11370. — Л. 394. Протоколы заседания Совета. 1907.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11484. — Л. 6. Документы о переходе заслуженного ординарного профессора А.В.Васильева на службу в Санкт-Петербургский университет.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11472. — Л. 134. Об изготовлении отчета и речи к торжественному годичному акту университета в 1908 г.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11490. — Л. 39. Документы по заявлению г. профессора М.Я.Капустина относительно служебного положения его в университете при условии исполнения им обязанностей члена Государственной думы.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11554. — Л. 35. Документы об увольнении заслуженного ординарного профессора А.В.Васильева от должности декана физико-математического факультета.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11564а. Протоколы заседания Совета. 1908.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 11714. — Л. 6. Документы по докладной записке бывшего профессора университета М.Я.Капустина о желании его состоять профессором университета.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 12244. — Л. 10. Об исходатайствовании оставления профессора православного богословия протоиерея А.В.Смирнова по выслуге им 25 лет по учебной части на дальнейшей службе.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 12248. О годичном акте университета в 1911 г.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 12425. О годичном акте университета в 1912 г.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 12500. — Л. 31. Об увольнении профессора православного богословия протоиерея А.В.Смирнова от службы по болезни и об исходатайствовании ему пенсии.
 Ф. 977. — Оп. Совет. — Д. 12623. О годичном акте университета в 1913 г.
 Ф. 977. — Оп. Ф/м. — Д. 867. — Л. 11. О приобретении А.В.Васильевым ученой степени магистра чистой математики.
 Ф. 977. — Оп. Ф/м. — Д. 902. — Л. 3. О представлении доценту чистой математики А.В.Васильеву вакантной кафедры математики на три года, на основании § 20 университетского устава 1863 г.
 Ф. 977. — Оп. Ф/м. — Д. 994. — Л. 9. О приобретении магистром чистой математики А.В.Васильевым ученой степени доктора математики и об избрании его в экстраординарные профессора по занимаемой им кафедре математики.
 Ф. 977. — Оп. Ф/м. — Д. 1783. — Л. 3. По ходатайству ординарного профессора А.В.Васильева о юбилейном издании сочинений Н.И.Лобачевского.
 Ф. 977. — Оп. Ф/м. — Д. 1950. — Л. 2. Об увольнении заслуженного ординарного профессора А.М.Зайцева от должности декана физико-математического факультета и об утверждении в сей должности заслуженного ординарного профессора А.В.Васильева.
 Ф. 977. — Оп. Ф/м. — Д. 2004. — Л. 16. О сложении заслуженным ординарным профессором А.В.Васильевым должности декана физико-математического факультета и об утверждении в сей должности ординарного профессора П.Н.Кротова.
 Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 611. — Л. 14. О приобретении степени магистра политической экономики кандидатом государственных наук К.Лаврским.
 Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 621. — Л. 13. Об оставлении при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре политической экономики и статистики кандидата государственных наук К.Лаврского.
 Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 658. — Л. 12. Об оставлении стипендиата для приготовления к профессорскому званию кандидата Г.Ф.Шершеневича.
 Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 663. — Л. 25. Об испытании на степень магистра гражданского права кандидата юридических наук Г.Ф.Шершеневича.
 Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 726. — Л. 6. О соискании приват-доцентом, магистром гражданского права Г.Ф.Шершеневичем

степени доктора гражданского права.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 758. — Л. 14. О допущении кандидата юридических наук Мандельштама Михаила к испытаниям на степень магистра политической экономии.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 749. — Л. 100 л. Протоколы заседаний юридического факультета за 1891 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 779. — Л. 89. Протоколы заседаний юридического факультета за 1892 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 936. — Л. 19. По собранию бумаг, принятых к руководству и исполнению в 1897 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 937. — Л. 92. Протоколы заседаний юридического факультета за 1898 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 960. — Л. 118. Протоколы заседаний юридического факультета за 1899 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 979. Протоколы заседаний юридического факультета за 1900 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1002. Протоколы заседаний юридического факультета за 1901 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1080. Протоколы заседаний юридического факультета за 1904 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1095. — Л. 59. Протоколы заседаний юридического факультета за 1905 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1111. — Л. 86. Протоколы заседаний юридического факультета за 1906 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1130. — Л. 99. Протоколы заседаний юридического факультета за 1907 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1143. — Л. 47. С приложениями, объявлениями и циркулярами разного рода в 1907 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1144. — Л. 10. О частных лекциях В.Ф.Залесского.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1164. — Л. 120. Протоколы заседаний юридического факультета за 1908 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1186. — Л. 123. Протоколы заседаний юридического факультета за 1909 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1205. Протоколы заседаний юридического факультета за 1910 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1240. — Л. 103. Протоколы заседаний юридического факультета за 1911 г.

Ф. 977. — Оп. Ю/ф. — Д. 1273. Протоколы заседаний юридического факультета за 1912 г.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102. Департамент полиции. Особый отдел

Ф. 102 (ДП ОО). 1899. — Оп. 227. — Д. 78. — Л. 5. О присяжном поверенном К.В.Лаврском.

Ф. 102 (ДП ОО). 1905 г. — Оп. 233. — Д. 1255. — Л. 26. Казанское юридическое общество при Казанском императорском университете.

Ф. 102 (ДП ОО). 1906. — Оп. 236. — Д. 771. — Л. 17. О бывшем члене Государственной думы П.А.Ершове.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий

Ф. 821. — Оп. 8. — Д. 631. — Л. 224. Преобразование порядка управления духовными делами магометан. 1904–1906.

Ф. 821. — Оп. 8. — Д. 633. — Л. 113. Преобразование порядка управления духовными делами магометан в империи. Ч. 3. 1906–1908.

Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 15. — Прошения магометанских сельских обществ Казанской губернии Николаю II и в Комитет министров об изменении законов об управлении вероисповедными делами магометан. 1905.

Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 23. — Л. 486. Переписка с должностными лицами по мусульманству. 1884–1905.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 482. — Л. 269. Праздники иноверцев-нехристиан. 1910–1917.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 508. — Л. 102. О секте вайсовцев. 1909–1917.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 566. — Л. 445. О пересмотре законоположений об управлении духовными делами магометан. 1911–1917.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 576. — Л. 401. О созыве особого совещания по мусульманским делам в 1914 г. Журналы.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 598. По обстоятельствам военного времени. Переписка о сборе пожертвований, о настроениях и беспорядках среди мусульманского населения, о распространении ложных слухов, об участии мусульман в войне.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 603. По вопросу об отношении мусульман империи к европейской войне.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 606. — Л. 278. О замещении должности оренбургского муфтия, освободившейся за смертью муфтия Султанова, и о назначении на эту должность петроградского ахуна Баязитова. 1915.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 608. — Л. 232. О службе оренбургского муфтия Мухамед Сафа Баязитова. 1915–1917.

Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 633. — Л. 12. Об учреждении особого муфтиата для киргизов степных областей. 1915–1916.

Ф. 1162. Государственный совет

Ф. 1162. — Оп. 6. — Д. 659. — Л. 37. А.Васильев.

Ф. 1276. Совет министров

Ф. 1276. — Оп. 4. — Д. 662. — Л. 240. По законопроекту о начальных училищах. 1909. Об изменении действующих правил о начальных училищах для инородцев восточной и юго-восточной России.

Ф. 1278. Государственная дума

Ф. 1278. — Оп. 1. — Д. 245. — Л. 150. По разным жалобам.

Ф. 1278. — Оп. 1., т. II. — Д. 25. Г.С.Бадамшин.

Ф. 1278. — Оп. 1., т. II. — Д. 33. М.В.Батуров.

Ф. 1278. — Оп. 1., т. II. — Д. 178. М.Я.Капустин.

Ф. 1278. — Оп. 1, т. II. — Д. 231. Д.А.Кушников.

Ф. 1278. — Оп. 1, т. II. — Д. 260. С.Максютов.

Ф. 1278. — Оп. 1, т. II. — Д. 259. С.Н.Максудов.

Ф. 1278. — Оп. 1, т. II. — Д. 284. Г.Мусин.

Ф. 1278. — Оп. 1, т. II. — Д. 334. Г.Н.Петрухин.

Ф. 1278. — Оп. 1., т. II. — Д. 419. З.Таланцев.

Ф. 1278. — Оп. 1, т. II. — Д. 454. А.Ф.Федоров.

Ф. 1278. — Оп. 2. — Д. 3550. — Л. 295. Журналы совещания по выработке положения об инородческой школе при комиссии по народному образованию.

Ф. 1278. — Оп. 2. — Д. 3551. — Л. 454. Журналы комиссии по народному образованию. Сессия третья. Ч. 2. 1910.

Ф. 1278. — Оп. 6. — Д. 19. Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах. 1907–1913.

Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 39. — Л. 15. И.А.Бажанов.

Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 97. — Л. 31. А.Н.Боратынский.

Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 112. — Л. 28. П.Ф.Бычков.

Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 248. — Л. 27. С.В.Дунаев.

Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 262, 263. Г.Х.Еникеев.

- Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 272. — Л. 6. Н.П.Ефремов.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 317. — Л. 12. Ф.Н.Казин.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 327. — Л. 22. М.Я.Капустин.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 335. — Л. 32. В.А.Карякин.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 455. — Л. 20. А.Л.Лунин.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 472. С.Н.Максудов.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 488. — Л. 24. В.В.Марковников.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 503. — Л. 9. Н.А.Мельников.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 688. — Л. 20. И.А.Рындовский.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 698. — Л. 31. Н.Д.Сазонов.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 711. — Л. 17. Д.Н.Сверчков.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 725. А.В.Смирнов.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 737. — Л. 40. И.И.Соколов.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 786. — Л. 16. Д.Теренин.
 Ф. 1278. — Оп. 9. — Д. 924. — Л. 21. А.С.Юханов.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)

Ф. 14. Санкт-Петербургский императорский университет

Ф. 14. — Оп. 1 Совет. — Д. 10104. — Л. 49. Васильев А.В., о допущении к чтению лекций в звании приват-доцента и профессора. 1907–1924.

Ф. 14. — Оп. 1 Совет. — Д. 11043. — Л. 80. Смирнов А.В., о назначении профессором богословия и настоятелем церкви университета. 1915.

Периодические издания

- Баянелхак. — Казань, 1907–1910.
 Вестник Европы. — СПб., 1907; 1913–1914.
 Вечернее эхо. — Казань, 1906.
 Дин ва магыйшат. — Оренбург, 1915.
 Ежегодник газеты «Речь» на 1913 г. — СПб., 1912.
 Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. — СПб., 1913.
 Казан мухбире. — Казань, 1906–1911.
 Казанский вечер. — Казань, 1906.
 Казанский телеграф. — Казань, 1908.
 Камско-Волжская речь. — Казань, 1909–1910; 1912–1916.
 Кояш. — Казань, 1915.
 Миллят. — СПб., 1914.
 Новое время. — СПб., 1906–1908.
 Речь. — СПб., 1906 — 1907.
 Россия. — СПб., 1909.
 Русская мысль. — СПб., 1907–1908; 1911–1913.
 Слово. — СПб., 1908.
 Тан юлдузы. — Казань, 1906.
 Юлдуз. — Казань, 1907; 1915.

Опубликованные источники

- III Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде. Постановления и резолюции. — Казань, 1906. — С. 20.
 «Великолепный очевидец» (В.Г. Шершеневича). Поэтические воспоминания 1910–1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. — М.: Московский рабочий, 1990. — С. 735.
 Боиович М.М. Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Созыв 1. — М., 1906–1913.
 Боратынский А. Речь члена Государственной думы Боратынского. — Казань, 1911. — С. 8.
 Боратынский А., Марковников В.В. Отдельное мнение об организации представительства и выборного начала в России. — Казань, 1905.
 Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Казанского университета. — Казань, 1904. — С. 314.
 Васильев А.В. Памяти Г.Ф. Шершеневича. Слово, сказанное в заседании Педагогического общества при Императорском Казанском университете 25 сентября 1912 года // Труды и протоколы Педагогического общества, состоящего при Императорском Казанском университете. — 1913. — Т. 2. — № 12.
 Вережеский А. (А.Тыркова-Вильямс) Третья Дума // Русская мысль. — 1908. — № 3, 4.
 Винавер М.М. Габриэль Феликсович Шершеневич // К 10-летию 1-й Государственной думы. Сборник статей перводумцев. — Пг., 1916. — С. 195–199.
 Винавер М.М. История Выборгского воззвания. Воспоминания. — Пг., 1917. — С. 48.
 Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1991. — Т. 1–3.
 Волков И. Из недавнего прошлого казанского студенчества // На путях к высшей школе. — Казань, 1927.
 Воицинин В. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. — СПб., 1912. — С. 143.
 Г.Ф.Шершеневич (некролог) // Исторический вестник. — 1912. — № 10.
 Годнев И.В. Речь, произнесенная на общем собрании Государственной думы 14 июня 1916 г. членом Государственной думы И.В.Годневым по вопросу об утверждении трезвости в населении. — Пг.: Типография штаба отдельного пограничного корпуса, 1917. — С. 47.
 Государственная дума. Второй созыв. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной думы. — СПб., 1907. — С. 267.
 Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. — СПб., 1907. — С. 613.
 Государственная дума. Справочник / Под редакцией В.Н.Карташевского. — СПб., 1909–1914 (7 выпусков).
 Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. — 1999. — № 1–12; — 2000. — № 1–8.
 Ефремов И.Н. Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. — СПб., 1910.
 Загоскин Н.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804–1904) в двух частях. — Казань, 1904. — Т. 1–2.
 Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. — Казань, 2002.

- Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / Н.Астров, Ф.Кокошкин, С.Муромцев, П.Новгородцев и Д.Шаховский (ред.) — СПб., 1907.
- Законы по вопросу об обеспечении нормального отдыха торговых служащих / Под ред. проф. Г.Ф.Шершеневича. — М., 1910. — С. 39.
- Залеский В.Ф. Рецензия на «Историю Казанского Университета» профессора Загоскина. Т. 1–3 // Журнал Министерства народного просвещения. — 1905. — № 12.
- Залеский В.Ф. Опыт характеристики. Отдельный оттиск из журнала «Мирный труд». 1913. — Харьков, 1914. — С. 76.
- Изгоев А.С. Перед третьей Думой // Русская мысль. — 1907. — № 10.
- Изгоев А.С. Общественное движение в России (заметки публициста) // Русская мысль. — 1907. — № 4.
- История Казани в документах и материалах. XX век. — Казань: Магариф, 2004. — С. 711.
- Исхакий М.-Г. Солах хъят агъзасы Фуад Туктар бѣк вафат // Яһа милли юл. — 1939. — № 2–3.
- К 10-летию 1-й Государственной думы. Сборник статей перводумцев. — Пг., 1916.
- Капустин М.Я. Речи казанского октябриста. Выпуск III. «Союз 17 Октября» во II Государственной думе. — Казань, 1907.
- Капустин М.Я. 25-летие общества врачей. — Казань, 1897.
- Кизеветтер А. Письма из Таврического дворца // Русская мысль. — 1907. — № 3.
- Крестьянин И.Л. (Лаврентьев И.Е.) Выборы от крестьян в Казанской губернии // К 10-летию 1-й Государственной думы. Сборник статей перводумцев. — Пг., 1916. — С. 15–30.
- Крыльцов И.И. Николай Павлович Загоскин. — Казань, 1912. — С. 10.
- Кузьмин-Караваев В.В. Идеальный октябризм и действительные октябристы // Вестник Европы. — 1907. — № 4.
- Максуди С. Англиягъ сѣяхъг. — Казань, 1914.
- Малаховский Г.В. Биографии гг. членов Государственной думы. — СПб., 1906. — С. 104.
- Михайловский А.И. Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904). — Казань, 1901–1908. — Т. 1–3.
- Наши депутаты. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912. — М., 1908.
- Никонович Ф. Из дневника члена Государственной думы — священника // Полоцкие епархиальные ведомости. — Витебск, 1908–1914.
- Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. — СПб., 1912.
- Обнинский В. Члены Государственной думы первого, второго и третьего созыва // Приложение к Энциклопедическому словарю Граната. — Т. 17. — С. 1–73.
- Общий список членов Государственной думы I, II, III, IV созывов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. В 12 томах. — М., 1997 (Приложение № 3).
- Ольшанский Н.Н. Четвертая Государственная дума. Портреты и биографии. — СПб., 1913. — С. 240.
- Отчет по Казанскому юридическому обществу (за 1899–1904 гг.). — Казань, 1900–1905.
- Памяти профессора Г.Ф.Шершеневича. Сборник статей по гражданскому и торговому праву. — М., 1915. — С. 486.
- Первая Российская Государственная дума / Литературно-художественное издание под ред. Н.Пружанского. — СПб., 1906. — С. 129.
- Пергамент М.Я. Памяти Г.Ф. Шершеневича // Право. — 1912. — № 37.
- Пергамент М.Я. Памяти Г.Ф.Шершеневича // Вестник Гражданского права. — 1913. — № 1.
- Пергамент М.Я. Памяти двух русских цивилистов (Энгельман и Шершеневич). — СПб., 1913. — С. 14.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908. — СПб., 1908. — Т. 1–2.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия вторая. 1908–1909. — СПб., 1909. — Т. 1–2.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия третья. 1909–1910. — СПб., 1910. — Т. 1–2.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910–1911. — СПб., 1911. — Т. 1–5.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911–1912. — СПб., 1912. — Т. 1–5.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912–1913 гг. — СПб., 1913. — Т. 1–6.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1913–1914 гг. — СПб., 1914. — Т. 1–10.
- Проект положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи, выработанный 4-м съездом. — СПб., 1914. — С. 28.
- Протоколы заседания Общества от 7 января и 27 апреля 1908 г. // Труды ОАЭИ за 1908 г. — Казань, 1909. — Вып. XXV.
- Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов в 70-х гг. в Казани // Вестник хирургии и пограничных областей. — Л., 1929.
- Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. Разработано ЦСК МВД по данным первой всеобщей переписи 1897 г. — М., 1901.
- С.Г. Орывки из воспоминаний. 1874–1877 / Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Казанского университета. — Казань, 1904. — С. 274–311.
- Санкт-Петербургская судебная палата (дело о выборгском воззвании) // Право. — 1909. — № 3. — С. 164–168.
- Смирнов А.В. Крестовоздвиженская церковь при императорском Казанском университете. — Казань, 1904.
- Сыромятников Б.И. Памяти Г.Ф. Шершеневича // Вестник воспитания. — 1912. — № 6.
- Тан-Богораз В.Г. Мужики в Государственной думе. — М., 1907. — С. 72.
- Тезяков Н.И. Из пережитого // Казанский медицинский журнал. — 1930. — № 5–6.
- Тельберг Г.Г. Н.П. Загоскин. Критико-биографические заметки. — М., 1914.
- Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. — М.: Слово, 1998. — С. 560.
- Усал М.-Ф. (М.-Ф. Туктаров) Беренче, икенче вѣлченче Думада мѣселман депутатлар иѣм аларныѣ кылган эшлѣре. — Казань, 1909.
- Цитрон А. 103 дня Второй Думы. — СПб., 1907. — С. 188.
- Цитрон А. 72 дня первого парламента. — СПб., 1906.
- Члены 2-й Государственной думы. — СПб., 1907. — С. 27–28.

Шершеневич Г.Ф. Вопросный лист (к законопроекту о торгово-промышленных служащих). Б/м, б/д. 2 л.
Шингарев А. Законодательная инициатива членов Государственной думы и Государственного совета // Русская мысль. — 1912. — № 9. — С. 1–25; № 10. — С. 93–122.

Исследования

- Аврах А.Я. Царизм и третьиоюнская система. — М., 1966.
Аврах А.Я. Царизм и 4-я Дума. 1912–1914. — М., 1981.
Айда А. Садри Максуди Арсал / Пер. с тур. — М., 1996. — С. 360.
Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). — Казань, 2003. — С. 207.
Амирханов Р.У. Гали рухлы шһхес // Мирас. — 1992. — № 8. — 72–79 б.
Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). — М., 1988.
Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток — Запад» (на примере развития русской культуры). — Казань, 2002. — С. 240.
Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. — Казань, 2005. — С. 152.
Бабин В.Г. Национальный вопрос и проблемы образования в Государственной думе России. 1906–1917 гг. — Барнаул, 1997. — С. 201.
Бажанов В. Путь «работы на пользу своего народа» // Татарстан. — 1992. — № 9, 10. — С. 94–97.
Бажанов В.А. Александр Васильевич Васильев. 1853–1929. — Казань, 2002.
Бажанов В.А. Николай Александрович Васильев, 1880–1940. — М., 1988.
Бертуган Рһмиевлр: Фһнни-биографик кыентык. — Казан: Рухият, 2002. — 368 б.
Валеев Р.М., Темиргеев М.-Н.А. Александр Касимович Казем-Бек. 1802–1870. — Казань, 2005. — С. 32.
Валиди Дж. Очерки истории литературы и образованности татар. — Пг. — М., 1921.
Власть и реформы: от самодержавной к советской России / Под ред. Б.Ананьича. — СПб., 1996. — С. 800.
Вульфсон Г.Н. Константин Лаврский и его историко-социологическое исследование «Татарская беднота» // Татарстан. — 1992. — № 9, 10. — С. 102–110.
Гаффарова Ф.Ю. Садри Максуди (1906–1924 еллар). — Казан, 2001. — 262 б.
Гаффарова Ф.Ю. Мин миллһтемнеһ баласымын. — Казан, 1997. — 124 б.
Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. — Казань, 1941.
Госманов М., Тагиров И. Цади Атласи турында // Казан утлары. — 1986. — № 11.
Государственная дума. 1906–1917: Путеводитель по национальным коллекциям крупнейших библиотек Российской Федерации. — М.: Издание Государственной думы, 2001. — С. 175.
Демин В.А. Государственная дума России (1906 — 1917): Механизм функционирования. — М.: РОССПЭН, 1996. — С. 216.
Дорская А.А. Российское законодательство о свободе совести в 1905 — 1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX — XX вв. — СПб., 1999. — С. 354–363.
Емельянова И.А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917. Очерки. — Казань, 1998. — С. 150.
Журавлев В.В. Проблема земельной собственности в зеркале Государственной думы России. 1908–1917 гг. // Собственность на землю в России: история и современность / Под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 297–348.
Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. — С. 223.
Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. — М., 1991.
Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 г.). — М., 2003.
Казанские дореволюционные периодические издания на русском языке (1881 — 1917) // Гасырлар авазы — Эхо веков / Сост. т. Р.Амирханов. — Казань, 1999. — № 1, 2. — С. 312 — 320.
Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2001. — № 3, 4. — С. 86–122.
Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России: 1906 — 1907. — М., 1996. — С. 240.
Козьмодемьянский городской голова П.Ф.Бычков. — Йошкар-Ола, 2002. — С. 56.
Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет. — Казань, 1930.
Корбут М.К. Рабочее законодательство третьей Государственной думы. — Казань, 1925. — С. 23.
Малаховский Г.В. Биографии гг. членов Государственной думы. — СПб., 1906. — С. 104.
Мальшиева С.Ю. Фуад Туктаров // Казан утлары. — 1996. — № 5.
Мальшиева С.Ю. Казанец — министр Временного правительства // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 1999. — № 1, 2. — С. 276–279.
Материалы юбилейной Всероссийской научной конференции «Два века юридической науки и образования в Казанском университете» (Казань, 13–14 мая 2004 г.). — Казань: Центр инновационных технологий, 2004. — С. 664.
Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар: борьба вокруг школьного вопроса. 1861 — 1917. — Казань, 1982.
Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. — Уфа, 1998. — С. 384.
Мухаметшина Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии в конце XIX — начале XX в.: Автореф. канд. дис. — Казань, 2000.
Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI — начале XX века (политико-правовой аспект) // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. — М., 2001. — С. 298–316.
Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI — XVIII вв. — Казань, 2002. — С. 232.
Ольховский Е.Р. Казанские революционно-народнические кружки в 80-х годах XIX века // Россия в XIX—XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш.Ганелина. — СПб., 1998. — С. 188–195.
Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / Под ред. М.Д.Карпачева, М.Д.Долбилова, А.Ю.Минакова. — Воронеж, 2004. — С. 472.
Россия в начале XX века / Под ред. академика А.Н.Яковлева. — М.: Новый хронограф, 2002. — С. 744.
Рһми И.Г., Даутов Р.Н. Ёдһби сһзлек (элекке чор татар һдһбияты цһм мһдһнияты буенча кыскача белешмһлек). — Казан, 2001. — 399 б.
Садри Максуди: тарих цһм хһзерге заман. Мһкалһлр кыентыгы. — Казан, 1999. — 256 б.
Садри Максуди: тарих цһм хһзерге заман. — Казан, 2004. — 104 б.

- Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX — начала XX вв. — Казань, 2001. — С. 124.
- Салихов Р., Хайрутдинов Р., Хайрутдинова Л. Очерки истории Национального банка РТ. — Казань, 2000. — С. 200.
- Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской Империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. — М., 1998. — С. 624.
- Съезды и конференции кадетской партии в 3 т. 1908–1914 гг. — М., 2000. — Т. 2. — С. 655.
- Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX — начало XX вв.). — М., 1999. — С. 312.
- Тебиев Б.К. На рубеже веков: правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX — начала XX веков. — М., 1996.
- Усманова Д.М. Воспитанники и представители Казанского университета в Государственной думе и Госсовете России. 1906–1917 гг. // Великий Волжский путь: История формирования и культурное наследие. Материалы III этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Астрахань-Махачкала-Баку-Тегеран-Актау-Астрахань, 3–14 августа 2003 г. — Казань: Институт истории АН РТ, 2004. — Ч. 2. — С. 89–110.
- Усманова Д.М. Депутаты Государственной думы от Казанской губернии: социальный и политический портрет (в свете избирательных кампаний 1906 — 1912 гг.) // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века: Сборник научных статей и сообщений / Сост. Н.А.Федорова. — Казань: Хэтер (Тарих), 2003. — С. 344.
- Усманова Д.М. Депутаты Государственной думы от юго-восточного региона Татарстана // Из истории Альметьевского региона. — Казань: Татполиграф, 1999. — С. 180–186.
- Усманова Д.М. Из рода Алкиных // Татарстан. — 1993. — № 12.
- Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906 — 1917). — Казань, 1999. — С. 164.
- Усманова Д.М. Мусульманские депутаты Государственной думы о российско-турецких взаимоотношениях накануне и в период первой мировой войны (1907–1916) // Исторические записки. — М., 2005. — №8 (126).
- Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. — Казань, 2005. — С. 584.
- Усманова Д.М. Новые фотографии членов мусульманской фракции Государственной думы // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2001. — № 1, 2. — С. 48–53.
- Усманова Д.М. Профессор в Думе: парламентская деятельность Г.Ф.Шершеневича // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник научных статей и сообщений / Сост. и отв. ред. Г.П.Мягков и Е.А.Чиглинцев. — Казань, 2005. — С. 135–143.
- Усманова Д.М. Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906–1917. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. — С. 140.
- Усманова Д.М. Садри Максуди в Государственной Думе России: вопрос о праздничных днях в деятельности мусульманской фракции // Садри Максуди: тарих җәм хәзерге заман. — Казан, 2004. — 37–57 б.
- Усманова Д.М. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 1997. — № 1, 2. — С. 164–170.
- Фархитов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. — М., 1994.
- Фархитов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века. (1900–1917) — Уфа, 2000.
- Фахрутдинов Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX — начале XX века (очерки политической истории). — Казань: Магариф, 1998. — С. 127.
- Хабутдинов А.Ю. Невостребованное наследие. Мусульманская фракция в Государственной Думе: Миф и реальность // Казань. — 1998. — № 7, 8. — С. 28–33.
- Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века. — Казань, 2001. — С. 383.
- Хәбибрахманова А. Казан сҗыя фиркалһре арасында депутат мандатлары җәчен кләрһш (I–III Дума) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2004. — № 1. — 221–226 б.
- Чугунова Н.С. Воспитанники Казанского университета — депутаты Государственной думы России // Прошлое далекое и близкое... (По страницам рукописей и редких книг). — Казань, 1993. — С. 86–106.
- Шагалов В. Ученый, врач, общественный деятель // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 1997. — № 1, 2. — С. 160–163.
- Шарифжанов И.И. Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете. — Казань, 2002.
- Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. — Казань, 2004. — С. 416.
- Циунчук Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе 1916–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). Сборник научных статей. — М., 1997.
- Циунчук Р.А. Российская империя как система «центр — регионы»: генезис, развитие, кризис // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. — М., 2001. — С. 126–144.
- Элерт А.А. Из истории общественно-политической борьбы в Казанской губернии на выборах в первую Государственную думу // Революционно-освободительное движение в XIX–XX вв. в Поволжье и Приуралье. — Казань, 1974. — С. 76–93.
- Юридический факультет Казанского университета: Два века образования и науки. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. — С. 180.
- Ямаева Л.А. Мусульманская фракция // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. — М., 1999. — Вып. II.
- Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). — Уфа, 2002. — С. 300.
- Geraci R. Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. — Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
- Werth P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and the Confessional Politics in Russia's Volga — Kama Region, 1827–1905. — Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
- Статьи в энциклопедических изданиях и словарях:**
- Айнуртдинова Л.М. Боратынский А.Н. // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. — Т. 1. — С. 451.
- Айнуртдинова Л.М. Герасимов М.Н. // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. — Т. 2. — С. 93.
- Айнуртдинова Л.М. Годнев И.В. // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. — Т. 2. — С. 132.

- Айнутдинова Л.М.* Дунаев С.В. // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. — Т. 2. — С. 320.
- Айнутдинова Л.М.* Ершов П.А. // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. — Т. 2. — С. 362.
- Берсон М.* Мандельштам М.Л. // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. 1804–1904. — Казань, 2002. — Т. 1. — С. 323.
- А.В.Васильев* // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. — Т. 1. — С. 541.
- Гусаров Ю.В.* А.В. Федоров // Краткая Чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001. — С. 426.
- Гусаров Ю.В.* П.А. Федоров // Краткая Чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001. — С. 427.
- Дедков Н.* М.Л. Мандельштам // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. — М., 1996. — С. 340–341.
- Н.П.Ефремов* // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. — Т. 2. — С. 365.
- Изоркин А.В.* Д.А.Кушников // Краткая Чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001. — С. 241.
- Изоркин А.В.* К.В.Лаврский // Краткая Чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001. — С. 242.
- Изоркин А.В.* А.Л.Лунин // Краткая Чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001. — С. 254.
- Изоркин А.В.* Таланцевы // Краткая Чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001. — С. 526.
- Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / Сост. Г.А.Двоеносова. — Казань: Гасыр, 2001. — С. 640.
- Орлов В.В.* Ефремовы // Краткая Чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001. — С. 161.
- История России с древнейших времен до 1917 года. Отечественная история / Энциклопедия. — М., 1994–1996. — Т. 1–2.
- Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В.Волобуев. — М: Большая Российская энциклопедия, 1993. — С. 432.
- Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века / Энциклопедия. — М., 1996. — С. 872.
- Усманова Д.М.* Алкин Саид-Гирей // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. — Т. 1. — С. 112.
- Усманова Д.М.* Еникеев Г.Х. // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. — Т. 2. — С. 353.
- Усманова Д.М.* Выборгское воззвание // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. — Т. 1. — С. 650.
- Циунчук Р.А.* Бадамшин Г.С. // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. — Т. 1. — С. 270.
- Щелоков О.* Г.Ф.Шершеневич // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. — М., 1996. — С. 696–698.

Научное издание

Усманова Дилляра Миркасымовна

ДЕПУТАТЫ ОТ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИИ. 1906–1917

Редактор *И.Ф.Сафин*

Художник *И.Р.Шамсутдинов*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ф.Р.Гисматуллина*

Корректор *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

Оригинал-макет подписан в печать 27.11.2006. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Arial Cyr». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,08.+форз. 0,21. Усл. кр.-отт. 27,34. Уч.-изд.л. 26,72+форз. 0,36. Тираж 1000 экз. Заказ 3-941.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул.Декабристов, 2.